

Анит Кейр

КАТАРСИС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анит Кейр Катарсис

Серия «Терапия Хаосом», книга 2

<https://litres.ru/73935374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ангедония была защитой. Когда она ушла - началась настоящая битва.

Это история девушки, которая всю жизнь искала безопасность. И каждый раз оказывалось, что безопасность - это всего лишь ловушка.

Кая Смит - хрупкая блондинка с разноцветными глазами и руками, которые умеют убивать. Она думала, что оставила прошлое позади. Но однажды в её жизни появляются двое мужчин, и вся прежняя жизнь летит под откос.

Что случилось с Сильваном Ричардсоном? И кто такой загадочный Дарелл Грейвс - мужчина, который знает о ней слишком много? Верить ему? Бояться его? Или он - единственный, кто может её спасти?

Когда-то она была Каталеей Динарди - наследницей могущественного преступного Синдиката. Она сбежала от своего прошлого, от своей семьи, от монстра, который считает её своей собственностью.

Но прошлое не умирает. Оно всегда знало, где её найти.
И теперь пришло за ней.

Содержание

Предисловие	6
Пролог	9
Глава 1	19
Глава 2	29
Глава 3	37
Глава 4	46
Глава 5	53
Глава 6	66
Глава 7	76
Глава 8	93
Глава 9	109
Глава 10	127
Глава 11	136
Глава 12	141
Глава 13	146
Глава 14	154
Глава 15	167
Глава 16	178
Глава 17	195
Глава 18	204
Глава 19	223
Глава 20	232
Глава 21	241

Глава 22	257
Глава 23	272
Глава 24	291
Глава 25	306
Глава 26	319
Глава 27	338
Глава 28	352
Глава 29	362
Глава 30	376
Глава 31	392
Глава 32	402
Глава 33	416
Глава 34	423
Глава 35	446
Глава 36	458
Глава 37	476
Глава 38	489
Глава 39	498
Глава 40	509
Глава 41	519
Глава 42	532
Глава 43	542
Конец ознакомительного фрагмента.	545

Анит Кейр Катарсис

Предисловие

Посвящается тем, кого разбили, но не уничтожили.

*Кому хватило смелости уйти — пусть покалеченными,
ми,*

но не сломленными.

*Тем, кто собрал себя обратно и научился жить с
этим узором.*

Вы прекрасны.

Но, моя дорогая,
Ты с дьяволом самим на «ты».

Тебе ли пламени бояться?

— Иоганн Вольфганг Гёте

«Фауст»

Пролог

Колумбия.

15 лет назад.

Горячий ветер гнал раскаленные песчинки по огороженной высоким забором частной земле, приятно обжигал кожу до выступающего пота и развеивал длинные волнистые волосы цвета молодой пшеницы.

Девочка сидела на раскалённой плитке патио, очищая апельсин. Нож был слишком большим для её маленьких рук, но она уже умела с ним обращаться. Кожура спадала длинной, непрерывной лентой, а глаза цвета мха заворуженно ловили отблески лезвия. В воздухе пахло горечью и солнцем.

— Mariposa, — раздался голос за спиной.

Каталя обернулась. Дедушка стоял на пороге, и даже здесь, в домашней рубашке, с чашкой кофе в руке, он казался скалой, о которую разбиваются волны.

Алехандро Динарди.

Он был высоким и стройным, не как его мускулистые охранники. Но когда он входил в комнату, замолкали даже цикады. У него был тихий голос и глаза человека, который видел, как горит земля. Сегодня в них полыхал какой-то странный огонь.

— Иди сюда, — позвал он.

Она подошла, держа в руках очищенный апельсин. Дедушка присел перед ней на корточки, оказавшись с ней на одном уровне. В доме было тихо. Слишком тихо для субботнего утра.

— Что случилось, дедушка? — спросила Катаlea, чувствуя напряжение кожey.

— Сегодня я покажу тебе, почему люди, которые нас не знают, боятся произносить нашу фамилию, — тихо сказал он. — Пойдём. У нас гости.

Дедушка взял её за руку и повёл в большой зал. Она почувствовала, как его пальцы чуть сильнее сжали её ладошку. В этом жесте было предвкушение и нетерпение безумца.

На полу, выложенном дорогой мозаикой, в круглом зале стояли на коленях трое мужчин. Руки связаны за спиной, одежда испачкана, рты заткнуты кляпами. Вдоль стен застыли люди дедушки — *лос омбрес де сомбра*, люди тени. Они не смотрели на пленников, они смотрели на Алехандро. Ждали.

Каталее стало страшно. Ей было всего восемь, но она знала, что это такое. Однако дедушка учил её никогда не показывать страх. Никогда.

— Эти люди, — Алехандро указал на трясущегося мужчину слева, — работали на нас десять лет. В прошлом месяце в Медельине пропал груз. Наши люди погибли. Этот, — он ткнул носком ботинка в первого, от чего мужчина забился в истерике, — продал информацию лос хентес. Людям из

северного картеля.

Дедушка плюнул на пол и перевёл взгляд на двух других.

— А эти... эти знали. Знали и молчали. Смотрели, как наши люди умирают, и думали, что если спрячут голову в песок, то их не тронут.

Он подошёл к первому. Тот что-то мычал под кляпом, слёзы текли по его лицу, смешиваясь с потом и грязью.

— Все думают, что мы — просто бандиты, — продолжил дедушка, не повышая голоса. — Думают, что мы убиваем из жадности. — Он усмехнулся, и в этой усмешке Каталя впервые увидела что-то пугающее. Не решимость, а безумие. Тихое, ласковое безумие человека, который слишком долго играл в бога.

Алехандро снял с пояса небольшой нож, которым Каталя видела, как он режет мясо к обеду. Провёл пальцем по лезвию, любясь отблеском света.

— Мы не начинаем войны, мы их заканчиваем. — Он взглянул на внуку. Его глаза оставались тёплыми, но в глубине плескалось что-то тёмное, голодное. — И наши люди знают: предать нас — значит не просто умереть. Мы уничтожим всё, что им дорого.

Он сделал шаг к первому пленнику.

— Дедушка, — пискнула Каталя.

Он остановился. Обернулся. Медленно, как змея, почуявшая добычу.

— Ты хочешь, чтобы я остановился, Mariposa?

Она посмотрела на трясущегося мужчину. Такого жалкого, такого раздавленного. Потом перевела взгляд на второго. Тот смотрел в пол, прерывисто дыша, губы шевелились в беззвучной молитве. Третий же... Третий смотрел на Алехандро с ненавистью. В его глазах было обещание: если он выживет, он будет мстить. Будет резать их ночью, жечь их дома, убивать их детей.

И Катаlea вдруг поняла: иногда настоящий страх рождает не тот, кто кричит, а тот, кто молчит и ждёт своего часа.

Затылок и шея покрылись мурашками. Странное чувство пробралось в грудь, будто кто-то вцепился когтями в грудную клетку изнутри. Это был не страх. Это было... желание.

Она хотела увидеть, как погаснет ненависть в глазах третьего.

— Нет, — твёрдо сказала девочка, и её голос прозвучал в тишине зала как удар хлыста. — Ты прав. Они должны заплатить.

Алехандро улыбнулся той редкой, настоящей улыбкой, которую видели только свои. Но сейчас в этой улыбке было что-то хищное и гордое.

— Запомни этот день, Катаlea. Нас боятся потому, что мы не прощаем. Потому что мы жестоки в своей мести. Потому что Динарди — это суд, бог и дьявол в одном лице.

Алехандро подошёл к первому пленнику. Тот попытался встать с колен и побежать, но один из людей дедушки молниеносно схватил его и пригвоздил к месту железной хват-

кой. Предатель забился так, что, казалось, кости хрустнут.

— Ты продал нас за деньги, — ласково сказал Алехандро. — За тридцать сребреников, да? — Он рассмеялся, и смех эхом разнёсся по залу. — Я не Иуда, *hijo de puta*. Я хуже.

Алехандро выдернул кляп изо рта мужчины, и тот закричал. Закричал так, что у Каталеи заложило уши, но она не отвела взгляда.

— Пожалуйста, пожалуйста, шеф, у меня семья, дети, жена...

— Знаю, — кивнул дедушка. — Красивая жена. Я видел её на прошлой неделе на рынке. Она покупала фрукты. Дочка твоя, маленькая Паула, просила сладости.

Мужчина замер. В его глазах появилось такое, что Каталея потом видела только у приговорённых к смерти — абсолютный, всепоглощающий ужас.

— Не трогай их, прошу шеф, не трогай...

— А я и не трону, — Алехандро наклонил голову, и в этом движении было столько фальшивого недоумения, что даже его люди переглянулись. — Зачем мне их трогать? Пусть живут. Пусть каждый день просыпаются и вспоминают, какой кусок дерьма был их муж и отец. Пусть соседи показывают на них пальцами. Пусть живут с позором до конца своих дней. Это страшнее смерти, *mi amigo*. Смерть — это милосердие.

Он провёл ножом по щеке мужчины, не разрезая, просто дразня.

— А тебе я подарю милосердие. Смотри.

То, что произошло дальше, Катаlea запомнила на всю жизнь. Дедушка работал медленно. Очень медленно. Он словно наслаждался каждым мгновением, каждым звуком.

Первый крик был громким. Второй — тише. Спустя десять минут мужчина уже не кричал, а хрипел, булькал, захлёбывался собственной кровью. Алехандро не спешил. Он резал, отсекал, кромсал с выражением глубочайшей сосредоточенности на лице, как скульптор, работающий над шедевром.

— Смотри, Mariposa, — позвал он, не оборачиваясь. — Смотри, как уходит жизнь. Сначала страх, потом ненависть и боль, потом пустота. Видишь?

Катаlea смотрела. Внутри неё что-то мурлыкало, потягивалось, просыпалось. То непонятное *нечтос* когтями, что вцепилось в грудь, теперь довольно урчало, наблюдая за кормёжкой.

Когда с первым было покончено, Алехандро выпрямился. Весь в крови, с безумным блеском в глазах, он повернулся ко второму пленнику, что дрожал от увиденного ужаса.

— Ты знал и молчал. — Он вытер лоб тыльной стороной ладони, размазывая кровь по лицу. — Ты не предавал, но ты позволил предательству случиться. Что мне делать с тобой?

Второй мужчина мычал в кляп, трясаясь так, что, казалось, его вывернет наизнанку.

Алехандро выдернул кляп.

— Говори.

— Я... я боялся, шеф... у меня мать, она старая, она живёт в Медельине, они сказали, что убьют её, если я скажу...

— А-а-а, — протянул дедушка. — За мать боялся. Похвально.

Он задумался, постукивая ножом по бедру. Кровь с лезвия брызгала на светлые брюки, оставляя тёмные пятна.

— Значит, так. Ты пойдёшь к лос хентес. Прямо сейчас. Ты скажешь им, что Алехандро Динарди передаёт привет. И что скоро он придёт лично.

Мужчина смотрел на него, не веря своему счастью.

— Ты отпускаешь меня?

— Отпускаю. Но запомни, *sabón*: если ты не пойдёшь, если сбежишь, если спрячешься — я найду твою мать. И привезу её сюда. Мы все посмотрим, как она будет умирать. Договорились?

Мужчина закивал, размазывая слёзы.

— Пошёл вон.

Лос омбрес разрезали веревки, связывающие мужчину, открыли дверь, и второй пленник вылетел пулей.

Алехандро повернулся к третьему. Тот смотрел на него спокойно. Даже когда дед приблизился, даже когда нож упёрся ему в горло, он не дрогнул и не отвел взгляд.

— А ты, — тихо сказал Алехандро. — Ты не боишься.

— Боюсь, — ответил третий, когда кляп вынули. Голос был ровным. — Но страх не заставит меня ползать на коленях перед безумцем.

Дедушка замер. А потом расхохотался. Искренне, весело, как над хорошей шуткой.

— Безумец! Ты слышала, *mariposa*? Он назвал меня безумцем!

Каталей смотрела на третьего и чувствовала странное уважение. Этот не просил пощады. Этот принимал смерть достойно.

— За это, — сказал Алехандро, вытирая слёзы смеха, — я подарю тебе быструю смерть. Рассмешил старика.

Алехандро полоснул ножом по горлу так быстро, что Каталей даже не успела моргнуть. Кровь хлынула фонтаном, заливая мозаику, обувь деда, подол её собственного платья.

Третий упал лицом вниз и затих.

Дедушка стоял над ним, тяжело дыша. Глаза его горели безумным огнём, руки дрожали от выброса адреналина. Он выглядел... счастливым.

Через минуту он моргнул, и безумие ушло. Осталась только усталость и та тёплая доброта, которую Каталей знала с младенчества.

Он аккуратно вытер руки белоснежным платком, потом убрал в карман.

— Унесите, — бросил он подчиненным.

Когда всё закончилось и тела унесли, Алехандро подошёл к Каталее, присел перед ней на корточки. От него пахло железом и потом.

— Ты знаешь, почему ты носишь мою фамилию, а не фа-

милию своего отца?

Она кивнула.

Каталея не помнила своего папу. Когда её мама после очередного бунта против отца-Алехандро вернулась домой с младенцем в руках, она не назвала отца ребёнка. Это было и неважно. Все дети с кровью Динарди обязаны носить эту фамилию, потому что «нет крови сильнее на свете». Её мама была не согласна с дедом. И не только в этом.

— Твоя мать думает, что я — чудовище, — сказал Алехандро, будто читая её мысли. — Может, она и права. Но чудовища нужны, Каталея. Кто-то должен держать ствол, чтобы другие могли спать спокойно. Оба континента боятся нас, потому что мы — единственные, кто не подчиняется их правилам. Мы — государство внутри государства. Мы — закон там, где их закон бессилён.

Он взял её лицо в свои ладони. Руки у него были тёплыми и липкими от чужой крови.

— Когда-нибудь ты займёшь моё место, Mariposa. Ты будешь сильной, как я, и установишь свои правила, которым все будут подчиняться. А Феликс... — он запнулся, и в глазах мелькнуло что-то тёмное, — Феликс поможет тебе. Но запомни. Никогда не убивай со страхом. Только с огнём внутри, который не греет, а выжигает. Иначе ты не заслуживаешь быть Динарди.

Дедушка поцеловал её в лоб и ушёл, оставив после себя запах смерти и крепкого кофе.

Каталей осталась стоять посреди зала, который уже начали мыть, но запах металла всё ещё витал в воздухе и въедался в волосы, в одежду, в кожу, в память.

Она посмотрела на апельсин в своей руке. Весь этот час, пока длилась казнь, она сжимала его, даже не замечая. Фрукт покраснел от крови, брызнувшей с тел предателей.

Девочка медленно, кусочек за кусочком, съела апельсин. Сладкий сок смешивался с горьким привкусом железа на губах. Она жевала и чувствовала, как *нечто* внутри довольно облизывается.

С того дня она больше никогда не ела апельсины.
Но вкус крови запомнила навсегда.

Глава 1

**Если нас уколоть – разве у нас не идет кровь?
Если нас пощекотать – разве мы не смеемся?
Если нас отравить – разве мы не умираем?
А если нас обидают – разве мы не должны мстить?
— Уильям Шекспир**

Сейчас.

Где-то в безопасном доме.

Беспощадное июльское солнце выжигает асфальт на Манхэттене и прогоняет разумных жителей подальше от города. Куда-нибудь к океану — в Хэмптонс, на Файр-Айленд. Или вовсе на лазурные берега в Европу, на Карибы, куда угодно, лишь бы подальше от этой раскалённой печи.

В Нью-Йорке слишком жарко. Слишком пыльно. Слишком душно.

И просто *слишком*.

Слишком много всего навалилось. Друзья предали. Бывший босс подставил. Единственный человек, которому мне казалось, я могу доверять, — Сильван — пропал. Растворился. Оставил после себя только лужи крови на полу и вопро-

сы без ответов. Дарелл... Дарелл вообще отдельная история. Телохранитель, который казался чем-то большим, но так и не стал моим.

Я закрываю глаза и тру виски кончиками пальцев. Мысли путаются, натываются друг на друга, как пьяные в ночном метро.

Таунхаус, который я сняла, прячется в тени старых дубов и клёнов. Район Катскильских гор — идеальное место, чтобы залечь на дно. Два часа на машине от города, ни одного любопытного соседа поблизости, только пара таких же летних домов в отдалении, и те пустуют в будние дни. Городские приезжают только на выходные, чтобы поплавать в озере, подышать воздухом и почувствовать себя живыми.

Я приехала сюда не чувствовать себя живой. Я приехала выжить.

На деньги, которые удалось получить в банке со счёта Динарди, я сняла этот дом наличными на три месяца вперёд. Без документов, через подставное лицо. Хозяйка — пожилая итальянка, которая живёт в соседнем посёлке круглый год — только пожала плечами, когда я попросила не задавать вопросов и сунула лишние пять тысяч баксов. Ей нужны деньги, мне нужна тишина. Честный обмен.

Меньше соседей — меньше любопытных глаз. Меньше любопытных глаз — меньше проблем.

А проблем в скором времени предвидится *до хрена*.

Я сижу на холодном полу в гостиной, прижимая колени к

груди. Спина упирается в стену, единственная опора в этом мире, где всё рухнуло. Плотно задернутые шторы не позволяют безжалостному солнцу проникать в моё убежище. Здесь царит полумрак, прохлада и тишина. Только где-то далеко стрекочут цикады, да ветер шелестит листвой.

Когда я назвала своё настоящее имя в том банковском хранилище, я знала, что запускаю механизм, который нельзя остановить. Словно нажала красную кнопку, которая запустила обратный отсчёт.

Семь лет я пряталась. Чужие имена и чужие жизни, которые я носила как маски. Кая Смит была самой удачной — обычная девушка с обычной работой и необычным хобби.

Но маски падают. Всегда.

Запрокидываю голову, снова закрываю глаза, и впервые за много лет чувствую не пустоту, а животный страх. Тот самый страх, который внушает другим фамилия Динарди.

Иронично, правда?

Те, кого боятся оба американских континента, теперь сами боятся. Боятся, что их найдут. Боятся, что их вернут. Боятся, что придётся смотреть в глаза человеку, которого надеялись больше никогда не встретить.

От мысли *о нём* внутри всё переворачивается. Чувствую, как желчь подступает к горлу. Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Боль отрезвляет, возвращает в реальность.

Никогда не убивай со страхом. Только с огнем внутри.

Голос бабушки звучит в голове так отчетливо, будто он стоит за спиной. Странно, но именно сейчас, когда я сижу на полу в чужом доме, прячась от всего мира, я чувствую его присутствие сильнее, чем когда-либо.

Прошла уже неделя с моего визита в банк. Неделя с момента, как я раскрыла свою личность. Семь дней я ждала удара, вслушивалась в каждый шорох, вздрагивала от каждого звонка.

Но никто не пришёл.

Никто не выбил дверь посреди ночи. Никто не похитил меня по дороге в магазин. Никто даже не позвонил.

Может, я зря волновалась? Может, я ему больше не нужна? Возможно, он нашёл себе другую игрушку?

Или мне просто повезло?

Усмехаюсь собственному наивному вопросу. Динарди не верят в везение. Динарди верят в расчёт, в терпение и в то, что жертва всегда приходит сама, если достаточно долго ждать.

Но всё же... неделя тишины.

Осторожно, стараясь не шуметь, я поднимаюсь с пола. Босые ноги ступают по прохладному дереву. Медленно, очень медленно, подхожу к зашторенному окну.

Вдох.

Выдох.

Аккуратно подцепляю пальцами край тёмной бархатной шторы. Ткань тяжёлая и плотная; хозяйка явно не экономила

на защите от солнца.

Медленно отодвигаю её в сторону.

Свирепый свет врывается в комнату, прочерчивает золотисто-жёлтую полосу по деревянному полу и задевает лучом моё оголённое бедро. Из-за контраста между прохладой комнаты и жаром солнца на коже сразу проступают мурашки.

Я смотрю на свои ноги и на секунду замираю. Шрамы. Множество мелких шрамов, которыми покрыто моё тело. Карта боли, которую Джон рисовал на мне годами. Некоторые почти незаметны, другие тонкие белые линии, пересекающие кожу как напоминание. Напоминание о том, что я выжила. Что я сильнее. Что меня не сломать.

Поднимаю глаза и выглядываю в щель между шторой и стеной.

За окном — никого.

Только лес. Старые дубы, клёны, где-то вдалеке тёмная стена сосен. Воздух дрожит от жары, и лес кажется немного размытым, как на старых фотографиях. Пустая грунтовая дорога петляет между деревьями и исчезает за поворотом. Вдалеке, метрах в трёхстах, виднеется соседний таунхаус. Ставни закрыты, машины нет, никаких признаков жизни.

Перевожу взгляд на небо. Ярко-голубое, без единого облачка. Такое беззаботное, такое равнодушное к тому, что творится внизу.

Ни вертолётов. Ни дронов. Ничего.

Просто обычный летний день в Катскиллах.

Я отпускаю штору, и комната снова погружается в полумрак. Прислоняюсь лбом к прохладной стене и позволяю себе выдохнуть.

Может, я действительно в безопасности.

Но мои тёмные звери, которые не раз спасали мне жизнь, точат когти где-то под ложечкой. Они шепчут мне, что тишина бывает разной. Бывает тишина мира, а бывает тишина засады.

Я отхожу от окна и сажусь на выдавший виды диван. Обхватываю себя руками и смотрю в одну точку.

Прошло семь лет с тех пор, как я сбежала. Пять лет, как похоронила Каталею Динарди под обломками брака с Джоном. Чужие имена, чужие жизни, которые я примеряла на себя, как платья в магазине. Ничто из этого не уберегло меня от судьбы, от которой мама пыталась меня спасти. И ничего из этого не смогло уберечь меня от меня самой.

Потому что внутри я всегда знала.

Знала, что однажды придётся вернуться. Знала, что кровь Динарди не смыть никакими новыми именами. Знала, что дедушкины уроки не просто слова, а генетический код, вшитый в каждую клетку моего тела.

Я смотрю на свои руки. Руки, которые чистили апельсин в тот день. Руки, которые держали нож несколько лет спустя. Руки, которые убивали.

Пора перестать прятаться.

Мысль приходит внезапно, но когда появляется, я пони-

маю, что она зрела давно. Все эти годы, пока я обманывала, воровала, мстила, выживала, я всего лишь оттягивала неизбежное.

Пора перестать жить чужими страхами и эмоциями.

Маминой ненавистью, что заставляла её презирать деда и дядю Феликса. Страхом Джона, который боялся, что я уйду, и потому бил сильнее. Манипуляциями Джексона, который хотел меня контролировать и потому врал об истинных целях — своих и Организации. Марком и Кларой, что обманывали меня столько раз, что и не счесть, потому что... да хрен знает почему.

Пора перестать жить по плану, который кто-то для меня написал.

Я притворялась и жила чужими эмоциями. Годами наблюдала за миром через стекло: видела всё, но ничего не чувствовала. Люди смеялись: я знала, что это смех, но не понимала, почему он вызывает у них такие лица. Люди плакали: я знала, что это горе, но не могла вспомнить, каково это — чувствовать боль внутри, а не просто наблюдать её со стороны.

Внутри была пустота. Холодная, звенящая, бесконечная пустота, которую я пыталась заполнить всем подряд: адреналином, опасностью, чужими деньгами, чужими мужчинами, чужими жизнями. Я крала не деньги — я крала ощущения. Но это работало лишь на время. А потом пустота только росла, пожирая меня изнутри.

Потому что моя истинная личность, моя истинная природа были спрятаны глубоко внутри, под слоями чужих ожиданий и собственных страхов. Я похоронила себя заживо, когда сбежала. И все эти годы жила как призрак. Присутствовала, но не существовала.

Теперь, когда я явила своё имя на свет, я будто призналась самой себе кем я являюсь на самом деле. Я вспомнила.

И сейчас я ощущаю *всё*.

Солнце, что печёт кожу — оно жжётся, и это чертовски приятно. Ветер из приоткрытого окна, что колышет волосы — щекотно, как в детстве. Холод под ступнями — деревянный пол отдаёт прохладой в пятки, и я чувствую каждую доску. Колотящееся сердце в груди — оно бьётся так сильно, что, кажется, рёбра вибрируют.

Я ощущаю горячий и обжигающий гнев, он поднимается из живота и требует выхода. Я ощущаю злость, она точит зубы и скалится на тех, кто посмел играть мной. И я ощущаю... радость.

Настоящую, дикую, первобытную радость от того, что я жива. Что пустота отступила. Что внутри больше не звенящая бездна, а целый зверинец.

Мои родные, любимые звери, которые уже проголодались. Они трутся о рёбра изнутри, щекочут позвоночник, царапают горло. Я слышу их рычание, и оно звучит как самая прекрасная музыка.

Я не нашла в себе сил расправиться со своими демонами.

Я и не хотела. Они — это я, а я — это они. Мы заключили выгодное перемирие. Я больше не сражаюсь *с ними* — я сражаюсь *вместе с ними*. И впервые за много лет чувствую себя *собой*.

Сильной.

Могущественной.

Живой.

Цельной.

Поднимаю голову и смотрю в темноту комнаты. Где-то там, в этой темноте, прячется та восьмилетняя девочка, которая смотрела на казнь и чувствовала не ужас, а восторг. Которая ела апельсин, пропитанный кровью, и не могла остановиться.

Она никуда не делась. Она ждала.

Всё это время ждала, когда я перестану прятаться. Когда я перестану притворяться кем-то другим. Когда я наконец признаю: та девочка, что пила кровь с апельсиновым соком — это и есть настоящая я. Не жертва. Не беглянка. Не Кая Вандербильт, что боится собственного мужа. Не Кая Смит, притворяющаяся нормальной.

А Каталея Динарди.

Назвав своё имя в банке, я открыла портал в ад. Думала, что ад придёт за мной. Думала, что Динарди явятся с армией лос омбрес и утащат меня обратно в клетку.

Но ад молчит.

Я встаю с дивана. Подхожу к окну. На этот раз отдёргиваю

штору решительно, без страха. Солнце заливает комнату, и я жмурюсь, но не отворачиваюсь.

Я больше не кукла в чужих руках.

Я, *блять*, владелица кукольного театра.

Мне нужно вернуться, чтобы найти ответы. Необходимо найти Сильвана, живого или мёртвого, но я должна знать правду. Выяснить, как к этому причастен Дарелл. И понять, кто из моих друзей на самом деле друг, а кто лишь играл эту роль, пока я слепо доверяла.

И главное — мне необходимо понять *зачем*.

Зачем Марк на самом деле оставил улики в деле Лоуэна? Зачем Джекс скрывал, что Марк — его сын? Зачем Сильван впустил меня в свою жизнь? Зачем Дарелл смотрел на меня так, будто я единственное, что имеет значение?

Ответы где-то там. В городе, который я ненавижу и люблю. В мире, который построили Динарди и который теперь ждёт свою наследницу.

Пришла пора выйти из тени на свет с гордо поднятой головой и занять чёрттов трон.

Который по праву *мой*.

Глава 2

**Мы идём, не ища друг друга,
но зная, что идём навстречу.
— Хулио Кортасар**

Неделю спустя.

Манхэттен, отель «Пьера».

Платье сидело идеально.

Длинное серебряное, дерзкое и бесстыдное, с разрезом до бедра и глубоким декольте, не скрывавшее ни единого шрама. Зачем прятать то, что сделало меня сильнее? Пусть смотрят. Пусть гадают, откуда эти тонкие белые линии на коже. Пусть боятся.

Волосы, убранные в высокую причёску, обнажали шею, делая её уязвимой мишенью. Демонстративная незащищённость — лучшая ловушка для хищника. Туфли на шпильках добавляли десять сантиметров роста и превращали походку в танец на лезвии ножа.

Я смотрела на своё отражение в зеркале гримёрки и не узнавала себя. Не Каю Смит, её я похоронила вместе с последними иллюзиями в таунхаусе в Катскиллах. И не ту восьмилетнюю девочку, что ела кровавый апельсин и чувствовала

ла восторг.

Передо мной стояла Каталея Динарди.

Та, кого боялись. Та, кого ждали. Та, кто наконец-то перестала бежать и пришла за своим.

— Ты готова? — спросила визажистка, которую я наняла через третьи руки и под чужим именем. Девушка понятия не имела, на кого работает, и это было идеально.

— Я родилась готовой, — усмехнулась я, поправляя клатч.

Внутри лежало только самое необходимое: помада, чтобы поправлять идеально выверенный образ; телефон с единственным сохранённым номером Джексона, который я пока не готова была набирать; и небольшой сюрприз на случай, если вечер пойдёт не по плану. Тонкое лезвие, вшитое в подкладку. Навыки, которым научил дедушка и довел до совершенства Джекс, не ржавеют.

Благотворительный гала-вечер в отеле «Пьера» собирал сегодня всех, кто хоть что-то значит в этом городе. Миллиардеры, политики, медийные лица, звёзды Голливуда и те, кто дергает за ниточки за их спинами. Идеальное место, чтобы заявить о своём возвращении.

Идеальное место, чтобы найти того, кто мне нужен.

Или тех, кто ищет меня.

Я вышла из гримёрки и направилась к главному залу. Сердце колотилось где-то в горле, но это был не страх. Это был азарт охотника, почуявшего след. Звери внутри доволь-

но потянулись, заскреблись когтями.

Наконец-то, — рычали они. — Наконец-то охота.

Зал сверкал хрустальными люстрами и бриллиантами на шеях жён нуворишей. Я взяла бокал шампанского с подноса проходящего официанта и скользнула в толпу, как нож в масло. Улыбалась, кивала, обменивалась ничего не значащими фразами с людьми, чьи имена читала когда-то в досье Джексона. Сенатор Миллер собственной персоной — его любимую женщину зовут не так, как жену, и я знаю адрес, где они встречаются. Банкир Ротштейн — его благотворительный фонд отмывает деньги уже десять лет, и он в курсе, что я это знаю.

Информация — единственная валюта, которая никогда не обесценивается.

Две недели. Четырнадцать дней, за которые я научилась не просто прятаться, а растворяться. Растворяться в тени легко. А выходить из тени, сиять в полную силу, чувствовать каждую клетку, каждый вдох, каждый удар сердца — этому я училась заново. И у меня получалось.

Мир вокруг был серым, как пепел, а я — его законной дочерью, рожденной в тишине и скрытых тенях. Но теперь пепел начал тлеть. Искра внутри разгоралась.

Я парила в этом море бриллиантов и притворных улыбок, с легкостью меняя маски: вот я — загадочная незнакомка, вот — внимательная собеседница, вот — циничная насмешница. Я была как рыба в воде, и эта вода была холодной, со-

ленной и абсолютно искусственной. Я дышала пылью забвения и думала, что знаю все оттенки тьмы.

Но я ошибалась.

Вдруг, словно молния лизнула позвоночник. Тот самый разряд, который невозможно спутать ни с чем.

Я повернулась и увидела *его*.

Дарелл стоял в арке, отгороженный от праздной толпы невидимой стеной. Он вошёл в зал не как гость, а как хозяин, впервые переступивший порог собственных владений. Воздух сгустился, зазвенел, будто натянутая струна, готовая лопнуть.

Рядом, как тень из самого дорогого ада, парила Изабель Делакур в платье цвета свежей крови.

Почему она?

Она была прекрасна и стояла так близко к нему, что между ними мог бы поместиться разве что лист папиросной бумаги.

Ревность?

Нет. Что-то более примитивное, более дикое. Собственное.

Звери внутри вздыбили шерсть и зарычали.

Дарелл не утруждал себя поисками, его взгляд сам был находкой для любого, кто осмеливался его поймать. Тёмно-синие глаза, глубокие как океанские впадины, скользнули по толпе, и этого лёгкого касания хватило, чтобы самые развратные сердца сжались в сладком предвкушении.

А потом эти омуты нашли меня.

Они не обожгли. Они поглотили. В его глазах не было ни искорки знакомого мне света — только бездна, где бесследно исчезали корабли и гасли звезды. Чёрные волосы, откинутае со лба небрежным жестом, казались отлитыми из ночного неба, лишённого луны и надежды.

И эта усмешка. Она коснулась уголков его губ ещё до того, как он сделал первый шаг в мою сторону.

Не улыбка, а усмешка. Та, что знала цену каждому греху, читала каждую постыдную мысль и приглашала разделить с ним ещё один. Она обещала падение, и от этого обещания перехватывало дух.

Я не боюсь его, — упрямо твердила я себе. — Не здесь, где нас окружают сотни людей и бесшумная армия охраны.

Звери внутри расхохотались.

Дурочка, — прошипели они. — *Страх тут совсем ни при чём.*

Дарелл приблизился. Он даже не взглянул на Изабель, просто оставил её там, как дорогой аксессуар, который больше не нужен. Подошёл вплотную, и его запах обволок меня — морозная ночь в открытом океане, выдержанный виски и что-то неуловимое, металлическое, словно запах крови на лезвии. Запах хищника. Запах моего зверя.

— Ты смотришь так, будто видишь призрака, — его голос был низким, бархатным, обволакивающим, как самый изысканный яд.

— Может, я его и вижу, — выдавила я, чувствуя, как привычная броня коварства и самообладания трещит по всем швам.

Его усмешка стала шире, открывая идеальную линию белых зубов. В этом жесте была всепоглощающая уверенность, та самая власть, от которой по спине побежали ледяные мурашки. Он взял моё запястье — его пальцы были прохладными, а прикосновение — собственническим. Он не спрашивал разрешения. Он просто заявил свои права.

И повёл меня в танец.

Мы плыли под тихую, гипнотизирующую музыку, а он вёл так, будто знал моё тело лучше, чем я сама. Лучше, чем я знала себя ещё две недели назад, когда была пустой внутри. Сейчас я чувствовала каждое его движение, каждую мышцу под тканью смокинга, каждое дыхание, касавшееся моей шеи.

В тот момент я не знала, что это — судьба. Я не услышала звона колоколов и не увидела вспышек света. Я лишь почувствовала, как сдвигаются тектонические плиты моего серого мира. Я подумала, что встретила дьявола в особенно соблазнительной форме. Я подумала, что это игра, в которой я обречена проиграть.

Я ещё не понимала, что судьба редко является в образе ангела. Она приходит в облике того, кто способен разломать твою реальность до основания, чтобы построить её заново — или оставить в руинах. И у неё чёрные волосы, синие глаза,

бездонные как океан, и усмешка, от которой закипает кровь.

Я смотрела на него и думала, что это конец.

Я ещё не знала, что это — самое начало.

В конце танца мы замерли у стены с огромным зеркалом, моя спина касалась его груди. Кожу у виска обожгло его дыхание, заставляя мурашки рассыпаться по всему телу.

Моё тело не должно так реагировать на него. Но что толку твердить это, когда каждая клетка выдаёт себя с головой?

Его пальцы медленно скользили вверх по моей руке, но я не могла пошевелиться, не в силах оторвать взгляд от его синих глаз в отражении. Я видела себя рядом с ним — бледную, с расширенными зрачками в сером и зеленом глазах, с пульсом, бьющимся на шее так отчаянно, будто я пробежала марафон. Или готовилась к прыжку.

— Ещё увидимся, — прошептал он, губы едва коснулись раковины моего уха.

Я почувствовала, как он что-то вкладывает мне в ладонь, но следующее слово заставило меня окаменеть.

— *Каталей.*

Каждую букву моего имени он произнёс, смакуя, прокатывая языком по зубам, словно это было его самое любимое лакомство. Словно он пробовал меня на вкус, не прикасаясь губами.

Дарелл отпустил мою руку и растворился в толпе так же внезапно, как и появился. Просто исчез, оставив меня потрясённой, растерянной и... живой. До дрожи. До мурашек.

До желания бежать за ним и воткнуть лезвие между рёбер. Или поцеловать. С этим человеком всегда было два варианта, и оба вели к катастрофе.

Я смотрела в зеркало. Девушка в отражении, бледная и с широко раскрытыми глазами, сжимала в руке какой-то предмет. Я опустила взгляд.

Мои пальцы держали невероятно красивый белоснежный цветок. Нежный, с причудливо изогнутыми лепестками. Я сразу узнала его.

Орхидея Каттлея.

Изысканная, хрупкая и дикая. Цветок, который цветёт там, где другие не выживают. Цветок, в честь которого названа девушка, что решила больше не прятаться.

В груди что-то оборвалось и рухнуло вниз, в живот, где звери взвыли в голос.

Он знал.

Знал моё настоящее имя. Знал всё это время, пока мы встречались, пока смотрел на меня своими бездонными глазами. Знал, кто я.

Все те подаренные орхидеи, что мне привозили, были от него?

И эти цветы были не прощением, не любовью, не романтическим жестом.

Это была визитная карточка моих личных демонов.

Глава 3

**Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей.
— Федор Тютчев**

Тогда.

Колумбия, Асьенда «Соледад».

Поджав под себя ноги, я сижу на полу своей спальни, и в руках держу невероятно красивый кинжал.

Он тяжёлый. Намного тяжелее, чем кажется. Лезвие блестит так, что в нём можно разглядеть своё отражение. С той стороны стали на меня смотрят глаза цвета мха, широко раскрытые и замороженные. Рукоять усыпана драгоценными камнями: рубины, изумруды, крошечные бриллианты, которые ловят свет хрустальной люстры и отбрасывают цветные зайчики на стены, обитые шёлком кремового цвета.

Моя спальня это одна из многих комнат в этом дворце, который дедушка называет домом. За окнами бескрайние зелёные холмы, конюшни с арабскими скакунами, вертолётная площадка и охрана, патрулирующая периметр на чёрных внедорожниках. Здесь всё дышит деньгами, властью и чем-то ещё. Тем, от чего у гостей перехватывает дыхание и они

начинают говорить шёпотом.

Асьенда «Соледад» — сердце империи Динарди.

Все мои подарки свалены кучей в углу комнаты и уже не имеют значения.

Дорогие, коллекционные куклы в бархатных коробках из Франции валяются в стороне, забытые. Изумрудные серёжки, которые мама выбрала с такой тщательностью, даже не открыты — футляр от «Cartier» так и лежит нетронутым на туалетном столике из темного дерева. Радиоуправляемый вертолёт, который прислали какие-то американские друзья Синдиката, застыл бесполезной игрушкой на ковре ручной работы.

Всё это пыль.

А вот кинжал — подарок дедушки Алехандро — это *сокровище*.

Провожу подушечкой пальца по лезвию. Осторожно, под правильным углом, с уважением к стали, как дедушка показывал мне. Он говорил, что нож чувствует страх. Что если боишься порезаться, то обязательно порежешься. Надо быть уверенной и спокойной. Тогда лезвие признает тебя.

Сегодня я не боюсь.

Что-то внутри грудной клетки довольно мурлычет, когда холодная сталь касается кожи. Я чуть сильнее нажимаю и чувствую, как лезвие рассекает плоть. Тонкий, идеально ровный порез. Капля алой крови выступает на подушечке пальца, яркая, как те рубины на рукояти.

Я не вскрикиваю. Даже не вздрагиваю.

Просто смотрю, как кровь собирается в дрожащую каплю, набухает, переливается в свете люстры. А потом медленно подношу палец к губам и слизываю её языком.

Металлический вкус разливается по рту.

Тёплый. Солёный. Почти сладкий.

*Нечто*внутри урчит от удовольствия.

Снова смотрю на кинжал. Теперь на лезвии остался мой след — тонкая алая полоска. Мы теперь связаны. Я оставила ему частицу себя, а он дал мне почувствовать то, что куклы и вертолёты дать не могут.

Сильный стук где-то в доме заставляет меня резко повернуть голову. Звук идёт из глубины асьенды, из тех коридоров, где живёт дедушка.

Крики.

Сначала я не разбираю слов, просто голоса. Один высокий, женский. Второй низкий и раскатистый. Они переплетаются, накатывают волнами, разбиваются о стены, увешанные картинами старых мастеров.

Я тяжело вздыхаю.

Опять.

Аккуратно, почти с любовью, вкладываю кинжал в красивый чехол из тиснёной кожи. Рукоять с драгоценными камнями исчезает внутри, и комната сразу становится тусклее, будто солнце спряталось за тучу.

Поднимаюсь с колен, одёргиваю белое праздничное пла-

тье с кружевами — мама выбирала, чтобы я была "как принцесса". Мама не знает, что её принцесса слизывает свою кровь с ножа.

Иду на звук.

Чем ближе к дедушкиному кабинету, тем громче становятся голоса и шум. Звон битой посуды — кажется, мама запустила чем-то в стену. Грохот ломающейся мебели. Я никогда не видела маму такой. Со мной она всегда тихая, улыбающаяся и любящая. А здесь... здесь она кричит так, что стены дрожат.

Останавливаюсь у двери. Она приоткрыта ровно настолько, чтобы я могла подглядывать в щёлочку, но оставаться незамеченной.

Мама стоит растрёпанная посередине кабинета с красными пятнами на лице. Платье помялось, светлые волосы выбились из причёски. Она похожа на дикую кошку, загнанную в угол. Вокруг такая роскошь, от которой у нормальных людей захватывает дух: антикварная мебель, стены, обитые тиснёной кожей, сейфы, в которых хранятся тайны нескольких государств. Но маме плевать на это. Она смотрит только на дедушку.

— Я не намерена это терпеть! — кричит она так, что у меня закладывает уши. — Я не буду просто смотреть, как ты портишь мою дочь!

Дедушка сидит в своём кресле, абсолютно спокойный. Рядом с ним на полу осколки какой-то вазы, видимо, мамин

снаряд. Он даже бровью не ведёт.

— Можешь не смотреть и проваливать из асьенды, — говорит он тихо, но этот тихий голос перекрывает любой крик. — Тебя здесь никто не держит. Но *Mariposa* останется здесь. Со мной.

— Её зовут *Каталея*! — мама топает ногой, как ребёнок. — Я её мать, и я дала ей *это* прекрасное имя!

— А я её дедушка, — Алехандро поднимается с кресла, и даже через щель я вижу, как меняется его лицо. — И имя хрупкой орхидеи не подходит моей любимой внучке. Но ты в очередной раз сделала всё по-своему. Совершила очередную ошибку.

Он поднимается из кресла, делает шаг к ней, и в его голосе появляется усталость наполовину с жестокостью.

— Каттлея — цветок, который растёт в теплицах, требует ухода и боится холода. А моя внучка — *Марипоса*. Бабочка, которая проходит через стадию куколки, через тьму и тесноту, чтобы потом расправить крылья и стать прекраснее любого цветка. Она ещё в коконе, Моника. Но ты пытаешься помешать естественному процессу, потому что боишься увидеть, кем она станет, когда выйдет наружу.

Мама замирает. Её лицо искажается от боли и гнева.

— Я хочу, чтобы у нее была нормальная жизнь! Подальше от твоего зверства и твоих махинаций! В первую очередь она *моя* дочь! — голос срывается на визг. — Я заберу Каталею с собой!

Дедушка медленно подходит к ней почти вплотную, нависает над ней. Хотя мама высокая, он всё равно выше.

— Моя внучка останется там, где я скажу. — Он делает ещё шаг. — И в первую очередь она — Динарди.

— Ей только исполнилось девять! — мамин голос срывается. — А ты уже даришь ей оружие!

Дедушка усмехается. Это та самая усмешка, от которой лос омбрес де сомбра опускают глаза. Холодная, довольная, чуть безумная.

— Кинжал? — он качает головой. — Это так, игрушка. Побрякушка. А не настоящее оружие.

Он наклоняется к маминому лицу.

— В девочке *уже* больше от Динарди, — говорит он тихо, почти ласково, — чем когда-либо было в тебе, Моника.

Мама замахивается. Я не вижу чем, что-то вытянутое, похожее на статуэтку, блеснуло в воздухе. Но дедушка перехватывает её руку раньше, чем удар успевает достичь цели.

— Подслушиваешь?

Низкий голос раздаётся прямо над ухом. Так внезапно, что я подпрыгиваю на месте. Сердце ухает в пятки, потом подскакивает к горлу. Я резко оборачиваюсь и утыкаюсь взглядом в улыбающееся лицо.

Дядя Феликс.

Он стоит сзади, прислонившись плечом к стене, и смотрит на меня сверху вниз. У него красивая улыбка, как у актёра из телевизора. Но глаза... глаза странные. Они такие темные,

что кажутся черными, и смотрят на меня как-то... *не так*.

— Я... нет, — выдыхаю я, прижимая руки к груди, чтобы унять колотящееся сердце. — Случайно услышала мама с бабушкой опять ругаются. Так громко кричат...

Феликс поднимает руку над моей головой, касается двери и мягко, почти беззвучно прикрывает её. Крики становятся глуше, превращаются в далёкий шум.

— Пойдём, — говорит он и берёт меня за руку. Ладонь у него прохладная и мягкая. — Поедим твой торт. Расскажешь мне, что тебе подарили.

Я позволяю увести себя в сторону столовой, но на секунду оборачиваюсь на дверь кабинета. Там, за закрытой дверью, мама и бабушка продолжают сражаться за меня. Как за трофеем. Как за призом. Как за будущее империи.

Я сжимаю в свободной руке край платья и чувствую, как палец, порезанный кинжалом, пульсирует под тканью. Кровь уже запеклась, но вкус всё ещё на языке.

В столовой нас ждёт половина оставшегося огромного торта с праздника: три яруса, розочки из крема, фигурка принцессы на верхушке. Комната сияет хрусталём и позолотой, длинный стол накрыт белоснежной скатертью, слуги в безупречной форме бесшумно парят между буфетами. Здесь всё устроено для приёмов, на которые съезжаются министры и генералы, банкиры и послы. Для них Динарди — страшная сказка, но они всё равно приезжают, потому что деньги не пахнут. А власть пахнет запахом этого дома: кофе, дорогим

табаком и чуть-чуть страхом.

Слуги ещё раз зажигают свечи, улыбаются, желают счастливого дня рождения.

Феликс садится напротив, подпирает щёку рукой и смотрит, как я задуваю свечи.

— Загадала желание? — спрашивает он.

Я киваю.

— Какое?

— Не скажу, а то не сбудется.

Он смеётся, запрокинув голову назад.

Даже моё девятилетнее восприятие мира понимает: Феликс хорош собой. Загорелая кожа, почти чёрные глаза, что всегда сверкают подзывающим блеском, чёрные волосы и хищный взгляд. Девушки не дают ему прохода. Я видела, как они смотрят на него на приёмах, раздевают глазами, краснеют и теряют дар речи.

Но почему он до сих пор не женат? Ему уже двадцать один, а у нас все вступают в брак с совершеннолетием. Некоторые семьи, дабы улучшить своё положение, отдают дочерей в шестнадцать-семнадцать лет. Странно, что дедушка позволяет ему ходить холостяком.

Закончив смеяться, дядя Феликс протягивает руку через стол и заправляет мне за ухо выбившуюся прядь. Прикосновение задерживается на секунду дольше, чем нужно.

— Твоя мама зря спорит с бабушкой, — говорит он задумчиво. — Ты действительно особенная, Каталя. Ты это

чувствуешь, да?

Я смотрю на него и молчу. Потому что да. Чувствую.
Особенная.

Не такая, как другие девочки, которые играют в куклы и боятся темноты. Я не боюсь темноты. Я не боюсь крови. Я не боюсь смотреть, как умирают люди.

*Нечто*внутри согласно урчит, довольно потягиваясь.

Феликс смотрит на меня, и в его глазах мелькает что-то такое, чего я пока не понимаю. Что-то взрослое, тёмное и тяжёлое.

— Когда-нибудь, — говорит он тихо, — ты поймёшь, что я всегда был на твоей стороне. Запомни это.

Я киваю, потому что кивать проще всего. И отрезаю себе огромный кусок торта, пока слуги накладывают мороженое в хрустальные креманки.

Вкус крема смешивается с привкусом крови, который всё ещё держится на языке.

Сладкое и горькое.

Как тот апельсин, который я съела полгода назад.

Как вся моя жизнь.

Глава 4

Будь собой, остальные роли уже заняты.
— Оскар Уайльд

Сейчас.

Такси на пути из Манхэттена в Катскиллы.

Ночь.

За окном такси проплывают огни ночного города, постепенно редая и уступая место тёмной трассе, уходящей в лес. Я сижу на заднем сиденье, вжавшись спиной в холодный кожаный, и сжимаю в руке белоснежную орхидею.

Каттлея.

Каталея.

Моё имя, превращённое в цветок. Моя суть, упакованная в нежные лепестки и острый, пряный аромат.

Пальцы машинально мнут стебель, хотя я приказываю себе остановиться. Нельзя уничтожить улику. Но звери внутри требуют разорвать, растоптать, выкинуть в окно всё, что связано с ним, с этим человеком, который появляется из ниоткуда и исчезает в никуда, оставляя после себя только вопросы.

Дарелл.

Кто ты, чёрт возьми, такой?

Я закрываю глаза и прокручиваю в голове каждый момент нашей встречи. Каждое слово. Каждое движение. Танец, от которого закипала кровь, хотя разум кричал «опасность». Его пальцы на моей руке. Губы у виска. Шёпот, от которого по коже рассыпались мурашки.

К-а-т-а-л-е-я.

Он произнёс моё имя так, будто пробовал на вкус. Будто знал его всегда. Будто ждал момента, чтобы вонзить его в меня, как тот кинжал, которым я порезала палец в девять лет.

Откуда?

Я перебираю варианты.

Сильван?

Нет. Он не знал. Не мог знать.

Или мог?

Могла ли я проговориться во сне, в минуту слабости, в момент близости с Дареллом?

Нет.

Я никому не говорила. Даже Джексону. Даже Марку. Даже Кларе.

Джексон.

Мысль о нём обжигает новой волной гнева.

Но сейчас не о нём. Сейчас о Дарелле.

Если Дарелл знал, то знал ли Сильван? Дарелл — телохранитель Сильвана. Его верный пёс и правая рука. Он узнал

от Сильвана?

Или нет?

Действительно ли Дарелл верен Сильвану?

Голова идёт кругом. Слишком много вопросов, слишком мало ответов. Слишком много людей, которые всё это время играли в свои, неведомые мне игры.

Вспоминаю ту комнату. Пустую, залитую кровью. Комнату, где я должна была встретиться с Сильваном, чтобы довести дело до конца. Шантаж Джексона, последнее задание, а в итоге только разгром в номере, кровь и тишина.

И Дарелл. Запыхавшийся, появившийся из ниоткуда.

Что он там делал? Почему у него был такой вид, будто он бежал марафон?

Может быть, он

Мысль обрывается, и я чувствую, как внутри всё холодеет.

Может быть, это он причинил вред Сильвану. Ранил его.

Или кто-то из врагов Сильвана устроил им в «Ла Съенега» засаду?

А может быть, Дарелл и есть тот, кто создал всю эту кровавую сцену?

Господи, какая же я дура.

Я танцевала с ним. Позволила прикасаться к себе. Смотрела в его глаза и чувствовала, как земля уходит из-под ног. А он, возможно, в это время прокручивал в голове, как будет добивать Сильвана. Или меня.

Звери внутри рычат. На него. На меня. На всю эту ситу-

ацию.

Я смотрю на орхидею в своей руке. Безупречно белая, хрупкая, смертельно красивая. Как я. Как он сам. Как всё, что связано с этим миром.

Резким движением я зажимаю цветок между ладонями и давлю. Лепестки мнутся и ломаются. Я чувствую кожей, как из стебля выступает холодный, влажный и липкий сок. Так похожий на кровь. Таксист косится в зеркало заднего вида. Я перехватываю его взгляд и смотрю в ответ, не мигая. Он отводит глаза.

Хороший мальчик.

Откидываюсь на спинку сиденья и смотрю в окно. За стеклом уже сплошная темнота леса, лишь изредка прерываемая огнями придорожных мотелей и заправок. До таунхауса ещё час езды.

Час, чтобы подумать.

Но думать не хочется. Хочется действий. Хочется вцепиться кому-нибудь в глотку и трясти, пока не скажут правду.

Фокусирую взгляд на тёмном стекле и вижу своё отражение. Призрак, наложенный на бегущую в ночи трассу.

Всё те же светлые волосы цвета пшеницы. Тот же курносый нос. Тот же точеный подбородок — мамин подбородок, которым она так гордилась, пока не поняла, что он и волосы — это единственное, что она смогла мне передать.

Но глаза уже не те.

Левый, тёмно-зелёный, как омут в джунглях, — фамильная печать Динарди. Дедушкин взгляд, только в женском исполнении. А правый — серый, холодный, как зимнее небо над Манхэттеном, и пересечённый тонкой белой линией шрама. Метка, которую Джон оставил мне на память о нашей семейной жизни.

Два глаза, которые никогда не договорятся между собой. Как и две крови, текущие в моих жилах. Один смотрит на мир и видит добычу. Второй видит угрозу и просчитывает пути отступления.

Звери внутри согласно кивают. Для них это идеальный компромисс.

И так, мне нужны ответы.

Но с чего начать?

Дарелл — тёмная лошадка. Я не знаю, кому он верен, не знаю, чего от него ждать. Встречаться с ним наедине сейчас — самоубийство. Слишком опасно.

Клара с Марком, хоть и убеждали меня в своей автономности от Джексона, всё-таки подчиняются его слову. Все нити тянутся к нему. Переплетаются, завязываются в узлы, которые мне предстоит разрубить.

Я достаю телефон и смотрю на экран. Три часа ночи.

Плевать.

Набираю сообщение:

«Нужно поговорить. Завтра.»

*У тебя в офисе. В 7 утра.
Не опаздывай».*

Отправляю и выключаю звук.

Пусть понервничает.

Такси ныряет в поворот, и я в очередной раз ловлю взгляд водителя в зеркале.

— Поворачивайте, — говорю я, не отводя глаз. — Не в Катскиллы. В город. Нам нужно вернуться.

— Но мэм, вы сказали

— Я сказала поворачивай, — мой голос звучит ровно, но в нём достаточно стали, чтобы он понял: спорить не стоит.

Таксист послушно разворачивается на ближайшем развороте, и мы снова едем в сторону города, в сторону огней, в сторону ответов.

Я смотрю на изуродованную орхидею у себя на коленях. Белоснежные лепестки, ещё несколько часов назад безупречные, теперь смяты, надорваны, пропитаны соком, похожим на кровь. Она всё ещё прекрасна той особой, трагической красотой, которая приходит только после того, как что-то прошло через мясорубку и выжило.

Как и я.

Орхидея странным образом напоминает мне, что я овладела искусством возмездия. Выдержала все круги ада, которые этот мир подкидывал мне с завидным упорством. И теперь, глядя на эту изломанную, но не сломенную орхидею,

я понимаю: цветок и я — одно целое.

Каттлея. Каталея.

Моё имя, которое я так долго прятала, теперь у меня в руках — в прямом и переносном смысле. Изуродованное, искалеченное, но моё.

Провожу пальцем по мокрому лепестку и чувствую, как внутри что-то встаёт на место. Последний фрагмент пазла, который я пыталась собрать все эти годы.

Прочь мысли. В топку домыслы. Усмиряю клокочущий гнев, что щекочет горло.

Гнев опасен, как и страх.

Закрываю глаза. Делаю глубокий вдох. Чувствую, как внутренние звери, повизгивая, нехотя отползают в тень, уступая место тому самому механизму, который годами оттачивали дедушка, жизнь, Джексон и я сама.

Я вспоминаю его слова и позволяю разгореться темному огню внутри. Он не греет. Он выжигает все, что мешало мне чувствовать.

Когда открываю глаза, орхидея уже не кажется мне изуродованной. Она кажется мне... освобождённой. От идеальной формы, от навязанной красоты, от чужого представления о том, какой она должна быть.

Я смотрю на цветок и улыбаюсь.

Мы еще летаем, бабочка.

Глава 5

**Играюсь с людьми — привычка
Мне нет дела ни до кого.
Я та, что сожгла последние спички
И не почувствовала ничего. (с)**

Сейчас.

Манхэттен, офис благотворительного фонда «Розовые Сердца».

7:15 утра.

Джексон должен мне ответы.

По возвращению в город я заселилась в первый попавшийся отель на Таймс-сквер. Но заснуть так и не смогла. Слишком много адреналина, слишком много вопросов, слишком много Дарелла под веками.

Слишком.

Вместо сна я сидела на подоконнике, смотрела как занимается рассвет и сжимала в руках изуродованную орхидею.

В шесть утра, когда город только начинал потягиваться в лучах восходящего солнца, я заскочила в Target на 34-й улице. Купила простые джинсы, белую футболку, кеды и бейсболку. Смыла с себя вчерашний гламур, стерла идеальный

макияж, спрятала вечернее платье на дно пакета.

Каталей Динарди может выходить в свет в серебре и бриллиантах. Но на охоту за правдой ходят в другом.

Теперь я стою перед знакомой дверью с матовым стеклом, на котором выцветшей краской выведено название благотворительного фонда. «Розовые Сердца». Когда-то это название казалось мне символом надежды. Теперь оно вызывает только тошноту. Розовый — цвет невинности, сердечки — символ любви. Идеальная обёртка для того, что происходит за этой дверью. Индустрия спасения — самый прибыльный бизнес после торговли оружием, надо признать.

Я толкаю дверь.

Внутри всё по-прежнему: дешёвый ремонт, пластиковые стулья для посетителей, плакаты на стенах с вдохновляющими лозунгами «Ты не одна», «Мы поможем», «Новая жизнь возможна». Всё это рассчитано на женщин, которые разучились верить красивым словам, но отчаянно хотят научиться заново. Идеальная аудитория для профессионального манипулятора.

За стойкой ресепшена никого. Слишком рано, даже волонтеры ещё не пришли. Или просто умные люди не спешат связываться с этим местом.

Но я знаю, где искать.

Прохожу по коридору мимо кабинетов психологов, мимо комнаты, где когда-то сама сидела и училась заново улыбаться. Забавно: я думала, что учусь чувствовать, а на самом деле

училась притворяться, что чувствую. Джекс всегда был мастером эффективных инвестиций.

Иду мимо двери с табличкой «Только для персонала». Прохожу всю эту мишуру, которую налоговая и наши «розовые» спонсоры глотают как конфетки.

Неприметная дверь у дальней стены — вот настоящий портал в кроличью нору. Переход на тёмную сторону, который ведёт к настоящей деятельности Джексона Каллахана. Работники между собой называют это Организацией. Сильван со своими друзьями окрестили нас «Куклами».

Мило. Хотя куклами нас делают не они, а тот, кто дёргает за ниточки.

Поднявшись наверх, вхожу в приёмную Джекса. Клара за своим столом, как верный сторожевой пёс, только порода сменилась с овчарки на болонку. Солнечный свет из панорамного окна играет с платиновым каре и переливается в лазури ее глаз, когда взгляд ловит мое появление.

Она соскакивает с места, делает шаг ко мне, и я вижу в её глазах желание что-то сказать. Может, извиниться. Может, объяснить. Может, снова соврать, уже более убедительно.

Но у меня нет времени на её лживые оправдания. Её предательство ранило сильнее всего. Она была моей подругой. *Единственной* подругой за последние несколько лет. Мы пили вино, обсуждали мужиков, она держала мою голову, когда меня выворачивало после очередного кошмара про Джона.

И после всего, через что мы обе прошли, она, сговорив-

шись с Марком, сдала меня. Виновны ли они в пропаже Сильвана? Специально ли отправили меня одну в пустой окровавленный номер?

Подставивший однажды обязательно подставит вновь.

Я высокомерно отвожу взгляд от бывшей лучшей подруги — словно она пустое место, словно её здесь нет — и врываюсь в кабинет Джексона без стука.

Джекс сидит за столом, уткнувшись в монитор. При моём появлении вздрагивает. Всего на миллиметр, но я замечаю. Привычка, которую он сам во мне воспитал: замечать всё.

— Ты опоздала, — встречает меня его голос. Он даже не поднимает глаз от монитора.

— Ничего, — я закрываю за собой дверь и прислоняюсь к ней спиной, скрещивая руки на груди. — Подождёшь.

Джекс поднимает голову. В его взгляде смесь усталости и чего-то похожего на уважение. Или мне только кажется.

— Садись, — кивает на стул.

— Я постою. Так быстрее сбежать, если ты снова начнёшь кормить меня сказками.

Он усмехается. Устало, но с тенью того самого обаяния, которое когда-то заставило меня поверить, что он на моей стороне.

— Хорошо. Хочешь стоять — стой.

Джекс откидывается в кресле и смотрит на меня долгим, изучающим взглядом.

А я смотрю на него и думаю о том, что он больше не имеет

на меня влияния.

Мы заключили с Джексом сделку — он уничтожает Каю Вандербильт, подделывает документы, будто она погибла в аварии вместе с мужем. И дает жизнь Кае Смит. Тот пункт в нашем договоре обязывал меня подчиняться ему до тех пор, пока ему удастся поддерживать эту иллюзию и обеспечивать мне безопасность от друзей Джона.

После того, как я запросила доступ к счету Вандербильт, скрываться уже бессмысленно.

Джексон Каллахан был тем, кто помог мне — полумёртвой, в крови, с переломанными рёбрами и едва узнаваемым лицом после побоев и аварии — сбежать из больницы до приезда полиции. Он вывез меня через чёрный ход, закутанную в грязную простыню, посадил в старый фургон и скрыл в квартире при его благотворительной организации.

А потом рассказал, что они помогают таким девушкам, как я. Пострадавшим от мужей, парней, отцов, начальников. Тем, у кого синяки не заживают, потому что новые появляются раньше, чем пропадают старые. Тем, кто не может обратиться в полицию, где их в лучшем случае высмеют как «бедную богатую жену влиятельного человека, которую муж не пустил в клуб», а в худшем — упекут в психушку, чтобы сбить спесь.

Это казалось настоящим чудом, что Джекс нашёл меня тогда.

В тот момент, когда меня доставили по скорой в окруж-

ную больницу, Джексон находился там же — навещал одну из своих подопечных, которая несколько раз сбегала от своего парня-тирана, но каждый раз возвращалась обратно после его слезливых и, *конечно же*, лживых обещаний. Врачи в том месте были подкуплены Джексоном. Он платил им, чтобы в первую очередь к пострадавшим девушкам пускали его, а не полицию. Ведь девушки боятся давать показания. Боятся мести. Боятся, что их не защитят.

А Джексон умел находить подход. Он объяснял, что им нечего бояться. Что он никому не расскажет, если она поведает ему правду о своём богатом муже-деспоте. А его благотворительный фонд «Розовые Сердца» позаботится о ней и поможет скрыться от преследования.

Тогда Джексон казался мне ангелом-спасителем, которого наконец послали в мою жизнь, чтобы вытащить из ада.

Он предложил мне новую жизнь. Новое имя. Защиту. Свободу.

Свободу от Джона.

Свободу от маминой легенды и вечного бегства.

И, сам того не зная, Джексон подарил мне свободу от всего, что было до.

— Кая, — говорит он, и в голосе не звучит ни капли раскаяния.

— Не трать время, Джекс. Ты знаешь, зачем я пришла.

Он медленно выпрямляется в кресле, ставя локти на стол. Смотрит на меня долгим, изучающим взглядом.

Раньше я бы подумала: «Он оценивает, как я держусь после всего». Теперь я знаю: он просчитывает, сколько правды я выдержу и какую ложь сейчас проглочу легче всего.

— Ты изменилась.

— Жизнь заставила. Знаешь, когда узнаёшь, что все, кому ты доверяла, играли в свои игры, это немного корректирует мировоззрение.

— Ты хочешь знать про Сильвана Ричардсона, — наконец говорит он.

— Я хочу знать всё. Про то, куда делись все мои деньги со счетов. Про эту чертову Организацию, на которую я так старательно работала. Про Марка. Про Сильвана. Про Дарелла. Про каждую ложь, которую ты скормил мне за эти годы.

Джекс вздыхает. Трёт переносицу. Жест, который я видела сотни раз, когда он делал вид, что принимает трудное решение.

— Ты не готова это услышать, — наконец говорит он.

— Я готова услышать правду с тех пор, как перестала быть твоей марионеткой. Так что давай, не томи.

Он долго молчит. Так долго, что я начинаю слышать, как за стеной тикают часы.

— Садись, — повторяет он. — Это долгая история.

Я все-таки сажусь. Не потому что верю ему. А потому что если придётся его убивать, лучше сделать это из кресла напротив. Быстрее выйдет.

— Я слушаю, Джекс. И если ты соврёшь хоть раз...

— Знаю, — перебивает он. — Ты найдёшь способ мне отомстить. Ты всегда находишь способы. Это я в тебе воспитал.

— Гордись.

— Иногда горжусь. — Он смотрит мне прямо в глаза. — Иногда жалею, что вообще тебя нашёл в той больнице.

— Расскажи это кому-нибудь, кто поверит, — усмехаюсь я. — Ты не находишь людей случайно, Джекс. Ты охотишься. Так какая охота привела тебя ко мне?

Он тяжело вздыхает. Складывает руки домиком и пристально смотрит на меня. Долго. Спустя минуты, годы, эры, закончив какие-то мысленные споры с самим собой, он говорит:

— Ладно. Начнём по порядку. Мы не просто так выбираем наших «объектов».

— Да, эти твои сказки я уже слышала, — перебиваю я. — Ты выбираешь насильников, абьюзеров и деспотов, которых не может или не хочет наказывать правосудие и закон. Их ты поручал мне. Манипулировал мной, давя на желание наказать и быть отомщённой. А как же насчёт тех, кого ты отдавал другим девушкам? Клара с Марком всё мне рассказывали. На самом деле тебе плевать на моральную составляющую этих людей. Ты выбираешь по количеству нулей на их банковском счете.

Я закончила тираду на одном дыхании, забрызгав стол Джекса своим ядом.

Он практически безразлично окинул меня снисходительным взглядом.

— Я манипулировал тобой, чтобы уберечь.

Я цокаю и закатываю глаза.

— Кая, я давал тебе только тех, кто не знал Джона и не был с ним связан, соблюдая условия нашего договора. И да, я действительно поручал тебе только тех, кто был повинен в том же, в чём и Джон — в большей или меньшей степени. Твоей психике нужно было чувствовать, что ты мстишь, делаешь хорошее дело. Ты бы не смогла расправиться с юнцом, единственным преступлением которого было участие в оргии.

Я бы никогда не притронулась к невинному парнишке! — хочется заорать мне, стукнув кулаком по столу, но Джекс продолжает:

— Но среди больших денег нет невинных овечек, дорогая. И выбираю их не я. Ты же знаешь, что у нас есть особые спонсоры? Так вот, всех тех мужчин, которых мы берем в оборот нам указывают. Это их деловые партнёры или конкуренты, да кто угодно, кто заплатит нам за устранение. Это серьёзные люди, Кая, и я предпочитаю не вмешиваться в их игры по расстановке сил. Я просто делаю свою работу. И делаю её хорошо.

Джексон открыл ящик стола и достал бутылку виски и два стакана. Налил на два пальца и один стакан подтолкнул по столу ко мне, второй осушил залпом. Я не двигалась и молча

ждала продолжения.

— Что касается Джона Вандербильта... — он делает паузу, — так он уже давно интересовал нас как «объект». У него было немало недоброжелателей. Он был баснословно богат и по счастливому стечению обстоятельств оказался сраным ублюдком, который бьёт свою прелестную жену.

На три долгих удара сердца я забыла, как дышать. Мои звери оскалились и зашипели.

— По счастливому для нас, разумеется. Не для тебя. Мне жаль, что тебе пришлось это пережить.

Когда я вспоминаю, как дышать, и ничего не отвечаю, Джексон продолжает.

— С Джоном было сложно. Наше самое проблемное дело на тот момент. Он не позволял себе лишнего с чужими, и моим девочкам никак не удавалось войти в его круг. У него влиятельные и опасные друзья, которые так же не помогали делу. Я пробовал несколько раз. Отправлял своих лучших девушек. Даже Хлое и Кларе не удалось довести дело до конца.

При упоминании Хлои я сильно сжимаю челюсти, чувствуя, как скрипят зубы. Эта девица что-то знает. Её молчаливое присутствие в комнате для брифингов перед операцией с Сильваном насторожило меня ещё тогда. Теперь я уверена: она приложила свои крохотные ручки к его исчезновению. Но с ней я разберусь позже.

Джекс продолжает, не замечая моего секундного отвлече-

ния от его рассказа.

— ...И конечно же, *ты* была нашим большим осложнением. Ты знала, что Джон перевёл почти все свои деньги на твои счета задолго до той аварии, а себе оставил лишь доступ? И в его завещании было только твоё имя.

— Значит ли это, что в таком случае вашей целью уже стала я?

Джекс открывает рот, чтобы ответить, и в этот момент дверь за моей спиной открывается.

Я слышу шаги, но не оборачиваюсь. Слишком знакомые шаги.

— Клара сказала, ты здесь, — голос Марка звучит взволнованно. — Кая, нам нужно поговорить.

— О, — я медленно поворачиваю голову и смотрю на него с ледяной улыбкой. — Какая трогательная встреча бывших друзей. Вы тут все собрались, чтобы покаяться? Или чтобы придумать новую ложь?

Марк переводит взгляд на Джексона. Тот едва заметно качает головой. Я замечаю это движение, хотя они явно надеялись, что я не увижу.

— Не надо, — говорю я. — Не надо ваших тайных сигналов. Я всё вижу. Я всегда всё видела, просто предпочитала закрывать глаза. Но знаете что? Веки устали.

Я встаю. Смотрю на них двоих и теперь, зная правду об их родстве, замечаю, как они похожи. Те же карие глаза, такой же прямой нос. Наверняка у Джекса были такие же кашта-

новые волосы, что у Марка, пока их не покрыла седина. Я смотрю на людей, которым доверяла свою жизнь. На сына и отца, которые знали меня слабой, разбитой, мёртвой изнутри. А я о них не знала ничего.

Тишина в комнате становится невыносимой. Они смотрят на меня и ждут.

Чего?

Взрыва? Драки? Слёз? Мольбы?

Я смотрю на них и вдруг понимаю, что они правда ждут моей реакции.

— Знаете, что я чувствую? — мой голос звучит ровно, спокойно. Дедушка был бы доволен. — Глядя на вас сейчас, когда вся ваша ложь рассыпалась, как карточный домик?

Они молчат. Марк переминается с ноги на ногу. Джек сжимает пустой стакан.

— Я чувствую себя идиоткой. Но это пройдёт. А вот вы... вы останетесь с тем, что сделали. С тем, что предали единственного человека, который мог бы прикрывать ваши спины, когда всё пойдёт прахом. А оно пойдёт, поверьте моей интуиции.

Я направляюсь к выходу.

— Сливка, подожди! — Марк хватается меня за руку.

Я смотрю на его пальцы. Потом медленно поднимаю глаза.

— Убери руку, — говорю я тихо. — Иначе я её тебе сломаю. И это будет только начало.

Он отпускает.

— И если еще раз так меня назовешь — отрежу тебе язык.

Я захлопываю дверь кабинета, прохожу мимо Клары, которая смотрит на меня глазами, полными слёз, спускаюсь по лестнице, прохожу мимо дешёвых пластиковых стульев и плакатов с лозунгами.

«Ты не одна».

«Мы поможем».

«Новая жизнь возможна».

Выхожу на улицу. Солнце уже безжалостно жжет, город просыпается, и начинается новый день.

Новая жизнь.

Без них.

Без их розовых сердец с чёрными душами.

Глава 6

Nemo Me Impune Lacessit.

(Никто не тронет меня безнаказанно.)

— латинский девиз

Сейчас.

Манхэттен, у офисного здания благотворительного фонда «Розовые Сердца».

8:45 утра.

Я вылетела из дверей офиса Джексона, будто за мной черти гонятся. Хотя, если подумать, именно это сейчас и происходит. Просто черти носят дорогие костюмы и прикидываются моими бывшими друзьями.

Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы превратить Манхэттен в раскалённую сковородку. Август в Нью-Йорке — это отдельный круг ада, который Данте почему-то пропустил. Асфальт плавится, кондиционеры надрываются, и даже голуби выглядят так, будто мечтают о суициде.

Я глубоко вдыхаю горячий, влажный воздух и чувствую, как лёгкие протестуют. Но вместе с этим приходит странное облегчение. Свобода. От Джекса. От его кабинета, пропахшего виски и ложью. От всего этого грёбаного утра.

Моя новая машина стоит у паркомата на 43-й улице. Чёрный Maserati Levante Trofeo, купленный сегодня в пять утра, когда нормальные люди видят десятый сон. Бессонница имеет свои преимущества: я успела оформить заказ онлайн, подтвердить перевод со счёта Динарди и договориться, чтобы машину пригнали к офисному зданию к восьми. За дополнительные пять тысяч баксов можно договориться о чём угодно.

Свой Aston Martin я продала через день после инцидента в «Ла Сьенег». Меньше чем за сутки нашла перекупщика, который не задаёт вопросов, сбавила тачку за полцены и забыла, как страшный сон. Копы могли искать её или не искать, но рисковать своим транспортом, засвеченным у места преступления, я не собиралась.

Теперь у меня есть кое-что повнушительнее. Я внутренне пискнула от восторга, а щеки уже болели от широкой улыбки. Levante Trofeo – один из самых быстрых внедорожников в мире. Трёхлитровый V6 с отдачей в 550 лошадей, разгон до сотни за 3,9 секунды и максимальная скорость под триста. Это не просто машина — это зверь в костюме от Армани.

Подхожу к машине и на секунду замираю, просто чтобы полюбоваться. Хищный силуэт, сочетающий в себе высокую посадку с возможностью значительного занижения благодаря адаптивной пневмоподвеске. В стандартном режиме — это типичный кроссовер с высокой обзорностью, но в спортивном режиме Trofeo опускается, приседая на задние лапы

как перед прыжком, обеспечивая спортивный низкий центр тяжести для быстрой езды.

Кажется, я словила множественный оргазм, пока прокручивала все регалии этого авто в уме. Его двигатель рычит даже на холостом ходу — низко, угрожающе, будто зверь, которого заперли в клетке и который только и ждёт, чтобы вырваться на волю.

— Ну здравствуй, красавица, — шепчу я, открывая дверь. — Покажем этим ублюдкам, кто тут королева дорог?

Салон встречает меня прохладой: кондиционер уже поработал, спасибо парню из автосалона, который доставил мою девочку сюда. Я сажусь за руль, провожу рукой по кожаной отделке и чувствую, как звери внутри одобрительно урчат.

Они любят быстрые машины почти так же, как быструю смерть.

Внутри машины пахнет новой кожей и деньгами. Моими деньгами. Деньгами Динарди.

Я врубаю свой плейлист на оглушительную громкость, но ровно настолько, чтобы рокот басов вибрировал в груди, но не заглушал вихрь мыслей в голове. Выруливаю с парковки, плавно вливаясь в поток. Сейчас утро буднего дня, так что час пик уже схлынул, но движение всё ещё плотное. Идеально, чтобы затеряться. Идеально, чтобы подумать.

Перед глазами всё ещё стоит лицо Джекса, когда он рассказывал про Джона. Про то, как они охотились на него. Про Хлою и Клару, которые пытались, но не смогли. Про то, что

он знал обо мне задолго до того, как "спас" из больницы.

«Ты была нашим осложнением».

Осложнением для кучки людей, которые годами манипулировали мной, используя мою боль как топливо.

Я сжимаю руль так, что костяшки белеют.

Сворачиваю на Вест-Сайд Хайвей, целясь вырваться из этого бетонного ада и рвануть в Катскиллы. Мне нужно в душ, в тишину, в безопасное место, где можно переварить всё это дерьмо без свидетелей.

И тут я замечаю.

Чёрный внедорожник с тонированными стёклами, наглухо запертыми, как пасть акулы. Он висел за мной ещё на выезде с парковки, но я списала на совпадение. Теперь, когда поток поредел, а он всё ещё держится на том же расстоянии, игнорируя возможность обогнать...

— Ну привет, — бормочу я, бросая взгляд в зеркало заднего вида. Сердце колотится, адреналин разливается по телу.

Звери внутри просыпаются, шерсть встаёт дыбом, ноздри трепещут. Мы принимаемся к угрозе.

Кто это? Джекс послал хвост? Марк решил проследить? Или кто-то пострашнее?

Я не знаю. Но чертовски хочу выяснить.

И есть лишь один способ.

Впереди развязка, ведущая к съезду на Бруклин. Я резко перестраиваюсь в правый ряд, игнорируя возмущённый гудок какого-то пикапа и его поднятый средний палец. Внедо-

рожник повторяет манёвр, даже не пытаясь скрываться.

— Хорошо, — шиплю я, ловя свою ухмылку в зеркале. Глаза горят азартом. — Поиграем.

Я выкручиваю громкость играющего трека **Monsters - Ruelle** на максимум, и рев монстров в колонках сливается с рёвом мотора и моими внутренними монстрами. Вдавливая педаль газа в пол, и Levante взревел так, будто я разбудила дракона. Пятьсот пятьдесят лошадей под капотом взбесились, вжимая меня в кресло с такой силой, что на мгновение перехватило дыхание. Стрелка спидометра поползла вверх — семьдесят, восемьдесят, девяносто, сто миль в час. Машина сорвалась вперёд, как зверь, почуявший кровь.

Внедорожник позади дёрнулся, пытаясь повторить, но я уже летела, вливаясь в поток и выныривая из него, как торпеда.

А тот танк создан для того, чтобы давить, а не догонять. Но он не отставал. Упёртый гад.

Я сворачиваю на съезд, не сбавляя скорости, и чувствую, как машину заносит на повороте. Мир за окном превращается в размытую акварель: серый асфальт, зелёные указатели, синее небо где-то наверху.

Сердце истерически колотится, отдаваясь в висках, но это не страх. Это чистый, дикий, пьянящий адреналин, от которого кровь превращается в шампанское. Звери внутри визжат от восторга, требуя продолжения банкета.

— Нравится? — кричу я им, вписываясь в поворот на ско-

рости, которая заставила бы инженеров Maserati рыдать от ужаса и гордости одновременно. — А это вам!

Я выкручиваю руль влево, заставляя машину вписаться в поворот, который на такой скорости проходить нельзя. По всем законам физики меня должно размазать по отбойнику. Но Maserati слушается руля, как хорошо выдрессированная собака. Мы ныряем влево, обходим фуру, выскакиваем перед ней с таким запасом, что водитель даже не успевает возмущённо побибикать. Потом резко вправо, в разрыв между двумя седанами, которые шарахаются в стороны, будто увидели призрака.

Я бросаю взгляд в зеркало. Внедорожник отстал. Метров на двести, но этого достаточно.

Впереди светофор. Красный.

Но мне плевать.

Я жму на газ, проскакиваю перекрёсток под возмущённый хор гудков, и ныряю в какой-то переулок, которого даже нет на картах. Узкий, грязный, заставленный мусорными баками — идеальное место, чтобы затаиться.

Глушу двигатель, музыка замолкает вместе с ним, и замираю.

Слышу только собственное дыхание и бешеный стук сердца. Руки на руле слегка подрагивают, но это не нервы — это эндорфины, которые разносятся по крови, оставляя после себя ощущение чистого, неразбавленного кайфа.

Проходит минута. Две. Три.

Мимо проносится чёрный внедорожник, даже не замедляясь. Теперь я успеваю разглядеть его получше. Это Cadillac Escalade, тонированный в ноль, на блатном номере, который я не успеваю запомнить.

— Прощай, — шепчу я, провожая его взглядом. — Передай привет тому, кто тебя послал.

Когда рёв мотора затихает вдали, я позволяю себе выдохнуть. Откидываюсь на спинку кресла и чувствую, как губы расползаются в улыбке. Чёрт, как же я скучала по этому чувству. По адреналину в крови, по опасности за спиной, по этому бешеному ритму, когда решаешь: жить или не жить.

Звери внутри довольно облизываются. Мы соскучились по движению.

— Всё пучком, девочки, — бормочу я, поглаживая руль.

И тут телефон издает сигнал.

Я смотрю на экран. Неизвестный номер.

Сообщение короткое, без подписи:

«Хлоя Миллер.

1734, Провиденс-стрит, Бруклин.

Квартира 3В»

Я пялюсь на эти слова, пытаюсь понять, кто их отправил. Джекс? После всего, что было, он решил добить меня порцией полезной информации?

Марк, пытающийся загладить вину?

Или кто-то третий, кого я пока не вижу в этой шахматной партии?

И главное — Хлоя.

Хлоя Миллер. Девушка, которая, по словам Джекса, пыталась подобраться к Джону. Девушка, которая, подобралась к Сильвану ближе всех. Девушка, которая перед финальной операцией с Сильваном вела себя подозрительно. Её молчаливое присутствие в комнате для брифингов, её взгляд, который я списала на профессиональное любопытство... Теперь всё это складывается в очень неприятную картину.

Мои звери внутри переворачиваются, имитируя рвотные позывы.

Из всех людей, с которыми мне предстоит говорить, эта кукла с глазами лани вызывает наименьшее желание. Она из тех женщин, которые улыбаются тебе в лицо, пока прикидывают, как бы воткнуть нож в спину. Я таких за версту чую.

Но сообщение... оно пришло не случайно.

Кто-то хочет, чтобы я с ней поговорила. Кто-то, кто знает, где она живёт. Кто-то, кто знает, что мне это нужно.

— Ну и что вы думаете? — спрашиваю я зверей.

Они молчат. Принимаются. Оценивают.

— Ладно, — говорю я вслух, советуясь с ними. — Допустим, я поеду. И что дальше?

Звери пожимают плечами. Они хороши в погонях, но в логистике пока слабоваты.

Я смотрю на адрес. Провиденс-стрит, Бруклин. Не самый

приятный район. Далеко от цивилизации, далеко от полиции, далеко от всего. Отличное место, чтобы спрятаться. Или чтобы заманить в ловушку.

Выбора особо нет. Джекс сказал достаточно, чтобы я понимала: Хлоя часть этой мозаики. Часть истории с Джоном. Часть того, что происходит сейчас. Если я хочу знать правду, мне придётся сунуть нос в осиное гнездо.

Я набираю адрес в навигаторе. Maserati вежливо сообщает, что до места сорок пять минут без учёта пробок. С пробками часа полтора. Движение в Бруклине в это время дня даже хуже, чем в Манхэттене.

— Зато у меня теперь есть время подумать, что я скажу этой сучке, — бормочу я, выруливая из переулка.

Навигатор прокладывает маршрут в обход основных трасс. Умный мальчик. Я выжимаю газ и сновавливаюсь в поток.

Машина послушно рычит, вжимая меня в кресло. Адреналин после погони ещё не выветрился, пульс постепенно приходит в норму, но мысли о Хлое заставляют сердце снова ускоряться.

Интересно, она хоть представляет, что я с ней сделаю, если окажется, что она приложила руку к исчезновению Сильвана? Или к чему-то ещё более грязному?

Я усмехаюсь своим мыслям.

Бедная Хлоя. Даже не знает, что к ней едет не просто бывшая коллега. К ней едет Каталея Динарди, у которой сегодня

был очень, очень дерьмовый день. И которой нужно на ком-то оторваться.

— Держись, куколка, — шепчу я, вклиниваясь в поток машин на въезде в Бруклин. — Немезида уже в пути по твою душу.

Глава 7

**Иногда нужно умереть, чтобы начать жить.
— Пауло Коэльо**

Сейчас.

Бруклин, Провиденс-стрит.

10:15 утра.

Парковаться в этом районе — отдельный вид экстремального спорта. Узкие улицы, заставленные помойными баками, припаркованные в два ряда развалюхи, которые, судя по виду, помнят ещё семидесятые, и полное отсутствие свободных мест.

Я бросаю Maserati в зоне погрузки, наплевав на правила. Пусть только попробуют эвакуировать машину с дипломатическими номерами, которые я оформила за дополнительные пятнадцать тысяч. У Динарди везде есть знакомые, даже в департаменте транспорта Нью-Йорка.

Выхожу и оглядываюсь. Район хуже не придумаешь. Обшарпанные многоквартирники с пожарными лестницами, которые, кажется, рухнут от первого же порыва ветра. Граффити на каждом свободном сантиметре стен. Подозрительные личности, кучкующиеся у подъездов. Запах мочи, дешё-

вого фастфуда и безнадёги.

И здесь живёт Хлоя Миллер?

Я смотрю на экран телефона, сверяясь с адресом. 1734, Провиденс-стрит. До невозможности облезлое здание с облупившейся краской и дверью, которую, судя по следам, несколько раз пытались взломать.

— Ну и ну, — бормочу я, перешагивая через лужу неизвестного происхождения. — Либо Джекс и правда платит ей копейки, либо Хлоя одна из тех девиц, что спускают все деньги на бредовое шмотье, а потом живут впроголодь.

Поднимаюсь на крыльцо, дёргаю дверь. Закрыто. На кодовом замке набираю наугад несколько комбинаций — бесполезно. Тогда просто жму на все кнопки подряд, изображая курьера, который забыл код. Через минуту внутри раздаётся раздражённый щелчок, и дверь открывает какая-то старуха с лицом, которое видело лучшие времена ещё до того, как я родилась.

— Вам кого? — бурчит она, подозрительно меня оглядывая.

— Я к Хлое Миллер, — отвечаю я максимально дружелюбно. — Она ждёт.

Старуха фыркает, но пропускает. Видимо, к Хлое тут ходят нечасто, раз любой визитер это событие.

Поднимаюсь на третий этаж. Лестница воняет кошками и сыростью, ступени скрипят так, будто вот-вот провалятся. Квартира 3В оказывается в конце коридора, дверь обита

дерматинном, из-под которого торчат клочья ваты.

Я стучу.

Тишина.

Стучу ещё раз, громче.

За дверью слышится какая-то возня, потом приглушённый голос:

— Кто там?

— Хлоя, открывай. Это Кая.

Молчание. Потом щелчок замка, и дверь приоткрывается ровно настолько, чтобы я могла увидеть один глаз, обрамлённый спутанными волосами цвета красного дерева.

— Кая? — голос звучит испуганно и удивлённо одновременно. — Ты зачем ты пришла?

— Открой дверь. Я не кусаюсь. Обычно.

— Нет, уходи. Нечего тебе тут делать.

Она уже собирается захлопнуть дверь прямо перед моим носом, но я успеваю выставить ногу, мешая ей запереться.

— Я просто хочу поговорить.

Пассивно-агрессивное молчание было мне ответом.

— Убирайся, Кая, — сдавленно произносит она.

— Ты обязательно должна быть такой сукой?

— Кто-то же должен быть.

Я наиграно тяжело вздыхаю.

— Хлоя, если ты не откроешь грёбанную дверь, я выломаю её через пять секунд. Четыре. Три

Хлоя колеблется ещё секунду, потом дверь открывается

шире, и я вхожу внутрь.

И замираю.

Не только от насыщенного запаха розы с перцем в воздухе, что бьёт в под дых, но и от открывшегося перед глазами зрелища.

Это малюсенькая студия, где кухня совмещена с гостиной и спальней настолько тесно, что повернуться негде. Обшарпанная мебель, которая, кажется, старше нас двоих вместе взятых. Диван с продавленными подушками. Стол, заваленный бумагами и пустыми чашками из-под кофе. Окно выходит в маленький тёмный проулок, так что даже днём здесь царит полумрак.

И везде — книги. Стеллажи, забитые до отказа. Стопки на полу. Горы бумаг, исписанных мелким почерком.

Хлоя стоит посреди этого хаоса, нервно теребя край растянутой футболки, но гордо задрав подбородок. На ней домашние штаны и тапки с зайчиками.

Тапки с зайчиками, боже мой.

Я смотрю на неё, потом на обстановку, потом снова на неё. В голове не укладывается.

— Хлоя, — говорю я медленно, — ты получаешь зарплату от Джексона?

— Получаю, — она сглатывает и взглядом пытается про-
сверлить во мне дыру.

— И сколько он тебе платит?

Она молчит, закусывает губу. Потом выпаливает:

— Двести тысяч в год. Плюс бонусы за успешные операции.

Я моргаю. Двести тысяч в год. Это не просто хорошие деньги — это очень хорошие деньги. На них можно снимать приличную квартиру в Манхэттене, нормально питаться и одеваться. На них можно жить, а не существовать.

— И ты живёшь *здесь*? — я обвожу рукой эту богадельню.

Хлоя сжимает челюсти. Отворачивается, делая вид, что поправляет какие-то бумаги на столе.

— Я... мне здесь нравится. Тихо. Никто не мешает.

— Тебе здесь нравится? — переспрашиваю я, не веря своим ушам. — Хлоя, тут даже мыши повесились бы от тоски.

Она молчит. И в этом молчании я начинаю понимать что-то очень важное.

Хлоя не дура. Она хитрая, умная девушка, которая подобралась к Джону и к Сильвану ближе, чем кто-либо. У неё есть талант, которым Джексон дорожит настолько, что держит её на особом контракте, позволяя работать под своим именем — единственной из всех.

Но она живёт в этой дыре. Почему?

Я смотрю на неё внимательнее. Затравленный взгляд, нервные жесты, руки, которые постоянно чем-то заняты: то теребят футболку, то перекладывают бумаги, то сжимаются в кулаки. Она похожа на человека, который тонет и не может позвать на помощь.

— Хлоя, — говорю я тише, — ты в порядке?

Она дёргается, будто я ударила её.

— В порядке. У меня *всё в порядке*. Ты зачем пришла?

Я сажусь на край продавленного дивана, игнорируя пружину, которая впивается в бедро.

— Я пришла за ответами. О Сильване. О том, что случилось. И мне сказали, что ты можешь помочь.

— Кто сказал? — она напрягается.

— Неважно. Важно другое: Джексон рассказал мне про Джона. Про то, что вы охотились на него. Ты и Клара... Про то, что ни у кого не вышло с ним справиться. Ну... кроме меня.

Хлоя бледнеет. Садится на стул напротив, обхватывая себя руками.

— Это было давно, — шепчет она.

— Мне плевать, когда это было. Мне важно, что ты знаешь. И я хочу, чтобы ты поделилась.

Хлоя так долго молчит, что я начинаю слышать, как за стеной работает телевизор у соседей.

— Ты не понимаешь, — наконец говорит она. — Если я расскажу... он меня убьёт.

— Джексон?

— Не Джексон. — Она поднимает на меня глаза, и в них такой страх, что у меня холодеет внутри. — Те, кто стоит за ним.

— Кто они?

Хлоя качает головой.

— Я не могу сказать. Не сейчас.

Я смотрю на неё и понимаю, что она говорит правду. Таковую правду, от которой у самой меня кровь стынет в жилах.

— Хлоя, — я наклоняюсь ближе, — ты боишься их настолько, что живёшь здесь? В этой дыре, где даже воры не появляются, потому что брать нечего?

Она горько усмехается.

— Ты не понимаешь.

— Так просвети меня.

Она поднимает на меня свои медовые глаза, стараясь не пролить слезу.

— У меня нет выбора.

Я смотрю на неё и вижу человека, который раздавлен собственным демонами. Умного, хитрого, талантливого, но парализованного. Неспособного сделать шаг, даже когда жизнь висит на волоске.

И впервые за всё время что-то внутри меня оттаивает по отношению к ней. Я всё ещё не доверяю ей ни на грош. Но теперь я хотя бы понимаю, почему она такая.

— Ладно, — говорю я твёрдо. — Я не прошу тебя изливать мне душу. Я прошу тебя рассказать про Сильвана. Он жив?

Она глубоко, почти судорожно вдохнула и распрямила спину, гордо задрав подбородок. Словно подняла щит, готовясь к моему удару.

— Судя по анализам крови, которые Организация собра-

ла из номера в «Ла Съенеге», Сильван не пострадал. То была не его кровь.

— А чья?

— Не удалось установить, — Хлоя безразлично повела плечом, будто речь шла о погоде или о ценах на кофе.

— Значит, он жив?

— Вероятно.

— И где он? Что с ним сделала Организация? Что с ним сделала *ты*?

— Я бы не сделала ничего, что могло бы навредить Сильве.

Я тяжело вздыхаю и откидываясь на спинку дивана.

Она как бы и отвечает на мои вопросы, но при этом не даёт мне ясного ответа. Язык тела, уклончивые формулировки — классика жанра «я ничего не скажу, но и не совру». Танцы на минном поле в исполнении профессиональной лгуни.

Хлоя долго смотрит на меня, словно пытается зрительно передать какую-то мысль. Я выгибаю бровь, ни хрена не понимая в этом безмолвном разговоре. Тогда она вздыхает, встаёт, подходит к одному из стеллажей и достаёт потрёпанную папку.

— Я не знаю, где он, но могу подсказать, где тебе искать.

— Она возвращается и кладёт папку на колени. — Садись удобнее. Это долгая история.

Я устраиваюсь на диване, чувствуя, как звери внутри настораживаются.

— Я слушаю. И не советую тебе врать.

Она криво усмехается.

— Врать тебе, Кая? С ума сошла? Я жить хочу.

Хлоя протягивает мне папку. Я беру её в руки, чувствуя, как под пальцами шуршит потрёпанный картон. Открываю и тут же замираю.

Внутри документы. Старые, выцветшие, но аккуратно подшитые и рассортированные. Фотографии. Вырезки из газет. Официальные бланки с печатями.

Я узнаю их мгновенно.

Те же самые файлы, что я обнаружила в сейфе Дарелла, когда временно жила в поместье Сильвана. Досье на семью Ричардсонов. На Магнуса, Элиану, Натаниэля и Сильвана. Фотографии счастливого семейства на отдыхе, на поле для гольфа, за обеденным столом и на фоне яхты. И, отдельно, снимки той самой яхты «Кассандра», которая затонула и унесла их жизни.

Я перелистываю страницы, и сердце пропускает удар. Здесь больше, чем было у Дарелла. Намного больше.

Натаниэль Ричардсон.

Сводный брат Сильвана. Тот, чьё фото отсутствовало в документах у Дарелла. Здесь его тоже нет, но зато есть куча документов. Школьные отчёты. Табели успеваемости. Отличные отметки, особенно по математике и информатике. Заметки учителей:

«Исключительные способности»,

«Одарённый ребёнок»,

«Рекомендуется углублённое изучение программирования».

Дальше — медицинские заключения. С самого детства слабое здоровье, постоянные наблюдения, рекомендации щадящего режима. Хобби — водное поло, но из-за состояния здоровья заниматься профессионально не разрешали. И приписка, от которой у меня мурашки по коже:

«Обучение преимущественно онлайн. Редко появляется на публичных мероприятиях».

Я поднимаю глаза на Хлою.

— Не выглядишь особо удивлённой, — замечает она. — Мне пришлось изрядно поднапрячься, чтобы раздобыть эти досье. Никто не знает, что они у меня. И не должен узнать.

— Я уже видела похожие документы, — признаю я. — У Дарелла. В поместье Сильвана. Но там было меньше информации.

Хлоя кивает, будто ожидала этого.

— Очевидно, Дарелл собирает всё, что связано с семьёй Ричардсонов. Но у него нет доступа к некоторым источникам. А у меня... — она замолкает, подбирая слова, — у меня есть свои каналы.

Я смотрю на неё, пытаюсь понять, что за игру она ведёт. Но Хлоя выглядит серьёзной. Напуганной, но серьёзной.

— Здесь есть кое-что ещё, — говорит она тихо. — То, о чем я не решалась никому сказать.

Она протягивает руку и перелистывает несколько страниц. Останавливается на документе: бланк, какие-то подписи, печати.

— Что это? — спрашиваю я.

Хлоя глубоко вздыхает.

— Это свидетельство о рождении Сильвана.

Я вглядываюсь в бумагу. Имя матери — Элиана Мария Ричардсон, урождённая Вега. Имя отца — Магнус Джордж Ричардсон. Место рождения — частная клиника в Цюрихе. Дата — один в один с официальной версией.

— Я не понимаю, — говорю я. — Это же просто дубликат.

— Посмотри на дату регистрации.

Я смотрю. Дата регистрации — спустя двенадцать лет после рождения Сильвана.

— Всё верно. Его усыновили Ричардсоны, когда ему было двенадцать. Что не так?

— А теперь смотри сюда.

Хлоя переворачивает страницу в файле и указывает на порванный и склеенный вместе кусок бумаги, которая выглядит старше остальных. Края обгоревшие, словно кто-то вытащил её из огня.

Это тоже свидетельство о рождении Сильвана. Все строчки в нём совпадают, кроме двух.

В графе «мать» другое имя. Аника Веласкес.

Дата регистрации документа совпадает с днём рождения Сильвана. Не через двенадцать лет, а в тот самый день.

В графе «отец» то же имя. Магнус Джордж Ричардсон.

В голове что-то щёлкает. Громко, отчётливо, будто спусковой крючок.

— Этого не может быть, — шепчу я.

— Может, — Хлоя смотрит на меня с каким-то странным выражением из смеси страха и торжества. — Сильван — не приёмный сын Магнуса Ричардсона, Кая. Он его родной сын. Не от законной жены, а от любовницы. Просто Магнус не знал о его существовании больше десяти лет.

Я снова откидываюсь на спинку дивана, чувствуя, как мир уходит из-под ног.

Сильван — настоящий Ричардсон. Не детдомовский мальчик, которого подобрали из жалости. Не сирота, которому улыбнулась удача. А родная кровь, законный наследник, которого мать скрывала от отца, а затем и сама бросила в доме малютки.

— Как... почему? — выдавливаю я.

Хлоя пожимает плечами.

— О матери Сильвана мне мало что удалось найти. У них с Магнусом был роман. Короткий, тайный. Когда она забеременела, Магнус уже был женат на Элиане, и у них рос Натаниэль. Видимо, Аника решила не разрушать семью. Уехала, родила в Швейцарии, подписала бумаги на отказ и оставила ребёнка в приюте. А через одиннадцать лет, Магнус каким-то образом узнал правду.

— Но официальная версия...

— Официальная версия — это официальная версия. — Хлоя криво усмехается. — Магнус был достаточно богат и влиятелен, чтобы сделать всё красиво. Усыновление, новые документы, новая легенда. Никто не задавал вопросов. А через несколько лет, когда яхта затонула, оказалось, что Сильван, приёмный сын, единственный живой наследник. Никто не копал глубже.

Я молчу. Перевариваю.

Звери внутри замерли в полной тишине. Даже они в шоке.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — наконец спрашиваю я. — Чем тебе поможет то, что я это узнаю?

Хлоя смотрит на меня долгим взглядом.

— Потому что я думаю, что исчезновение Сильвана связано с этим. Кто-то узнал правду. Кто-то, кому это было выгодно. И если ты хочешь найти его, тебе нужно понять, кто этот кто-то.

— У тебя есть версии?

Она медлит. *Слишком медлит.*

— Хлоя.

— Есть, — выдыхает она. — Но ты должна пообещать, что прикроешь меня. Что бы ни случилось.

Я смотрю в её затравленные глаза и понимаю: она не шутит. Она действительно боится. До дрожи, до холодного пота, до этого жалкого существования в бруклинской дыре.

— Обещаю, — говорю я. — Но если ты соврёшь...

— Я не совру. — Она перебивает меня, проявляя твёр-

дось. — Клянусь, Кая. Не совру.

— Тогда говори.

Хлоя делает глубокий вдох.

— Натаниэль Ричардсон. Старший брат Сильвана. Тот, кого считают погибшим на яхте.

— Но он же был там. Он погиб вместе с родителями.

— Был? — Хлоя качает головой. — Посмотри на документы ещё раз. Слабое здоровье. Обучение онлайн. Редко появлялся на людях. А теперь скажи мне: кто-нибудь видел его вживую? Кто-нибудь может подтвердить, что он поднялся на борт яхты?

У меня холодеет внутри.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что я копала глубже. Натаниэль Ричардсон не появлялся ни на одном публичном мероприятии после девяти лет. Онлайн-обучение. Частные врачи с подписанными соглашениями о неразглашении. Единственные фотографии — детские, где лицо сложно разобрать. А теперь представь: если Натаниэль жив, кто он сейчас? И что он думает о младшем брате, который получил всё — имя, состояние, империю — после смерти родителей?

В комнате повисает такая густая тишина, что её можно резать ножом.

— Ты думаешь, Натаниэль похитил Сильвана? — спрашиваю я.

— Я думаю, что это одна из версий. — Хлоя откидывается

на стул. — А ещё я думаю, что ты единственная, кто может это проверить. Потому что у тебя есть то, чего нет у меня.

— Что?

— Доступ к его друзьям. — Она смотрит мне прямо в глаза. — Тот художник, Аларик, он терпеть меня не может, но знает больше, чем показывает. А Логан и Мелисса — друзья семьи Ричардсонов с давних времён. В досье много их совместных фотографий с Магнусом и Элианой. Если кто-то и знал правду о Натаниэле, то это они.

Я сжимаю челюсть. Не так-то просто будет заставить их рассказать мне хоть что-то личное. Если у них вообще есть это *что-то*.

— И как я, по-твоему, должна проверить это? — спрашиваю я. — Я ушла от Джекса, у меня больше нет тех возможностей для слежки и шпионажа. Без его хакеров мне даже собственные носки не найти, не то что информацию на людей, которые не светятся в соцсетях. А Марк может поцеловать меня в задницу.

— Марк не единственный технарь в мире, — саркастично замечает она.

— Но он лучший.

Хлоя фыркает и закатывает глаза. Кажется, у неё личная неприязнь к Марку. Берём на заметку.

— Лучший среди тех, кого ты знаешь, — поправляет она. — А мир, Кая, немного больше твоей песочницы.

— И что ты предлагаешь? Найти хакера по объявлению в

газете? «Требуется гений киберпреступности, оплата хорошая, риск смерти высокий, в резюме указать опыт взлома правительственных баз»?

Хлоя усмехается. Впервые за весь разговор в её глазах мелькает что-то похожее на азарт.

— Есть места, где ищут таких людей. Даркнет, закрытые форумы, чаты с многоуровневой проверкой. Я знаю пару ресурсов. Там можно найти специалистов любого профиля. От студентов-вундеркиндов до бывших сотрудников АНБ.

— И ты думаешь, они согласятся работать на меня?

— Если заплатишь, то согласятся. — Хлоя пожимает плечами. — У всех есть цена. Главное найти того, кто не сдаст тебя при первой же опасности.

— И как я это проверю? Пробная взятка?

— Рекомендации, — просто отвечает она. — В этих кругах всё держится на репутации. Я могу свести с тем, кто выведет тебя на нужного человека. Дальше сама.

Я смотрю на неё с новым интересом.

Кто бы мог подумать, что у Хлои, живущей в этой дыре, есть такие связи?

— А ты? — спрашиваю я. — Почему ты сама этим не пользуешься?

Она отводит взгляд.

— Организация следит за каждым моим шагом, — тихо говорит она. — Если меня снова поймают... — она сглатывает, — ещё раз я вряд ли такое переживу.

В её голосе столько горечи, что мне становится не по себе. Решаю не задавать лишних вопросов, видя, в какую тьму погрузились её глаза. В конце концов, Сильван пропал с моей подачи. Мне это и расхлёбывать.

Я встаю с дивана.

— Ладно. Допустим, я найду хакера. Что дальше?

— Дальше ты выяснишь, где сейчас Натаниэль Ричардсон. Если он жив, он где-то оставил след. Цифровой, финансовый, любой. Хакер найдёт.

— А если не найдет?

— Тогда искать того, кто знал его при жизни.

Мы смотрим друг на друга. В её глазах плещется страх и что-то ещё, что мне не удаётся уловить до конца.

— Ладно. Спасибо за информацию.

— Обращайся. И... будь осторожна.

— Не в моём характере.

Она поджимает губы и коротко кивает.

— Тогда удачи.

Я снова смотрю на документы. На лицо Сильвана на старой фотографии. На порванное свидетельство с именем Аники Веласкес. На пустоту там, где должен быть Натаниэль.

Звери внутри скалятся.

Охота начинается.

Глава 8

**Во всяком деле, чтобы добиться успеха,
нужна некоторая доля безумия.**

— Уильям Шекспир

Сейчас.

Майами. Частный особняк.

9 вечера.

Три дня.

Три дня ушло на то, чтобы найти нужного человека, договориться о его гонораре и получить крохи нужной мне информации.

Хлоя сдержала слово — вывела меня на контакт в даркнете. Дальше пришлось действовать самой. Торговаться, проверять, снова торговаться и наконец-то получить доступ к человеку, который представился как «Винтер». Ни имени, ни лица, только аватарка с белым волком и репутация, от которой у нормальных хакеров должны были бы отвиснуть челюсти.

Мы списались в зашифрованном чате, который самоуничтожался через час после разговора. Я объяснила задачу: найти любые цифровые следы Натаниэля Ричардсона

за последние семь-восемь лет (с момента, когда пошла ко дну «Кассандра»). Финансовые операции, логины, выходы в сеть, покупки, перемещения — всё, что может выдать живого человека.

Винтер долго молчал. Потом написал:

*«5000. Половина сейчас, половина когда найду.
Если не найду, предоплата не возвращается».*

Я перевела деньги. И стала ждать.

Ответ пришёл через сутки. Короткий и сухой, как отчёт патологоанатома:

*«Ничего. Ноль цифровых следов за последние 7 лет.
Последней активностью было снятие всех наличных
со счетов на его имя и их последующее закрытие 8 лет
назад.*

Либо мёртв, либо очень хорошо прячется.».

Я смотрела на экран и чувствовала, как внутри разрастается холод.

Ничего.

Как будто Натаниэль Ричардсон действительно исчез с лица земли в тот день, когда затонула «Кассандра».

Но Винтер не был бы профи, если бы не добавил постскриптум:

«Есть кое-что другое. Логан и Мелисса Уэстон.

Друзья семьи Ричардсонов, что опознавали их тела после кораблекрушения.

Получили приглашения на закрытое мероприятие в особняке в Майями и уже приобрели билеты бизнес-классом на сегодняшний рейс.

Список гостей закрытый, но в приглашении указан дресс-код casino chic.

Если хочешь поговорить с ними, лучше места не придумывать.

Адрес скинул отдельным файлом».

Я улыбнулась.

Вот за что я люблю профессионалов. Они всегда дают больше, чем просишь.

После разговора с Винтером я сразу же залезла в приложение авиакомпании. Ближайший рейс Нью-Йорк — Майями вылетал через четыре часа. Этого времени как раз хватило, чтобы домчать до аэропорта, бросить Maserati на долгосрочной парковке — пусть постоит, королева заслужила отдых — и успеть на посадку.

Бизнес-класс, виски со льдом, пара часов в телефоне, и я уже в Майями, где меня ждёт такси до отеля и пара часов, чтобы привести себя в порядок перед вечером. Душ, макияж, укладка, и вот я снова человек. Ну, или что-то около то-

Особняк оказался ещё роскошнее, чем я представляла. Трёхэтажный дом в неоклассическом стиле, с колоннами, мраморными львами у входа и пальмами вдоль подъездной аллеи, по которой мог бы проехать танк. Бассейн, в котором отражаются огни города, будто Майами решило устроить конкурс «кто больше потратит на иллюминацию». Это архитектурная демонстрация того, что деньги могут всё.

Вереница такси, лимузинов и «роллс-ройсов» выстроилась в ряд у входа. Из них выходят дамы в бриллиантах и мужчины в смокингах. Я смотрю на это всё и думаю: интересно, сколько из них на самом деле при деньгах, а сколько взяли напрокат последнюю рубашку, чтобы просто попасть внутрь и понюхать чужую роскошь?

Моё бизнес-такси высадило меня прямо у входа. Водитель открыл дверь и даже слегка поклонился, видимо, чаевые были действительно щедрыми. Или он просто испугался, что я передумаю и попрошу сдачу.

Шёлк чёрного платья в пол обтекает мою фигуру как вторая кожа, глубокий вырез на спине спускается до самого копчика. Достаточно вызывающе, чтобы привлекать взгляды, и достаточно элегантно, чтобы не выглядеть дешёвкой.

Волосы уложены в небрежные локоны, макияж а-ля «я ничего не делала, просто такая красивая», хотя на самом деле я потратила час перед зеркалом в отеле, проклиная всё на свете и перекрашивая стрелки в четвёртый раз.

В клатче лежат телефон, помада и маленький дерринджер на случай, если разговор пойдёт не по плану. Две пули. Одна — для врага, вторая — тоже для врага. Я не настолько безумна, чтобы умирать молодой и богатой.

У входа стоит фейсконтроль. Двое вышибал с лицами профессиональных боксёров, которые, кажется, никогда не улыбались, даже в детстве. Проверяют приглашения.

Я протягиваю пластиковую карточку с голограммой. Подделка, которую Винтер сделал за отдельную плату и заверил, что она пройдёт любую проверку.

Один из вышибал сканирует код, смотрит на экран, потом на меня. Снова на экран. Я уже мысленно перебираю варианты отступления, но тут его лицо расслабляется.

— Мисс... — он сверяется с данными, — Валентина Кроуфорд?

— Собственной персоной, — улыбаюсь я самой обезоруживающей улыбкой.

Он кивает, пропуская. Второй даже не смотрит в мою сто-

рону, он занят разглядыванием какой-то блондинки в платье, которое скорее отсутствует, чем присутствует.

Я вхожу внутрь и на секунду замираю.

Первый этаж особняка превращён в настоящее казино. Рулетки, столы для покера и блэкджека — всё по-взрослому. Дилеры в идеальных смокингах, крупье с профессиональными улыбками, фишки, которые звенят так аппетитно, будто это не пластик, а чистое золото. Вдоль стен расположены бары с шампанским и коктейлями. В воздухе висит густой запах азарта и дорогого алкоголя, смешанный с дорогим парфюмом и чужими надеждами на лёгкую наживу.

Гости одеты соответственно: женщины в сверкающих платьях, мужчины в смокингах. Многие в масках, видимо, дань какой-то теме. Казино-нуар с налётом венецианского карнавала. Или просто способ скрыть похмелье и стыд за проигрыш.

Публика тут самая разношёрстная. У рулетки стоит какой-то политик, чьё лицо я помню по новостям. Кажется, его недавно ловили на взятках, но он как-то выкрутился. За покерным столом сидит пара тёмных дельцов, которых Джексон когда-то показывал в досье. В углу, потягивая шампанское, расположилась известная актриса с молодым спутником, который явно младше её сына. Она смотрит на него с такой нежностью, будто это её последний шанс на личное счастье. Или просто последний шанс доказать, что она ещё ого-го.

Идеальное место для людей, которые хотят выглядеть респектабельно, но при этом пообщаться с теми, с кем при свете дня не поздороваются.

Я беру бокал шампанского с подноса проходящего официанта. Пить его я, конечно, не планирую, *боже упаси*. Но бокал в руке это отличная маскировка. Все думают, что ты ослаблена, пьёшь, никуда не спешишь. А ты просто используешь его как перископ, чтобы сканировать людей.

Скольжу в толпу, как нож в масло под **Can't Stop Winning - SATV Music**, что играет из динамиков под потолком. Моя цель — Логан и Мелисса. По информации Винтера, они должны быть здесь. Логан — заядлый игрок, Мелисса обожает светские мероприятия. Превосходное совпадение.

Проходит минут двадцать, прежде чем я замечаю их.

Логан стоит у стола с рулеткой, сосредоточенно наблюдая за вращающимся колесом. Высокий, седовласый, с идеальной осанкой человека, который всю жизнь провёл в дорогих костюмах и залах для переговоров. Мелисса рядом с ним — элегантная брюнетка в тёмно-синем платье, с бриллиантами в ушах. Она смотрит на него с той особой преданностью, которая бывает только у жён, давно привыкших быть тенью своих мужей.

Или это любовь.

Хотя мне-то откуда знать, как выглядит любовь?

Я подхожу ближе, но не вплотную. Встаю у соседнего стола, делая вид, что изучаю ставки. Жду удобного момента.

Логан проигрывает. Усмехается, пожимает плечами и отходит от стола. Мелисса касается его руки, что-то шепчет. Они направляются в сторону бара.

Идеально.

Я перехватываю их у стойки, делая вид, что просто оказалась рядом.

— Логан? — говорю я с лёгким удивлением, будто только что заметила. — Мелисса? Какая неожиданность!

Логан оборачивается. В его глазах отражается вежливое недоумение человека, который пытается вспомнить, где видел это лицо, но пока безуспешно.

— Простите, мы знакомы?

— Кая, — представляюсь я, протягивая руку. — Мы встречались пару месяцев назад. У вас дома был ужин. С Сильваном, Алариком и Дареллом.

При упоминании Сильвана лицо Логана меняется. Совсем чуть-чуть — профессионалы старой школы умеют держать лицо. Но я замечаю. Лёгкое напряжение в челюсти, едва уловимое движение глаз. Мелисса тоже напрягается, хотя её улыбка остаётся идеальной. Слишком идеальной.

— Ах да, — Логан пожимает мою руку. — Конечно. Меня ввело в заблуждение... цвет твоих глаз. Я бы запомнил девушку с гетерохромией.

— Какое-то время я носила цветные линзы, — я безразлично повела плечом. — Стеснялась своего... недостатка.

— Зря, — подала голос Мелисса. — Твои глаза просто

прелестны. Они притягивают взгляд.

— Спасибо. — Я улыбаюсь, хотя внутри усмехаюсь.

Прелестны.

Да, именно так я бы описала свои глаза, которые видели столько дерьма, что хватило бы на несколько жизней.

— Приятно снова тебя видеть, Кая, — говорит Логан, и в его голосе проскальзывает что-то похожее на искренность. Или просто хорошее воспитание.

— Взаимно. — Я беру новый бокал с подноса, оставляя старый нетронутый. — Великолепный вечер. Интересное место.

— Стараемся не скучать, — Мелисса улыбается, но в её глазах сквозит настороженность. — Ты одна?

— К сожалению, да. Мои спутники предпочли другие развлечения. — Я делаю глоток шампанского. *Отвратительно.* Где тут наливают джин? — Кстати, вы не видели Сильвана в последнее время? Он пропал куда-то, не отвечает на звонки.

Логан и Мелисса переглядываются. Этот взгляд длится долю секунды, но я ловлю его. Они что-то знают. Вопрос только, что именно.

— Мы тоже его не видели, — говорит Логан слишком осторожно. — Наверное, занят делами.

— Делами, — повторяю я с лёгкой усмешкой. — Да, наверное. Просто... странно. Обычно он не исчезает без предупреждения.

Мелисса открывает рот, чтобы что-то сказать. Я вижу это,

она готова заговорить, готова сказать что-то важное. Её глаза метнулись к мужу, ища разрешения, и Логан, кажется, почти неумовимо кивает.

— Кая, — начинает она тихо, — есть кое-что...

И в этот момент словно из ниоткуда за моей спиной раздаётся голос. Низкий, бархатный, до мурашек знакомый.

— Какая неожиданная встреча.

Я замираю. Звери внутри вздыбливают шерсть и скалятся одновременно.

Дарелл.

Медленно оборачиваюсь. Он стоит в двух шагах от меня, одетый в безупречный чёрный смокинг, с бокалом виски в руке и той самой усмешкой на губах, от которой у меня всегда подкашиваются колени, сколько бы я себе ни твердила, что он опасен. Потому что правда опасен. И это знание почему-то не отталкивает, а притягивает, как магнит.

— Дарелл, — мой голос звучит ровно, хотя внутри всё кипит. — Какими судьбами?

— Теми же, что и ты, — он переводит взгляд на Логана и Мелиссу. — Логан, Мелисса, надеюсь, не помешал?

— Что ты, конечно нет, — Мелисса выдавливает улыбку, но она натянута, как струна перед разрывом. Логан молчит, но я чувствую, как изменилась атмосфера. Воздух вокруг сгустился, стал почти осязаемым. Дарелл здесь не просто гость. Он здесь, чтобы контролировать ситуацию.

— Я как раз собиралась задать пару вопросов своим лю-

безным собеседникам, — говорю я, не сводя с него глаз. — О Сильване.

— О Сильване? — Дарелл поднимает бровь, и в его глазах мелькает что-то похожее на насмешку. — Странное место для расспросов. Здесь даже рулетка честнее, чем некоторые люди.

Он смотрит на Логана с намёком, от которого тот заметно бледнеет. Интересно, что между ними? Долги? Общие тайны? Или просто старые счёты, о которых я ничего не знаю?

Затем его синие бездны обрушиваются на меня. Мы смотрим друг на друга. В его глазах переливается вызов и лёгкое веселье. Он знает, что я раскусила его игру. Знает, что я понимаю: он здесь не случайно. И ему это нравится. Ему нравится играть со мной в кошки-мышки, где роли постоянно меняются.

Логан кашляет.

— Дорогие друзья, мы, пожалуй, пойдём... Здесь становится слишком многолюдно.

— Не смею задерживать, — Дарелл даже не смотрит в их сторону.

Мелисса и Логан переглядываются и растворяются в толпе быстрее, чем шампанское в бокалах у алкашей на бесплатном фуршете. Я даже не успеваю сказать им ни слова на прощание. Дарелл просто стёр их своим появлением, как ластик стирает карандаш.

Я остаюсь с Дареллом один на один в этом море чужих

лиц.

— Ты следил за мной, — говорю я тихо.

— Я нашёл тебя, — поправляет он, беря меня под локоть и уводя от бара в сторону тихой зоны. — Это разные вещи.

— Для кого как.

Мы останавливаемся у колонны, в относительном уединении. Он отпускает мою руку, но продолжает смотреть так, будто я — единственное, что имеет значение в этой комнате. Будто вокруг не десятки людей, а пустой зал.

— Зачем ты здесь?

— Ищу Сильвана. — Я смотрю ему прямо в глаза. — Что ты с ним сделал?

— Я никогда не причинил бы ему вреда. — Спокойно, уверенно, без тени сомнения он делает глоток виски.

Где-то я уже слышала что-то подобное.

— О да, охотно верю. — Мои губы кривятся в усмешке.

— Я его телохранитель и отдал бы свою жизнь за его.

В таком случае ты крайне хреново справляешься со своей работой, — хочу выплюнуть я, но произношу другое:

— Почему же тогда твоя рубашка была в крови?

— А ты знаешь, *чья* это была кровь?

Если верить Хлое, то точно не Сильвана.

Дарелл сокращает расстояние между нами, делая шаг ко мне. Я инстинктивно пячусь назад и врезаюсь спиной в колонну. Холодный мрамор впивается в оголённые лопатки, но я даже не чувствую этого. Всё моё внимание приковано к

нему.

Я сама по себе высокая, плюс каблуки — достаю до уровня, когда большинству мужчин приходится смотреть на меня, задрав голову вверх. Но этот дьявол всё равно возвышается надо мной, как айсберг над тонущим кораблём. И, судя по всему, роль «Титаника» в этой сцене отведена мне.

Я так резко запрокидываю голову, чтобы смотреть этому придурку в глаза, что один из позвонков с хрустом встаёт на место. Больно, но я не морщусь. Не доставлю ему такого удовольствия.

Мне нечего ответить на его вопрос. Я и правда не знаю, чья кровь была на нём в тот злополучный день. Но и он не продолжает рассказ.

Я почему-то верю Дареллу. Возможно, я просто хочу ему верить. Верить, что он не причинил бы вреда своему начальнику — человеку, который доверил ему свою жизнь.

Мы продолжаем смотреть друг на друга, стоя в опасной близости. И в этой возникшей тишине больше смысла, чем в любых словах.

Когда я смотрю в его синие глаза, я вижу цвета, которых не существует в природе. Таких глубоких, таких бездонных, что кажется — ещё мгновение, и я провалюсь туда без остатка. Его горячее дыхание обжигает мои губы, а предательское тело выгибается навстречу, моля о его прикосновениях. Звери внутри замерли в напряжении, боясь спугнуть момент.

Из соседнего зала доносится взрыв смеха и звон фишек.

Это разрушает нашу маленькую сценку запретной магии. Лицо Дарелла отдаляется от моего, но лишь для того, чтобы его рука удобно устроилась на мраморе над моей головой. Он не отступает. Он просто даёт мне иллюзию пространства, оставаясь в нём главным.

— Я знаю, что ты была у Хлои. — Его голос звучит почти ласково. — Милая девушка. Смышлёная, но с плохим вкусом в выборе знакомых.

Внутри всё леденеет.

— Откуда ты знаешь про Хлою?

— Я многое знаю. — Он улыбается, и от этой улыбки у меня мурашки по коже. — Например, что ты летела сюда рейсом American Airlines, сидела в кресле 2А и осталась недовольна выбором вин. — Он усмехается. — У тебя очень выразительное лицо, когда тебе не нравится вино.

— Ты всё-таки следишь за мной.

— Присматриваю. — Он пожимает плечами. — Тонкая, но важная разница.

— Тогда помоги мне узнать, где Сильван.

Дарелл молчит. Потом наклоняется ближе, загоразживая своим огромным телом весь свет, весь мир, всю вселенную. Я чувствую запах виски и чего-то тёмного и опасного, что всегда идёт за ним по пятам.

— А что ты предложишь мне взамен? — шепчет он почти в самое ухо.

Я кладу ладонь на его грудь и пытаюсь оттолкнуть от себя.

Именно *пытаюсь*. Потому что он даже не шелохнулся. С таким же успехом можно пытаться сдвинуть с места небоскрёб голыми руками.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться.

— О, я всегда в том положении. — Он выпрямляется и снова становится невозмутимым. — Просто пока ты этого не видишь.

— Дарелл.

— Каталея.

Он произносит моё имя, смакуя, прокатывая каждую букву на языке, будто пробует дорогое вино. И у меня мурашки бегут по коже, сколько бы я ни пыталась это контролировать.

Я хочу спросить, откуда он знает моё имя. Спросить прямо, в лоб, глядя в эти бездонные глаза. Но не могу. Не хочу быть в позиции вопрошающей. Пусть думает, что мне плевать.

— Если ты знаешь, где может быть Сильван, скажи. — Мой голос звучит твёрже, чем я себя чувствую. — Это не игра.

— Всё игра, принцесса. — Он допивает виски и ставит бокал на поднос проходящего официанта, даже не глядя в его сторону. — Вопрос только в том, по чьим правилам.

Он делает шаг назад. Один шаг, но расстояние между нами становится огромным, непреодолимым.

— Увидимся. И советую держаться подальше от рулетки. Сегодня твоя удача не в духе.

— Откуда тебе знать? — бросаю я ему в спину.

Он останавливается. Медленно оборачивается. И в его глазах бушует та самая бездна, в которой я рискую утонуть.

— Я всегда знаю.

Дарелл исчезает в толпе так же внезапно, как появился. Растворился среди сверкающих платьев и смокингов, будто его и не было. Будто это всё мне привиделось.

Я остаюсь одна у колонны с бешено колотящимся сердцем и желанием то ли догнать его и придушить, то ли догнать и поцеловать. И этот выбор бесит больше всего. Потому что оба варианта плохие. И оба почему-то кажутся правильными.

Звери внутри скалятся, но в их рычании слышится что-то подозрительно похожее на мурлыканье. *Предатели.*

— Чтоб тебя, — шепчу я в пустоту.

Глава 9

Когда всех сильнее мы — кто отшатнется назад?

Когда веселее — кто валится наземь от хохота?

Когда мы дрянь дрянью — что они могут нам сделать?

— Артюр Рембро

Сейчас.

Майами. Частный особняк.

11 вечера.

После ухода Дарелла я ещё полчаса бродила по первому этажу, пытаюсь отыскать Мелиссу и Логана в надежде продолжить наш прерванный разговор. Я прохаживалась между столами, делая вид, что мне ужасно интересны покер, блэкджек и прочая мишура. Даже сделала ставку в рулетку, чтобы доказать дьяволу с синими глазами и себе самой, что с моей удачей сегодня всё в порядке.

Поставила всё на 25 — день моего рождения — чёрное.

И проиграла.

Блять.

Это просто совпадение. Совпадение, совпадение, *совпадение*. Если повторять это достаточно часто, может быть, даже

поверишь.

Я сделала ещё пару ставок за другими столами. Так, чисто для антуража. Проиграла пару сотен, выиграла пару сотен, осталась при своих. Скука смертная. Азарт — штука занятная, но только когда на кону стоит что-то большее, чем просто цифры на фишках.

В какой-то момент мне стало невыносимо душно. От запаха дорогого парфюма, от фальшивых улыбок, от этого бесконечного звона фишек. Я вышла на террасу, вдохнула влажный майамский воздух, смешанный с запахом океана.

Помогло. Немного.

А потом я заметила лестницу на второй этаж.

Обычно в таких особняках верхние этажи закрыты для гостей. Но сегодня дверь наверху была приоткрыта, и оттуда лился тёплый, приглушённый свет. Мягкий, золотистый, совсем не похожий на агрессивную иллюминацию казино внизу.

Среди гостей на первом этаже Мелисса и Логан мне так и не попались. Быть может, они ушли наверх? Быть может, мне удастся разговорить их в менее людном месте?

Любопытство не порок, а мой двигатель. Я оглянулась, убедилась, что никто не смотрит, и скользнула вверх по лестнице.

Коридор второго этажа утопал в полумраке. Только из-под одной двери пробивался тот самый тёплый свет и слышались приглушённые голоса: мужской смех, женский смех,

звон бокалов.

Я подошла ближе. Дверь была приоткрыта ровно настолько, чтобы можно было заглянуть внутрь, оставаясь незамеченной.

Большая комната, обставленная с той небрежной роскошью, которая бывает только у людей, выросших с деньгами и не думающих о них каждую секунду. Глубокие кожаные кресла, низкий столик, заставленный бутылками, и компания, от вида которой у меня внутри всё сжалось.

Я узнала их мгновенно, хоть и встречала лишь единожды на скачках, куда меня приглашал Сильван. Это было до его исчезновения. До того, как я убила Грегори Лоуэна. До того, как те громы ворвались в мою квартиру.

Боже, это было словно в другой эре.

Тёмноволосый Ноа, с ямочкой на подбородке, от которой у девушек слетают трусики, расслабленно сидел в кресле с бокалом виски в руке и чему-то улыбался.

Слева от него расположился Стефан. Рядом с ним любой бог с Олимпа показался бы недоделанной статуей. Каштановые волосы, идеальные черты лица, глаза, в которых плескалась ленивая уверенность человека, которому всё в этой жизни даётся легко.

А у окна, полуотвернувшись, с бокалом в руке стоял Дарелл и смотрел куда-то в ночь. Даже со спины он выглядел как хищник, загнанный в клетку, но делающий вид, что ему тут нравится.

На коленях у Ноа сидела девушка. Потрясающе красивая, с длинными чёрными как ночь волосами и губами, которые явно знали толк в дорогой помаде. Она что-то шептала ему на ухо, и он смеялся тем особенным смехом, которым смеются мужчины, когда чувствуют себя на вершине мира.

Компания явно чувствовала себя здесь как дома.

И тут Стефан поднял глаза и посмотрел прямо на дверь. Прямо на меня.

— О, у нас гости, — сказал он с лёгкой усмешкой, и в его голосе не было ни капли удивления. Будто он ждал, что кто-то появится. Будто я была здесь желанным гостем.

Все головы повернулись в мою сторону.

— Не стой в дверях, заходи, — Стефан сделал приглашающий жест. — Мы не кусаемся. Ну, почти.

Я шагнула внутрь, чувствуя на себе четыре пары глаз. Дарелл даже не обернулся, но я знала: он видит меня краем глаза, кожей, той хищной интуицией, которая не подводит ни его, ни меня.

Ноа всмотрелся в моё лицо, и его улыбка стала шире.

— Кая, — сказал он, и в его голосе послышалось узнавание. — Мы знакомы. Встречались где-то с месяц назад... — он замолк, всматриваясь внимательнее, и вдруг нахмурился. — Хотя постой. Что-то не так. Раньше у тебя были... голубые глаза?

Я усмехнулась. Мои звери довольно потянулись.

Да начнётся игра.

— Были, — ответила я с лёгким сарказмом. — Знаешь, как это бывает: экспериментируешь в жизни, то линзы цветные носишь, то в мукада влюбишься, то ещё что. Сейчас вот решила показать миру своё истинное лицо. — Я повела плечом. — Буквально.

— Гетерохромия, — подал голос Стефан, и в его глазах мелькнул профессиональный интерес. — Редкая штука. Красивая.

— Спасибо, — я улыбнулась самой своей очаровательной улыбкой. — Приятно, когда твои генетические отклонения ценят по достоинству.

Я не стала вдаваться в подробности, *как именно* заработала гетерохромию. Не хотелось разрушать их весёлую обстановку рассказами о жутком бывшем муже, аварии и последующей операции, в которой мой правый глаз удалось спасти не иначе как чудом.

Девушка на коленях у Ноа захихикала, но как-то напряжённо. Она явно не понимала, кто я и почему эти двое так легко со мной общаются. Быть украшением — это её место, а тут появилась конкурентка.

Я села в свободное кресло, игнорируя Дарелла так же старательно, как он игнорировал меня.

— Чем занимаетесь? — спросила я, обводя взглядом комнату.

— Да вот, решаем, как разнообразить вечер, — Ноа откинулся в кресле, девушка на его коленях тут же прильну-

ла теснее. — Обычные игры уже надоели. Хочется чего-то... остренького.

— Например? — я подняла бровь.

Стефан переглянулся с Ноа. Тот едва заметно кивнул.

— Русская рулетка, — сказал Стефан просто, будто предложил сыграть в покер. — Есть пистолет, есть пуля, есть барабан. Крутишь — стреляешь. Адреналин гарантирован.

Я смотрела на них и пыталась понять, шутят они или нет. По их лицам ничего нельзя было прочесть, в них явно читались только лёгкий азарт и предвкушение.

— И во сколько стволов игра? — спросила я максимально будничным тоном.

— В два, — ответил Ноа. — Пуля в одном из шести патронов в каждом. Крутишь барабан, стреляешь. Если повезло, то передаёшь следующему. Если нет... — он пожал плечами. — Врачи внизу есть. Надеюсь.

— А стреляете куда?

— В руку, — Стефан усмехнулся. — Мы не самоубийцы, Кая.

— Мы слишком молоды и богаты, чтобы умирать, — улыбнулся Ноа.

Я улыбнулась в ответ, ведь недавно говорила себе то же самое.

— Просто любим пощекотать нервы, — добавил Стефан. — И свои, и окружающих.

Я кивнула, обдумывая. В руку — это разумно. Больно,

кроваво, но не смертельно. Идеальный компромисс между русской рулеткой и вечеринкой богатых бездельников.

— Ты с нами? Стрелять умеешь? — спросил Ноа, глядя на меня с любопытством.

Я открыла рот, чтобы ответить, но тут впервые за всё время подал голос Дарелл.

— Она пасс, — сказал он, не оборачиваясь от окна. — Сегодня ей не везёт с рулеткой.

Я медленно повернула голову и посмотрела на его спину. На идеально сидящий смокинг. На напряжённые плечи. На эту его уверенность, что он может решать за меня.

— Вообще-то, — мой голос прозвучал сладко, как мёд с уксусом, — я в состоянии ответить сама.

Дарелл наконец обернулся. В его глазах мелькнуло... удивление? Раздражение? Или то самое веселье, которое появляется, когда добыча начинает огрызаться?

Я улыбнулась ему самой дерзкой улыбкой.

— Стрелять умею. Пару раз была с подружкой в тире, — соврала я и наивно похлопала ресницами. — Так что я играю.

Стефан хмыкнул. Ноа одобрительно кивнул. Девушка на его коленях посмотрела на меня с новым интересом. Кажется, я перестала быть просто конкуренткой и превратилась в источник развлечения.

— Правила знаешь? — спросил Стефан, доставая откуда-то из-за кресла два чёрных пистолета. — Или нам нужно

тебя просветить?

— Я в курсе правил, — ответила я. Но потом добавила: — Но просветить никогда не помешает. На всякий случай.

— Значит, так, — Стефан положил пистолеты на стол. — Два ствола. В каждом по одному патрону в одном из шести гнёзд. Барабаны крутим сами перед каждым выстрелом. Очередность — по кругу. Стреляем в левую руку. — Он поднял глаза на меня. — Вопросы?

— Только один, — я полезла в клатч и достала свой дерринджер инкрустированный бриллиантами. Больше украшение, нежели оружие, но не менее смертоносно. — Можно играть своим инструментом?

Повисла пауза. Ноа присвистнул. Девушка у него на коленях округлила глаза. Стефан смотрел на мой маленький пистолет с неподдельным интересом.

— Дерринджер, — сказал он с уважением. — Два ствола, два патрона. Классика. И откуда, позволь спросить, у тебя пушка, милая? — прищурился с подозрением.

— Одинокой девушке нужно уметь постоять за себя.

— Только не говори, что ты посещала те бесполезные курсы по самообороне для девушек, где их учат сто одному способу врезать парню по яйцам, — Стефан небрежным движением откинул волосы со лба.

Коварная усмешка собиралась изогнуть мои губы, но я зажала её в зародыше. Не хватало ещё, чтобы они поняли, как я люблю, когда меня недооценивают.

— Лучше. Проходила курсы молодого бойца, — не смогла скрыть гордыню в голосе. Хотя, честно говоря, я и не особо старалась.

— И там учат стрелять?

— Среди прочего.

— А она не только горяча, но и опасна, — усмехнулся Ноа, хлопая Дарелла по ноге.

— Это я уже понял, — тихо сказал Дарелл, и в его голосе послышалось что-то, от чего у меня по коже побежали мурашки.

— Два патрона меняют расклад, — заметил Стефан. — Риск выше.

— Я люблю риск, — ответила я, положив дерринджер на стол рядом с другими пистолетами.

— Тогда правила общие, — кивнул Стефан. — Крутишь, стреляешь. И да хранит нас всех слепой случай.

Первым стрелял Ноа. Он крутанул барабан своего пистолета, приставил дуло к левой руке и нажал на курок. Сухой щелчок — пусто. Он выдохнул, усмехнулся и передал пистолет дальше.

Девушка на его коленях отказалась играть:

« — Слишком страшно, слишком рискованно, лучше наблюдаю со стороны. »

Никто не настаивал.

Стефан стрелял вторым. Тоже щелчок. Тоже пусто.

Потом очередь дошла до Дарелла.

Он взял пистолет, крутанул барабан с ленивой грацией крупье, приставил к руке и выстрелил, даже не глядя. Щелчок. Пусто.

— Повезло, — прокомментировал Ноа.

— Не повезло, — поправил Дарелл, возвращая пистолет на стол. — Просто знаю, как стрелять.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри нарастает азарт. Звери точили когти.

Моя очередь.

Я взяла свой дерринджер. Маленький, тяжёлый, родной. Крутанула барабан — раз, два, три оборота. Приставила к левой руке. Палец замер на курке. Секунда. Две. Три.

Щелчок.

Пусто.

Я выдохнула. Не громко, но, судя по тому, как дёрнулся уголок губ Дарелла, он заметил.

— Так мы далеко не продвинемся, — Ноа разочарованно откинулся в кресле. — Можно до утра тут сидеть и щёлкать пустую.

— Есть идея получше, — Дарелл наконец отлип от окна и подошёл к столу. В его глазах блеснул опасный огонёк, от которого у меня внутри всё переворачивалось. — Стреляем по цели. В барабане по-прежнему должна быть одна пуля. Кто попадёт, тот и выиграл.

Стефан присвистнул.

— Рискованно.

— По неживой цели — ничуть, — парировал Дарелл, и его взгляд скользнул по мне.

Я пожала плечами с напускным равнодушием:

— Я за.

Ноа вздохнул.

— Скучно.

— Ну или можем выбрать целью твой член, — иронично ответил Дарелл. — Обещаю, масса впечатлений гарантирована.

Мы со Стефаном прыснули. Ноа весь подобрался и придвинул девушку поближе к себе, загораживая самую ценную часть тела.

— Только попробуй, — буркнул он, но в его голосе слышалась усмешка. — Шарлотта потом будет долго рыдать, что лишилась любимой игрушки.

Девушка на его коленях возмущённо ткнула его локтем, но Ноа только рассмеялся.

Стефан достал откуда-то пустую бутылку из-под дорогого виски и водрузил её на каминную полку. Идеальная мишень — узкое горлышко, изящный силуэт. Попасть по такой сложнее, чем промахнуться, особенно когда в руках пистолет с одной пулей в барабане, и ты понятия не имеешь, в какой момент она выстрелит.

— Правила простые, — объявил Ноа, явно входя в роль ведущего. — Крутишь барабан, стреляешь в бутылку. Если пуля не вылетела, то передаёшь ход. Если вылетела — смот-

рим, куда попала. Кто разнесёт бутылку тот и чемпион.

— А если пуля попадёт не в бутылку, а, скажем, в стену?
— поинтересовалась я.

— Тогда хозяевам особняка придётся несладко, — усмехнулся Стефан. — Пошлю своим родителям открытку с извинениями.

О-о.

Так значит, этот особняк принадлежит семье Стефана. Ну конечно. Золотой мальчик из богатой семьи, друзья-миллиардеры, вечеринки в родительском доме, пока предки в отъезде. Классика жанра.

Интересно, знают ли папа с мамой, что их антикварные стулья сейчас поливают виски, а в стенах появляются пулевые отверстия?

Шарлотта на коленях у Ноа нервно хихикнула. Ей явно было не по себе, но уходить она не собиралась. Слишком интересное зрелище. Да и возможность посидеть на коленях у одного из самых завидных женихов Америки дорогого стоит. Ради такого можно и потерпеть соседство с психопаткой с пистолетом.

Я перевела взгляд на Стефана.

— Родители в курсе, чем ты занимаешься, пока их нет дома?

Он широко улыбнулся такой ослепительной улыбкой, которая, видимо, заставляла кассиров в банках отсчитывать ему деньги без лишних вопросов.

— Они предпочитают не знать. Это делает наши отношения крепче.

— Им придётся сделать над собой усилие, когда они увидят счёт за ремонт, — хмыкнул Ноа.

— Папа всё равно собирался менять обои в гостиной, — отмахнулся Стефан. — Скажу, что это такой современный дизайн. «Постапокалиптический шик». Сейчас модно.

— С дырками от пуль? — уточнила я.

— Эксклюзивно, — подмигнул он.

Я покачала головой. Богатые люди. У них свои причуды. Хотя, *не мне, блять, судить.*

Ноа тем временем уже подталкивал девушку к двери.

— Шарлотта, милая, иди пока поиграй внизу. У нас тут мужские игры.

Шарлотта надула губки, но спорить не решилась. Бросив на меня последний взгляд из смеси восхищения и ужаса, она выпорхнула из комнаты, оставляя за собой шлейф дорогих духов и обиды.

— Наконец-то, — выдохнул Стефан. — А то её хихиканье действовало на нервы.

— Завидуешь? — усмехнулся Ноа.

— Есть чему?

Я слушала их перепалку краем уха, а сама смотрела на Дарелла. Он опять стоял у окна в пол оборота и в его позе чувствовалось напряжение, которого не было ещё минуту назад.

Интересно, о чём он думает? Обо мне? О том, что случи-

лось внизу? Или о том, что будет дальше?

Стефан тем временем уже заряжал пистолеты.

— Ладно, хватит болтать. Правила все знают. Крутим, стреляем. Кто разнесёт бутылку — тот красавчик.

— А если никто не разнесёт? — спросила я.

— Тогда красавчиков нет, — пожал плечами Стефан. — И мы просто продолжаем веселиться.

Ноа хлопнул в ладоши.

— Погнали. Я, Стефан, Дарелл, Кая. Именно в таком порядке.

— Почему я последняя? — возмутилась я.

— Чтобы ты успела передумать, — ответил Дарелл, не оборачиваясь.

Я усмехнулась.

— Зря надеешься.

Он ничего не ответил. Но краем глаза я заметила, как дрогнули его губы.

Ноа крутанул барабан, прицелился в бутылку и нажал на курок.

Щелчок.

— Чёрт, — он разочарованно цокнул языком. — Пусто.

— Мы всё ещё можем сменить цель на твои яйца, — подначивал Дарелл. — Гарантирую, будет зрелищнее.

— Иди к чёрту, — огрызнулся Ноа беззлобно. — Я свои яйца для других целей берегу.

Стефан подошёл к столу, взял пистолет, крутанул барабан

и, даже не целясь особенно тщательно, выстрелил.

Бах!

Пуля взорвала кусок стены в метре от бутылки. Штука-турка брызнула во все стороны.

— Оу, — Стефан виновато поднял бровь. — Ну, почти.

— Почти не считается, — фыркнул Ноа.

Дарелл подошёл к столу последним. Взял пистолет, крутанул барабан, прицелился и выстрелил.

Бах!

Пуля снесла горлышко бутылки. Сама бутылка устояла, но верхняя часть разлетелась вдребезги.

— Близко, — прокомментировал Стефан. — Очень близко.

— Но я же попал в цель, — возразил Дарелл.

— Если Кая промахнётся, тебе достанется почётный титул победителя, — усмехнулся Ноа. — Правда, титул чемпиона по стрельбе по горлышкам звучит не так сексуально, как просто «победитель».

Дарелл невозмутимо пожал плечами и отошёл в сторону.

Все взгляды устремились на меня.

Я подошла к столу, чувствуя, как звери внутри замерли в предвкушении. Взяла дерринджер. Крутанула барабан и встала напротив бутылки, подняв руки и прицеливаясь.

И в этот момент я почувствовала, как Дарелл подошёл сзади. Я даже не слышала его шагов. Просто кожей, затылком, каждой клеткой тела ощутила его присутствие. Его ру-

ки легко, почти невесомо легли мне на плечи. Потом одна рука скользнула вниз, к талии, а вторая — вверх, отводя волосы от моего уха.

Я замерла.

Весь мир замер.

Его губы приблизились к моему уху так близко, что я чувствовала тепло его дыхания. Голос, когда он заговорил, был тихим, низким, проникающим прямо в кровь:

— Нет ничего прекраснее женщины с пушкой в руках.

Мурашки рассыпались по задней стороне шеи, а внизу живота взорвалась обжигающая бомба.

Я зажмурилась на долю секунды. А потом нажала на курок.

Выстрел грохотнул так, что, кажется, стекла задрожали.

Я открыла глаза.

Бутылка на камине превратилась в фонтан стеклянных осколков. Она просто... исчезла. Разлетелась на миллион кусочков, сверкающих в свете люстры, как проклятые бриллианты.

Из дула дерринджера вился лёгкий дымок.

В комнате повисла тишина. Такая густая, что её можно было резать ножом.

Я выдохнула.

— Чёрт возьми, — выдохнул Ноа, и в его голосе слышалось неподдельное восхищение. — Это было... это было красиво.

— Она выиграла, — констатировал Стефан, и в его глазах мелькнуло уважение. — Вчистую.

— Повезло, — пожала я плечами, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Хотя внутри всё дрожало. То ли от адреналина, то ли от его близости, то ли от всего сразу.

Дарелл всё ещё стоял за моей спиной. Слишком близко. Его рука всё ещё касалась моей талии собственническим жестом, от которого у меня мурашки бежали по коже.

— Не повезло, — прошептал он так, что только я могла слышать. — Просто знаешь, как стрелять.

Я обернулась. В его глазах плясали черти.

И в этом взгляде было обещание. Или угроза. С ним никогда не разберёшь.

— Ещё партию? — предложил Ноа, потирая руки.

— Я пасс, — сказала я, поправляя платье. — Удачу надо беречь.

Дарелл усмехнулся и эта усмешка сказала мне больше, чем любые слова.

Мои звери довольно мурлыкали.

И тут вдруг грянул ещё выстрел.

Один, потом второй. Звук родился не в этой комнате. Он доносился снизу.

Крики. Визг. Топот десятков ног и звон разбитого стекла. Паника, которая нарастала с каждой секундой, как снежный ком, летящий с горы.

Все в комнате окаменели. Лица Ноа и Стефана побледне-

ли. Дарелл остался невозмутимым, но я видела, как напряглись его плечи, как рука непроизвольно сжалась в кулак.

Мы с Дареллом переглянулись. В его глазах был тот темный огонь, который я не раз видела в зеркале собственного отражения.

Не сговариваясь, мы рванули к выходу.

На ходу я схватила со стола оставшиеся патроны. Дарелл молниеносным движением сгрёб оба пистолета и рассовал их по карманам. Ни слова, ни лишнего жеста, только синхронность движений, будто мы делали это тысячу раз. Будто наши тела знали друг друга лучше, чем мы сами.

— Что там? — крикнул Ноа нам вслед.

— Сидите здесь и не высовывайтесь, — бросил Дарелл, не оборачиваясь.

Мы вылетели в коридор и помчались к лестнице. Снизу продолжали доноситься крики: женские визги, мужские проклятия, звуки борьбы. И ещё выстрелы. Много выстрелов.

Я не знала, что нас ждёт внизу. Не знала, кто стреляет и в кого. Не знала, успеем ли мы вообще что-то сделать.

Но одно знала точно: с этим человеком я почему-то готова бежать в самое пекло.

И это пугало больше, чем любые выстрелы.

Глава 10

**Опасность — моя естественная стихия.
— Джордж Гордон Байрон**

Сейчас.

Ночной Майами.

0:40 ночи.

Мы влетаем на первый этаж, и открывшаяся картина заставляет меня на мгновение замереть.

Казино больше не существует. В том виде, в котором я его видела пару часов назад. Столы перевернуты, фишки рассыпаны по полу, как конфетти после неудачного праздника. Несколько перепуганных гостей жмутся по углам, прижимая к себе бокалы с шампанским, будто это единственное, что имеет значение. Где-то плачет женщина. Кто-то кричит в телефон, требуя вызвать полицию.

Посреди этого хаоса на полу лежат двое мужчин лицом вниз, с руками, заломленными за спину. Охрана особняка работает профессионально: один охранник держит их под прицелом, двое других уже защёлкивают пластиковые стяжки на запястьях.

— Трое было, — выдыхает запыхавшийся Стефан, кото-

рый, оказывается, рванул за нами следом. Он, видимо, передумал отсиживаться наверху. — Двоих взяли, двое ушли.

— Двое? — переспрашиваю я, мельком пересчитывая тела на полу. — Ты сказал их всего трое.

Стефан осекается, пересчитывает сам, и его лицо вытягивается.

— Четверо. Их было четверо. Двоих взяли, двое ушли. Мне только что доложил начальник безопасности. — Он проводит рукой по лицу. — Чёрт, я даже не заметил, когда они проскочили.

Дарелл уже не слушает. Его взгляд прикован к распахнутой двери чёрного хода, которая ведёт на служебную парковку. Там, за порогом, ночь и силуэты, мелькнувшие между припаркованными машинами.

— Догоним, — бросает он коротко и срывается с места. Я за ним.

Вылетаем на улицу, и ночной воздух Майами бьёт в лицо влажной жаркой волной. Вдали, между рядами машин, мелькают две тени. Они бегут к ограде, за которой начинается пальмовая роща и узкие улочки старого города.

— Не догоним в этом дерьме, — шиплю я, костеря на чём свет стоит свои дизайнерские туфли на шпильках, в которых бегать по асфальту это чистое самоубийство.

Я останавливаюсь на секунду, наклоняюсь и одним движением сбрасываю обе туфли. Босая нога касается горячего асфальта. Лучше, чем каблуки.

Дарелл оборачивается на долю секунды, и в его глазах мелькает одобрение.

— Умница.

— Беги уже, — огрызаюсь я, но он уже рванул вперёд.

Я бегу за ним, чувствуя, как острые камешки впиваются в ступни, но боли почти нет. Адреналин заглушает всё. Звери внутри воют от восторга: *наконец-то настоящая охота*.

Первого человека Дарелл настигает через полминуты. Тот попытался перелезть через ограду, но зацепился футболкой за штырь и теперь дёргался, пытаясь освободиться.

— Уходишь даже не попрощавшись? — голос Дарелла звучит почти ласково.

Тот оборачивается, и в свете единственного фонаря я вижу его перекошенное от страха лицо. Он что-то бормочет — то ли мольбу, то ли проклятие — и тянется к поясу, где у него, видимо, оружие.

Дарелл не даёт ему шанса. Одно движение, и мужик с хрустом оседает на землю, прижатый коленом к асфальту. Ещё одно — и в руке Дарелла оказывается пистолет, который тот пытался достать.

— Не люблю, когда меня заставляют бегать, — спокойно говорит Дарелл, наклоняясь к уху поверженного. — Так что скажешь мне то, что я хочу знать, и я отдам тебя охране. Если не скажешь, то отдам тебя ей.

Он кивает в мою сторону. Я как раз подбегаю, тяжело дыша, босая, с бешено колотящимся сердцем.

Мужик смотрит на меня и, кажется, понимает, что в моих глазах смерти больше, чем в пистолете Дарелла. Он ломается быстро — выплёвывает какие-то имена, адреса, явки. Я не вслушиваюсь, потому что вижу: второй уже почти скрылся в пальмовой роще.

Дарелл, видимо, тоже получил достаточно информации. Он теряет интерес к пленнику, просто прижимает его лицом к земле и ждёт, когда подоспеет охрана.

Подбегает запыхавшийся охранник.

— Воры проникли в особняк по липовым приглашениям, — выпаливает он, размахивая руками.

Я закусываю щеку с обратной стороны и смотрю в небо, будто это самое интересное зрелище за всю мою жизнь. Такое красивое и чёрное, как мои демоны, с кучей звёзд, блистающие точь-в-точь как мои вспышки гнева.

— Когда гости изрядно выпили и расслабились, они принялись за дело. Но их заметили, и они открыли огонь.

Я смотрю на второго вора, который уже почти исчез в темноте. Надо бежать. Надо догонять. Но моё длинное платье, такое элегантное ещё час назад, теперь обматывается вокруг ног, сковывая движения.

Принимаю решение за секунду.

Рука ныряет под подол платья, к бедру, где в ножнах спрятан кинжал. Я вытаскиваю его, наклоняюсь и одним движением отрезаю широкую полосу ткани от подола.

Юбка становится короткой, оголяя ноги почти по самую

задницу. Зато бежать можно.

Дарелл поднимает глаза от поверженного вора и смотрит на меня долю секунды. Потом его губы растягиваются в греховной усмешке, от которой у меня внутри всё закипает.

— Беру свои слова назад, — говорит он, и в его голосе звучит неподдельное восхищение. — С пушкой было красиво, но это... теперь моя любимая сексуальная фантазия — женщина с кинжалом.

Я прыскаю со смеху, не сумев сдержаться. Адреналин, напряжение, его взгляд в этот абсурдный момент смешиваются в дикий коктейль, и я смеюсь, хотя, наверное, должна злиться.

— Беги уже, извращенец, — выдыхаю я, убирая кинжал обратно в ножны.

Мы срываемся с места одновременно.

Второй вор оказался быстрее и хитрее первого. Он уже преодолел ограду и теперь петлял между пальмами, явно зная местность. Мы бежали за ним, ориентируясь на шум и мелькающую тень.

Мои босые ноги уже не чувствовали ни острых камней, ни корней деревьев, ни битого стекла, которое попадалось на пути. Я бежала и чувствовала только одно: свободу. Дикую, первобытную свободу охоты.

Дарелл был где-то рядом. Я не видела его, но знала, что он здесь. Чувствовала кожей.

Вор выскочил на какую-то узкую улочку, застроенную ста-

рыми домами в колониальном стиле. Здесь было темно: ни одного фонаря, только свет из редких окон.

Я почти догнала его. Ещё немного, ещё чуть-чуть...

И тут из темноты вылетел Дарелл.

Он настиг вора в прыжке, сбив его с ног. Они покатались по мостовой, и я услышала глухой удар. Кулак встретился с челюстью. Потом ещё один. Вор взвыл и затих.

Я подбежала, тяжело дыша, чувствуя, как пот стекает по спине, как сердце колотится где-то в горле.

Дарелл стоял над поверженным, чуть наклонившись, опираясь руками о колени. Он тоже запыхался. Впервые я видела его не идеальным, не невозмутимым, а просто... живым. Настоящим.

— Жив? — выдохнула я, кивая на вора.

— Пока дышит, — ответил Дарелл, выпрямляясь. — Хотя, судя по тому, как он визжал, будет жить заикаясь.

Он повернулся ко мне, и в тусклом свете уличного фонаря я увидела его улыбку. Усталую, но довольную.

— Неплохо для той, кто ещё час назад играла в рулетку на шпильках.

— Неплохо для того, кто ещё час назад обещал Ноа прострелить яйца, — парировала я.

Он коротко, но искренне рассмеялся.

— Ты невыносима.

— Знаю.

Мы стояли посреди тёмной улочки, запыхавшиеся, пот-

ные, с разбитыми в кровь ногами и диким адреналином в крови, и смотрели друг на друга. И в этом взгляде было что-то такое, от чего у меня снова перехватило дыхание. Воздух между нами искрил так, что, казалось, ещё немного и вспыхнет пламя.

Вдалеке завывали полицейские сирены.

И вдруг вор, который, как мы думали, был без сознания, подал признаки жизни. Он замычал, приподнялся на руках и начал что-то бормотать.

— ¡Puta madre! ¡Me cago en tu puta madre, gringa de mierda!
— хрипел он, сплёвывая кровь на асфальт. — Te voy a matar, perra. Él ya viene por ti.

Дарелл вопросительно поднял бровь.

— Что он там лепечет? Что-то про маму?

Я не ответила. Я смотрела на вора, и внутри меня всё оостенело.

Вор вдруг перешёл на английский. С сильным акцентом, но говорил чётко. Слишком чётко.

— Он уже идёт за тобой, — выплюнул вор, глядя прямо на меня. Губы его растянулись в мерзкой, кровавой улыбке.
— El jefe. Скоро ты будешь молить о смерти, сука.

Он хрипло, каркаяще засмеялся, заливаясь кровью. А потом снова перешёл на испанский, сыпая грязными ругательствами, каждое из которых я знала с детства.

Put.

Zorra.

Hija de puta.

Я не замечаю, как Дарелл подходит ко мне. Не чувствую, как его шершавые пальцы касаются моего бедра, напоминая о реальности. Моё зрение сузилось до этого мерзкого типа, плюющего кровью у моих ног, сыплющего знакомыми с детства проклятиями.

Я слышу только его голос. Только эти слова.

Он идёт за тобой.

— Тьма внутри тебя — не проклятие, — шепчет Дарелл мне в ухо, и его голос прорывается сквозь пелену. — Это твоя сила. Не бойся её.

Только теперь я чувствую тяжесть кинжала в своей руке. Он вложил его мне в ладонь.

Когда он успел достать его из ножен?

Я смотрю на лезвие, в котором отражаются мои глаза.

В них нет ярости. Нет гнева.

Только тихое обещание смерти.

Делаю шаг к вору. Он поднимает на меня взгляд, в котором всё ещё плещется злорадство и уверенность, что он сказал достаточно, чтобы испортить мне ночь.

Он не понимает, что только что подписал себе смертный приговор.

Я медленно, почти нежно, ввожу лезвие в его горло. До хруста.

Всё, что он хотел сказать, захлёбывается в алом потоке.

Я смотрю, как свет гаснет в его глазах.

И точным движением перерезаю его чёртову глотку.

А мои звери довольно рычат, чувствуя как кровь растекается тёплой лужей под босыми ногами.

Глава 11

**У меня нет всего, что я люблю.
Но я люблю всё, что у меня есть.
— Лев Толстой**

Тогда.

Колумбия, Асьенда «Соледад».

Каталее десять лет.

Солнце уже село, и за окнами моей спальни сгущались лиловые сумерки. Где-то вдалеке кричали ночные птицы, а из конюшен доносилось приглушённое ржание лошадей.

Я сидела на пуфике перед туалетным столиком, болтая ногами, которые ещё не доставали до пола. В руках вертела заколку с бабочкой, которую дедушка подарил мне на прошлой неделе. Золотая, с крошечными бриллиантами на крыльях. Красивая.

— Не ёрзай, — раздался за спиной тихий, усталый голос мамы.

Я подняла глаза.

В зеркале отражалась Моника Динарди, с моими светлыми волосами и серо-зелеными глазами. Она стояла позади меня с серебряной щёткой для волос в руке — с гравиров-

кой, которую ей подарила её мама, а той — её.

Мама начала расчёсывать мои волосы. Медленно, осторожно, будто боялась сделать больно. Хотя мне никогда не было больно, когда она это делала. Только тепло и спокойно.

— Ты сегодня опять была в кабинете дедушки? — спросила она тихо.

Я отвела глаза. В зеркале было видно, как я закусила губу.

— Он сам позвал. Показывал свою коллекцию.

— Коллекцию чего? — голос мамы дрогнул.

— Ножей, — ответила я честно. — У него там такие красивые. С камушками, прямо как у меня в заколке.

Щётка замерла на мгновение, потом продолжила своё движение.

— Каталей, — мама говорила тихо, но в этом тихом голосе было столько боли, что у меня сжалось сердце. — Ты знаешь, почему я назвала тебя именно так?

— Потому что я красивая, как цветок? — я вспомнила, сколько раз она мне это говорила.

Она грустно улыбнулась, одними уголками губ.

— Каттлея — это орхидея, которая растёт в диких джунглях. Она не боится ни жары, ни ливней, ни тени огромных деревьев. Она цепляется корнями за скалы и цветёт там, где другие цветы погибают. — Мама провела щёткой по моим волосам, и я закрыла глаза от удовольствия. — Я хотела, чтобы ты была сильной. Чтобы никто не мог тебя сломать.

— Дедушка говорит, что я сильная, — сказала я. — Что

во мне много от Динарди.

Щётка снова замерла. На этот раз надолго.

Я открыла глаза и посмотрела в зеркало. Мама стояла неподвижно, глядя куда-то сквозь моё отражение. В её глазах блестели слёзы, которые она пыталась сдержать.

— Мам? — я повернулась к ней. — Ты чего?

Она моргнула, слёзы исчезли, будто их и не было. Опустилась на корточки рядом со мной, взяла мои руки в свои.

— Послушай меня, *mi vida*, — сказала она очень серьёзно. — То, что дедушка называет «силой Динарди» — это не просто сила. Это... это тьма. Она есть в каждом, кто запачкан этой фамилией. В твоём дедушке. Во мне. В Феликсе. — Она сжала мои пальцы. — И в тебе она тоже есть.

Я смотрела на неё, пытаюсь понять.

Тьма? Как в ночи за окном? Я не боялась темноты. Никогда не боялась.

— Эта тьма умеет шептать, — продолжала мама. — Она будет говорить тебе, что ты особенная. Что тебе можно то, что нельзя другим. Что агрессия — это правильно, что месть — это справедливо. — Её голос дрогнул. — Не слушай её, Катаlea.

— Но дедушка говорит...

— Дедушка хочет сделать тебя такой же, как он, — перебила мама. — А Феликс... — она запнулась, и в её глазах мелькнуло что-то, чего я тогда не поняла. Что-то тёмное и страшное. — Не стоит доверять Феликсу. Ты должна дер-

жаться от них подальше. Обещай мне.

Я молчала. Мне было десять, и я не понимала, почему мама так ненавидит дедушку. Почему она всегда грустит, когда речь заходит о семье.

— Обещай, — повторила она. — Что не дашь этой тьме себя сломать. Что будешь бороться.

— Я буду бороться, — сказала я, потому что это было проще всего.

Мама посмотрела на меня долгим взглядом. Потом протянула к себе и обняла так крепко, что мне стало трудно дышать.

— Я так боюсь за тебя, — прошептала она мне в волосы. — Так боюсь, что они тебя сломают. Или что ты станешь одной из них.

— Не стану, — пообещала я, зарываясь носом в её плечо, пахнущее лавандой и домом.

Она поцеловала меня в макушку и отстранилась. Улыбнулась моей любимой улыбкой, которая делала её самой красивой мамой на свете.

— Помни, Катаlea, — сказала она, взяв моё лицо в ладони. — Тьма внутри тебя — это не сила. Это испытание. Не поддавайся ей. Борись. Отвергай её.

Я кивнула.

Мама снова взяла щётку и продолжила расчёсывать мои волосы. А я смотрела в зеркало на свои зелёные глаза — тогда ещё оба зелёные — и думала о том, что сказала мама.

Тьма. Сила. Испытание.

Я не понимала тогда, что это значит. Не понимала, с чем именно мне придётся бороться.

Но одно я знала точно: мама меня любит. И пока она рядом, ничего плохого не случится.

Глава 12

Мы так привыкли притворяться перед другими, что в конце концов начинаем притворяться перед собою.

— Франсуа Ларошфуко

Сейчас.

Майами. Та же ночь, после всего.

Уставившись глазами в пол, я сижу на краю кровати в своём номере отеля. За окном шумит океан, а в руке — кинжал с чужой кровью на лезвии, которую я ещё не смыла. Не тот дедушкин подарок — его я давно спрятала в фамильном доме Динарди «Соледад», надеясь навсегда спрятаться самой от своей крови и своей семьи. Этот кинжал другой. Обычный. Функциональный. Таким удобно резать и врагов, и правду.

Мамины слова звучат в голове эхом, перекрывая шум волн.

— Тьма внутри тебя — это не сила. Это испытание. Не поддавайся ей. Борись.

А Дарелл сегодня сказал другое.

— Тьма внутри тебя — не проклятие. Это твоя сила. Не бойся её.

Кто из них прав?

Я смотрю на свои руки. На кинжал. На кровь, запёкшуюся под ногтями.

И не знаю ответа.

В кармане вибрирует телефон. Сообщение от неизвестного номера:

«Ты была сегодня великолепно.

— Д.»

Смотрю на экран, и губы сами собой растягиваются в улыбке. Звери внутри довольно мурлыкают.

С силой стираю глупое выражение влюбленной дурочки с лица.

— Кажется, я качусь на полной скорости в беспросветную задницу, — шепчу я в пустоту.

Но телефон не отпускаю.

Не знаю, что Дарелл сказал и сделал, но я благодарна, что он избавил меня от беседы с полицией. После возвращения в особняк он сделал несколько звонков, накинул на меня свой пиджак и вызвал такси до отеля. Я не сопротивлялась. Даже не спросила, как он объяснит охране моё отсутствие и окровавленные ноги. Наверное, у него есть ответы на все вопросы.

У него всегда есть ответы.

Адреналин сошёл на нет, и я ощутила всю полноту уста-

лости. Стопы горели огнём, каждый порез, каждая ссадина напоминали о сегодняшней гонке. Плечи ныли от напряжения. Голова гудела.

Я откидываюсь на кровать, раскидывая руки в стороны. Потолок в этом отеле оказался на удивление высоким. Белый, с лепниной по краям. Дорого и безвкусно, как всё в Майами.

Пальцы одной руки всё ещё сжимают кинжал. Холодный. Мёртвый.

В другой руке всё ещё зажат телефон. Тёплый. Живой. Два предмета. Две противоположности. Как и две правды, которые сегодня столкнулись у меня в голове.

Мама из прошлого учила меня бороться со тьмой. А Дарелл из настоящего учит меня её принимать.

Я поднимаю руку с кинжалом и рассматриваю лезвие. При свете люстры оно поблёскивает алым. Кровь уже потемнела и засохла. Превратилась в корку, которую можно скovyрнуть ногтем.

Как будто ничего и не было.

Как будто я не перерезала сегодня глотку человеку.

Как будто не чувствовала при этом только свою власть и странное, пугающее удовлетворение.

Опускаю руку. Кладу кинжал на тумбочку.

Достаточно.

Телефон вибрирует снова. Я смотрю на экран, и сердце пропускает удар.

«Ты спишь?»

Тот же номер. Тот же Д.

Я смотрю на сообщение и чувствую, как губы снова предательски растягиваются в улыбку.

— Дура, — шлёпнула себя по щеке. — Перестань вести себя, как подросток.

Но пальцы уже набирают ответ:

«Уже почти. А ты?»

Отправляю и сразу жалею. Что я делаю? Зачем? Это Дарелл. Человек, которому нельзя доверять. Который знает обо мне слишком много. Который появляется из ниоткуда и исчезает в никуда.

Ответ приходит мгновенно:

*«Смотрю на океан и думаю о тебе.
Спокойной ночи, Катаlea».*

Я перечитываю это сообщение раз, другой, третий. Океан. Он тоже смотрит на океан.

Где он сейчас? На набережной? В своём номере? В каком-нибудь пентхаусе с видом на воду?

И думает обо мне.

Звери внутри довольно потягиваются и засыпают, убаюканные этой мыслью.

Я вновь улыбаюсь, но в этот раз не борюсь с этим. Кладу телефон на грудь, прямо на сердце, и закрываю глаза.

— Спокойной ночи, Дарелл, — шепчу в темноту комнаты.

За окном шумит океан. Где-то вдалеке слышна музыка, потому что ночная жизнь Майами не затихает ни на минуту. А здесь, в моём номере, тихо и темно. И впервые за долгое время спокойно.

Я засыпаю с телефоном на груди и мыслью о том, что, может быть, правда где-то посередине.

Между мамой и Дареллом.

Между светом и тьмой.

Между кинжалом и телефоном.

Может быть, тьма — это не враг.

Может быть, это просто часть меня.

Глава 13

**Иногда самый опасный человек — это тот,
кто знает, как себя сдержать.
— Такэси Ковако**

Сейчас.

Майами. Отель.

Раннее утро.

Сквозь неплотно задёрнутые шторы пробиваются золотистые лучи, рисуя на полу длинные полосы. Я просыпаюсь от того, что солнце бьёт прямо в лицо.

Телефон всё ещё на груди. Экран тёплый.

Время 5:45 утра. До моего рейса в Нью-Йорк ещё много времени.

Я снова перечитываю сообщение от Дарелла и улыбаюсь, даже не пытаясь себя одёрнуть. Звери внутри мурлыча потягиваются.

Поворачиваюсь на бок, закрываю глаза, и воспоминания накрывают меня с головой.

Тогда.

Колумбия. Асьенда «Соледад».

Каталее тринадцать лет.

Тринадцать — это почти взрослая жизнь. Или мне так тогда казалось.

Сегодня дедушка устроил праздник в честь победы над каким-то южным картелем и расширением власти Синдиката — или что-то в этом роде. Мне было сложно понять взрослые дела, да я и не особо пыталась. В тринадцать лет меня больше волновало, успеют ли повара испечь мои любимые пирожные с кремом, чем то, чью кровь пролили люди дедушки на этой неделе.

Стол ломился от угощений. Запечённый поросёнок с яблоками, горы тропических фруктов, пирожные, похожие на произведения искусства, и огромный торт в четыре яруса, который специально привезли из Франции. Слуги сновали с подносами, разнося шампанское взрослым и лимонад детям. В углу играл струнный квартет, нанятый специально для это-

го дня. Дедушка не экономил на праздниках. Ему нравилось показывать гостям, насколько он богат и влиятелен. Ему нравилось, как они кланяются, заискивают, как дрожат их руки, когда они протягивают к нему бокалы.

Я сидела во главе стола по правую руку от Алехандро Динарди. На мне было новое изумрудное платье, которое мама выбирала целую неделю, оббивая лучшие бутики Боготы. Шёлк, кружево, крошечные стразы на поясе — я чувствовала себя принцессой. Настоящей принцессой из сказок, которые мама читала мне на ночь. Я ещё не знала тогда, что в истинных сказках принцессы либо умирают, либо теряют всё.

Дедушка был в ударе. Он смеялся, шутил с гостями, даже позволил себе пару бокалов виски — редкая роскошь для человека, который всегда должен был держать руку на пульсе. Несколько раз он поворачивался ко мне, трепал по щеке и говорил что-то вроде: «Когда вырастешь, всё это будет твоим». Я улыбалась и кивала, не до конца понимая, что именно «это» — империя, власть, кровь на руках?

— Каталея, — раздался знакомый голос за спиной. — Выйди на минутку.

Я обернулась. Дядя Феликс стоял в дверях, ведущих в сад. На нём был идеально сидящий костюм, в руке он держал бокал с чем-то янтарным, а на губах сияла такая улыбка, от которой мне иногда делалось не по себе. Но в тринадцать лет я ещё не умела правильно читать такие улыбки.

Я вышла в сад. Вечер был тёплым, пах жасмином и чем-то

сладким, может быть, цветущим табаком, может быть, просто ночью. Где-то вдалеке стрекотали цикады, и этот звук всегда успокаивал меня, напоминая о том, что мир большой и в нём есть место для простых вещей.

— Мне нужно уехать на некоторое время по делам Синдиката, — сказал Феликс, глядя куда-то в сторону. — Но я хочу, чтобы ты не забывала обо мне.

Он протянул мне бархатную, тёмно-синюю коробочку с золотым тиснением. Такие коробочки обычно означали что-то очень дорогое.

Я открыла.

Внутри, на алой подушечке, лежал маленький пистолет. Изящный, с перламутровой рукояткой, украшенной мелкими бриллиантами. Они переливались в свете фонарей, бросая разноцветные зайчики мне на платье. Игрушечный — так казалось на первый взгляд. Но я уже знала, что подарки Феликса, могут быть смертельными.

— Красивый, — выдохнула я, проводя пальцем по холодному металлу. Взяла оружие в руку и рукоять идеально легла в ладошку. Он был тяжёлым. Намного тяжелее, чем я думала.

— Тебе нравится мой подарок? — спросил Феликс, и в его голосе слышалось что-то странное. Что-то, что заставило меня поднять на него глаза. Он смотрел не на пистолет. Он смотрел на меня. Так, как смотрят на что-то ценное. Что-то, что уже считают своим.

— Очень, — ответила я честно. — Спасибо, дядя.

Он улыбнулся шире и эта улыбка почему-то заставила мои внутренности сжаться. Потом он протянул руку и потрепал меня по голове. Его пальцы задержались на моих волосах чуть дольше, чем нужно.

— Скоро ты вырастешь и станешь настоящей женщиной, Каталя. — Его голос стал тише, почти интимным. — И сильной. Как мы.

Я не знала, что ответить. Просто стояла и сжимала в руках коробочку и пистолет, чувствуя, как бриллианты впиваются в ладонь.

А потом из дома вылетела мама.

— Вот ты где, — выдохнула она. — Каталя, я везде тебя ищу.

Моника Динарди была бледнее обычного, в свете фонарей её лицо казалось почти прозрачным. Глаза горели особенным огнём, который появлялся у неё только в минуты сильнейшего гнева. Увидев пистолет в моих руках, она застыла на месте.

— Что это? — спросила она тихо. Но в этом тихом голосе звенела сталь. Такая же, как в лезвии дедушкиного ножа.

— Подарок, — я протянула ей коробочку, надеясь, что она увидит, какая она красивая. — Красиво, правда?

Мама посмотрела на пистолет. Потом на Феликса. И в её взгляде было столько ненависти, что мне стало страшно. По-настоящему страшно, хотя я не понимала, за что можно так ненавидеть человека.

— Ты с ума сошёл? — прошипела она, и в этом шипении слышалось рычание дикого зверя. — Ей тринадцать лет!

— Ей тринадцать лет, и она Динарди, — спокойно ответил Феликс. — Пора учиться защищать себя.

— От кого? — мама шагнула к нему. Шаг, потом ещё один. Она была похожа на дикую кошку, что крадётся к своей добыче. Мама была ниже него, худее, но в этот момент казалась огромной. — От тебя?

Феликс усмехнулся, но ничего не ответил. Он лишь подмигнул мне, развернулся и ушёл в темноту сада, растворившись среди пальм и цветущих кустов.

Мама, крепко, до боли, схватила меня за руку.

— Идём. Сейчас же.

— Но праздник... — я оглянулась на дом, откуда доносилась музыка и смех.

— К чёрту праздник.

Она потащила меня в дом, через чёрный ход, мимо удивлённых слуг. В наших комнатах уже стояли собранные чемоданы, я даже не заметила, когда она их собрала. Два больших, мой маленький и сумка с документами.

— Мы уезжаем, — сказала она, швыряя мои последние вещи в сумку. — Сейчас. Немедленно.

— Куда? — я всё ещё не понимала. — Мам, что случилось?

— Подальше отсюда. — Она застегнула молнию и схватила меня за руку. — Подальше от этого места. От Алехандро.

От Феликса. Ото всех.

Через полчаса мы уже сидели в машине, которая увозила нас в ночь. В старом джипе с потёртыми сиденьями водителем был человек, которого я видела впервые в жизни. Мама сидела рядом со мной на заднем сиденье, сжимая мою руку так крепко, будто боялась, что я испарюсь.

Я смотрела в окно на удаляющиеся огни асьенды. Они становились всё меньше и меньше, пока не превратились в крошечные точки, а потом и вовсе исчезли за горизонтом.

И чувствовала, как в груди разрастается что-то тяжёлое. Что-то, чему я не знала названия. То ли горечь, то ли облегчение.

— Мам, а дедушка? — спросила я тихо.

Когда я думала, что она уже не ответит, мама нарушила тишину:

— Дедушка... — она замолчала, подбирая слова. — Нам с тобой будет лучше без него.

Я не понимала. Не понимала, почему мы уезжаем, почему мама так ненавидит Феликса, почему всё должно было закончиться так. В тринадцать лет я ещё верила, что взрослые всегда знают, что делают. Что у них есть план.

У мамы был план. Я просто не знала тогда, какой ценой он ей дался.

Всю дорогу до нашего нового дома я сжимала в руке пистолет. Коробочка осталась где-то в комнате в «Соледад», но сам пистолет — холодный, тяжёлый, с бриллиантами на ру-

коятке — лежал у меня на коленях.

Мама не забирала его. Может, не замечала. Может, специально оставила.

Я смотрела на него и думала, что очень хочу научиться им пользоваться. Стать сильной.

Как они.

Как Динарди.

Я ещё не знала тогда, что это будет значить.

Глава 14

**Люди прекрасно умеют хранить секреты,
которых не знают.**

— Уинстон Черчилль

Сейчас.

Майами. Отель.

То же утро.

Открываю глаза, возвращаясь в майамское утро. Сердце глухо и набатно колотится где-то в горле, будто пытается пробить дыру в реальность.

Провожу рукой по лицу, убирая взмокшие волосы со лба. На секунду мне кажется, что за мной кто-то следит. Я давно научилась чувствовать этот липкий, холодный взгляд где-то между лопаток.

Резким рывком сажусь в кровати и смотрю в кресло напротив — пусто. Только небрежно брошенный пиджак Дарелла и пара декоративных подушек.

Ещё резче поворачиваюсь всем телом к приоткрытому балкону и падаю с чёртовой кровати на пол, запутавшись в простынях и встречаясь копчиком с паркетом.

— Ауч. Больно, черт возьми.

Мои звери даже не пытаются скрыть своё веселье. *Предатели.*

Выкручиваюсь из простыней, как муха из паутины, и смотрю в сторону окон. Балконная дверь приоткрыта, ветер ласково колышет белоснежную тюль, и солёный воздух заполняет лёгкие, умиряя бешеное сердцебиение.

Никого.

Никто за мной не следит.

Значит это всё моя бурная фантазия. Или мания преследования. Нужно подчеркнуть. С годами разница становится всё более призрачной.

Ночная сорочка неприятно липнет к телу — то ли от пота, то ли от майамской влажности, то ли от воспоминаний о прошлой ночи. Я наконец разделяюсь с побеждёнными мокрыми простынями, пинаю их в угол и набираю обслуживание номеров.

— Доброе утро. Номер 734. Пришлите кого-нибудь сменить постельное бельё. И завтрак. Чёрный кофе и тёплое молоко отдельно, яйца пашот, авокадо, свежавыжатый апельсиновый сок. И побольше всего.

— Слушаюсь, мисс.

Кладу трубку и наконец заползаю в душ. Горячая вода смывает остатки ночного кошмара, успокаивает мышцы, которые до сих пор помнят вчерашнюю гонку босиком по асфальту. Я смотрю на свои ступни — порезы уже затянулись, синяки отливают фиолетовым и жёлтым. Сувениры на па-

мать о Майами.

Через полчаса уже стою на балконе с чашкой кофе в руке. Подо мной просыпается океан: бескрайняя синева, сливающаяся с небом на горизонте. Ленивые волны лижут белоснежный песок, где-то вдали чайки выписывают круги над рыбацкими лодками.

Я делаю глоток. Кофе отличный. Жизнь, в целом, тоже. Если не считать того, что я убила человека, испытываю влечение к самому загадочному мужчине в своей жизни и так и не узнала, где Сильван.

Смотрю на экран телефона.

0 новых сообщений.

Нет, я не жду смс от Дарелла. Вообще ни разу. Просто случайно проверяю телефон каждые три секунды. Это норма. Это называется «контроль ситуации». А не «зацикленность на мужчине, от которого одни проблемы».

Время 11:13.

По-хорошему, мне уже пора заказывать такси и отправляться в аэропорт. Чемодан почти собран, билет оплачен, совесть почти чиста.

Но звери внутри беспокойно копошатся и точат когти о мою черепную коробку.

Цок-цок-цок.

Если уеду сейчас — уеду ни с чем. Логан и Мелисса так и останутся недопрошенными, тайна Натаниэля нераскрытой, а Дарелл... ну, кто знает, когда мы ещё встретимся.

Нет. Надо попытаться ещё раз.

Набираю сообщение Винтеру в зашифрованном чате:

«Нужны координаты Логана и Мелиссы Уэстон в Майами.

Срочно».

Ответ приходит через полчаса. За это время я успеваю позавтракать, выпить ещё две чашки кофе, три раза проклясть всё на свете и один раз — конкретно Дарелла за то, что он не пишет.

«Остановились в отеле «Fontainebleau».

Сегодня устраивают бранч для своих в яхт-клубе в 4 вечера.

Адрес скинул отдельным файлом. Там же их яхта. 2000».

Перевожу деньги и усмехаюсь.

Винтер — единственный мужчина в моей жизни, который никогда не подводит. Наверное, потому что он берёт за это деньги.

Я продлеваю номер в отеле ещё на сутки и меняю билет на завтрашнее раннее утро.

Сейчас.

Майами. Яхт-клуб.

Яхта оказалась впечатляющей. Белоснежная, трёхпалубная, с вертолётной площадкой и названием «Мечта» на корме. Очень оригинально. Видимо, когда у тебя есть деньги на такую игрушку, фантазия заканчивается на первом слогe.

Я поднялась на борт под видом подруги какой-то подруги, которая забыла своё приглашение. Охрана — спасибо Винтеру и ещё пятистам долларам — уже была в курсе, что меня стоит пропустить. Деньги не пахнут и открывают любые двери.

Логан и Мелисса сидели в шезлонгах на верхней палубе, потягивая коктейли. Вид у них был такой расслабленный, будто они не прятались от реальности, а просто наслаждались жизнью. Увидев меня, Мелисса поперхнулась.

— Кая? — её глаза расширились. — Ты как...

— Привет, — я плюхнулась в соседнее кресло, не дожи-

даясь приглашения. — Красивая яхта. Ваша?

Логан напрягся, но взял себя в руки быстрее жены. Мужская выдержка — штука полезная.

— Что тебе нужно?

— Поговорить. Без свидетелей. Без Дарелла. Без всего этого цирка.

Они переглянулись. Логан кивнул Мелиссе. Та вздохнула и отставила коктейль.

— Ладно. Чего ты хочешь?

— Расскажите мне о Натаниэле Ричардсоне.

Повисла тишина. Такая густая, что её можно было накалывать вилкой для морепродуктов.

— Откуда ты знаешь... — начал Логан.

— Я много чего знаю. Например, что вы опознавали тела после катастрофы. Что вы были близки с семьей Ричардсонов. И что вы явно скрываете что-то про старшего сына.

Мелисса побледнела. Логан сжал челюсть до хруста.

— Это не твоё дело, — процедил он.

— Сильван — моё дело. Он пропал. И если Натаниэль как-то с этим связан, я хочу знать правду.

Они молчали слишком долго. Так долго, что я начала терять терпение. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки, звери заскребли когтями по ребрам.

Потом Мелисса встала и ушла внутрь — в гостиную с диванами и барами, а затем и вовсе скрылась в недрах яхты. Я уже начала думать, что она решила сбежать через чёрный

ход, но через пару минут она вернулась.

В руках у неё была потрёпанная книга. Старая, с выцветшим переплётом, явно выдавшая лучшие времена.

— Мы не должны тебе этого показывать, — тихо сказала она. — Но это поможет понять тебе, кое-что о Натаниэле

Она протянула мне книгу.

Я открыла. Это оказался альбом старых фотографий. Многие из них были чёрно-белыми, выцветшими от времени, но не менее живыми от этого.

На первой странице я узнала невероятной красоты девушку с волнистыми чёрными, как смоль волосами. Элиана. Она стояла на этой самой яхте, её обнимала Мелисса, и обе девушки были пойманы в момент какого-то безудержного веселья. Они смеялись — по-настоящему, заразительно, так, что уголки моих губ непроизвольно поползли вверх.

Следующее фото — Логан и Магнус сидят в креслах у камина, с сигарами в пальцах, увлечённо что-то обсуждают. Они даже не замечали, что их поймали на фотоплёнку. Такие искренние, живые, настоящие.

Дальше пошли фотографии совместного времяпрепровождения семей Ричардсон и Уэстон в различных комбинациях: все четверо на снимке, только девушки, только мужчины. Пикники, вечеринки, какие-то праздники. Идиллия. Такая, какая бывает только у людей, которые не знают, что их ждёт впереди.

Одна фотография заставила меня замереть на три долгих

удара сердца.

На ней был запечатлён Магнус Ричардсон. Ослепительно улыбающийся во все свои тридцать два зуба, так, что даже через время и фотобумагу эта улыбка грела. В руках он с трепетом держал крошечный свёрток, в котором угадывался младенец. Глаза Магнуса смотрели на ребенка и светились таким обожанием, что у меня кольнуло где-то под ребрами.

На следующей странице — цветная фотография улыбающейся Элианы. Её настоящая, искренняя улыбка рисовала на щеках милые ямочки, шоколадные глаза искрились любовью. На её коленях сидел насупившийся маленький мальчик лет четырёх-пяти. Темно-русые волосы, серьёзные глаза и какая-то книга в руках. Он смотрел в объектив так, будто фотограф отвлёк его от чего-то важного.

— Это Натаниэль? — спросила я.

— Да, — кивнул Логан, подходя ближе. — Ему тут пять.

Я перелистнула страницу. Ещё фото. Школа — он за партой, один, смотрит в учебник. Спортивные секции — неуклюжий мальчик с длинными руками и ногами, который явно чувствует себя не в своей тарелке. Домашние праздники — именинный торт, свечи, и он, задувающий их с каменным лицом.

На всех фотографиях один и тот же мальчик. Умный взгляд, сосредоточенное лицо. Он почти нигде не улыбался. А там, где улыбался, было видно, что это не искренняя радость, а вымученная, заученная улыбка. Как у детей, кото-

рых учат быть вежливыми с гостями.

— Он был невероятно одарённым ребёнком, — сказала Мелисса, и в её голосе послышалась грусть. — Хотя у таких родителей по-другому и быть не могло.

Она прерывисто выдохнула, явно сдерживая подступившие слёзы.

— Просто феноменальный мальчик. Математика, физика, программирование — всё схватывал на лету. Учителя говорили, что таких не видели.

— А спортом занимался? — спросила я, вспоминая досёе.

— Поначалу Нейт вечно сидел за книгами, и мышцы не развивались как надо, — усмехнулся Логан. — Элиана переживала, врачи били тревогу. Магнус заставлял посещать разные секции, но безуспешно. Пока однажды он случайно не попал на занятие по водному поло. И тогда по-настоящему увлёкся.

Мелисса кивнула.

— Нашёл нескольких персональных тренеров, занимался как одержимый. И знаешь... — она посмотрела на меня с каким-то странным выражением, — через два года он стал показывать феноменальные результаты. Тренеры говорили, что если бы Натаниэль не скрывался так тщательно, он мог бы побить несколько мировых рекордов. У него была невероятная выносливость.

Я замерла.

— В смысле «если бы не скрывался»?

Логан и Мелисса снова переглянулись. И в их взглядах было что-то, от чего у меня похолодело внутри. Что-то тяжёлое и невысказанное.

— Нейт... он всегда был особенным, — осторожно сказал Логан. — Не только в плане интеллекта. Он был очень замкнут и не любил быть на виду. Скрывал себя и свою жизнь как мог, а Элиана и Магнус почему-то поощряли это.

— От кого он скрывался?

— Ото всех. — Мелисса опустила глаза. — Даже мы не всегда знали, где он. Магнус говорил, что это ради его безопасности. Что есть люди, которые охотятся за такими как он.

— Какими?

— Одарёнными. Гениальными. — Логан вздохнул, пожимая плечами. — Мы думали, это паранойя. А потом яхта затонула.

— И Натаниэль погиб вместе со всеми? — спросила я прямо, без обиняков. Мне надоело ходить вокруг да около.

Они опять надолго замолчали.

— Я спрашиваю: вы опознали его тело?

— Нет, — выдохнула Мелисса. — Не опознали. Потому что его... не нашли.

Внутри всё оборвалось, а звери протяжно завывали. Холод пробежал по позвоночнику, оставляя за собой ледяной след.

— То есть он мог выжить?

— Течение в том месте было слишком сильным, — Логан

покачал головой. — Вероятно, его тело унесло на много километров от места крушения. Да, Нейта не было в списках погибших. Но и среди выживших тоже.

— Что значит «не было в списках»?

— Это значит, — Мелисса посмотрела мне прямо в глаза, и в её взгляде плескалась такая бездна, что у меня перехватило дыхание, — что либо его тело досталось акулам, либо его вообще не было на той яхте.

Я откинулась на спинку кресла. Голова шла кругом. Звери внутри метались, не находя себе места.

— Почему вы сразу никому не сообщили?

— А кому? — усмехнулся Логан. — Полиции? Они всё списали на сильное течение, а искать в других секторах уже не в юрисдикции США. Пресса? Они и так писали, что вся семья погибла. Сильван стал единственным наследником, и его это, кажется, устраивало. Мы решили не лезть.

— Сейчас тоже не будете лезть?

— Сейчас ты здесь. — Мелисса взяла мою руку. Её пальцы были холодными и чуть влажными. — И ты ищешь правду. Но ты должна знать: Натаниэль всегда любил младшего брата. И даже если он как-то связан с исчезновением Сильве, то значит он его просто прячет. Нейт не причинит ему вреда.

— Это, разумеется, в случае, если он вдруг, чудесным образом, остался жив, — перебил Логан, пристально смотря на жену. Затем перевел взгляд на меня и подался вперед, понижая голос. — Тебе лучше подумать о том, кто мог бы быть

опасен для Сильве среди живых. Кто хотел убрать его с дороги и желал с ним расправиться.

Взгляд Логана прожигал во мне дыру так, что я буквально слышала шипение и чувствовала запах собственной подкопченной кожи.

Кто уже давно пытался расправиться с Сильваном Ричардсоном?

Ответ был до неприличия очевидным.

Джексон продал бы душу, чтобы довести это дело до конца.

Но Хлоя обвиняла во всем старшего брата — Натаниэля, в то время как Мелисса старательно его выгораживала.

И кому из них верить?

Никому.

Никому нельзя верить. Я должна сама докопаться до правды. И возможно тогда перестану чувствовать, как вина сжигает мое горло и давит на грудь.

— А Дарелл, — мне нужно было быть уверенной, — может быть опасен?

— Смотря для кого, — хмыкнул Логан. — Для всех вокруг? Абсолютно. Для Сильвана? Никогда.

Я кивнула, чувствуя, что дышать стало чуть легче. Не замечала, как этот вопрос тяготил мою душу.

Я посмотрела на фотографию маленького мальчика с серьёзными глазами и почувствовала, как в моих зверях закипает жгучая ярость.

Или надежда. С ними вечно не разберёшь.

Глава 15

**Сила давления, равна силе сопротивления.
— Первый Закон Ньютона**

Сейчас.

Майами. Отель.

Поздний вечер, перетекающий в утро.

Когда я вернулась в номер, было уже затемно. Город за окном переливался огнями, океан шумел где-то вдалеке, а в голове была каша из фактов, догадок и вопросов без ответов.

Я обратила внимание на одну странность: Мелисса не задавалась вопросом, жив ли Натаниэль. Она лишь старалась убедить меня, что он не опасен для Сильвана.

Значит ли это, что она уверена: Натаниэль Ричардсон жив?

Тогда почему она продолжает помогать ему скрываться? Или не помогает, а просто молчит? Или боится?

Голова гудела от информации, ноги — от беготни, душа — от всего сразу. Я рухнула на кровать, даже не раздеваясь, и уставилась в потолок.

Фотографии Натаниэля стояли перед глазами. Маленький гений, который прятался от всего мира. Пловец, который мог

бы побить рекорды. Мальчик, которого не нашли после катастрофы.

Где он сейчас? Кто он?

И главное — где сейчас Сильван? Жив ли до сих пор? Вдруг его пытаются где-то в подвале, пока я тут прохлаждаюсь в пятизвёздочном отеле?

Я приняла душ, переоделась, заказала еду, но есть не могла. Куски в горло не лезли. Всё время смотрела на телефон.

Дарелл всё так же молчал. Ни одного сообщения после вчерашнего. Ни «привет», ни «как ты», ни ещё одного «спокойной ночи».

— И правильно, — буркнула я себе под нос. — Хватит с меня мужчин на сегодня.

Звери внутри иронично хмыкнули, но спорить не стали.

Я переоделась в шёлковую кружевную сорочку на тонких бретельках, легла в кровать и выключила свет. За окном шумел океан, в номере было тихо и темно.

Я провалилась в сон почти мгновенно.

А потом — резко открыла глаза.

Что-то было не так.

Я не слышала ничего, кроме океана. Но чувствовала. Кожей, затылком, каждой клеткой тела. Чужое присутствие.

Я медленно, не делая резких движений, потянулась к ночнику на тумбочке одной рукой, пока пальцы другой уже нащупывали кинжал под подушкой.

Щелчок.

Свет резанул по глазам, и я прищурилась на долю секунды.

Когда зрение вернулось, я решила, что мне мерещится. Или воображение разыгралось. Но готова была поклясться, что в кресле в углу комнаты сидел Дарелл.

Его широкая грудь медленно поднималась и опускалась в такт дыханию. Когда мой нос заполнил запах океана и морских суровых бурь, я поняла: это не моя бурная фантазия. Вот он, Дарелл Грейвс, во плоти, сидит в кресле *моего* номера.

Он даже не прятался. Просто сидел, расслабленно откинувшись на спинку, скрестив руки на груди, и смотрел на меня. Как хищник, который уже загнал добычу и теперь просто наслаждается моментом.

— Ты охренел? — пискнула я, хватая сердце рукой. Оно колотилось где-то в горле, пытаюсь вырваться наружу.

Кончик кинжала в другой руке, дрожа, целился в этого демона.

— Не кричи, — спокойно ответил он. — Я не кусаюсь. Хотя это как попросишь.

В его голосе было столько бархатной угрозы, что у меня мурашки побежали по позвоночнику.

— Как ты сюда попал?

— Этот отель принадлежит семье Стефана. — Он пожал плечами с ленивой грацией. — У меня есть ключи от всех

номеров. Полезная опция, когда хочешь сделать сюрприз.

— Это не сюрприз. Это нарушение границ.

Он усмехнулся уже полюбившейся мне тёмной, собственнической и опасной усмешкой.

— Ты права. Прости.

Я смотрела на него и пыталась понять, злиться мне или радоваться. Звери внутри уже проснулись и явно были на его стороне. Сволочи.

— Что тебе нужно?

— Поговорить.

— Ночью? В моём номере? Ты не мог выбрать другое время?

— Мог. — Он встал и медленно подошёл к кровати. — Но я не хотел ждать. И осторожнее с кинжалом, — я все еще целилась в него лезвием, — это моя любимая ролевая игра.

Я сглотнула. Дарелл остановился в полуметре от меня, и даже в тусклом свете ночника я видела, как горят его глаза. Там плескалось что-то первобытное, тёмное и голодное.

Я отложила кинжал и встала с кровати. Не потому что хотела быть ближе, а потому что не желала смотреть на него снизу вверх. Не особо помогло — он всё равно возвышался надо мной, но так я хотя бы чувствовала себя равной.

Шёлк сорочки и ветер с балкона нежно скользнули по оголённой коже, и она покрылась мурашками. Я убеждала себя, что именно от этого, а не от близости Дарелла.

— Мне удалось напасть на след, который ведет в Сильве,

— сказал он без предисловий.

Если бы не его серьезный тон и сурово сдвинутые брови, я бы решила, что он разыгрывает меня. Но, кажется, он и в самом деле всё это время ничего не знал о судьбе Сильвана.

— Поздравляю. И где он?

— Пока не могу сказать.

Я фыркнула.

— Зачем ты тогда ко мне пришёл? Похвастаться?

— Мне нужна твоя помощь.

Я усмехнулась, скрещивая руки на груди.

— Дарелл, дорогой, если ты надеешься, что я скину тебе адресок хорошего психотерапевта, то вынуждена разочаровать.

— Мы могли бы стать отличной командой, принцесса.

Он пропустил мой комментарий мимо ушей. Обидно. Я всю душу в этот сарказм вложила.

— Ты нужна мне. Я умею многое, но стать юной девой мне не под силу, увы, — сыронизировал он.

Я закатила глаза, но наострила уши вместе с моими звёзками.

Он ухмыльнулся, заметив мое любопытство. В синих глазах сверкнул холодный огонь.

— Помоги мне — и я помогу тебе. Я знаю, ты разнюхиваешь своим милым носиком про Натаниэля. Выполнишь свою часть сделки, и я расскажу тебе кое-что о Натаниэле Ричарде II Ричардсоне.

Я присвистнула.

Нихрена себе у него имечко. Как у кого-то сраного принца.

— Ну и имечко, — фыркнула я.

Дарелл усмехнулся.

— Точно.

Мы уставились друг на друга. Воздух между нами искрил так, что, казалось, ещё немного и вспыхнет пламя.

— И почему я должна тебе верить? — мой голос звучал хрипло, хотя я пыталась держать марку. — Откуда мне знать, что ты скажешь правду? Или не исчезнешь, как только я выполню свою часть договора?

Он сделал шаг. Ещё один. Теперь Дарелл стоял прямо передо мной, так близко, что его запах заполнил каждую клеточку моего тела. Тёмный. Пьянящий. Опасный.

Горячие пальцы коснулись голого плеча, посылая разряд тока прямо в мой центр. Я не заметила, как лямка сорочки соскользнула вниз. Он медленно вернул её на место. Слишком медленно. Слишком интимно.

— Я обещаю тебе, Каталея, что выполню свою часть сделки, — прошептал он, и от этого шёпота у меня подкосились колени.

Его руки скользнули по моей спине, притягивая ближе. Мои пальцы без моего ведома уже цеплялись за его плечи. Звери внутри выли от восторга, требуя продолжения.

Я вдруг осознала, что мы одни в гостиничном номере: ночь тепла, аромат океана пьянит, волны шепчут, а огромная

кровать слишком близко.

Губы Дарелла уже были в сантиметре от моих. Я чувствовала его горячее, прерывистое дыхание, такое же неровное, как моё. Рука скользнула под сорочку, горячая ладонь на коже, и я выгнулась навстречу, теряя остатки разума.

И тут я остановилась.

Прерывисто дыша, глядя на его влажные губы и потемневшие глаза, я боролась сама с собой. Мой мозг уже подкидывал миллион развратных картинок о том, чем бы я могла занять эти его руки и губы.

Но...

— Нет.

Он замер.

Мне стоило *охренеть* каких усилий отстраниться от Дарелла. Не столько физических, сколько волевых. Каждая клетка тела вопила, требуя сдаться в руки мужчины передо мной.

— Что? — его голос сел до хрипоты.

— Я сказала — нет.

Дарелл смотрел на меня, пытаясь понять. В его глазах мелькнуло что-то неразборчивое. Удивление? Разочарование?

— Нет нашей сделке или... — он не закончил, но я поняла.

— У меня рейс через три часа. — Я провела рукой по волосам, пытаясь унять дрожь. — Я не хочу его пропустить.

— Я куплю новый билет.

— Дело не в билете. — Я посмотрела ему в глаза и вспом-

нила, как он отказывал мне раньше. Как останавливал на самом интересном месте. Как исчезал и играл в свои игры.

В глазах Дарелла мелькнуло удивление. Потом — понимание. Губы растянулись в тёмной усмешке, от которой я была готова продать душу дьяволу.

— Ты мстишь.

— Я уравниваю счёт.

Он уставился на меня с идеально изогнутой чёрной бровью. Потом медленно шагнул назад, словно нехотя отпуская из объятий.

— Ты невероятна, — сказал он тихо. — Что насчёт моего предложения? — уже громче.

— Я подумаю.

— Не отдохнувший мозг соображает хуже. — Он развернулся и откинул пятернёй назад чёрные волосы, открывая идеальный профиль. — Трёх часов недостаточно, чтобы выспаться и принять верное решение.

Теперь была моя очередь выгибать бровь.

— Частный джет Ноа вылетает в Нью-Йорк завтра днём (то есть уже сегодня). — Он смотрел на меня в упор. — Уверен, он не будет против ещё одного пассажира.

Я скрестила руки на груди и уже открыла рот, чтобы возразить, но он меня прервал.

— Тогда мы сразу сможем обсудить детали нашей сделки. Если ты согласишься.

Я молчала, переваривая.

Смогу поспать лишние пару часов. Частный джет. Никакого спешащего такси, никаких очередей на регистрации. И он рядом. *Слишком* рядом.

В этот момент порыв прохладного ветра с балкона скользнул по моей коже. Шёлк сорочки предательски обрисовал всё, что должен был скрывать. Я почувствовала, как затвердели соски, выступая сквозь тонкую ткань.

От Дарелла не ускользнула эта картина.

Его глаза вмиг опустились вниз, зрачки расширились, заполняя радужку тьмой. Он смотрел так, будто видел меня насквозь — сквозь шёлк, сквозь кожу, сквозь все мои защиты.

— Обещаю вести себя... сносно, — произнёс он, поднимая взгляд и ловя меня в ловушку синих глубин. В его голосе было столько обещаний, что у меня перехватило дыхание.

— Сносно — это как? — выдохнула я.

— Не трону тебя, пока ты сама не попросишь. — Уголок его губ дрогнул. — А ты попросишь.

Я смотрела на него, и в голове боролись разум, гордость и дикое, первобытное желание.

— Самоуверенность штаны не жмёт?

Дарелл запрокинул голову и гортанно засмеялся. В номере не доставало света, но я была уверена, что уловила в его улыбке и смехе что-то знакомое. Что-то, от чего внутри кольнуло.

— В твоём присутствии постоянно, — в его голосе мелькнула редкая, почти уязвимая нота, которую он так тщательно

прятал за броней цинизма.

Я тряхнула головой, чтобы сбросить непонятное наваждение и его последние слова. Они застревали под кожей, как занозы.

— Во сколько вылет?

— В полдень. Я зайду за тобой в десять.

— Зайдёшь? Или опять влезешь, как сталкер?

Он усмехнулся.

— Посмотрим на твоё поведение.

— Дарелл.

— Каталя.

Не знаю, как у него получалось произносить моё имя так, будто пробует на вкус. Медленно, смакуя каждую букву. Я распадалась на крошечные кусочки, когда он так делал. И каждый раз собирала себя заново, но с каждым разом это получалось всё хуже.

— Спокойной ночи, — сказал он и направился к двери.

— Уже утро, — буркнула я ему в спину.

Дарелл обернулся на пороге. Лунный свет из приоткрытого балкона скользнул по его лицу, высвечивая резкие скулы и тень от ресниц.

— Тогда доброе утро. И приятных снов.

Дверь закрылась.

Я рухнула на кровать и закрыла ладонями лицо. Щёки пылали. Сердце колотилось так, будто я пробежала марафон. Кожа горела в местах его прикосновений. Губы помнили его

дыхание.

— Идиотка, — прошептала я. — Какая же ты идиотка.

Звери внутри согласно завывали, но в их вое слышалось что-то подозрительно похожее на предвкушение.

За окном шумел океан.

Через несколько часов я полечу в Нью-Йорк с человеком, которому не доверяю, но от которого не могу отказаться.

Я закрыла глаза и провалилась в сон — без сновидений, без кошмаров, без ответов.

Только шум прибоя.

Только океан.

Только он.

Где-то на грани сна и яви мне почудилось, что дверь снова приоткрылась. Или это ветер? Или просто игра уставшего воображения?

Я не стала открывать глаза.

Без разницы, если он решил снова влезть в мой номер.

Главное, чтобы в полдень, он не пожалел о своем обещании вести себя сносно.

Потому что я — уже пожалела.

Глава 16

**Любовь — это игра,
в которой двое играют и оба проигрывают.
— Юджин ОНилл**

Сейчас.

Майами. Отель.

9:57 утра.

Ровно в десять кто-то постучал в дверь.

Не влез через балкон, не открыл отмычкой, не воспользовался ключами от всех номеров, а постучал. Как нормальный человек.

Я застыла посреди комнаты с зубной щёткой в одной руке и бюстгальтером в другой. Сердце почему-то ухнуло в пятки, хотя я ждала его прихода. Ждала и боялась одновременно.

— Минуту! — крикнула я, судорожно застёгивая лифчик.

— Не торопись, — донёсся приглушённый голос с той стороны. — Я подожду.

Я выдохнула, натянула лёгкое летнее платье цвета тёмной вишни, мазнула по губам блеском и через полминуты распахнула дверь.

Дарелл стоял в коридоре, прислонившись плечом к ко-

сяку. На нём была чёрная футболка, идеально облегающая торс, и тёмные джинсы. Никакого пиджака, никакого официоза — только он. Опасный. Спокойный. И смертельно красивый.

В руке он держал два стаканчика с кофе.

— Доброе утро, — сказал он, протягивая мне один. — Ты выспалась?

Я взяла кофе, стараясь не касаться его пальцев.

— Выспалась. А ты?

— Я вообще мало сплю. — Он усмехнулся. — Привычка.

Я сделала глоток. Кофе был идеальным — крепкий, горячий, с нотками карамели и несколькими каплями сливок.

Откуда он знает, какой кофе я люблю?

— Спасибо, — буркнула я, отступая в сторону, чтобы впустить его.

Дарелл вошёл, окинул взглядом номер, задержался на скомканных простынях и на мне. Всего на секунду, но этого хватило, чтобы по коже побежали мурашки.

— Сама справлюсь, — сказала я, когда он направился к чемодану.

— Я не сомневаюсь. — Он уже взял ручку. — Просто помогаю.

— Я не люблю, когда мне помогают.

— А я не люблю, когда женщины таскают тяжести в моём присутствии.

Я попыталась выхватить чемодан из его рук, но его тело —

это гора, а его плечи — это горизонт, на котором держится весь наш грешный мир.

Дарелл даже не шелохнулся.

— Чего так распереживалась, принцесса? — смеясь, произнёс он. — Что ты там прячешь, взрывчатку?

— Со взрывчаткой не пустили бы на самолёт, — я подозрительно прищурилась. — Или я чего-то не знаю?

Дарелл рассмеялся гортанным смехом.

— Мы летим частным джетом. Там нет досмотра.

— Привилегия богатых?

— Одна из многих, которыми я пользуюсь.

Он поднял чемодан одной рукой, будто тот ничего не весил.

— Значит, там кирпичи? — усмехнулся он.

— Да так, ничего незаурядного. Книги, оружие, пара туфель.

— Туфли отдельным пунктом, — хмыкнул он. — Ценности ясны.

— А что же, по твоему мнению — *на которое, прошу заметить, мне наплевать* — я должна таскать в сумках?

— По моему мнению, *на которое тебе, безусловно, плевать*, ты вообще не должна ничего таскать сама. Пусть носят другие.

— Я привыкла, всё делать сама. И неплохо справляюсь.

— Справляешься. — Он посмотрел на меня с непонятным выражением. — Но с чемоданом и я справлюсь не хуже.

Я хмыкнула, но спорить не стала.

Во-первых, он уже нёс этот чёртов чемодан, и вырывать его обратно было бы глупо. Во-вторых, признаться честно, мне нравилось смотреть, как этот мужчина тащит мои вещи.

Мы вышли из номера, и я поймала себя на том, что разглядываю его спину. Широкие плечи, уверенная походка, идеальная осанка. Он двигался так, будто весь мир принадлежал ему и, возможно, так оно и было.

В лифте мы стояли молча. Он смотрел прямо перед собой, а я украдкой на его отражение в зеркальных дверях. Заметил ли он?

Конечно заметил. Дарелл замечал всё.

— Наслаждаешься видом? — спросил он не поворачиваясь.

Я закатила глаза.

— Просто проверяю, не вырос ли у тебя горб от тяжести моего чемодана.

— Вырос. Теперь для компенсации придётся носить тебя, чтобы вырос второй.

— Мечтай.

Он усмехнулся, и лифт наконец открылся.

На парковке отеля нас ждал чёрный Nummer. Настоящий монстр на колёсах, с тонированными стёклами и такой хищной мордой, что казалось, он сейчас зарычит и съест кого-нибудь.

— Серьёзная тачка, — прокомментировала я.

— Только лучшее для принцессы, — парировал Дарелл, открывая передо мной дверь.

Я цокнула языком, но села. Салон пах кожей и чем-то неуловимо мужским. Тем самым запахом, который я уже ассоциировала с ним.

Дарелл сел за руль, и мы выехали.

Пальмы и отели Майами проносились за окном с видом дешевой открытки, которую вот-вот выбросят на помойку. Яркое солнце уже начинало припекать. Я смотрела на город, понимая, что вряд ли скоро сюда вернусь.

— Не скучай, — сказал Дарелл, будто читая мои мысли.

— Я вообще-то рада уехать.

— Лгунья.

В точку. Попал не хуже снайпера. Но я была бы не я, если бы не начала упираться рогом

Я повернулась к нему, изображая святое негодование:

— Это ещё почему?

— Ты смотришь на город так, будто прощаешься с ним навсегда.

Я промолчала. Потому что он был абсолютно прав.

Чёрт бы побрал его интуицию.

Мы подъехали к небольшому зданию с вывеской «Signature Aviation». Частный терминал. Никаких очередей, никаких сканеров, никакой толпы. Только тишина и запах денег. Больших денег. Очень больших.

Дарелл припарковался, отдал ключи подошедшему парню в форме, и мы направились к выходу на лётное поле.

— Ничего не забыла? — спросил он, беря мой чемодан.

Разве что своё благоразумие, а так всё при мне. Но вслух я сказала:

— Вроде нет.

Мы вышли на бетонку, и я застыла на мгновение.

Самолёт стоял на полосе, сверкая на солнце. Но не белый, как все привыкли. А абсолютно чёрный. Как смоль. Как ночь. Как его глаза, когда он смотрит на меня в темноте.

— Gulfstream G650, — сказал Дарелл, заметив мой взгляд. — Любимая игрушка Ноа.

— Чёрный, — выдохнула я.

— А ты думала, он будет розовый?

— Я думала, он будет белый. Как все.

— Ноа не любит быть как все.

Это я уже поняла.

Мы поднялись по трапу. Внутри самолёт оказался ещё роскошнее, чем снаружи. Восемь кожаных кресел кремового цвета, полированное дерево, огромный экран на стене.

— О, наши гости! — раздался знакомый голос.

Ноа сидел в одном из кресел, расслабленно откинувшись. На его коленях, как и в прошлый раз, устроилась Шарлотта, будто его колени были единственным свободным местом в самолёте. Что, учитывая количество пустых кресел, было наглой ложью.

— Дарелл, — он приветственно поднял руку. — Кая, дорогая, рад, что ты присоединилась.

— Спасибо, что подбросите, — ответила я, плюхаясь в кресло напротив.

Дарелл сел рядом. *Слишком близко.* Наши подлокотники почти соприкасались.

— А Стефан? — спросила я.

— Остаётся в Майами, — ответил Ноа. — У него тут дела. Семейные. — Он усмехнулся. — Родители вернулись раньше, чем ожидалось. Кто-то, видимо, настучал про дырки в стенах.

Я прыснула.

— И ему влетит?

— Не то слово. Но он уже большой мальчик, выдержит.

Шарлотта хихикнула и что-то шепнула ему на ухо. Ноа улыбнулся и поцеловал её в висок.

Я отвернулась к иллюминатору. Не потому что меня это смущало. Просто чужая нежность всегда вызывала у меня странное чувство — смесь зависти и отвращения.

На столике перед нами стояли фруктовая и сырная нарезки. Подошедшая стюардесса с приклеенной улыбкой открыла шампанское и начала разливать по трём пустым бокалам.

— Леди будет то же, что и я, Джози, — остановил Дарелл стюардессу, когда та намеревалась наполнить бокал возле меня.

Её улыбка оставалась безупречной, но я заметила, как

дёрнулся левый глаз. Профессиональный тик, не иначе.

— Конечно, мистер Грейвс. — пропела она елеиным голосом и отошла к бару.

Джози вернулась через минуту с двумя бокалами, в которых плескался янтарный напиток с парой кубиков льда. Поставила их перед нами и бесшумно исчезла.

Я взяла бокал, вдохнула запах выдержанного виски и вопросительно подняла бровь.

— Откуда ты знаешь, что я ненавижу шампанское?

Дарелл откинулся в кресле, делая глоток.

— Я наблюдательный.

— Это не ответ.

— А ты всегда такая подозрительная? — усмехнулся он.

— С незнакомцами — да. С тобой — особенно.

Он поставил бокал и посмотрел на меня в упор.

— На всех приёмах, где я имел удовольствие тебя видеть, твои бокалы с шампанским всегда оставались полными. Ты делала вид, что пьёшь, но ни разу не сделала глотка. Ни на бале-маскараде, ни на скачках, ни в особняке Логана. — Он пожал плечами. — Не надо быть Шерлоком, чтобы сложить два плюс два.

Я моргнула.

— Ты следил за мной уже тогда?

— Скорее, изучал, — поправил он с лёгкой усмешкой. — Когда человек тебя искренне интересуется, невольно запоминаешь такие мелочи.

Я хмыкнула и сделала глоток. Виски был отличным. Конечно, он знал, какой я люблю виски.

Чёрт бы побрал его наблюдательность.

Шарлотта на коленях у Ноа смотрела на меня круглыми глазами, в которых читался ужас пополам с восторгом. Кажется, я почему-то стала её новым кумиром. Или новым кошмаром. С такими, как я, легко ошибиться.

— Что? — спросила я, заметив её взгляд.

— Ничего, — пискнула она и уткнулась носом в плечо Ноа.

Ноа закатил глаза и чмокнул её в макушку.

— Шарлотта, милая, если хочешь поговорить с Каей — поговори. Она может и царапается, но я смогу тебя защитить.

Дарелл фыркнул.

— Я бы не был так уверен, Ноа.

— Что такое? Эта конфетка оказалась тебе не по зубам? — съехидничал в ответ Ноа.

— Я говорил не о себе. А вот ты можешь поломать свои белоснежные зубки.

Ноа закатил глаза, но промолчал.

Шарлотта подняла на меня взгляд, явно борясь с любопытством и страхом.

— Это правда, что ты... — она замялась, — ...стреляла в того вора?

Я усмехнулась.

— Не стреляла. Я перерезала ему глотку. Стреляли другие.

Глаза Шарлотты стали размером с блюда.

— Оу, — выдохнула она. — Ещё круче.

Ноа расхохотался.

— Я же говорил, она тебе понравится.

— Ты поэтому сюда приехала? — Шарлотта подалась вперёд, чуть не свалившись с колен Ноа. — Чтобы найти Сильвана?

— Типа того.

— А ты знаешь, кто его похитил?

— Пока нет.

— А будешь их убивать, когда узнаешь?

— С вероятностью девяносто девять процентов.

Шарлотта восхищённо выдохнула и повернулась к Ноа.

— Она потрясающая. Можно мне тоже так?

— Нет, — хором ответили мы с Ноа.

Она надула губки, но спорить не решилась.

— Ладно, — вздохнула она. — Буду просто наблюдать.

— Умное решение, — одобрила я.

Ноа чмокнул её в нос, пересадил на соседнее кресло и поднялся.

— Нам с Дареллом нужно обсудить кое-что. Вы пока побудьте здесь.

— Мы справимся, — ответила я. — Надеюсь, она не захочет потрогать мой кинжал.

— Захочу! — пискнула Шарлотта.

— Не давай, — бросил Ноа, удаляясь в сторону кабины пилотов с Дареллом.

Я осталась наедине с восторженным подростком в теле взрослой женщины.

— Покажешь? — спросила она, глядя на меня щенячьими глазами.

— Нет.

— А расскажешь?

— Что именно?

— Как ты... ну... это делаешь?

Я вздохнула.

— Шарлотта, это не игра. Там кровь, крики, боль и кошмары после.

— А тебе снятся кошмары?

Посмотрела на неё. Такая наивная. Такая живая. Такая неиспорченная.

— Уже нет, — ответила я честно. — Но это не значит, что их не было.

Она задумалась.

— Наверное, это тяжело.

— Наверное.

Мы замолчали. Она смотрела в иллюминатор, а я в свой бокал.

— Знаешь, — сказала она вдруг, — я думаю, Сильвану повезло, что ты появилась в его жизни.

Мои губы изогнула усмешка.

— Посмотрим, что он скажет по этому поводу, когда мы его найдём.

— Найдёте, — уверенно сказала она. — С такими, как ты, не пропадёшь.

Я не нашлась, что ответить.

Самолёт тронулся.

— Взлетаем, — объявила подошедшая стюардесса. — Пристегнитесь, пожалуйста.

Я пристегнулась. Дарелл, вернувшийся в своё кресло, сделал то же самое.

— Боишься? — спросил он тихо.

— Летать? Нет.

— А чего боишься?

Я посмотрела на него. В его глазах плескалось что-то тёмное и глубокое.

— Высоты, — ответила я. — Не самой высоты, а того, что можно с неё упасть.

— Если упадёшь, то я поймаю, — сказал он просто.

И от этих слов у меня внутри что-то ёкнуло.

Самолёт разогнался и взлетел, а Майами остался где-то далеко внизу.

В полёте было спокойно. Ноа с Шарлоттой уединились в хвостовой части, где было что-то вроде мини-дивана. Оттуда периодически доносился приглушённый смех и звуки поцелуев.

— Неугомонные, — прокомментировал Дарелл, кивая в их сторону.

— Молодые, — поправила я.

— Ты с ними одного возраста, кажется.

— Я старше душой.

Он усмехнулся. И внезапно сменил тему:

— Мне любопытно.

Я повернулась к нему.

— Ты о чём?

— Ты так рьяно рвёшься найти Сильве. — Он посмотрел на меня. — Но сколько времени вы знакомы? Месяц? Два? Откуда вдруг такая привязанность?

Я уставилась на него. Вопрос застал меня врасплох.

Мысли пронеслись в голове, стучая меня изнутри по темечку.

Потому, что Сильван ни в чём не виновен.

Потому что, это из-за меня он пострадал. Из-за меня он приехал в «Ла Сьенегу».

Это всё *из-за меня*.

Но сказала я другое, что тоже было правдой:

— Наверное, потому что впервые за всю мою жизнь я встретила кого-то такого цельного, доброго и... честного? Не знаю, как объяснить, — я отвернулась к иллюминатору. Небо было похоже на глаза Сильвана. Серо-голубое, с искрящимся солнцем где-то неподалёку. — Как будто я знала его всю жизнь. Как будто он — недостающая часть какого-то моего

пазла. Словно его свет успокаивал мою тьму. Понимаешь?

Я посмотрела на Дарелла, но он не смотрел на меня. Он изучал свой бокал с виски, но взгляд был отсутствующим. Почему-то мне показалось, что он понял, что я имела в виду.

И вдруг он улыбнулся, той редкой улыбкой, которую я видела всего пару раз.

— Это особая магия Сильве. Озарять своим светом всё вокруг.

Я отвернулась к иллюминатору, чтобы он не видел моих виноватых глаз.

За стеклом было только небо — цвета глаз Сильвана.

И Дарелл рядом.

Почему-то это не пугало.

Почему-то это казалось правильным.

От неподвижного сидения у меня начиналась лёгкая форма плоскожопия, поэтому я встала, чтобы пройтись. Самолёт слегка качнуло на турбулентности, и я, не удержав равновесия, завалилась прямо на Дарелла.

Моя попка приземлилась ему на колени, руки вцепились в его плечи. Я замерла, чувствуя жар его тела даже сквозь ткань.

— Осторожнее, — сказал он, и его голос стал ниже на октаву.

— Турбулентность, — выдохнула я, пытаюсь встать.

Но его руки уже легли на мою талию. Не сжимая, просто касаясь.

— Не торопись, — прошептал он. — Упадёшь.

— Ты же обещал поймать.

— Ловлю.

Мы смотрели друг на друга достаточно долго. Более чем интимно. Я чувствовала его дыхание на своих губах.

— Кая, — сказал он тихо.

— Что?

— Ты очень тяжёлая.

Я возмущённо дёрнулась, и он рассмеялся, помогая мне встать.

— Шучу. Ты лёгкая, как пёрышко.

— Придурок, — буркнула я, но улыбка всё равно растянула губы.

Я сходила в уборную, больше для того, чтобы пошлёпать себя по щекам и облить лицо холодной водой. А когда села обратно в своё кресло, сделала вид, что ничего не произошло. Но внутри всё горело.

Через полчаса я снова встала, но на этот раз специально

выбрала момент, когда турбулентности не было. Прошлась до мини-бара, налила себе воды. Возвращаясь, «случайно» задела его плечо.

Он поймал мою руку.

— Ты сегодня очень неуклюжая, — заметил он.

— Просто самолёт маленький.

— Самолёт рассчитан на десять пассажиров.

— Значит, тесный.

Дарелл усмехнулся и отпустил мою руку, но его пальцы задержались на моём запястье на две секунды дольше, чем необходимо.

Я села и отвернулась к иллюминатору.

За стеклом было только небо. Бесконечное, синее, пустое.

Как мои мысли, когда я пыталась не думать о нём.

— Кая, — позвал он тихо.

— М?

— Спасибо, что согласилась.

Я повернулась к нему.

— У меня был выбор?

— Всегда есть выбор.

— Ну да. — Я усмехнулась. — На счёт твоего предложения. Прежде чем я приму решение, я хочу знать, что произошло тогда в «Ла Сьенеге» перед моим появлением. Поделишься?

— Обязательно. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Сразу после того, как ты согласишься мне помочь.

Я закатила глаза.

— Торгуешься?

— А ты? — парировал он.

Я вздохнула.

— Дай мне подумать до посадки.

— Договорились.

Мы замолчали. Каждый думал о своём.

Впереди был Нью-Йорк.

И куча вопросов без ответов.

Глава 17

**Привилегия жизни заключается в том, чтобы стать тем,
кем ты являешься на самом деле.
— Карл Юнг**

Тогда.

Город Медельин, район Эль-Побладо, Колумбия.

Каталее четырнадцать.

Переходный возраст подкрался незаметно и вдарил мне по голове так, что искры из глаз посыпались. Или же моя истинная натура и бурный нрав просто устали прятаться и вырвались на поверхность, сметая всё на своём пути.

Всем, кто оказывался поблизости, не повезло. Потому что я не стеснялась выплёскивать на них всё, что накипело.

Мне надоело, что все вокруг считают себя умнее или сильнее меня. Мне надоело, что мама оставляет все мои вопросы без ответов. Мне осточертело, что она хочет видеть меня той, кем я никогда не являлась.

— Будь скромнее, ты же девочка.

— Не дерись, ты же юная леди.

— Не ругайся, ты же мамина принцесса.

— Будь умнее, не становись оружием в руках деда.

— Будь хитрее, не слушай сладкие речи Феликса.

Хотя дедушку и дядю я не видела уже больше года — с того самого праздника, после которого мама увезла нас из асьенды.

Наша квартира находилась в Медельине — втором по величине городе Колумбии. Не так далеко от асьенды, как следовало бы, но достаточно, чтобы я перестала быть под прямым влиянием деда и Феликса.

Мама выбрала Медельин не случайно. Здесь дедушка еще не захватил полную власть и у мамы тут были какие-то старые связи, да и город считался более современным и безопасным, чем Богота. Мы сняли небольшую, но уютную квартиру в районе Эль-Побладо — с высокими потолками, балконом, выходящим на зелёные холмы, и соседями, которые понятия не имели, кто мы такие.

Мама устроилась на работу в какую-то благотворительную организацию. Она вставала рано, уходила, когда я ещё спала, и возвращалась затемно, уставшая и молчаливая. Мы виделись по вечерам, но разговоры наши всё чаще превращались в перепалки.

Я скучала по асьенде. По лошадям, по бескрайним полям, по слугам, которые выполняли любые мои прихоти. По дедушке, который никогда не говорил мне «не дерись» и «будь скромнее». По Феликсу... хотя от его взглядов у меня иногда бежали мурашки, но в четырнадцать лет я ещё не умела

правильно их расшифровывать.

В новой школе всё было чужое. Учителя раздражали своей назидательностью, одноклассницы — глупостью, одноклассники — самодовольством.

Я ввязалась в драку уже на второй неделе, когда какая-то девица посмела назвать меня «выскочкой из Боготы». Я разбила ей губу и выдрала клоч волос.

Ещё через неделю я сломала нос пареньку, который пытался высмеять мою внешность — якобы светлые волосы и зелёные глаза не могут принадлежать чистокровной колумбийке, значит, моя мама меня нагуляла и я — гринго.

После этого было ещё несколько случаев.

Маму постоянно вызывали к директору.

— Катаlea, это уже четвёртый выговор за месяц! — кричала она вечером, мечась по кухне. — Ты ведёшь себя как дикарка!

— А кто я, по-твоему? — огрызнулась я. — Все с самого детства твердили мне, что я Динарди. Вот я и веду себя как Динарди!

Мама замерла. Посмотрела на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты не понимаешь, что значит быть Динарди, — тихо сказала она. — Ты видела только парадную сторону. А есть другая...

— Так покажи мне! — я вскочила. — Расскажи! Хватит держать меня в неведении!

— Нет. — Она покачала головой. — Я надеюсь, что ты никогда с этим не столкнёшься. И пока ты под моей крышей, ты будешь жить по моим правилам.

— Твои правила — дерьмо! — выкрикнула я и выбежала из квартиры, хлопнув дверью так, что штукатурка посыпалась.

Я ночевала у подруги. Вернулась только на следующий день, когда мама обзвонила всех, кого могла. Она больше не кричала. Только смотрела на меня усталыми, покрасневшими глазами.

— Не делай так больше, — попросила она.

Я пожала плечами.

И через месяц сбежала снова.

Его звали Матео.

Он учился в параллельном классе, играл на гитаре и носил дурацкие рваные джинсы. Я влюбилась в него с первого взгляда той отчаянной, всепоглощающей любовью, на которую способны только четырнадцатилетние.

Мы встречались тайно. Он жил в районе победнее, в маленьком домике с облупившейся краской, где вечно пахло чем-то жареным. Мне там нравилось. Там не было маминых правил, не было её вечной усталости и невысказанных претензий.

Однажды я не вернулась домой. Осталась у Матео на ночь. Мы просто лежали на его узкой кровати, слушали музыку и смотрели в потолок. Он держал меня за руку, и мне казалось, что весь мир у моих ног.

Мама нашла меня через два дня.

С этого момента я была под домашним арестом.

Нужно ли говорить, что это ни разу меня не остановило?

А однажды мы очень сильно поругались. Мама не хотела отпускать меня на вечеринку, которую устраивали старшеклассники. И меня — из средней школы — позвали!

Она ничего не понимала в школьной иерархии. Я не могла не пойти.

Я сбежала через окно, спустилась по водосточной трубе (спасибо дедушкиным урокам по физподготовке) и через полчаса уже была в эпицентре событий. Гремела музыка, кто-то пил пиво, кто-то целовался по углам. Я чувствовала себя взрослой. Свободной. Счастливой.

Каково же было моё удивление, когда мой уже изрядно опьяневший мозг вдруг стал собирать воедино знакомые черты тёмного силуэта.

Улыбка была красивой. Глаза — тёмными. Волосы погло-

щали свет. А ещё он немного троился в глазах.

— Привет, mariposa, — улыбнулся он.

Силуэт напугал тела, сидящие рядом со мной на диване, и их словно ветром сдуло, когда он приблизился и подхватил меня на руки. Я даже не успела возмутиться, только взвизгнула и вцепилась в его шею, чтобы не упасть.

На улице я увидела четыре чёрных внедорожника с тонированными стёклами. Или это был один, который упорно двоился и троился? Трудно сказать.

Он усадил меня на переднее сиденье и пристегнул. Я попыталась отмахнуться, но руки слушались плохо.

— Как ты меня нашёл? — язык заплетался, но смысл претензии он, кажется, уловил.

— Я никогда тебя не терял. — Он повернулся ко мне, и в его глазах мелькнуло что-то странное. — Тебе не место среди этих плебеев, Каталя. Я волновался.

— Ты не имеешь права волноваться. Ты мне никто.

Он усмехнулся.

— Я твой дядя.

— Не настоящий.

— Но мои чувства к тебе настоящие.

Я отвернулась к окну. За стеклом проносились пальмы и какие-то посёлки. Всё кружилось.

— Ты хоть знаешь, кто все эти люди? — спросил Феликс.

— Мы учимся в одной школе. Все эти старшеклассники обожают меня. Они классные.

— Они дети каких-то мелких торговцев. У них нет ни денег, ни будущего. — Феликс говорил спокойно, будто зачитывал прогноз погоды на завтра. — И они даже не знают, как тебя на самом деле зовут. Вся школа знает тебя как Катерину.

Я промолчала. Это была правда.

— Ты думаешь, они бы стали с тобой тусоваться, если бы знали, что ты Динарди? — Феликс наклонил голову. — Думаешь, их папаши-торгаши не продали бы тебя первому встречному за пару миллионов?

— Замолчи! — выкрикнула я.

— Или, может, ты думала, что кто-то из тех мальчишек полюбит тебя по-настоящему? Что вы будете жить долго и счастливо в его конуре, пока я не приду и не вырву ему сердце за то, что он посмел к тебе прикоснуться?

Я замерла. Алкогольный туман в голове развеялся, будто кто-то включил холодный душ.

Феликс смотрел на меня в упор, и в его глазах было что-то такое, от чего у меня кровь застыла в жилах.

— Ты принадлежишь Динарди, Каталя, — сказал он тихо. — Если ты ещё этого не поняла.

Я хотела возразить. Хотела выкрикнуть, что я никому не принадлежу. Но язык не слушался, а в голове пульсировала только одна мысль: как он меня нашёл? Почему он здесь?

Феликс молчал какое-то время, давая мне переварить услышанное. Потом его тон неожиданно сменился.

— Какой красавицей ты выросла, — сказал он, и в голосе появились нотки, от которых мне стало ещё более не по себе. — Алехандро уже отдал распоряжения о твоей вечеринке в честь пятинадцатилетия. Это будет грандиозное событие. Можешь даже пригласить этих... отбросов. Пусть увидят, что не ровня тебе.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, издевается он или говорит серьёзно. Но его лицо было непроницаемым.

Машина всё ехала. Медельин оставался позади.

— Ты везешь меня домой к маме? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Я везу тебя *домой*, — сказал он.

— Но мама...

— Моника больше не может с тобой справиться, — перебил он. — Она сама попросила Алехандро о помощи. Ты слишком... своенравна для неё.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, правда ли это. Мама сама отправила меня обратно? После всего, что она говорила о дедушке, о Феликсе, о том, как важно держаться подальше?

Боковым зрением мне показалось, я увидела знакомые очертания асьенды. Или не показалось. Мир по-прежнему крутился, и картинка была чуть размыта.

Но вот машина въехала в знакомые ворота.

Феликс вышел первым, открыл мне дверь.

— Не переживай, *mariposa*, — улыбнулся он. — Здесь ты будешь в безопасности. Здесь ты будешь среди своих.

Он протянул руку, чтобы коснуться моего лица, но я отшатнулась.

— Не трогай меня.

Он замер. В его глазах мелькнула то ли обида, то ли гнев, но через секунду Феликс снова улыбался.

— Как скажешь. Пойдём, дедушка ждёт.

И я поплелась за ним.

Внутри меня всё кипело. Я злилась на маму, что она сдавалась. Злилась на Феликса, что он так смотрит. Злилась на себя, что позволила всему этому случиться.

Но где-то глубоко, в самом тёмном уголке души, шевельнулось странное чувство.

Я снова была *дома*.

Среди своих.

Среди Динарди.

Глава 18

**Но конец лжи еще не означает начала правды.
— Фредерик Бегбедер**

Сейчас.

Нью-Йорк. Частный аэропорт.

Самолёт коснулся полосы так мягко, что я почти не почувствовала толчка. Только лёгкая вибрация, пробежавшая по телу, дала понять, что мы наконец приземлились.

За иллюминатором простирался серый, хмурый Нью-Йорк. Небо затянуло плотными облаками, моросил мелкий, назойливый дождь — классическая встреча после солнечного Майами. Капли стекали по стеклу, размывая очертания города. Нью-Йорк встречал меня так, будто знал: с этим визитом ничего хорошего не случится.

Я откинулась в кресле, прогоняя непрошенную дрожь. Воспоминания всё ещё отдавались где-то под рёбрами: холодными пальцами Феликса, его словами о принадлежности, тем, как легко мама сдалась и отправила меня обратно в клетку. Прошное цеплялось за настоящее, не желая отпустить.

Самолёт зарулил на стоянку, и стюардесса открыла дверь.

В салон ворвался прохладный воздух, пахнувший бензином, сыростью и большим городом. Август в Нью-Йорке бывает разным, и сегодня он решил показать свой мерзкий характер.

Ноа поднялся с дивана в хвостовой части, потягиваясь как сытый кот. Шарлотта семенила за ним, цепляясь за его бицепс обеими руками, будто боялась потеряться в этом огромном мире.

— Ну что, народ, — он хлопнул в ладоши, и звук эхом разнёсся по пустому салону. — Добро пожаловать в Большое Яблоко. Кая, был рад компании. Надеюсь, ещё увидимся.

— Увидимся, — кивнула я.

Он чмокнул Шарлотту в висок и направился к трапу. Де-вушка обернулась на меня, помахала пальчиками и выпорхнула следом, оставляя за собой шлейф сладких духов.

Мы с Дареллом остались вдвоём.

Я поднялась, поправляя лёгкое платье, которое за время полёта успело измяться ровно настолько, чтобы выглядеть неподобающе сексуально после посадки. На верхней ступеньке трапа задержалась, вдохнула влажный воздух Нью-Йорка. Город пах асфальтом, выхлопными газами и тысячами чужих жизней.

Дарелл спустился следом. Его рука случайно коснулась моей спины, когда он проходил мимо.

Случайно ли?

Тёплая ладонь задержалась на голой коже всего на секунду, но этого хватило, чтобы по позвоночнику пробежал раз-

ряд.

— Тебя подвезти? — спросил он, когда мы отошли от самолёта.

Я остановилась и посмотрела на него в упор. В сером свете нью-йоркского неба его глаза казались ещё темнее, ещё глубже.

— На счёт твоего предложения.

Он замер. В его глазах мелькнуло любопытство.

— Я согласна, — сказала я. — На сделку.

Дарелл пристально посмотрел на меня, изучая моё лицо, будто искал подвох. Потом уголок его губ дрогнул.

— Неожиданно. Думал, ты будешь торговаться до последнего.

— Я решила, что время дороже.

— Разумно.

Он сделал шаг ближе. Я не отступила. Между нами осталось сантиметров тридцать — опасная дистанция. Дистанция, на которой чувствуешь чужое дыхание.

— Тогда поехали, — сказал он. — Обсудим детали.

— Только не ко мне.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы ты знал, где я живу. — Я смотрела ему прямо в глаза, не позволяя себе отвести взгляд. — Ничего личного, только бизнес.

Он усмехнулся моей любимой усмешкой.

— Кая, я и так знаю, где ты живёшь. Таунхаус в Катскил-

лах, снят через подставное лицо, хозяйка — пожилая итальянка, которая берёт наличными и не задаёт вопросов. Хочешь, назову точный адрес?

Я сжала челюсть. Звери внутри оскалились.

— Ты...

— Я же говорил: я наблюдательный, — перебил он с лёгкой усмешкой. — Это не слежка. Это... осведомлённость.

— Это нарушение личных границ.

— Это забота. Хотя тебе, конечно, плевать.

Я выдохнула, пытаюсь унять раздражение. Он прав. Мне плевать.

Плевать, плевать, плевать.

Легче не стало. Чёрт.

— Ладно. Допустим, ты знаешь. Я всё равно не хочу туда ехать.

— Как скажешь. — Он пожал плечами. — Тогда предлагаю нейтральную территорию.

— Например?

— Есть одно место. В Сохо. Частный клуб, тихо, уединённо, никто не мешает. Хозяин — мой знакомый.

Я задумалась. Сохо — хороший район. Людно, но не слишком. Если что-то пойдёт не так, есть где затеряться.

— И ты обещаешь вести себя сносно?

Он улыбнулся такой улыбкой, после которой обычно решаются на греховное падение. Уголки губ приподнялись, в глазах заплясали черти.

— Обещаю вести себя так, как ты позволишь.

— Это не ответ.

— Это лучший ответ, который ты от меня получишь.

Я вздохнула. С этим человеком невозможно спорить. Невозможно выиграть. Но и проигрывать почему-то не страшно.

— Ладно. Поехали.

Мы сели в чёрный внедорожник, который ждал на лётном поле. Машина блестела от влаги, капли дождя стекали по капоту, как слёзы по щекам плачущей статуи. Дарелл сел за руль, я на пассажирское.

Салон пах кожей, его парфюмом и чем-то неуловимо мужским.

— Пристегнись, — сказал он.

— Я и так пристёгнута.

— Умница.

Я закатила глаза.

Машина выехала с территории аэропорта и нырнула в городской поток. За окном мелькали серые здания, мокрые улицы, спешащие люди, укрывающиеся зонтами и газетами. Нью-Йорк не спал, не ждал, не замечал. Ему не было дела до двух человек в чёрном внедорожнике, до их секретов и невысказанных желаний.

— Можно вопрос? — спросила я, глядя, как дворники ритмично смахивают капли с лобового стекла.

— Валяй.

— Почему ты позволил мне так долго думать? Ну, про сделку. Зачем тянул?

Дарелл помолчал какое-то время. За стеклом мелькали огни светофоров, отражаясь в лужах.

— Потому что такие вещи нельзя решать сгоряча, — ответил он наконец. Голос звучал низко, задумчиво. — Ты должна была сама прийти к этому решению.

— Откуда ты знал, что приду?

— Не знал. Надеялся.

Я посмотрела на его идеальный профиль, как у греческой статуи, только опаснее. И красивее. Намного красивее. Резкая линия челюсти, тёмные ресницы, руки, уверенно лежащие на руле. Руки, которые наверняка умели убивать. И ласкать.

— И часто ты так надеешься? — спросила я.

— На тебя — постоянно.

Я отвернулась к окну, чтобы он не видел мою предательскую улыбку.

Звери внутри довольно мурчали. Город проплывал мимо.

А впереди был разговор, который мог дать мне ответы на все вопросы.

Или породить новые.

Сейчас.

Нью-Йорк. Парковка аэропорта JFK.

Внедорожник Дарелла нырнул в полумрак многоуровневой парковки. Флуоресцентные лампы мерцали, выхватывая из темноты ряды молчаливых, застывших машин, будто в ожидании своих хозяев.

— Тут, — сказала я, когда мы въехали на третий уровень.
— Четвёртый ряд.

Дарелл припарковался рядом с моим Maserati Levante. Чёрный зверь стоял на месте, покрытый тонким слоем пыли, как напоминание о том, сколько всего случилось за последние дни.

Я вышла из машины, и влажный воздух парковки тут же обнял меня запахом бетона и бензина. Дарелл вышел следом, достал из багажника мой чемодан и поставил рядом с Levante.

— Помочь? — спросил он, кивая на багажник.

— Справлюсь.

Я открыла багажник, закинула чемодан внутрь и захлопнула дверцу. Звук эхом разнёсся по пустой парковке.

— Встретимся там? — спросила я, поворачиваясь к нему.

— Ладно. Я скину адрес.

Он уже доставал телефон, но я остановила его жестом.

— Только давай сразу к делу. Без прелюдий.

Он усмехнулся.

— Как скажешь, принцесса.

— И перестань меня так называть.

— Не могу. Это выше моих сил.

Я закатила глаза, но улыбку спрятать не успела.

Мы разошлись по своим машинам. Я села в Maserati, вдохнула знакомый запах кожи и полироли. Машина будто вздохнула облегчённо, когда я завела двигатель — соскучилась, родная.

Дарелл выехал первым, я за ним. Колонной из двух машин мы покинули парковку и нырнули в поток.

Сейчас.

Нью-Йорк. Сохо. Частный клуб.

Клуб назывался «Noir» и находился в полуподвальном помещении на одной из тихих улиц Сохо. Никакой вывески, только чёрная дверь с глазком и табличка «Private». Если не знаешь, то пройдёшь мимо. И, судя по всему, здесь было принято пропускать мимо и тех, кто не должен был видеть лишнего.

Я припарковалась через дорогу, подошла ко входу. Дверь открылась до того, как я успела постучать. На пороге стоял Дарелл.

— Проходи.

Внутри оказалось именно то, что я ожидала. Приглушённый свет, кожаные диваны, барная стойка из тёмного дерева и никаких посетителей. Только тишина и запах дорогого виски. Им здесь, кажется, даже стены пропитаны.

— Хозяин — мой друг, — пояснил Дарелл, жестом приглашая меня пройти вглубь. — Сегодня клуб закрыт для посторонних.

— Удобно.

— Стараюсь.

Мы сели в дальнем углу, в креслах, расположенных друг напротив друга. Между нами был низкий столик, на котором уже стояли два бокала и бутылка виски. Всё продумано до мелочей. Как всегда.

— Будешь? — спросил он, кивая на бутылку.

— Буду.

Он разлил, подвинул мне бокал. Янтарная жидкость плеснулась о стенки, и я сделала глоток.

Это нектар богов, клянусь.

Такой тёплый, тягучий, с нотками дуба и карамели. Я прикрыла глаза на секунду, наслаждаясь.

Дарелл уставился на меня. На мой рот, если быть точной.

— Что там? Испачкалась?

Возможно, я опять издавала те постыдные звуки удовольствия, которые обычно приберегают для более интимных моментов. Но вы бы сами попробовали этот виски. Уверяю, не сдержался бы никто.

— Мм? Нет. — Он подался вперёд, ставя локти на колени, сокращая расстояние между нами до опасного. — Просто вдруг вспомнил, как твои губы обхватывали мой член.

Я поперхнулась.

Часть драгоценного напитка расплескалась по платью, пока я заходила в кашле, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— А вот теперь ты испачкалась, — сказал этот демон, передавая мне салфетки и улыбаясь как Чеширский кот, только что сожравший канарейку.

Придурок.

— Давай к делу, — сказала я, вытирая платье и прочищая горло, чтобы голос звучал ровно, пока мозг издевательски подкидывал картинки того раза в его ванной комнате. — Что

случилось в «Ла Сьенеге»?

Дарелл откинулся в кресле, изучая меня долгим взглядом. В полумраке его глаза казались почти чёрными. Улыбка медленно сползла с его лица, уступая место серьёзности.

— Меня не должно было быть на вашей встрече. Но это моя работа — всегда и везде следить за его безопасностью. Сильве выводило из себя мое постоянное присутствие рядом, и иногда я дарил ему иллюзию уединенности. Мне пришлось немного отстать, чтобы он меня не заметил. И когда я вошёл в номер, Сильве там уже не было. Но были двое громил.

Я напряглась. Звери внутри насторожились.

— Кто?

— Не знаю. Наёмники. Говорили по-испански, с колумбийским акцентом. Дорогая экипировка, профессиональные замашки. Они явно ждали кого-то.

— Тебя?

— Или тебя. Или просто сторожили номер.

— Что случилось дальше?

Дарелл сделал глоток виски и усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Я попытался поговорить. Они не захотели.

— И?

— И пришлось применять силу. — Он пожал плечами, будто речь шла о чём-то обыденном. — Один говорил на ломаном английском, второй вообще молчал. Я выбил немного

информации из первого: их наняли через третьи руки. Оплата криптой, не отследить. Заказчик откуда-то из Штатов. Но имя они не знали. Только кодовое.

— Какое?

— El Jefe.

У меня внутри всё похолодело.

El Jefe.

Шеф.

— Я немного увлёкся допросом, — продолжил Дарелл, и в его голосе не было ни капли сожаления. — И так вышло, что забил первого до смерти. Это его кровь ты видела на мне тогда. Второй сбежал, но моим людям удалось его поймать.

Он сделал паузу, давая мне осознать услышанное.

— И только недавно он наконец заговорил, — голос Дарелла стал тише, тяжелее. — Когда на нём почти не осталось живого места.

Его глаза сканировали моё лицо, ловили каждую эмоцию, каждую дрожь ресниц.

— Он всё твердил «los miñecos».

Я замерла. Бокал застыл в миллиметре от моих губ.

— Это тебе о чём-нибудь говорит? — спросил он тихо.

Я молчала. Секунду. Две. Целую вечность, пока внутри бушевал ураган.

— Говорит, — ответила я наконец.

Это значит «Куклы». Организация Джексона. Та самая, где я была главной марионеткой.

Дарелл ждал. Не давил, не торопил. Просто смотрел своими бездонными глазами и этот взгляд был хуже любых допросов.

Стоит ли сказать ему? В конце концов, я больше не работаю на Джекса. И если это поможет найти Сильвана...

— Помнишь, тогда на скачках вы обсуждали девушек, что обкрадывают определённых мужчин? — сказала я осторожно, прощупывая почву.

Дарелл кивнул.

— Куклы, — сразу понял он.

— Да. Так вот... — я замялась, подбирая слова. — Я же изучала испанский в школе

Ложь.

Чистейшая ложь. Я знала испанский с детства, с асьенды, с колыбели. Но должна же я как-то объяснить, откуда понимаю язык, на котором говорят наёмники?

— «Los muñecos» переводится как куклы. Бьюсь об заклад, тот мужик имел в виду именно тех девушек.

Что было абсолютнейшей правдой. Ведь я была той самой «куклой», что должна была доставить Сильвана к Организации.

— Ага-а, — протянул Дарелл, уставившись на меня в упор. — И?

Его глаза метали молнии. Он смотрел так, будто видел меня насквозь. Будто читал каждую мою мысль, каждый постыдный секрет.

Я изогнула бровь, пытаюсь сохранить невозмутимость.

Не может же быть, что он...?

Да нет. Вряд ли.

На момент знакомства с Сильваном я была отстранена от дел Организации и полностью изолирована от всех их баз.

Не может быть, чтобы он меня вычислил.

Или...

Может?

Это же Дарелл Грейвс, черт возьми. Человек, который знает слишком много деталей обо мне. Который появляется также внезапно, как и исчезает. Который назвал меня Каталеей на балу, хотя я семь лет не называла своего настоящего имени.

Спустя минуты или эры молчания он наконец произнёс:

— Неужели ты думала, я не проверю тебя вдоль и поперёк, когда ты появилась в жизни Сильвана? Это моя работа, принцесса.

— Не понимаю, о чём ты.

Да, я по-прежнему продолжала лгать ему. Хрен знает за чем. Ведь очевидно, что он всё уже знает. Но привычка врать, привычка притворяться и защищаться въелась в кровь глубже, чем любой испанский.

Дарелл тяжело вздохнул. С таким видом, будто имел дело с упрямым ребёнком.

— Я знаю, что ты работала на Джексона Каллахана в его «благотворительной» организации. И *я позволил* тебе быть

рядом с Сильве лишь потому, что по всем данным ты была уже уволена и не числилась в их базах. Мы дали тебе «жучок», чтобы удостовериться. — Он криво усмехнулся, оглядывая меня с головы до ног. — К тому же ты меня забавляла.

Я сжала бокал крепче. Костяшки пальцев побелели.

Я вспомнила, как легко мне удалось сблизиться с Сильваном, тогда как другим девушкам это не удавалось месяцами. Вспомнила, как просто он позволил мне поселиться у него в поместье. Вспомнила про флешку-трекер.

Так вот что это была за проверка?

Они хотели убедиться, что я не понесу её в офис Организации. Хотели быть уверены, что я и правда больше не работаю на Джекса.

— Откуда ты знаешь про Джексона?

— Я многое знаю, Кая. — Он сделал глоток виски, не сводя с меня глаз. — Например, что ты работала на него после... после аварии, которая оставила на тебе все эти шрамы. Что он дал тебе новое имя, новую жизнь, новую профессию.

Мне удастся уловить в его голосе некую фальшь и я понимаю: Дарелл знает больше, чем говорит. Намного больше. Но он ошибается насчет моих шрамов. Это не последствие аварии. Ну, не большинство из них.

Я сжимаю бокал так, что он, кажется, вот-вот треснет. Звери внутри скалятся, но не от злости, а от того, что я оказалась зажата в угол.

— Глупо отпираться, да?

— Без вариантов.

Я отставила бокал. Разговор обещал быть серьёзным.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? Извинилась? Я не собираюсь оправдываться за то, что делала. У меня были свои причины.

— Я и не прошу извинений, они не вернут нам Сильве. — Дарелл смотрел на меня в упор, и в его взгляде не было осуждения. Только странная, пугающая и абсолютно неуместная нежность. — Я прошу, чтобы ты вернулась к своим «куклам». Аккуратно. Чтобы они не заподозрили, что мы ищем Сильвана вместе. Что мы... связаны.

— Мы не связаны, — отрезала я.

— Правда? — Он усмехнулся, и от этой усмешки у меня мурашки побежали по коже. — Тогда почему ты здесь?

Я не нашлась, что ответить. Потому что он был прав. Взяла свой напиток и сделала щедрый глоток.

— Ладно, — выдохнула я. — Допустим. Что ты предлагаешь?

— Я предлагаю работать вместе. — Он подался вперёд, и его колени почти коснулись моих. — У меня есть ресурсы, люди, информация. У тебя — знания и прямой доступ к тем, кто за этим стоит.

— Ты предлагаешь мне шпионить для тебя?

— Я предлагаю тебе найти Сильвана. Вместе.

Мы смотрели друг на друга. Воздух между нами искрил.

— Мне нужно время подумать, — сказала я.

— У нас его нет. — Он откинулся обратно, давая мне пространство. — Сильвана нет уже... сколько? Недели?

— Почти три.

— Три недели. Время работает против нас.

Я молчала. В голове крутились мысли, одна страшнее другой.

— А что будешь делать ты, пока я разнюхиваю в Организации?

— А я буду рядом. — Он сказал это так просто, будто само собой разумеющееся. — Присматривать. Прикрывать. И ждать, когда ты найдёшь ответ.

Дарелл покрутил бокал в руке и сделал глоток.

— И верить. — Он посмотрел мне в глаза. — Я тебе верю, Кая. Пора и тебе начать верить мне.

Я пристально смотрела на Дарелла, ища признаки лжи или притворства. И не нашла.

Прокрутила бокал между ладонями, сделала большой глоток. Виски обжёг горло, но не заглушил мыслей.

Колумбийские наемники. El Jefe. Куклы. Джексон.

Все нити вели куда-то в темноту. Вопрос только в том, кто ждал меня в конце этого лабиринта.

— Ещё один вопрос, — сказала я, ставя бокал. Стук стекла о дерево прозвучал как выстрел в тишине клуба.

Раз уж у нас тут открылся аттракцион невиданной щедрости по откровению, я решила спросить:

— Почему ты зовёшь меня Каталеей?

— Разве это не твоё имя?

Я помолчала.

— Я никогда никому его не говорила.

Дарелл посмотрел на меня долгим взглядом. В полумраке его глаза блестели, как у волка, вышедшего на охоту. Потом он медленно улыбнулся.

— А вот это, Каталея, — сказал он тихо, словно наслаждаясь звучанием моего имени, — останется моим маленьким секретом. Пока ты не заслужишь право узнать.

Я сжала челюсть.

— Ты невыносим.

— Именно поэтому я тебе нравлюсь.

— Ты мне не нравишься.

— Разве? — Он склонил голову к плечу, и в его глазах заплясали черти. — А я отлично помню твои стоны, когда разложил тебя на столе в квартире на Манхэттене. И такой расклад тебе очень нравился.

Я вспыхнула. Щёки предательски загорелись, и я ненавидела себя за эту реакцию. Ненавидела его за то, что он умел нажимать на нужные рычаги.

— Это было

— Что? Ошибкой? Случайностью? — Он поднял бровь.
— Мы оба знаем, что это не так.

Меня взбесила его самоуверенность. Лёд коснулся верхней губы, когда я медленно сделала глоток янтарной жидкости.

— Дарелл, дорогой, не путай симпатию с желанием. Моё тело может страстно хотеть твоего, и при этом я не буду испытывать к тебе никаких чувств. — Я деловито закинула ногу на ногу. Дарелл склонил голову набок, изучая моё оголённое бедро. — Страсть и любовь не обязательно должны идти рука об руку.

Я выдержала паузу, давая ему переварить мои слова. Взгляд Дарелла медленно прошёлся вверх по моему телу и встретился с моими глазами.

— Повторяй себе это почаще. Может, тогда и сама поверишь в это. — И усмешка, растянувшая его губы, нарисовала потрясающую ямочку на левой щеке.

Потом он поднял свой бокал.

— За сотрудничество?

Я смотрела на него. На его опасную улыбку. На глаза, в которых плясали черти. На руки, которые умело убивали и ласкали так, что рушился мир.

— За сотрудничество, — ответила я и чокнулась с ним.

Звери внутри завывали от предвкушения.

Впереди была опасная игра. И я собиралась в ней выиграть.

Но, кажется, впервые я играла не одна.

Глава 19

**Чаще чужой человек может сделать намного больше,
чем близкий:
попадая в руки незнакомого человека,
вы обнаруживаете зеркало собственного выбора.
— Майкл Ондатже**

Сейчас.

Нью-Йорк. Таунхаус в Катскиллах.

Я сидела на полу посреди гостиной, а передо мной лежал раскрытый чемодан, из которого пахло Майами, солнцем и им.

Пиджак Дарелла источал греховный аромат, от которого мне пришлось сесть, чтобы перевести дух. Казалось, его запах въелся в само моё существо, как чужая кровь остаётся под ногтями, сколько ни мой руки. Но избавляться от него не хотелось. Наоборот, я бы залезла в ванну, полную такой крови, с головой.

Этот пиджак был для меня как красная тряпка для быка. Только я не бык. Я та, кто бежит на этот цвет добровольно, с открытыми глазами и бешено колотящимся сердцем.

Тот самый пиджак, который он накинул на меня после погони, после крови, после того, как я перерезала глотку вору. Я так и не вернула его. Не потому что забыла, а потому что не захотела.

Я поднесла ткань к лицу и вдохнула.

Океан. Буря и гроза. Виски. Что-то тёмное, мужское, опасное — и уже такое родное, что хотелось выть. Его запах въелся в хлопок так глубоко, будто ткань впитала его вместе с кожей, вместе с ним самим.

— Идиотка, — прошептала я, отбрасывая пиджак в сторону.

Но через минуту подобрала его обратно. Аккуратно сложила и повесила на спинку стула.

Звери внутри замурчали.

Я достала телефон. Дарелл оставил чёткие и сухие инструкции, без лишних слов. Как он любит.

«Свяжись с Изабель Делакур.

Она введёт тебя в курс дела».

Изабель Делакур.

Та, что работает на Сильвана и кому он доверяет. Та самая женщина, которая стояла рядом с Дареллом на балу. Та, чьё платье цвета свежей крови я до сих пор помню в деталях. Та самая мадам, которая, по моим несложным вычислениям,

была кротом в организации Джексона. Или остаётся до сих пор?

Неприятная личность. Высокомерная, холодная, спокойная и раздражающая.

Хотя, кто я такая, чтобы судить? Не то чтобы я была лучше.

Я набрала номер. Ответили после первого гудка.

— Кая, — голос в трубке звучал ровно, без эмоций. — Жду тебя завтра в девять утра на кофе. Адрес скину.

И отключилась.

Я смотрела на потухший экран и чувствовала, как внутри закипает раздражение.

— И тебе до свидания, — буркнула я в пустоту.

Звери согласно рыкнули.

Сейчас.

Нью-Йорк. Верхний Ист-Сайд.

Квартира Изабель находилась в доме, который, судя по

фасаду, помнил ещё позапрошлый век. Всё дышало деньгами, которые не кричат о себе, а просто существуют всем на зависть: мрамор, позолота, лепнина и швейцар в ливрее.

Я поднялась на лифте, нажала кнопку звонка.

Дверь открылась мгновенно.

Изабель Делакур стояла на пороге в идеально сидящем брючном костюме цвета слоновой кости. Ни единого пятнышка, ни одной складки. Иссиня-чёрные волосы убраны в строгую причёску, безупречный макияж и каменное лицо. Даже в девять утра она выглядела так, будто сошла с обложки Vogue.

— Проходи, — сказала она, даже не поздоровавшись.

Я вошла. Квартира оказалась такой же безупречной, как её хозяйка. Минимализм, дорогая мебель, ни одной лишней детали. И ни одной фотографии. Словно здесь никто не жил. Словно здесь вообще никогда никого не было.

— Кофе? — спросила она, жестом указывая на кухонный остров.

— Чёрный, с тремя каплями сливок, без сахара.

— Знаю.

Я подняла бровь, но промолчала.

Мы сели друг напротив друга. Между нами на столе стояли две чашки с идеальным кофе и напряжение, которое можно было резать ножом.

— Дарелл сказал, что ты готова помочь, — начала Изабель без предисловий.

— Готова.

— И что ты знаешь?

— Достаточно. — Я сделала глоток кофе. — Но хочу услышать твою версию.

Изабель холодно усмехнулась одними уголками губ.

— Умно. — Она откинулась на стуле. — Хорошо. Слушай.

Она говорила коротко и ёмко, будто читала сводку.

— После исчезновения Сильвана Дарелл первым делом проверил «кукол». Организацию Джексона Каллахана. Это было логично, особенно после Хлои и всех подосланных девушек к Сильвану до неё. Ну и... — она склонила голову набок, и в этом жесте было что-то хищное, — после тебя.

Я молчала, давая ей говорить.

— Он потратил на это две недели. Люди, ресурсы, связи — всё пустил в ход. — Она сделала паузу. — Ноль результата. Потом заговорил наш пленник, вновь указывая на «кукол». Дарелл ещё раз всё перепроверил. Снова безрезультатно. Организация оказалась чиста. По крайней мере, снаружи.

— А внутри?

— А вот это ты и должна выяснить. — Изабель посмотрела мне прямо в глаза. — Ты единственная, кто может туда войти и не вызвать подозрений. Ты своя. Ты одна из них.

Я сделала глоток. Задержала дыхание на секунду, проглатывая кофе вместе с комом, подступившим к горлу.

— А ты?

Изабель, кажется, перестала дышать. Воздух в комнате стал тяжёлым и вязким.

— Разве ты не одна из них? Не одна *из нас*?

Она сглотнула. Взяла чашку в руки — та предательски затряслась в её пальцах — и поставила обратно на стол.

— Я давно оборвала все связи с этой конторой. — Голос её стал жёстче, острее. — И разговор не обо мне.

Я сжала чашку крепче.

Оке-ей. Вряд ли мы когда-нибудь подружимся.

— И что я должна там искать?

— Того, кто заказал похищение; того, кто его осуществил; того, кто знает об этом хоть что-то. Джексон может быть не при чём, но кто-то из его внутреннего окружения точно замешан.

— Или снаружи, но очень близко.

— Или так, — согласилась Изабель.

Я молчала, переваривая.

— А что с полицией? — спросила я. — С прессой?

— Пока удаётся сдерживать. — В её голосе впервые мелькнуло что-то похожее на усталость. — Сильван — публичная фигура. Если новость об исчезновении просочится, начнётся такое... Но у нас есть люди в нужных местах. Пока молчат.

Я кивнула.

— Ясно.

— Тебе нужно вернуться к Джексону. — Изабель пода-

лась вперёд. — Аккуратно, без лишнего шума. Скажи, что одумалась, что простила, что хочешь работать. Что угодно. Ты знаешь его лучше нас.

— Возможно.

— И ещё. — Она достала из ящика стола тонкую папку и протянула мне. — Здесь всё, что мы смогли собрать на его ближайшее окружение. Люди, связи, слабые места. Может пригодиться.

Я взяла папку, даже не открывая.

— Как давно ты знаешь Дарелла? — спросила я вдруг.

Изабель посмотрела на меня долгим взглядом.

— Достаточно, чтобы знать, что ему можно верить.

— А тебе?

Она усмехнулась.

— Мне — нет. Но тебе и не придётся.

Я встала, забирая папку.

— Спасибо за кофе.

— Кая. — Она окликнула меня, когда я уже была у двери.

— Будь осторожна. Джексон не дурак. И если кто-то в его Организации действительно связан с похищением, они будут следить за каждым твоим шагом.

— Я знаю, — ответила я, не оборачиваясь.

— И ещё... — её голос дрогнул впервые за весь разговор.

— Найди его. Сильвана. Дарелл... он не будет умолять. Но Сильве его брат. По духу, если не по крови.

Я обернулась. Замешкалась на секунду, не зная, что отве-

тить на такую откровенность.

— Э-эм. Окей.

Дверь закрылась за моей спиной.

Сейчас.

Таунхаус в Катскиллах.

Вечер.

Я сидела на диване, сжимая в руках папку. Рядом лежал пиджак Дарелла. За окном шумел лес, пахло дождём и приближающейся осенью. Все ниточки вели к Организации. Звери внутри точили когти. Завтра я вернусь к Джексону.

Завтра начнётся игра.

Я поднесла пиджак к лицу и снова вдохнула его запах.

— Только попробуй меня предать, — прошептала я в пустоту. — Я тебя из-под земли достану.

Телефон пиликнул. Сообщение от Дарелла:

«Как прошла встреча?»

Я набрала ответ:

«Нормально. Завтра начинаю».

Он ответил почти мгновенно:

«Я рядом.

И даже если ты упадёшь — я поймаю.

Всегда».

Я смотрела на экран, и губы сами собой растягивались в улыбке.

— Придурок, — шепнула я.

Но прижала телефон к груди, в которой вибрировало то ли от мурчания моих зверей, то ли от какого-то расцветающего чувства. Чувства, которому я пока не была готова дать название.

Но могла описать как что-то тёплое, опасное и до боли желанное.

Глава 20

**Рассудок ничего не может созерцать,
а чувства ничего не могут мыслить.
Только из соединения их может возникнуть знание.
— Иммануил Кант**

Тогда.

Колумбия, Асьенда «Соледад».

Каталее пятнадцать.

Асьенда обволакивала меня тишиной. Не той живой, наполненной стрекотом цикад и шёпотом слуг, которую я помнила из детства. Другой, выжидающей, словно сам дом затаил дыхание, наблюдая за мной.

Дедушка Алехандро решил, что с момента моего возвращения моим воспитанием будет заниматься он лично.

Мама приезжала раз в неделю. Когда я сбежала от нее на вечеринку, она отчаялась искать меня и ей ничего не оставалось, как обратиться к дедушке. Но он поставил условие: если Моника примет помощь, то Алехандро забирает меня к себе. Навсегда. Ей разрешали навещать меня по воскресеньям, но даже эти часы были урезаны — дедушка всегда находил повод сократить встречу. Я смотрела, как она уходит,

пряча лицо от ветра, и в груди разрывалось что-то острое и виноватое.

Зачем я с ней так ссорилась? Зачем скандалила и убегала? Мама такого не заслужила.

Но голос деда заглушал всё.

— Ты — Динарди, *mariposa*. Твоё место здесь, среди сильных. Твоя мать... — он качал головой, и в его глазах мелькало что-то, от чего у меня холодело внутри, — твоя мать слишком мягка для нашего мира. Она не сможет тебя защитить. Не сможет научить тому, что тебе понадобится.

Я не спрашивала, чему именно. Потому что уже начинала догадываться.

Мои уроки начинались на рассвете.

— Кинжал не терпит слабости, — говорил дедушка, стоя напротив меня в пустом внутреннем дворике. Его сухие и жилистые руки сжимали рукоять так, будто это было продолжением его тела. — Он чувствует страх. Ты боишься порезаться, значит обязательно порежешься. Но если ты уверена, то лезвие подчинится.

Я смотрела на своё отражение в полированной стали. Та же девочка, что когда-то впервые взяла в руки кинжал. Только теперь она не улыбалась, заворожённо глядя на цветные зайчики от камней. Теперь она училась убивать.

— Удар снизу, под рёбра, — дедушка водил моей рукой, направляя движение. — Здесь нет защиты мышцами. Один точный удар — и противник уже не противник.

Я кивала, запоминая.

А потом, когда он уходил по делам, я оставалась во дворике одна и повторяла движения снова и снова. Пока мышцы не начинали гореть. Пока в груди не просыпалось что-то тёмное и жадное, что требовало продолжения.

Я не знала, как это назвать. Просто чувствовала, что внутри меня живёт *нечто*. Оно урчало, когда я отрабатывала удары. Оно скалилось, когда лезвие рассекало воздух. Оно требовало крови.

Я назвала это позже. Когда поняла, что оно не одно.

— Теперь стрельба, — объявил дедушка через месяц.

Мы спустились в подвал, где была оборудована небольшая, но дорогая стрелковая галерея. Стены обшиты деревом, мишени расположены на разном расстоянии, стойка с десятком пистолетов.

— Начнём с малого, — дедушка взял с полки изящный пистолет с перламутровой рукояткой. Тот самый. Подарок Феликса. Я не знала, как он тут оказался. Наверно, мама передала с остальными моими вещами. — Ты знаешь, что это?

Я кивнула.

— Знаю.

— Хорошо. — Он протянул мне оружие. — Тогда покажи. Я взяла пистолет. Взвесила в руке. Тяжёлый. Приятный.

— Стойка шире, — скомандовал дедушка, обходя меня вокруг. — Ноги на ширине плеч. Центр тяжести ниже. Ты не дерево, *mariposa*, ты — хищник перед прыжком.

Я поправила стойку.

— Целься не в мишень. Целься в то, что за мишенью. В то, что хочешь уничтожить.

Я выстрелила.

Пуля прошла мимо, срикошетив от стены и вздыбив деревянную щепку. Дедушка покачал головой.

— Ещё.

Я стреляла снова и снова. Пули ложились всё ближе к центру. А в груди просыпалось то самое нечто — только теперь их было двое. Один урчал от удовольствия, второй... второй скалился, предвкушая настоящую добычу.

— Ты быстро учишься, — сказал дедушка, и в его голосе послышалась гордость. — В тебе действительно больше от Динарди, чем во всех остальных.

Я не спросила, кого он имел в виду. Я уже знала.

Шли месяцы. Уроки становились сложнее.

Дедушка учил меня читать людей по глазам, по движению рук, по тому, как они дышат. Учил, где держать кинжал, чтобы никто не заметил. Учил, как говорить одно, думая о другом, и как слушать тишину между словами.

— Люди всегда выдают себя, — говорил он, расхаживая по кабинету. — Смотри на них не как на равных. Смотри как на жертв. Как на добычу.

Я слушала и запоминала.

А внутри просыпались новые. *Нечт*о размножалось, заполняло грудную клетку, требовало выхода. Иногда по но-

чам я не могла уснуть — они метались, царапали рёбра изнутри, шептали: *ударь, убей, возьми своё*.

Я боялась их. Но никому не говорила.

Со временем я стала замечать, как дедушка изменился. Он всегда источал некую долю безумства, но теперь это походило на настоящее сумасшествие.

Алехандро мог громко и надрывно смеяться без причины, а через минуту застыть с каменным лицом, глядя куда-то сквозь меня. Мог говорить часами о величии Динарди, о том, как он построил империю на крови и страхе, а потом — уйти в себя, не реагируя на вопросы. Я видела, как он гонялся за каким-то слугой по коридорам, весело гогоча, с мачете в руке, а через час уже сидел за столом, будто ничего не случилось. Он мог неожиданно и часто невпопад начать сыпать грязными ругательствами:

Putá.

Hija de puta.

Zorra.

Его взгляды застывали на одной точке слишком долго. Пару раз я ловила его за разговорами с самим собой.

Потом — больше.

Однажды я проснулась от крика, разорвавшего тишину асьенды. Я выбежала в коридор и замерла.

Дедушка стоял посреди внутреннего двора, размахивая кинжалом. Перед ним на коленях трясся один из слуг. Старик орал, надрывая глотку, и в этом оре было что-то звери-

ное, первобытное.

— Ты! *Ni ja de puta!* — заорал он, наступая на несчастного.
— Думал, я не узнаю? Думал, сможешь обмануть меня?

— Патрон, я не понимаю... — лепетал слуга.

— Не понимаешь? — Дедушка усмехнулся, и в этой усмешке было столько безумия, что у меня кровь застыла в жилах. — Я научу тебя понимать.

Он замахнулся. Я зажмурилась.

Раздался удар и звук бьющегося стекла. Когда я открыла глаза, кинжал торчал из стены в нескольких сантиметрах от головы слуги. Дедушка смотрел на него, тяжело дыша, а потом вдруг рассмеялся — громко, надрывно, будто только что рассказал лучшую шутку в своей жизни.

— Убирайся, — бросил он слуге. — Пока я не передумал. Слуга исчез быстрее тени.

Дедушка повернулся ко мне. В его глазах всё ещё плескалось безумие и какое-то странное, пугающее веселье.

— Не бойся, *mariposa*, — сказал он, вытирая пот со лба.
— Просто убираю мусор.

Я смотрела на кинжал, торчащий из стены, и ничего не понимала.

— Всё, что я делаю, я делаю для тебя, *mariposa*, — говорил он, глядя меня по голове холодными пальцами. — Для тебя и твоего будущего. Ты станешь великой. Сильнее меня. Сильнее всех.

Я кивала, чувствуя, как его пальцы задерживаются на мо-

их волосах.

— Я люблю тебя, — шептал он, и в его глазах вспыхивал безумный блеск. — Ты — моя наследница. Моя кровь. Моя надежда.

Мне было страшно. Не только потому, что он мог сделать мне больно. А потому, что я видела: человек, который когда-то казался мне незыблемой и вечной скалой, медленно и неотвратимо рушился на моих глазах.

И я не понимала причины.

Не знала, что с этим делать. Не знала, кому сказать.

Маму я видела всё реже.

В последний раз, когда мы виделись, она обняла меня так крепко, что я почувствовала, как дрожат её руки.

— Помни, чему я тебя учила, *mi vida*, — прошептала она.

— Борись с ними. И будь осторожна.

Я хотела спросить, что она имеет в виду. Но нас уже развели.

Однажды вечером, после особенно изнурительной тренировки, дедушка позвал меня в свои покои.

— У меня для тебя сюрприз, *mariposa*, — сказал он, и в его глазах загорелся безумный огонь, который я уже научилась распознавать. — Закрой глаза.

Я послушалась.

Он взял меня за руку — его ладонь была сухой и горячей — и повёл. Я считала шаги. Из кабинета, по коридору, на террасу. Свежий вечерний воздух ударил в лицо, пахнувший

землёй и чем-то сладким. Знакомым.

— Открывай.

Я открыла глаза.

Передо мной простиралось огромное поле, уходящее к горизонту, туда, где холмы встречались с вечерним небом. И всё это поле было засажено деревьями.

Тысячи деревьев. Ровными рядами, как армия перед битвой. Их кроны темнели в сумерках, а воздух был таким густым от запаха цветов, что его можно было пить, как вино.

— Это всё для тебя, *mariposa*, — дедушка развёл руки в стороны, и в этом жесте было что-то величественное и страшное одновременно. — Феликс трудился над моим подарком несколько недель.

Я смотрела на плоды на деревьях, и в горле встал ком.

Апельсины.

Тот самый вкус. Тот самый день, когда я съела плод, пропитанный кровью, и поклялась больше никогда к ним не прикасаться.

— Ты помнишь? — спросил дедушка, и его голос стал мягче, почти нежным. — Ты была такая маленькая. А уже понимала, что значит быть Динарди.

Я кивнула, не в силах говорить.

Дедушка положил руку мне на плечо, и я почувствовала тяжесть, которую не могла измерить весом.

— Эта роща — символ. Ты — моя наследница. Ты будешь править здесь, когда меня не станет. И ты будешь непобеди-

мой.

Я смотрела на деревья. На тысячи деревьев, посаженных ради меня. Ради того, чтобы напомнить мне о дне, когда я впервые попробовала кровь.

— Спасибо, дедушка, — сказала я, и голос не дрогнул.

Он улыбнулся. Довольный. Счастливый.

А внутри меня заворочалось моё множественное *нечто*.

Я смотрела на апельсиновые деревья, вдыхала их сладкий, тяжёлый запах и чувствовала, как в груди разрастается что-то тёмное. То, что я уже начала называть *своими зверями*.

Они не мурлыкали. Не скалились. Они сжались в тугой комок, предчувствуя что-то, чему я ещё не могла дать имя.

Это было не восхищение. Не благодарность.

Это была тревога — холодная и липкая, как утренний туман над этой рощей.

Звери внутри уже знали.

Что-то было не так.

Глава 21

**Жизнь наша многослойна,
её слои так плотно прилегают друг к другу,
что сквозь настоящее всегда просвечивает про-
шрое,
это прошлое не забыто и не завершено,
оно продолжает жить и оставаться злободневным.
— Бернхард Шлинк**

Сейчас.

Нью-Йорк. Таунхаус в Катскиллах.

Возвращаться в Организацию совершенно не хотелось. Всё внутри сжималось при мысли о том, что придётся снова переступить порог этого здания, снова дышать его воздухом, снова смотреть в глаза людям, которые годами использовали меня.

Мне ещё предстояло изобрести искусную ложь — предлог, по которому я туда заявлюсь.

Но я не собиралась чётко следовать указаниям Дарелла и тем более Изабель. Не вернусь к деятельности «Кукол», не буду проситься обратно к Джексу, как ненужный щенок. Пока политика его Организации останется неизменной — я

не вернусь. Не стану участвовать в наказании невинных.
Не стану чудовищем.

Я сделаю всё по-своему.

Пытаясь отсрочить неизбежное, я придумала себе несколько срочных и неотложных дел.

Первым делом я обратилась к Винтеру с необычной просьбой. Мне нужно было новое убежище, снятое так, чтобы Дарелл не смог меня отыскать.

«Зачем?»

Спросил он коротко, даже без приветствия.

«Личное. Справишься?»

«Всегда. 3000.»

Я перевела деньги, не торгуясь.

Ответ пришёл через час: старый фермерский дом в северной части штата, в паре часов езды от города. Заброшенная дорога, никаких соседей, только природа и тишина. Снят через три подставных лица. Превосходно.

Я записала адрес и отложила телефон. Теперь у меня был план Б. На всякий случай.

Вторым делом я сделала генеральную уборку и даже постирала все свои вещи. Все, кроме пиджака Дарелла. Он так

и висел на спинке стула, источая греховный запах, от которого у меня кружилась голова. Я не трогала его. И презирала себя за это.

Пока руки занимались рутинной работой, в голове созрел план.

Я решила встретиться с Кларой.

Не потому что простила. И не потому что хотела выяснять отношения. Просто... в моём личном рейтинге предателей она стояла ниже всех, несмотря на то, что её предательство более жгло. А Марк и Джексон — да, они заслуживали самого худшего. Но Клара... Клара была просто такой же марионеткой, как и я. Преданная. Сломленная. Она делала то, что ей приказывали, потому что это была её единственная семья и единственный тыл.

Я знала это чувство. И, может быть, поэтому могла немного оправдать её.

А ещё — манипулировать ею. Клара, испытывая чувство вины передо мной, совершенно не будет защищаться. Опустит все защитные барьеры, и тогда я без проблем смогу использовать её.

Нет, мне не стыдно.

Она же поступила со мной точно так же, разве нет?

Это месть. Маленькая, коварная и холодная.

Я знала любимое место Клары, куда она захаживала, чтобы поднять себе настроение и найти новых «жертв» или игрушек на одну ночь. Винный бар в Нижнем Ист-Сайде, где

она часто обедала. Тот самый ритуал, о котором она рассказывала мне, когда мы ещё были подругами. Когда пили вино по ночам и обсуждали парней. Когда она сидела рядом и молча держала меня за руку, пока я пыталась забыть очередной кошмар.

Я пришла туда в два часа дня, заказала какой-то зелёный салат и села так, чтобы видеть вход.

Клара появилась через десять минут. Всё та же: платиновое каре, едва угадываемые веснушки, слишком яркий и безумный маникюр, тёмные круги под глазами и дорогушая сумка Louis Vuitton через плечо. Она выглядела так, будто не спала несколько ночей.

Я отвернулась, делая вид, что этот салат — самое изумительное зрелище всех времен, но краем глаза наблюдала за Кларой.

Она взяла кофе, повернулась, чтобы идти к своему обычному столику и замерла.

Её взгляд упал на меня. Сначала непонимающий, потом — узнающий. Она застыла на месте, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на страх. Или надежду.

— Кая? — голос дрогнул. — Ты... что ты здесь делаешь?

Я медленно подняла глаза, изображая лёгкое удивление.

— Обедаю. Нельзя?

Клара сглотнула. Покачала головой. Потом, будто приняв какое-то решение, подошла и села напротив. Сумку поставила на пол, рядом со стулом.

— Я... я хотела сказать тебе... — начала она, и голос её сорвался.

— Не надо, — перебила я, делая глоток воды. — Не здесь. Она замолчала. Кивнула. Её руки дрожали, когда она взяла чашку.

— Ты злишься, — сказала она тихо, закусив губу.

— Злюсь.

— Имеешь право.

Я посмотрела на неё в упор.

— Да. Имею.

Мы сидели в тишине. Я ждала. Она смотрела в свою чашку, не решаясь поднять глаза.

— Я не хотела тебе лгать, — прошептала она наконец. — Послушай, Марк убедил меня, что тебе ничего не грозит. А Джексон сказал, что так будет лучше для тебя.

— И ты верила им?

— А ты раньше не верила? — Она подняла глаза, и в них блеснули слёзы злости.

Я промолчала, глядя в её лазурные озёра.

— Мне очень жаль, правда, — она протянула свою руку через стол и медленно накрыла мою. Словно давая мне время избежать прикосновения. Я не убрала руку. — Скажи мне, что я не всё испортила. Пожалуйста.

Я смотрела на её кукольное лицо, и перед глазами проносились картинки прошлого: вот мы переодевшись двойняшками развели педофила-премьер-министра; вот пьяные

несёмся ночью на роликах по набережной и орём песни Deriche Mode; а вот я, в истерике смеясь, везу её последнего бойфренда в больницу, который истерично ревёт, потому что она почти оторвала ему яйца за какой-то проступок. Я чувствовала прохладу её ладони — хотя её руки всегда были горячими, — и что-то тяжёлое треснуло в моей груди.

— Надеюсь, что нет, — ответила я ещё и потому, что Клара была мне нужна. Моя ниточка к Организации и разгадке пропажи Сильвана.

Она искренне улыбнулась, открывая крошечную щербинку между зубами. Клара подалась вперёд, залезла коленями на стул и поставила локти на стол, как озорной ребёнок. Я знаю её повадки и это означало, она собиралась выдать какую-то тайну.

Но ее прервал вдруг зазвонивший мобильный.

— Извини, — хмурясь, сказала она, взяла с пола сумку, кинула на стол и, пошарив внутри, вытащила телефон. — Мне надо...

— Да, без проблем, — я всегда понимала её с полувзгляда. Она кивнула и отошла в сторону, принимая вызов.

Я, не теряя времени, быстро и бесшумно сделала своё дело. Протянула руку, достала из её сумки маленький брелок и сунула его в карман. Это была смешная игрушечная сова, которую она носила с собой годами. Клара была сентиментальной до глупости.

Она вернулась и, не садясь, допила кофе одним глотком,

даже не заметив пропажи. Я почувствовала укол совести, но сразу же подавила его.

— Сори, я должна бежать.

— Ладно.

Клара взяла сумку, закинула на плечо и уже собиралась уходить, как вдруг резко развернулась:

— Мы сможем поговорить? Нормально? Не сейчас, но встретиться позже? Я хочу...

— Напиши мне. Может быть, встретимся в другой раз.

Она кивнула. Её глаза искрились, выдавая зародившуюся надежду.

Клара вышла из кафе, а я, криво усмехнувшись, попросила счёт.

План сработал идеально.

Телефон Клары я давно знала наизусть. Таково преимущество единственной подруги.

Спустя два часа я написала ей сообщение:

«Ты кое-что обронила в кафе».

Ответ пришёл через минуту:

«Кая?»

Я скинула фотку брелка.

«Он тебе нужен или я могу его выбросить?»

Я знала, что он ей нужен. Знала, что она точно захочет забрать его сегодня же. А ещё я знала, что Клара очень любит свою работу и почти всю себя посвящает фонду «Розовые Сердца» (ну, вернее, его подпольной деятельности), поэтому место встречи она назначит где-то в помещениях Организации. Скорее всего в приёмной офиса Джексона, где она работает его секретарём уже около восьми лет.

*«НЕТ! Пожалуйста, только не выбрасывай!
Можешь занести в приёмную, плиз, в 19:00?»*

Бинго!

Ну я же говорила.

«Без проблем».

«Буду должна!»

Хохо»

Я специально опоздала на двадцать минут. Чтобы показать, что мне всё равно. Чтобы она понервничала.

Когда я вошла в здание Организации, внутри всё сжалось. Запах дезинфекции, тихий гул компьютеров, чужие взгляды. Я прошла мимо кабинетов психологической помощи, мимо комнаты для детей и поднялась наверх по неприметной лест-

нице.

Толкнула дверь в приёмную.

И...

Пусто.

Клары не было. Только пустой стул, чашка остывшего кофе и запах её духов, который ещё не успел выветриться.

Я уже собиралась уходить, когда дверь в кабинет Джексона открылась.

Он вышел, держа телефон у уха. Увидев меня, замер на секунду, потом быстро бросил в трубку:

— Я перезвоню.

— Кая, — сказал он, и в его голосе была искусно подделанная теплота. — Какими судьбами?

— Договорилась встретиться с Кларой. — Я сделала шаг назад, увеличивая дистанцию. — Она тут?

Джексон усмехнулся.

— Клара ушла в катакомбы.

Катакомбы.

Так мы — *то есть они* — называли подвал под зданием. Пыточная, где «куклы» выбивали информацию из тех, кто не хотел говорить. Я была там всего раз. И пообещала себе, что больше туда ни ногой. Даже для моего извращённого разума это было перебором.

— Она сказала, что будет здесь, — я пожала плечами, делая вид, что мне всё равно. — Ладно, передашь ей тогда.

Я достала из кармана игрушечную сову и протянула Джек-

сону. Он посмотрел на брелок, потом на меня.

— Не-не-не, — он помотал головой и засунул руки в карманы брюк. — Давай как-нибудь без меня. А то потом ещё обвините меня в воровстве ваших помад или тампонов. У меня репутация, знаешь ли.

Я фыркнула и закатила глаза, пытаюсь не рассмеяться. Джексон всегда веселил меня своими искромётными комментариями. Чёртов обаятельный ублюдок.

— Спускайся вниз и передашь сама. Ребята будут рады тебя видеть.

— Уверен?

— Абсолютно.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, что за игру он ведёт. Но лицо Джексона было непроницаемым.

— Ладно, — сказала я, забирая брелок. — Спускаюсь.

— Я провожу, — он сделал шаг ко мне.

— Не нужно. Я помню дорогу.

Джексон остановился. Кивнул.

— Как знаешь.

Я развернулась и пошла к лестнице, ведущей вниз. С каждым шагом воздух становился тяжелее, запах дезинфекции сменялся запахом сырости и крови.

Катакомбы встретили меня полумраком и тишиной. Только где-то в глубине раздавались глухие удары и приглушённые стоны.

Я прошла по коридору, миновала несколько пустых ком-

нат и остановилась у последней двери.

Она была приоткрыта. Я заглянула внутрь.

В углу стояли и шумно работали компьютерные системы, двое парней-технарей что-то непрерывно печатали. На трёх из четырёх мониторов шли непонятные мне цифры и символы, на последнем показывалась картинка происходящего в этой комнате.

Клара стояла в центре, вся в чужой крови. Её белые волосы прилипли к лицу, глаза горели тем безумным огнём, который я так хорошо знала. Перед ней, прикованный к стулу, трясся мужчина. Лицо его превратилось в кровавое месиво, но он всё ещё дышал. Тяжело и хрипло, но дышал.

— Я сказала, — голос Клары был низким, почти ласковым, — назови шифр. И я позволю тебе поспать.

— Не знаю, — прохрипел мужчина. — Клянусь, я не знаю...

Клара вздохнула, будто он разочаровал её. Потом замахнулась. Хрустнула кость.

Я толкнула дверь.

— Может, мне попробовать?

Клара замерла. Медленно повернулась ко мне.

В её глазах плескалось безумие, боль, радость и ещё что-то такое, от чего у меня сжалось сердце.

— Ты пришла, — выдохнула она, и в этом выдохе было всё. И удивление, и облегчение, и что-то, похожее на надежду.

— Привет, — сказала я, подходя ближе. — Кажется, это твоё.

Я протянула ей брелок. Клара посмотрела на игрушку, потом на меня. Её губы дрогнули.

— О, боже мой, ты украла мою сову? — удивлённо сыграла она, прижимая руку к сердцу.

— Подобрала, — поправила я, ухмыляясь. — Разница тонкая, но важная.

Она усмехнулась. И в этой усмешке я увидела ту самую Клару, которую когда-то полюбила. Кровожадную, слегка сумасшедшую, но живую.

— Поможешь? — спросила она, кивая на мужчину.

— А то.

Мы сработались так легко, словно не было этих недель ненависти и предательства. Словно мы всё ещё были подружками.

Я подошла к мужчине, наклонилась, заглянула ему в глаза. Он смотрел на меня с ужасом, и этот ужас был слаще мёда.

— Давай попробуем ещё раз, — сказала я мягко, почти нежно. — Ты рассказываешь, что знаешь, и мы отпускаем тебя. Честное слово.

— Я не... — начал он.

Клара занесла руку, но я остановила её жестом.

— Нет, так не пойдёт. — Я взяла со стола небольшой нож, покрутила его в пальцах. — Давай я объясню по-другому.

Я подошла сбоку, приставила лезвие к его шее, чуть надавила. Выступила капля крови. Я наклонилась и прошептала ему на ухо, словно искусная любовница:

— У меня нет на тебя времени. И нет терпения. Я убью тебя, если ты не начнёшь говорить. Но я сделаю это медленно. Очень медленно. Доходчиво объясняю?

Мужчина дрожал. Его глаза бегали, ища выход, которого не было.

— Пять секунд, — сказала я. — Пять. Четыре. Три...

— День рождения моей первой жены! — выкрикнул он. — Клянусь! Это было проще всего запомнить, я так сильно её любил! Вот и увековечил память о ней!

Я убрала нож. Посмотрела на Клару.

— О да-а. Так сильно любил, что прирезал кухонным ножом, — пропела Клара.

Она молниеносно вырвала нож из моих рук и засадила его в бедро мужику.

Тот вскрикнул и застонал.

— С-сука! — Слёзы, вопли и проклятья. — Ты же обещала меня отпустить!

Клара запрокинула голову и безумно рассмеялась.

— О-о, — она вытерла выступившие слёзы большим пальцем. Медленно вытащила нож из его ноги, прокручивая лезвие. Тот иступлённо верещал. — Но ведь это *Она* обещала тебе, — указала на меня ножом, — а не *Я*, пончик ты мой сладенький!

И снова залилась переливчатым озорным смехом. Затем запрыгнула к нему на колени и нанесла удар в сонную артерию. Мужчина обмяк, сознание покинуло его тело. Клара поглаживала его лысину.

— Ты могла его отпустить, — сказала я, глядя на неё с приподнятой бровью.

— Я и отпустила. В бессознательное состояние. — Она усмехнулась.

А потом её глаза нашли меня и наполнились слезами.

— Я так скучала по тебе, — сказала она, и голос её дрогнул.

Клара вспорхнула с чужих колен, шагнула ко мне вся в крови, с мокрыми от слёз щеками, и стиснула меня в объятиях так крепко, будто боялась, что я исчезну.

Я не отстранилась.

Потому что, может быть, я тоже скучала.

Звери внутри замерли, не зная, что сказать. Впервые за долгое время я и сама не знала, что сказать.

— Я тоже, — прошептала я.

Мы стояли в катакомбах, обнимаясь, посреди крови и боли, и в этом было что-то неправильное и одновременно самое правильное в мире.

Потом я отстранилась.

— Нам нужно поговорить, — сказала я. — Не здесь.

Клара кивнула, вытирая лицо, но лишь сильнее размазала кровь и теперь еще больше походила на чокнутую убийцу.

Что, по сути, так и было.

— Согласна.

— Завтра. На нашем месте.

— Договор.

Я развернулась и пошла к выходу. На пороге обернулась.

— И, Клара... спасибо, что сделала вид, что поверила мне насчёт брелка.

Она грустно и устало улыбнулась.

— Я всегда тебе верю, Кая.

Я не стала спрашивать, что она имела в виду.

На улице шёл дождь. Я подставила лицо холодным каплям, смывая с себя запах крови и подвала.

Звери внутри беспокойно заворочались.

Внезапная вибрация телефона послала дрожь по всему телу. Я вытащила его из кармана и уставилась на экран. Пальцы онемели.

Дождевые капли расплывались по стеклу, увеличивая буквы сообщения, словно лупа. Словно кто-то хотел, чтобы я прочувствовала мрачный, скрытый смысл каждого слова.

Звери внутри взвыли, заскреблись, требуя действия. Требуя крови. Требуя, чтобы я разбила экран и разорвала того, кто посмел написать мне эти слова.

«Апельсины в этом году особенно сладкие.

Возвращайся, Марипоса.

Я соскучился».

Я сжала телефон так, что пластик жалобно хрустнул.
Блять.

Глава 22

Homines non odi, sed ejus vitia.

(Не человека ненавижу, а его пороки.)

— крылатое латинское выражение

Тогда.

Колумбия, Асьенда «Соледад».

Каталее шестнадцать.

Дедушка Алехандро словно окончательно слетел с катушек.

Я видела, как он выбежал на террасу в два часа ночи, размахивая мачете, и орал на тени, которых никто, кроме него, не видел. Лунный свет отражался от лезвия, бросая на стены причудливые, пугающие блики. Слуги шептались, что он разговаривает с мёртвыми. Что по ночам бродит по коридорам, шепча имена тех, кого убил. Что однажды его нашли в саду на коленях перед статуей Девы Марии, где он рыдал, прося прощения у тех, кого уже не вернуть.

А днём он смеялся. Громко, надрывно, до слёз. Мог в разгар обеда яростно запустить нож в стену в сантиметре от головы слуги, а через минуту хохотать и хлопать того по плечу, как старого друга.

— Это всё будет твоё, *mariposa*, — говорил он, глядя на меня безумными глазами. — Вся эта власть достанется тебе.

Я кивала и улыбалась. Делала вид, что не замечаю, как дрожат его руки. Как он забывает моё имя посреди разговора, а потом вдруг вспоминает и начинает плакать.

Я боялась его. Но ещё больше я боялась себя.

Потому что в тот месяц я сделала то, от чего до сих пор холодеет внутри, когда вспоминаю.

Первый раз отпечатался в памяти ярче всех и случился на тренировке.

Дедушка привёл во дворик новую «мишень» — мужчину, который, как он сказал, предал Синдикат. Я не помнила его лица. Только глаза. Огромные, коричневые и полные ужаса. Солнце стояло в зените, отбрасывая короткие, почти незаметные тени, и воздух дрожал от жары.

— Покажи, чему я тебя учил, — сказал дедушка, вкладывая мне в руку кинжал. — Покажи, что ты готова.

Я не хотела.

Я помню это отчётливо: *я не хотела*. Но его тяжёлая и горячая рука лежала на моём плече, а пальцы впивались в кожу. Я боялась послушаться Аলেখандро.

Звери внутри ворочались, скалились, требовали, чтобы я наконец дала им волю.

Я ударила.

Один раз. Потом ещё и ещё.

Кровь брызнула на моё лицо, на платье, на руки. Мужчи-

на кричал, а я не могла остановиться. Звери внутри выли от восторга, требуя продолжения. Дедушка смеялся. Он хлопал в ладоши и гоготал, глядя, как его шестнадцатилетняя внучка превращает человека в кровавое месиво.

— Моя девочка! Моя истинная наследница! — кричал он, и в его глазах горело безумие.

Я остановилась только тогда, когда мужчина совсем затих. Навсегда.

Я смотрела на свои руки. На кинжал. На красную лужу у ног, медленно впитывающуюся в песок.

И мне стало страшно. За себя и за тех, кого я носила внутри.

Звери довольно облизывались, а я я чувствовала, как они становятся сильнее.

Дедушка развращал мое восприятие мира и так сильно бабловал, что в итоге окончательно меня испортил. Я считала всех вокруг ниже себя по статусу, все они были тупые и слабые ничтожества. Моя мораль истончилась до толщины крыла бабочки, и человеческая жизнь наших врагов не имела для меня никакой ценности. Мои границы стали настолько размыты, что однажды я совершила то, что разделило мою жизнь на до и после.

Стоял жаркий июльский день. Воздух над асьендой дрожал от зноя, и даже цикады, казалось, устали стрекотать. Я пряталась, лёжа в гамаке в тени апельсиновой рощи. Феликс любезно устроил здесь своего рода оазис с удобными лежа-

ками, столиком и прохладой, которую давали густые кроны деревьев.

Слуги обливались потом и сновали туда-сюда, исполняя мои капризные поручения:

— Принесите то-то.

— Унесите то-то.

— Приготовьте это.

— Нарежьте то.

— Налейте это.

А когда уже пожилой слуга, который давно служил при дедушке, принёс мне обычную колу с кружочком лимона и безо льда, тогда как я просила со льдом, без сахара и с долькой лайма, то моему возмущению не было предела.

Я так взбесилась, что, совершенно не контролируя свою ярость, швырнула стакан в лицо слуге. Стекло разбилось, осколки разлетелись по земле, а по щеке мужчины потекла тонкая струйка крови. Потом я подлетела на крыльях гнева и ударила его. Не так сильно, чтобы убить, но достаточно сильно, чтобы вырубить. Но этого мне показалось недостаточно, поэтому я продолжила серию ударов ногами и кулаками. Мужчина даже не пытался дать отпор.

Очнулась я только когда бедняга еле дышал у меня под ногами. Лицо его превратилось в мясо.

— П-прости, — я запинаясь, глядя на свои руки. — Я я не хотела.

Я попятилась назад. Другие слуги стали помогать ему под-

няться, но он не реагировал.

— Он жив? — прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. — Боже, я надеюсь, он жив?

Это не враг Синдиката, не предатель и не вор. Это наш верный и честный слуга, который работает на деда уже два десятка лет. Безобидный. *Невиновный*.

Я смотрела на свои дрожащие руки, на распухшие косяшки в чужой крови.

Так вот о чём говорила мама? Вот, что на самом деле значит быть Динарди?

Быть чудовищем?

Я закрыла лицо ладонями, запустила пальцы в волосы и окрасила их в алый.

Что я наделала?

Сорвавшись с места, я рванула внутрь асьенды и взяла курс на дедушкин кабинет. Не стуча, распахнула дверь, но дедушки на месте не было.

Зато был Феликс.

Он стоял у открытого балкона, смотря вниз. Туда, откуда я только что сбежала, покинув место преступления. Солнце садилось за его спиной, окрашивая комнату в тёмно-красные, почти кровавые тона.

Феликс медленно, мягко, как змея, повернул голову и припечатал меня своим чёрным взглядом к месту. Мне приключилось, что его глаза блеснули на фоне заходящего солнца.

— Что я наделала, — прошептала я.

И, осев на пол, заплакала.

Феликс подошёл ко мне и остановился в шаге. Присел на корточки, протянул руку к моему лицу. Подцепив подбородок, приподнял мою голову так, чтобы наши взгляды встретились. Мой малахитовый, заплывший от слёз, и его — чёрный, мрачный, опустошающий.

— Ты молодец, — сказал он, и в его голосе звучало такое искреннее восхищение, что меня замутило. — Я всё видел. Ты была великолепна.

Он протянул вторую руку и погладил меня по щеке, вытирая слёзы. Я не отшатнулась. Не могла пошевелиться.

— Не плачь, *mariposa*. Ты сделала то, что должна была. Они обязаны тебе подчиняться.

Его пальцы скользнули на мои плечи, на талию. Мягко. Успокаивающе. Я чувствовала тепло его ладоней даже сквозь ткань. Он притянул меня для объятия, и я не сопротивлялась. Мне была нужна поддержка, опора и оправдание, что я не чудовище. Стук его сердца в груди был монотонным и медленным, успокаивая мои расшатанные нервы.

— Всё в порядке, — шептал он, касаясь губами раковины уха. — Ты не должна себя винить. Ты — Динарди. Это в твоей крови.

А потом его рука оказалась на моём затылке. Он наклонился.

Я почувствовала его дыхание на своей щеке, а потом его губы впились в мои. Тёплые. Настойчивые. Жадные.

Я отшатнулась, как от удара.

— Какого хрена? — выкрикнула я, отталкивая Феликса со всей силы и приземляясь задницей на пол. — Ты же мой дядя!

Феликс не двинулся с места. Он сидел на корточках, опираясь локтями на колени, глядя на меня сверху вниз, и на его губах играла усмешка, от которой у меня всегда бежали мурашки.

— Мы оба знаем, что это не так, детка. — Он вальяжно поднялся на ноги, стряхивая с себя несуществующие пылинки. — Все знают, что я не твой дядя.

Он протянул мне ладонь, предлагая помочь встать, я с силой оттолкнула её и вскочила на ноги без его помощи.

Ну, формально он прав. Мы не кровные родственники, и вообще Феликс не родня Динарди. Дедушка взял его к себе на воспитание как раз в то время, когда моя мать, бунтуя, куда-то сбежала в очередной раз (из рассказов дедушки). Алехандро нашёл осиротевшего мальчика лет десяти в заброшенном доме и воспитывал как сына, потому что Алехандро Динарди всегда хотел сына. Но крови Динарди — моей крови — в нём нет. Феликс просто названный сын Алехандро. Но я всю свою жизнь, сколько себя помню, называла его «дядя Феликс» и именно так к нему и относилась.

Он сделал шаг ко мне. Я шагнула назад.

— Мне плевать! Ты...

— Я твой, Каталяя, — перебил он. — И ты моя. Всегда

была.

Он шагнул снова. Я упёрлась спиной в стену.

— Не подходи.

Он не слушал. Его пальцы скользнули по моей щеке, пошее, спустились к плечам, к талии, к бёдрам. Я пыталась оттолкнуть его, но он был сильнее. Намного сильнее.

— Чего ты ломаешься? — прошептал он, нависая надо мной. — Тебе уже шестнадцать. А через полтора года, как только исполнится восемнадцать, мы поженимся.

— Не правда! — выкрикнула я, и голос сорвался на слёзы.

— Правда. — Он усмехнулся, и в его усмешке было столько уверенности, что у меня похолодело внутри. — Алехандро сам мне сказал. Ты станешь законной королевой, а я — твоим королём. Мы будем вместе править нашим королевством. Королевством страха и крови.

Я вцепилась ногтями в его руку, пытаюсь отодрать её от себя. Он даже не поморщился.

— Отпусти! — Пальцы Феликса шарили под моей юбкой, вызывая рвотные рефлексy.

— Ты же чувствуешь это, — он наклонился, и его губы почти касались моего уха. — Ту же кровь. Тот же огонь. Мы созданы друг для друга, Каталя.

Я извернулась, вцепилась зубами в его плечо и ударила коленом между ног. Он взвыл, и я вырвалась.

Влетела в коридор, не оглядываясь, и побежала. За спиной раздался смех. Низкий, гортанный, полный уверенности

и торжества.

— Беги, mariposa! — крикнул он мне вслед. — Всё равно ты никуда не денешься!

Я заперлась в своей комнате на все замки. Задвинула занавес, который помнила ещё с детства.

Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, на губах оставался вкус его поцелуя — и меня от этого тошнило.

Но я не могла позволить себе панику.

В критической ситуации мой мозг работал на триста десять процентов. Дедушка учил меня этому: в бою нет места страху, только расчёту. Я должна была собраться.

Если быть Динарди — значит стать такой безумной, как дедушка и таким монстром, как Феликс, то я не хочу этого.

Что станет со мной если останусь в асьенде? В кого я в итоге превращусь?

Я открыла свой шкаф, в котором было больше оружия, чем платьев, и вытащила все свои сокровища: кинжалы, пистолеты, ножи. Завернула в ткань и спрятала в тайник в стене, который вырезала сама в первый год моего возвращения. Спрятала всё, кроме одного — маленького пистолета с перламутровой рукояткой. Подарок Феликса. Не из-за моей сентиментальности, боже упаси, мне не ведомо это чувство. Дедушка старательно и достаточно успешно вытравливал из меня всё человеческое. Пистолет я взяла из расчёта. Самое маленькое, незаметное и быстрое оружие. Сунула его в карман.

Потом достала спортивную сумку. Деньги. Документы. Сменную одежду. Зарядку. Всё, что могло пригодиться.

За окном уже сгущалась ночь. Асьенда затихала, погружаясь в свой обычный полусон. Где-то вдалеке лаяли собаки, ветер шелестел листвой апельсиновых деревьев.

Я выглянула с балкона. Третий этаж. Внизу — кусты и мягкая земля. Я лазила по деревьям с детства. Если получится спуститься по водосточной трубе до второго этажа, а потом спрыгнуть

Я перекинула сумку через плечо, перелезла через перила и начала спуск.

Металл скрипел под пальцами, ветер свистел в ушах. Я молилась, чтобы никто не услышал. Чтобы никто не выглянул в окно.

Спрыгнула с высоты второго этажа, кувыркнулась в кустах, вскочила. Боль обожгла лодыжку, но я не остановилась.

Гараж был открыт. Я выбрала самую неприметную машину — старый пикап, который слуги использовали для поездок в город. Ключи висели на крючке, как и всегда.

Двигатель завёлся с пол-оборота. Я выехала через служебные ворота, и асьенда осталась позади.

Куда податься теперь?

К маме ехать опасно — там меня будут искать в первую очередь.

Но у меня уже созрел план.

Впервые я остановилась только на заправке через полтора

часа. Ночь стояла чёрная, безлунная, только редкие звёзды мерцали где-то высоко-высоко. Я нашла старую, но работающую телефонную будку с облезлой краской на краю парковки.

Набрала номер. Мама ответила после первого гудка, будто ждала.

— Каталея? — голос её дрожал.

— Мам, слушай меня внимательно. Нам надо уехать.

— Что случилось?

— Расскажу потом. Но мы должны уехать. Вместе.

Ни за что не оставлю маму тут одну.

Тишина.

Потом тихий, сдавленный всхлип.

— Я знала, — прошептала она. — Знала, что так будет. Где ты?

— Это не важно. Важно, куда мы теперь отправимся. Слушай план. — Я говорила быстро, чётко, отдавая приказы. — Сейчас ночь. Собери документы, деньги, только самое важное. Остальное брось. Утром, когда они поймут, что меня нет, они придут к тебе. Ты должна быть уже далеко.

— Настоящие документы я оставлю тут и сожгу. Ты должна сделать то же самое со своими. У меня давно припасены поддельные документы для нас. Как раз для такого случая.

— То есть? — ошарашено спросила я.

— Я знала, что это был всего лишь вопрос времени. У меня давно разработан план, *mi vida*. Мы оставим позади не

только этот город и эту страну, но и нашу кровь и наши прошлые жизни. Начнём всё с чистого листа. Я и ты.

Я застыла удивлённая. Моя мама, такая нежная, спокойная и тихая, разработала настоящий сценарий побега. С другой стороны, от кого же мне достался такой невероятный расчётливый ум? Точно не от отца.

Мама назвала место, где будет ждать меня вместе с другой машиной. Старая заправочная станция на окраине Медельи-на, где мы когда-то останавливались по дороге из асьенды.

Пикап я должна была бросить как можно раньше.

— Хорошо. Жди меня там.

Она плакала. Я слышала это по голосу.

— Будь осторожна, *mi vida*, — прошептала она.

Не в моем характере. Но маме я сказала:

— Все будет хорошо, не волнуйся.

И повесила трубку.

Я бросила пикап на пустынной улице в пригороде, пере-ложила вещи в такси и назвала адрес старой заправки.

Мама ждала меня на пустой парковке, прижимая к груди старенькую сумку. Рядом с ней стоял невзрачный тёмно-синий седан с потёртым салоном и идеально работающим двигателем. Такая машина не привлекала внимания и терялась в потоке. Идеально для побега.

Увидев меня, мама рванула вперёд, и я едва успела выско-чить из такси, как она стиснула меня в объятиях.

— Катаlea, — шептала она. — Доченька

Я чувствовала, как дрожат её руки, как бьётся её сердце.
— Пойдём, — сказала я. — Нам нужно ехать.

Мы закинули вещи в багажник седана. Я села за руль, мама — рядом. Мотор завёлся тихо, почти бесшумно. Мы выехали на трассу, и огни Медельина остались позади.

Мы отъехали достаточно далеко, прежде чем я остановилась. Съехала на грунтовую дорогу, заглушила двигатель. Вокруг было темно и тихо, только ветер шумел в листве да где-то далеко ухала сова.

Я выключила фары и уставилась в тёмное окно.

Мама ждала. Я чувствовала её взгляд.

— Что случилось? — спросила она тихо.

Я все рассказала.

Про дедушку, который сошел с ума. Про врагов Синдиката, которых я убила. Про слугу. И про то, как Феликс меня утешал.

Когда я закончила, мама долго молчала. Её лицо было белым, руки сжимались в кулаки так, что костяшки побелели.

— Чёрт, — прошептала она наконец. — Я ожидала, что этим всё и кончится.

— Прости, — сказала я. — Я я не хотела. Я не знала, что он

— Ты не виновата, *mi vida*. — Она повернулась ко мне. Взяла мои руки в свои. Они были холодными и тёплыми одновременно. — Послушай меня. Я хочу, чтобы ты пообещала мне одну вещь.

Я кивнула.

— Никогда больше не поддавайся этим диким порывам. Не отбирай чужие души. Будь доброй и учись прощать. — Её голос дрогнул. — Не становись такой, как дедушка. Как Феликс. Материнское сердце обливается кровью, когда я вижу, что внутри тебя просыпается. Не подпитывай своё безумие чужой кровью. Прошу тебя.

Я смотрела на неё. На её усталые глаза, на руки, которые дрожали, но держали мои крепко.

Сегодня я по-настоящему испугалась саму себя. Я распробовала вкус чужой крови и уже одной ногой перешла за черту безумства. От второго, окончательного шага в эту пропасть меня могла спасти только мама и ее наставления.

Что хорошего я получила от уроков деда? Что меня ждёт дальше, если я продолжу слушать своих зверей?

Сойду с ума так же, как и Алехандро в лучшем случае.

Этот всплеск — моя ярость, моя тьма — заставил Феликса напасть на меня. Его это возбудило, раззадорило. Моя агрессия стала для него приглашением.

— Обещаю, — сказала я.

И в тот момент я действительно хотела сдержать это обещание.

Теперь я буду послушной, тихой и миролюбивой. Такой, какой меня всегда хотела видеть мама.

Тогда, возможно, я смогу уберечь себя от беды. От той, которая живёт внутри меня.

От тех, кто захочет сделать меня своей.
Но как же я тогда ошибалась.

Глава 23

**После того, как корабль утонул,
каждый знает, как его можно было спасти.
— Японская пословица**

Сейчас.

Нью-Йорк. Катскиллы.

Я знала, что Феликс жаждал меня в прошлом. Знала, что как только дедушка увидит движение средств на счёте Динарди, будет меня искать. Будет выслеживать. И рано или поздно найдёт.

Но прошло много лет и я по глупости надеялась, что они перестали меня ждать. Надеялась, что дедушка нашёл себе новую зверушку, а Феликс женился на красивой, бестолковой девице и забыл обо мне и своей нездоровой страсти.

Но как же я ошиблась. *Снова.*

Дедушка позволил мне думать, что я свободна, потому что не забрал меня сразу же, как только я покинула стены банковского хранилища.

Дурочка.

Сообщение на экране телефона всё ещё стояло перед глазами. Я перечитала его раз десять, надеясь, что буквы изме-

няться, превратятся в чей-то глупый розыгрыш, в ошибку. Но они не изменились.

*«Апельсины в этом году особенно сладкие.
Возвращайся, Марипоса.
Я соскучился».*

Я снова сидела на полу своей гостиной, прижимая к груди пиджак Дарелла, и смотрела на потухший экран. За окном светало. Где-то в лесу проснулись птицы. Нормальный мир продолжал жить своей нормальной жизнью, не подозревая, что для меня только что рухнула последняя иллюзия безопасности.

Он знает. Он нашёл меня. И теперь, когда я думала, что наконец-то взяла игру в свои руки, он напоминал: в этой партии я всего лишь фигура. Возможно, самая ценная. Но всё ещё фигура.

Я заставила себя встать, убрать пиджак в чемодан — от греха подальше — и поехала на встречу с Кларой.

Будем решать проблемы по мере их поступления. По мере необходимости. И по порядку.

А на первом месте у меня был Сильван Ричардсон, чья пропажа колола грудь неприятным уколом вины.

Моей вины.

Наше с Кларой место — это маленькая кофейня в Гринвич-Виллидж, где пахнет свежей выпечкой и старой мебелью. Мы открыли её случайно три года назад, когда заблудились в переулках и спрятались от дождя. С тех пор оно стало нашим. Тёмные деревянные панели, потёртые кожаные диваны, тихая музыка, которую никто не слушает, и хозяйка, которая никогда не задаёт лишних вопросов. Идеальное место для того, чтобы закапывать правду. Или выкапывать её.

Я пришла первой. Заказала чёрный кофе со сливками, села в углу, откуда виден весь зал, и принялась ждать.

Клара появилась через пять минут. Но не одна, как ожидалось. Следом за ней, как тень, вошла Хлоя.

Я подавила желание закатить глаза.

Хлоя. Конечно.

Потому что вселенная решила, что одного предателя в день мне мало.

— Привет, — Клара скользнула на диван напротив, скидывая с плеча сумку Louis Vuitton. Хлоя села рядом, нервно теребя край рукава. — Я надеялась, что ты не убьёшь её, если я приведу её с собой.

— Я надеялась, что она не убьёт меня, если я пойду с ней,
— парировала Хлоя.

— День только начался, — ответила я, делая глоток кофе.
— У всех нас ещё есть время передумать.

Хлоя побледнела. Клара усмехнулась.

— Она хочет помочь, Кая.

— Потрясающе. Я вся во внимании.

Я смотрела на них. На вымотанную и явно чем-то обеспокоенную Клару. На Хлою, которая не могла найти себе места и накручивала прядь волос на палец. И чувствовала, как внутри поднимается что-то тёмное и тяжёлое.

— Давайте к делу, — сказала я, отставляя чашку. — У меня сегодня плотный график. Нужно успеть ещё и паранойю свою обслужить. — Я припечатала каждую из них взглядом, давая понять, что врать мне будет плохой идеей. — Что вам известно о пропаже Сильвана?

Клара сделала глубокий вдох. Хлоя пожала губы и нервно перекинула копну рубиновых волос на одно плечо.

— Мы многое хотим тебе рассказать, но чтобы картина была ясна целиком, чтобы ты понимала наши мотивы, нам придётся начать с самого начала. С Джона Вандербильта.

Я замерла.

— С моего бывшего мужа? Он мёртв. Я его убила. Что тут рассказывать?

— Не всё так просто. — Клара подалась вперёд, понижая голос. — Ты знала, что это не было случайностью, что тебя

привезли именно в ту больницу, в которой был Джекс? Не показалось ли тебе странным, что Джон умер на месте, а ты выжила в той ужасной аварии, хотя твои травмы были посерьёзнее?

— Что ты имеешь в виду?— спросила я, не понимая, куда она клонит.

— Аварию подстроили. Не саму аварию, но... — она замялась, подбирая слова. — Мы собирались устроить аварию сами. Просто ты справилась быстрее. Но всё уже было подготовлено: тормоза были подрезаны, подушка безопасности со стороны Джона была устранена. Он должен был умереть. А твоя — сработала. Ты должна была выжить.

Я смотрела на неё, не понимая. Звери внутри заворочались, почуяв запах правды.

— Кто «мы»?

— Джексон, Марк, я и Хлоя. — Клара произнесла имена так, будто зачитывала список покупок. — Вся операция была спланирована. На Джона давно висел заказ, но мы никак не могли добраться до него нашими стандартными методами. Джекс знал, что он опасен. Знал, что он рано или поздно убьёт тебя. Но ты была нужна ему живой.

— Ну да, потому что все свои деньги мистер Вандербильт перевёл на моё имя. Только я могла разблокировать счета.

— Не только поэтому.

Я вопросительно подняла бровь.

— Джексон выхаживал тебя после аварии, после кулаков

Джона, тратил кучу денег и времени на твоё выздоровление. Он дал тебе новое имя и время пожить самой, а затем подослал меня в ту школу экстремального вождения, которую посещала ты, чтобы я привела тебя в Организацию. Не силой, не уговорами или обманом, а чтобы ты сама захотела с нами работать. Только для одной цели.

— Для какой же, мать вашу, цели? Я как-то теряю ниточку разговора.

— Он хотел защитить тебя.

Я фыркнула.

— Спрятать, — вклинилась Хлоя.

Я уже начинала заходиться смехом.

— А потом использовать как оружие.

Вот это уже больше похоже на Джекса.

— Потому что ты — Каталея Динарди.

Мой смех резко оборвался. Словно кто-то нажал невидимую кнопку, и звук исчез, оставив после себя только звенящую тишину.

Хлоя подняла глаза, и в них плескалась решимость.

— Джексон знал это с самого начала. Знал, кто ты. Он специально спланировал твоё «спасение». Ты была не случайной жертвой, которую он подобрал в больнице. Ты была целью.

Мир замер.

Я слышала, как за окном кафе проехала машина. Как кто-то за соседним столиком заказал ещё один латте. Как Клара

дышала, боясь пошевелиться.

— Он всё это время знал, — сказала я. Голос звучал ровно, будто говорила не я. — И вы знали?

— Я узнала не сразу, — выдохнула Клара. — Он скрывал это ото всех. Потому что ты была его самым ценным активом. Его... секретным оружием. Если бы твоя семья узнала, что ты жива, узнала бы, где ты, они бы забрали тебя. А Джексон не мог этого допустить.

— И что изменилось? Почему он позволил мне рассекретить себя?

— Он не позволял. — Клара покачала головой. — Он думал, что ты никогда этого не сделаешь. Что ты так и останешься Каей Смит, его лучшей «куклой». А когда ты запросила доступ к счёту... он не успел. Или не смог остановить.

— Джексон был уверен, что ты в любой ситуации обратишься к нему, если что-то пойдёт не так. Что придёшь к *немус* разборками выяснять, куда делись твои деньги. Но он просчитался, — сказала Хлоя.

Я смотрела на свои руки. На чашку кофе, которую сжимала так, что она, казалось, скрипела.

Джексон знал. С самого начала знал, кто я. И использовал меня. Все эти годы — использовал. И мои «друзья» это знали.

Я внутренне рассмеялась. Горько, надрывно, так, что хотелось выть.

Я считала себя охотницей, которая водит их всех за нос.

Я была уверена, что переиграла каждого. Но оказалось, что всё это время я сама была пешкой на чужой доске. Шутю, который искренне верил, что у него есть козырь в рукаве.

— И что? — спросила я, возвращая голосу ледяное спокойствие. — Как всё это связано с исчезновением Сильвана?

Клара закусила губу. Хлоя накручивала волосы на пальцы с такой силой, что, казалось, если она продолжит с тем же успехом, то скоро станет лысой.

— Связано самым прямым образом, — наконец нарушила тишину Хлоя. — Дело в том, что заказ на Сильвана Ричардсона, — она сглотнула, — был сделан тем же человеком, кто заказывал устранить Джона Вандербильта.

— Это тот же человек, что держит яйца Джексона под прицелом, тот, от которого Джекс тебя скрывал. И тот же человек, что лишит нас всех головы, когда поймёт, что мы прятали тебя прямо у него под носом, — подхватила Клара.

Я боялась признаться самой себе, но уже поняла, кого они имели в виду. Недавнее сообщение снова всплыло перед глазами.

За столько лет безумие бабушки должно было достигнуть своего апогея. *Боженьки*, да он камня на камне не оставит от этого города, когда потащит меня обратно.

— Мы должны придумать, что нам делать, когда Алькасар явится по наши души, — тяжело вздыхая, подытожила Хлоя.

— Алькасар? — переспросила я, потому что это имя было мне незнакомо.

Хлоя с изумлением уставилась на меня, даже перестав накручивать локон.

— Феликс Алькасар. А ты кого ожидала?

Алькасар?

Феликс всегда представлялся нашей фамилией. С какого вдруг перепугу он стал Алькасар?

— Ты, наверно, хотела сказать Динарди. Алехандро Динарди зайвится сюда и устроит мне разнос.

— Я сказала то, что и хотела сказать, — твёрдо отчеканила Хлоя. — Когда Феликс Алькасар объявится здесь во плоти, поняв, как долго Организация водила его за нос, нас всех настигнет пиздец невиданного масштаба.

Сказала она в грубой форме, тоном, которого я никогда не слышала от Хлои.

Так. Стоп.

Феликс заказывал Джона? Бред какой-то. Тогда бы он знал, что я его жена, и незамедлительно забрал меня домой. А он не забрал. Я даже ничего не слышала о Феликсе и бабушке с момента нашего с мамой побега.

Феликс заказал Сильвана? Но зачем? По приказу бабушки? Для чего Синдикату Сильван?

Голос Хлои вырвал меня из череды бесконечных вопросов, а смысл её слов обрушился на меня с силой и скоростью товарного поезда, сметающего всё на своём пути.

— А Алехандро Динарди уже давно мёртв.

И вздох застрял где-то в горле. Оборвалась тонкая ниточка.

ка в груди. И сердце перестало биться.

Я смотрела на Хлою, пытаюсь понять, шутит ли она. Но её лицо было серьёзным. Слишком серьёзным.

— Что ты сказала? — мой голос прозвучал чужим, будто не моим.

— Алехандро Динарди мёртв, Кая. Уже шесть лет как.

Я не дышала.

Звери внутри глухо и тоскливо завывали, как по чему-то, что потеряно навсегда. По чему-то, что я даже не успела оплакать, потому что не знала, что нужно плакать.

— Как — я не могла выговорить. — Как он умер?

— Сердечный приступ, — ответила Клара, и её голос смягчился, став почти нежным. — Говорят, сердце не выдержало предательства.

Предательство.

Конечно.

Шесть лет назад — это через год после моего побега из Колумбии в Штаты. Сердце Алехандро Динарди не выдержало, что родная кровь предала его, сменила имя и покинула родовое гнездо второпях, не попрощавшись и даже не оглянувшись.

Это моя вина.

Я вспомнила его безумные глаза, когда он бегал по коридорам с мачете. Вспомнила, как он кричал на тени, которых никто, кроме него, не видел. Как плакал на коленях перед статуей Девы Марии. Как забывал моё имя посреди разгово-

ра, а потом вдруг вспоминал и начинал рыдать.

Я боялась его.

Но еще я помнила, как дедушка гладил меня по голове. Как катал на каруселях и выигрывал для меня в тире самую большую игрушку. Как учил себя защищать. Как его хвойные глаза — мои глаза — смотрели на меня с любовью и гордостью. И я знала, что мои глаза так же смотрят на него в ответ.

Я любила дедушку.

И теперь он мёртв. Не болен, не сошёл с ума окончательно, не заперт где-то в глубине асьенды. Мёртв. Убит предательством.

Моим предательством.

— Мне нужно... мне нужно на воздух.

Я встала. Ноги дрожали, но я держалась. Руки тряслись так, что я не могла их спрятать.

— Кая, но — начала Хлоя.

— Не сейчас.

Я вышла из кафе, не оглядываясь.

Солнце уже поднялось высоко, но мне было холодно. Так холодно, что зубы стучали. Свежий воздух ударил в лицо, но не принёс облегчения. В голове крутились обрывки мыслей, собираясь в одну страшную картину.

Феликс заказывал Джона.

Феликс заказал Сильвана.

А дедушка мёртв.

И это моя вина.

Я шла по улице, не разбирая дороги. Люди обходили меня стороной. Наверное, выглядела я так, будто вот-вот упаду. Или кого-нибудь прибую.

А голове мигала красным цветом одна мысль: *я убийца*.

Не мстительница и не героиня.

Я убила родного человека. Не ножом, не пулей, а своим побегом. Своей трусостью. Своим желанием стать нормальной, когда я никогда такой не была и не буду.

За спиной Клара что-то крикнула, но я не расслышала. Или не захотела слышать.

— Каталея!

На секунду я оцепенела. Так непривычно было слышать своё имя, вот так выкрикиваемое на оживлённой улице. Я обернулась.

Клара бежала за мной, сжимая мою сумку. Я даже не заметила, что оставила её в кафе. Хлоя спешила следом.

— Спасибо, — бросила я, забирая сумку, и двинулась по

направлению к своей машине, припаркованной на соседней улице.

Клара и Хлоя последовали следом, о чём-то переговариваясь, но я не слушала. Мысли были заняты другим. Сообщением, которое я получила, и тем, что оно значило.

Девушки нагнали меня и взяли под руки с обеих сторон, вырывая из изматывающего мыслительного процесса.

— Тебе не будет сложно подвезти меня до дома? — заискивающе произнесла Хлоя заговорщицким тоном. — А то в такой час пик свободного такси не дожидаться.

Я перевела взгляд на Клару. Она странно на меня смотрела.

— О, и можешь остаться на чай с печеньем. Я испекла чудесное курабье, — продолжила Хлоя.

А-а.

Ясно.

Они решили, что меня лучше не оставлять сейчас одну, чтобы я не натворила глупостей. И Хлоя, как менее вспыльчивая натура, чем Клара, отлично подходила на роль няньки.

— Я не сумасшедшая, — закатив глаза, отметила я. — Со мной всё

— Роза? — раздался громкий голос с другой стороны улицы, перебивая мою тираду о благоразумии.

Мы все трое обернулись. Мужчина в кепке, стоящий у припаркованного фургона, смотрел прямо на Хлою.

— Ошиблись, не обращайтесь внимания, — быстро сказала

Хлоя, таща меня вперёд и ускоряя шаг.

— Эй, Роза! — повторил он громче.

Я буквально чувствовала, как тело Хлои окаменело в напряжении.

Я перехватила её за локоть.

— Хлоя, кто это?

— Не знаю. Обознались.

Она вывернулась из моей хватки и завернула за угол, где была моя машина, оставив меня и Клару на тротуаре с чувством, будто только что что-то очень важное ускользнуло из рук.

— Что это было? — спросила я, глядя вслед растворившейся Хлое.

— Не знаю, — ответила Клара. В её голосе впервые не было уверенности. — Правда, не знаю.

Я села в машину. Руки на руле слегка дрожали. Сделала глубокий вдох. И выдох. Завела мотор и поехала в сторону Бруклина с притихшей Хлоей на пассажирском сиденье.

А в зеркале заднего вида мелькнула знакомая чёрная тень. Или мне показалось.

На пути к квартире Хлои мы ехали молча. Она включила какое-то радио на непонятном для меня языке (смею предположить, это был русский) и уставилась в окно, нервно покусывая щеку изнутри. Я решила больше не задавать вопросов насчёт уличного инцидента. Потому что на пятьдесят три процента мне было наплевать — у меня своих проблем до хрена, и на сорок семь процентов я была уверена, что если она захочет, сама поделится, когда будет готова.

В этом даже был свой плюс: Хлоя напрочь забыла, что приглашала меня на чай, и пулей вылетела из машины, как только я остановилась у её дома, наспех бросив сухое: «Пока!».

И наконец, оставшись одна, я поехала в Катскиллы, прокручивая в голове всё, что узнала сегодня.

Джексон знал. Марк и Клара знали. Даже Хлоя знала.

Дедушка мёртв. Феликс нашёл меня. И, скорее всего, Сильван у него. Наёмники, говорившие на испанском, тому подтверждение.

Сколько времени у меня осталось?

Потому что Феликс придёт за мной. Вопрос только — когда.

Я посмотрела в зеркало заднего вида, когда перестроилась в левый ряд, и заметила чёрный внедорожник. Опять. Тонированные стёкла, наглухо закрытые. Он следовал за мной ещё с Бруклина, но я не обратила должного внимания из-за мыслительной жвачки в голове.

Совпадение?

Слишком много совпадений сегодня.

Я сменила ряд. Внедорожник повторил манёвр.

— Ну здравствуй, — пробормотала я. — Хочешь снова поиграть?

Звери внутри напряглись, приняхиваясь.

Впереди развязка. Я резко перестроилась в правый ряд, вылетела на съезд, не сбавляя скорости. Внедорожник следовал за мной.

Я вдавила педаль газа в пол. Maserati взревел, вжимая меня в кресло с такой силой, что на мгновение перехватило дыхание. Стрелка спидометра поползла вверх, обещая в конце месяца внушительный штраф. Внедорожник не отставал, его массивная морда маячила в зеркале, как хищник, почувший запах добычи.

Я нырнула в узкий переулок, едва вписавшись между мусорными баками и стеной. Внедорожник протиснулся следом, сбивая баки, которые с грохотом разлетелись по мостовой. На выезде из переулка я выкрутила руль влево, заставляя машину заскользить в управляемом заносе. Покрышки взвизгнули, запахло горелой резиной, но Maserati слушался руля как приклеенный.

Еще четыре поворота, пара манёвров и я вылетела на пустынную парковку какого-то склада. Резко ударила по тормозам, и машину занесло. Двигатель заглох. Я вылетела из кабины, на ходу доставая пистолет из бардачка. Встала в

стойку и прицелилась.

Внедорожник влетел на парковку, сбавил скорость и подкатил почти вплотную. Тяжело дыша, я безуспешно пыталась разглядеть в тонированном лобовом стекле очертания фигур внутри.

Дверь внедорожника с водительского сиденья открылась.

Пара мужских ног спрыгнула на землю. Я сняла пистолет с предохранителя.

Шаг.

Палец на курок.

Ещё шаг.

Вдох.

Медленно, очень медленно выплыла высокая фигура.

— Какого хрена ты творишь, придурок? — выдохнула я, опуская пистолет.

Сердце всё ещё колотилось где-то в горле, но волна облегчения ударила в кровь с такой силой, что на секунду закружилась голова. Адреналин, страх и внезапная радость смешались в ядерный коктейль.

Дарелл усмехнулся, закрывая дверь.

— Просто соскучился. Хотел повидаться.

Я опешила.

— Для таких случаев люди изобрели телефон.

Он щёлкнул языком.

— Так предсказуемо. — Сделал три шага, полные хищной грации. — И скучно.

— Скучно? Я могла тебя пристрелить, идиот!

— Не пристрелишь. — Он подошёл ближе. — Ты тоже рада меня видеть.

Я закатила глаза, пытаюсь унять дрожь во всём теле.

— К тому же не думал, что ты будешь бегать от меня по всему Нью-Йорку.

Я промолчала.

Дарелл подошёл вплотную. Запах его парфюма обнял меня, словно герой-любовник, отключая остатки разума.

— Выяснила что-нибудь на счёт Сильве?

Его глаза сканировали моё лицо.

Я не хотела говорить. Не хотела озвучивать свои догадки. Не хотела упоминать ни Феликса, ни род Динарди.

— Я работаю над этим, — что, по сути, не было абсолютной ложью.

В течение долгих пяти секунд Дарелл изучал выражение моего лица. Коротко кивнул каким-то своим мыслям и придвинулся еще ближе.

Хотя ближе уже было некуда.

— Раз тебе так нравится играть в догонялки, — сказал он, и в его глазах заплясали черти, — может, перейдём на мотоциклы?

Я подняла бровь.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Это отличный способ отвлечься. У меня есть два «Ducati». Скорость, ветер, адреналин. Гарантирую,

ты забудешь о всех проблемах.

— Или разобьюсь насмерть.

— Я не дам тебе разбиться.

Я смотрела на него, на его опасную улыбку. На бездну синих глубин, в которых так и хотелось утонуть.

— Звучит как свидание, — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

— Я бы сказал, предложение.

— Похоже на свидание.

— Зависит от того, чем всё закончится.

Я скрестила руки на груди. С губ сорвался звук неопределённого характера.

— Свои фантазии держи при себе.

Дарелл усмехнулся. Наклонился ниже и его шёпот скользнул жаром по моим губам.

— Это будет тем, чем ты захочешь.

Я изучала его лицо четыре долгих удара сердца. Искала причину отказаться, но не нашла. И выпалила, пока моё благоразумие не дало мне подзатыльник:

— Ладно, — сказала я. — Уговорил.

Глава 24

**Надо знать этот великий секрет жизни:
лечите душу ощущениями.
— Оскар Уайльд**

Сейчас.

Север штата Нью-Йорк, горная трасса.

Мне действительно не помешает отвлечься.

Слишком много мыслей разрывало голову на части. Слишком много правды обрушилось на меня за последние часы. Слишком много крови — чужой и своей — осталось на этих руках. Если я останусь в одиночестве, переваривая всё это дерьмо, я просто взорвусь. Или кого-нибудь убью.

Опять.

Дарелл стоял напротив, прислонившись к своему внедорожнику, и смотрел на меня с тем выражением, которое я уже научилась распознавать: он видел меня насквозь. Видел всё: и боль, и страх, и эту бесконечную, выматывающую войну внутри меня.

— Сыграем? — Низкий, чуть хриплый голос человека, который знает, что делает. Он не сводил с меня взгляда. — Кто первый приедет к финишной прямой, тот и победил. Ты ведь

играешь, принцесса?

— Иногда, — отвечаю я, чувствуя, как внутри начинает разгораться знакомый азарт. — Когда знаю, что противник стоит того.

Его губы растягиваются в тёмной, обещающей усмешке.

— О, я стою того. Уверяю тебя.

Моросил мелкий дождь. Серое небо нависало над горами, обещая скорую грозу. Дорога петляла между холмами, асфальт блестел в свете фар, отражая миллионы капель. Всё вокруг говорило: это плохая идея.

Но когда здравый смысл меня останавливал?

Дарелл подвёл меня к двум чёрным Ducati, стоящим рядом, как хищники перед прыжком. Их двигатели уже урчали, ожидая седоков. Я провела рукой по кожаному сиденью, чувствуя, как внутри разгорается огонь.

— Надеюсь, ты умеешь держаться в седле, — бросил он, натягивая шлем.

— Надеюсь, ты умеешь проигрывать, — парировала я, застёгивая ремешок. — На что играем?

Дарелл безразлично повёл плечом.

— На что хочешь.

Я задумалась. Постучала указательным пальцем по губе, наблюдая, как он седлает своего Ducati. Его мускулы играют в свете фар, а влажный воздух разносит аромат Дарелла на километры вокруг.

Боже, помоги мне.

Я отвела взгляд и уставилась под ноги.

— На десять штук.

Смешок.

— Неплохие аппетиты, принцесса. — Он откинул стекло на шлеме и впился в меня взглядом. — Я хотел предложить на желание, но раз уж ты так хочешь — облокотился на руль мотоцикла, и его чёрная футболка жалобно закрипела от напряжения бицепсов. — Если выиграешь ты — с меня десять кусков. Если выигрываю я — ты исполняешь моё желание. — Протянул руку для скрепления договора.

— Желания в пределах разумного, — парировала я.

Он пожал плечами: мол, обойдётся.

— Тогда пять тысяч и желание в пределах разумного, — предложила я.

Дарелл щёлкнул языком, но руку не убрал. Я пожала её.

Мы выехали на трассу почти одновременно.

Ветер выл в ушах, выдувая из головы все мысли. Свет фар выхватывал из темноты полосу мокрого асфальта, деревья сливались в сплошную стену, и в мире оставались только скорость, холод и он рядом. То мелькая впереди, как чёрная стрела, то оказываясь позади, когда я со смехом обгоняла его, чувствуя, как сердце колотится набатом в груди.

Это было безумие. Это было опасно. Это было лучшее, что случалось со мной за последние дни. Или даже годы.

Дождь усилился. Тонкая морось превратилась в настоящий ливень, хлещущий по телу и неприятно прилепляющий

одежду к коже. Я мчалась вперёд, не сбавляя скорости, чувствуя, как вода стекает по шлему, как колёса едва держат сцепление с мокрым асфальтом.

А потом всё пошло не по плану.

Впереди был крутой поворот. Я сбросила газ, вписалась в дугу — и краем глаза увидела, как Дарелл, шедший чуть левее, не вписался в поворот и соскользнул с трассы, издавая душераздирающий скрип резины. Его мотоцикл вильнул, вылетел на мокрую обочину и рухнул в грязь, подняв фонтан воды и земли.

— Дарелл!!!

Я затормозила так резко, что едва не повторила его судьбу. Мотоцикл занесло, но я успела выставить ногу, удерживая равновесие. Сорвала шлем, бросила его на землю и рванула к нему.

Он лежал на спине, раскинув руки, в грязи и лужах. Не двигался.

— Дарелл! — я упала на колени рядом с ним, трясущимися руками расстёгивая ремешок шлема. — Слышишь меня? Отзовись!

Ни звука.

Я стащила шлем, отбросила в сторону. Его глаза были закрыты, лицо бледное, губы сжаты. Дождь хлестал по нам, смешиваясь с моими слезами.

Когда это я успела заплакать?

Я приложила ухо к его груди.

Ничего.

Ни одного удара. Ни одного вдоха. Только холод и тишина.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Меня трясло. Руки дрожали, дыхание сбилось. Я сложила руки на его груди и сделала три отрывистых толчка, чтобы запустить сердцебиение. Затем запрокинула его голову, зажала нос, набрала воздуха и коснулась его губ, чтобы сделать искусственное дыхание.

И в этот момент его руки обхватили меня, прижимая к себе.

Я не успела понять, что произошло. Его тёплый, живой и жадный язык проскользнул сквозь мои губы. Дождь смешивался с соленым вкусом моих слёз и с его вкусом на языке. Дарелл целовал меня так, будто мы не виделись годами, будто я была воздухом, водой, единственным, что имело значение.

И я целовала его в ответ. Вцепилась в его мокрую футболку, прильнула ближе, чувствуя, как его язык встречается с моим, как его пальцы вжимаются в мою спину.

А потом до меня дошло.

Я оттолкнула его со всей силы, откатываясь назад, и села в грязи.

— Идиот! — заорала я, чувствуя, как слёзы с дождём закипают на моей коже от ярости. — Я думала, ты умираешь!

Дарелл откинул мокрые волосы со лба, приподнялся на

локтях. В глазах плясали черти.

— Я и умирал, — сказал он, тяжело дыша. — Невыносимо жить, не касаясь твоих губ, Катаlea.

— Я не слышала твоё сердцебиение!

Он усмехнулся, медленно садясь.

— Потому что я ношу бронежилет.

О-о?

— Всегда?

— Часто.

Он приподнял мокрую футболку, обнажая плотный чёрный бронежилет, туго обтягивающий торс. Я смотрела на него, чувствуя, как внутри закипает ярость и что-то горячее и тянущее внизу живота.

— Настолько не доверяешь мне? — выдохнула я.

— Не ты ли несколько часов назад держала меня на прицеле?

Я нахмурилась.

Дарелл издал короткий смешок, сел прямо и стянул футболку, а затем — бронежилет. Они упали в грязь, оставляя его обнажённым до пояса.

Святые угодники.

Не иначе я сделала что-то хорошее в прошлой жизни, раз мне выпала удача лицезреть перед собой такое тело. Мышцы перекачивались под кожей, капли дождя стекали по рельефу, и я не могла оторвать взгляд.

Мои бесстыдные пальцы уже очерчивали линии его бо-

гоподобного тела, словно жили своей собственной жизнью. Сначала плечи. Потом грудь. Потом живот, где мышцы напрыглись под моими прикосновениями.

— Ты играешь с огнём, — прошептал он, и голос его сел до хрипоты.

— Я и есть огонь, — ответила я, сама не веря собственной смелости.

Дарелл снял с себя бронежилет, чтобы показать, что верит мне. Не на словах, а на деле.

Я могла бы проткнуть его кожу кинжалом, что всегда ношу с собой. Или перочинным ножиком, который прицеплен к этим джинсам и болтается словно милый брелок. Могла бы схватить камень, что лежит на земле в метре от меня, и приложить об его висок. Я знаю ещё минимум сотню способов, как могла бы покалечить его. И с десятков — как убить. И почему-то мне кажется, что Дарелл в курсе всего этого.

Но вот он сидит полуобнажённый прямо передо мной, позволяя касаться его гранитных мускулов и обнимать его широкие плечи, на которых сосредоточилась сила притяжения и весь мой мир в эту секунду.

Я прильнула к нему сама, захватывая его губы в плен без возможности сдаться. Дарелл замер на секунду, а потом ответил с такой страстью, что земля ушла из-под моих ног. Я взобралась на него сверху и оседлала его бёдра, нагло обманывая себя тем, что контролирую ситуацию.

Мы целовались жадно и яростно, покусывая губы друг

друга. Его руки скользили по моей спине, поднимая мокрую майку, и я помогала ему стащить её через голову. Холодный дождь бил по голой коже, но мне было жарко. Так жарко, что, казалось, я горю.

Я чувствовала, как его пальцы впиваются в мою талию, как спускаются ниже и грубо стискивают задницу, притягивая к себе ближе. Так близко, что между нами не осталось ни воздуха, ни сомнений. Губы Дарелла оставляли огненные отпечатки и невидимые клейма везде, где касались моей кожи: на губах, на шее, на ключицах и на груди. Наши языки вступили в схватку на грани боли, не на жизнь, а на смерть. Наши стоны отдавались низкой вибрацией в моей груди, а под собой я ощущала доказательство его желания, которое пульсировало в такт моему сердцу.

Я вцепилась пальцами в мокрые волосы Дарелла и с силой потянула вниз, запрокидывая его голову. Разорвав поцелуй, я оставила его губы умоляюще приоткрытыми. Царапая кожу зубами, я спустилась вниз по его челюсти, чувствуя, как под ними бьется жилка, к шее, к ключицам, впиваясь в соленоватую кожу. А затем медленно, дразня, провела языком снизу вверх — от основания шеи, по его острому кадыку и к самому подбородку, слизывая соленую смесь пота, дождя и дорожной пыли. Дарелл низко и хрипло рассмеялся, пока его пальцы играли и путались в моих волосах. Затем он усилил хватку, натянул волосы у корней до сладкой боли, и рванул вверх, заставляя меня со стоном выгнуться. Дарелл вернул

мои губы туда, где им самое место — на его губах.

Это было мокро, порочно, грязно и, чёрт возьми, *прекрасно*.

Внезапно мир перевернулся — это Дарелл перевернул нас одним резким движением. Я оказалась на спине, в грязи и лужах, а он, мокрый и разгорячённый, нависал надо мной с глазами, в которых горел голод.

Я притянула его ближе, обхватывая ногами, чувствуя, как губы Дарелла спускаются вниз по шее, к ключице, к груди...

И в этот момент в заднем кармане джинсов зазвонил мой телефон.

Я проигнорировала.

Снова звонок. Раздражающий. Отвлекающий.

— Не обращай внимания, — прорычал Дарелл мне в губы, покусывая нижнюю губу.

Я застонала, вцепилась в его волосы, притягивая ближе.

Телефон зазвонил в третий раз. И четвёртый. И ещё раз. Без остановки.

— Проклятье.

— Не отвечай, — между поцелуями и покусываниями шипел Дарелл, и в его голосе было столько желания, что у меня закружилась голова.

Но телефон не умолкал. Он звонил и звонил, врезаясь в мой затылок неотступным требованием.

— Нет, это невозможно! — я упёрлась ладонями в его грудь. — Подожди.

Дарелл замер. Медленно, нехотя отлепился от меня, тяжело вздохнул и сел на пятки. Его грудь тяжело вздымалась, губы припухли от поцелуев, глаза потемнели так, что в них нельзя было смотреть без дрожи.

Я залезла в карман джинсов, вытащила телефон. Экран горел белым светом.

Неизвестный номер.

Я не успела ответить — звонок оборвался. Но тут же на экране высветилось сообщение. От хозяйки таунхауса.

«Не могу до вас дозвониться.

В дом пытались проникнуть воры.

Сработала сигнализация.

Полиция на месте, ждёт вас, мисс».

Я смотрела на экран, чувствуя, как жар страсти сменяется ледяным холодом.

Воры. В моём доме.

— Что случилось? — голос Дарелла был всё ещё хриплым, но в нём уже появились стальные нотки.

— Мне нужно ехать, — сказала я, вставая и натягивая мокрую майку. — В мой дом вломились.

Он не спросил, кто. Не стал уговаривать остаться. Просто кивнул и откинул волосы с лица резким жестом.

— Значит, вечеринка отменяется? — крикнул он мне вслед, когда я уже заводила мотоцикл. Он всё ещё сидел на

земле, раскинув ноги, мокрый, грязный, но чертовски красивый.

— Вечеринка только начинается, Грейвс, — ответила я, натягивая шлем. — Просто я хочу устроить её на своих условиях.

Сейчас.

Катскиллы. Таунхаус.

Полицейские машины с мигалками стояли у моего дома, окрашивая мокрые деревья в красный и синий. Соседка с другого конца улицы вышла на крыльцо, кутаясь в халат, и с любопытством наблюдала за происходящим.

Я припарковалась, вышла из машины, стараясь выглядеть испуганным арендатором, а не женщиной, которая полчасика назад валялась в грязи под ливнем с мужчиной, с которым была готова пойти на любой грех.

— Мисс? — ко мне подошёл офицер с блокнотом. — Вы живёте в этом доме?

— Да, — я поёжилась, глядя на входную дверь.

— Как я могу к вам обращаться?

Чёрт. Ну, полиции лучше не знать.

— Смит. Кая Смит. — Он записал в блокнот. — Что случилось?

— Около часа назад сработала сигнализация, мисс Смит. Кто-то пытался вскрыть замок, но не смог. Внутри никто не проник. — Полицейский полистал страницы блокнота. — Соседи ничего подозрительного не заметили. Мы осмотрели периметр — всё чисто. Думаю, это были обычные грабители, случайно забрели в тихий район.

— Обычные грабители? — переспросила я, изображая облегчение.

— Скорее всего. Такое здесь часто бывает. Я бы посоветовал поставить камеры. Или сигнализацию посовременнее.

— Обязательно, — кивнула я. — Спасибо, офицер.

Они уехали через десять минут. Я постояла на крыльце, дождалась, пока их фары исчезнут за поворотом, и только тогда вошла в дом.

Внутри всё было на своих местах. Ничего не пропало. Ничего не тронuto.

Я выпила стакан воды. Прошла в спальню и, не включая свет, направилась в ванную. Горячая пенная ванна — то, что мне сейчас необходимо после долгого дня, насыщенного информацией, впечатлениями и после особых грязевых процедур.

Я включила воду и вылила треть тюбика пены. Запах орхидей заполонил ванную комнату. Сбросив с себя грязную одежду на пол, отправилась через спальню в гардеробную за чистым бельём.

На обратном пути натренированный глаз боковым зрением углядел в темноте комнаты белый прямоугольник на моей кровати. Остановившись на пороге ванной, я щёлкнула светом.

На подушке лежал свёрток. Бумага, перевязанная бечёвкой.

Я медленно подошла к кровати, взяла предмет в руки и развернула.

Тёмно-зелёная кожаная обложка и выцветшие страницы, исписанные знакомым почерком.

Это был дневник.

Мой дневник. Тот, который я вела с детства. Цитаты великих людей, пословицы, строчки из песен и знаменитые изречения, которые показались мне важными. Мудрыми, правильными и поучающими. Слова, которые помогали мне не развалиться на части, когда мой внутренний мир рушился. Рушился, пока я пыталась балансировать между: притворяться той, кем я не являюсь, и скрывать то, что во мне спрятано. Когда моя семья разрывала меня между тем, какой я должна стать по мнению деда и дяди, и какой мне следовало бы быть по мнению мамы.

Но никому из них не было дела до того, кто я есть на са-

мом деле.

Я бросила дневник на кровать. Он раскрылся на последней странице, открывая фразу, выведенную старательным каллиграфическим почерком, чтобы скопировать мой:

Пока ты занят подробной критикой собственного ада,

твой ад любит тебя каждой своей порочной привычкой.

— Герман Гессе

Пиликнул телефон, оповещая о новом сообщении.

*«Тебе понравился мой подарок,
Марипоса?»*

Я сжала челюсти так, что зубы должны были раскрошиться.

Звери внутри взвыли и беспокойно заметались.

Он был здесь, пока меня не было. Он вошёл в мой дом, прошёл по моей комнате, положил свой подарок туда, где я сплю.

И ушёл. Потому что ему не нужно было оставаться. Ему нужно было, чтобы я знала: он может прийти в любой момент.

Моё убежище перестало быть убежищем.

Пора отсюда сваливать.

Я схватила чемодан, сгребла в него кучей все свои вещи, дневник закинула в сумку. Выходя, бросила последний взгляд на дом. Окинула взглядом лес. Ночь не хотела уступать место рассвету.

Я села в машину и набрала адрес, который прислал Винтер.

Старый фермерский дом в северной части штата. Дорога через лес, никаких соседей, никаких глаз.

Завела мотор и выехала в ночь.

В зеркале заднего вида таунхаус становился всё меньше, пока не превратился в точку. В том же зеркале мелькнула чёрная тень.

Я знала, что мне это не показалось.

Феликс нашёл меня.

А из ванной в брошенном доме продолжал распространяться запах орхидей.

Глава 25

**Исцеление начинается там,
где заканчивается привязанность к прошлому.
— Майкл Джеймс Вонг**

Тогда.

Колумбия — Венесуэла — Мексика — США.

Мы пересекали границу на рассвете.

Мама сказала, что это самый безопасный час: пограничники меняются, устают после ночной смены, и их глаза скользят по документам, не вникая в детали. Она держала меня за руку, пока я сидела на пассажирском сиденье старого седана, и её пальцы были ледяными. Мы вели машину по очереди, чтобы не останавливаться в дороге и быстрее покинуть страну.

Сначала граница с Венесуэлой — там нас пропустили почти без вопросов, только глянули на документы и махнули рукой. Мама выдохнула, когда мы въехали на венесуэльскую территорию, но расслабляться не стала. Дальше был долгий путь через всю страну.

Из Венесуэлы мы вылетели самолётом в Мексику. Мама решила, что так безопаснее, чем тащиться через всю Цен-

тральную Америку на машине. В аэропорту Канкуна мы пересели в арендованную машину и двинулись к американской границе. Последний переход был самым страшным. Но документы, которые мама достала для нас, были идеальными. Фотографии, печати, голограммы. На нас смотрели чужие лица с чужими именами, и в зеркалах я видела двух женщин, которых не узнавала.

И вот мы в Техасе, а за нами — полконтинента и три страны, которые мы оставили позади.

— Не забывай, ты теперь София Мартинес, — прошептала мама, когда мы подъезжали к очередному КПП. — Ты едешь к тёте в Майами. Мы едем на машине просто потому, что ты боишься летать.

— А ты? — спросила я, разглядывая её в мутном свете приборной панели. Она выглядела чужой, за дни пути я так и не привыкла к её каштановым волосам вместо светлых, к очкам, которых она никогда не носила, и к какой-то старомодной кофте, которая делала её старше.

— Я твоя мама. И мы просто едем на семейный уикенд.

Я кивнула, чувствуя, как слова застревают в горле. Мои собственные волосы, ещё недавно длинные и светлые, были коротко острижены и выкрашены в тёмно-русый. Три тубика автозагара, карие линзы и бесформенная толстовка — и когда я смотрела на своё отражение в боковом зеркале, то сама себя не узнавала.

Пограничник взял паспорта, просмотрел их, заглянул в

салон.

— Цель поездки?

— К родственникам, — мамин голос звучал ровно, без единой дрожи. — В Майами.

Он кивнул, вернул документы, махнул рукой.

— Хорошего дня.

Мама тронулась с места, и только когда корпуса КПП исчезли за поворотом, я услышала, как она выдохнула. Выдохнула так, будто не дышала всё это время.

Мы были в пути ещё три дня. Останавливались в дешёвых мотелях, где пахло сыростью и чужими страхами. Спали в одежде, чтобы быть готовыми сорваться в любую секунду. Ели придорожный фастфуд и смотрели на бесконечные шоссе, которые вели нас всё дальше от асьенды, от дедушки, от Феликса, от всего, что мы оставили позади.

На второй ночёвке я проснулась от того, что мама сидела на краю кровати и смотрела в окно. Луна подсвечивала её профиль, и она казалась мне статуей — застывшей, каменной, вечной.

— Мам? — позвала я тихо.

— Спи, *mi vida*, — ответила она, не оборачиваясь. — Мы почти доехали.

Я не знала, куда мы едем. Просто доверилась ей. После всего, что случилось, она была единственной, кому я могла верить.

Потому что точно знала, что мама меня любит.

И пока она рядом, ничего плохого не случится.

Лейк-Джордж на севере штата Нью-Йорк встретил нас холодом. Это небольшой туристический городок примерно в четырёх часах езды от Нью-Йорка, с местным населением в 900 человек. Но во время сезона благодаря туристам население вырастает до трёх с половиной тысяч.

Мы приехали в ноябре, когда туристический сезон давно закончился, а первый снег уже припорошил берега озера. Городок спал: главная улица опустела, отели и рестораны закрылись до весны, и только редкие местные жители спешили по своим делам, кутаясь в тёплые куртки.

Мама выбрала это место не случайно. Летом здесь кипит жизнь: яхты, туристы, дорогие рестораны и отели. Но зимой Лейк-Джордж превращается в город-призрак. Пустые дома, заколоченные окна, гостиницы, которые не откроются до мая. Идеальное место, чтобы исчезнуть.

На первое время у нас было отложено немного денег — достаточно, чтобы пережить зиму. За смехотворную сумму

мы сняли маленький домик на окраине, в конце улицы, которая упиралась в замёрзшее озеро. Две спальни, печка, старая мебель и вид на бесконечную ледяную гладь. Хозяин, пожилой мужчина с лицом, изрезанным морщинами, сдал его без лишних вопросов.

— Здесь нас никто не найдёт, — сказала мама, когда мы вносили в дом свои сумки. — Пока что.

Я кивнула, не спрашивая, что будем делать дальше. Вопросов было слишком много, но я знала: у неё ответов нет. Пока нет.

Зима выдалась суровой. Снег валил почти каждый день, заметая дороги, заставляя сидеть дома неделями. Я смотрела на озеро через мутное окно и считала дни. Или часы. Или минуты. Они сливались в бесконечную белую пелену.

Мы с мамой много читали. Оказывается, добрая четверть её багажа была занята книгами. Потрёпанные томики, которые мы перечитывали по кругу, спорили о мотивах героев, об их выборах и о том, что же до нас хотел донести автор. Мы

смеялись, плакали и дурачились, проводя так много времени вместе, как никогда прежде.

Это было самое счастливое время.

Но иногда я слышала, как мама плачет по ночам. А утром она выходила из комнаты с сухими глазами, варила кофе и спрашивала, что я хочу на завтрак.

— Всё будет хорошо, *mi vida*, — говорила она. — Всё уже хорошо. А будет ещё лучше.

Я смотрела, как тает снег, и верила ей всем своим ещё не разбитым сердцем.

Весна пришла так же внезапно, как и закончилась наша наличка. В один день зазвенела капель, зажурчали ручьи, и озеро начало освобождаться ото льда. Городок оживал: приезжали рабочие, отмывали окна, чинили вывески.

Моники и Каталей Динарди больше не существовало. Исчезли дорогие украшения и платья, исчезла утончённость, с которой мама носила себя по асьенде. И даже мои звери исчезли. Почти.

Крайне редко я чувствовала внутри тянущую боль, когда в руках оказывался столовый нож, пока я чистила картошку. Но я не давала им воли. Я давила в себе все признаки безумия, все следы крови Динарди. Ведь я дала маме обещание, которое твердо намерена сдержать.

Теперь здесь были только София и Ника Беннет. У мамы намеренно были подготовлены две пары документов, чтобы с одними пересечь границы, и с другими — обосноваться в чужой стране. Так было безопаснее и затрудняло наши поиски. В критических ситуациях мама проявляла феноменальную сообразительность.

Ника Беннет нашла работу в кафе на главной улице, а меня определили в единственную школу в городе, где я быстро заработала репутацию зануды-отличницы. Я держалась подальше от всевозможных конфликтов, чтобы не привлекать внимание и не будить зверей во мне, которых удалось подавить не без труда. Теперь мама была просто женщиной, которая подаёт кофе и улыбается туристам. Теперь я была просто девочкой-старшеклассницей, которой только что исполнилось семнадцать.

Работа в кафе оказалась тяжелее, чем я могла представить. Мама уходила в семь утра и возвращалась за полночь. Её руки, которые когда-то держали только книги и мои локоны, теперь были вечно мокрыми от воды, красными от моющего средства и покрытыми мелкими ожогами от горячих чашек.

— Мам, — сказала я однажды, когда она пришла домой и рухнула на диван, даже не разувшись. — Может, я тоже найду работу? Помогу тебе.

— Нет, — отрезала она. — Ты должна учиться. Должна закончить школу. Ты должна — она замолчала, подбирая слова. — Ты должна иметь возможность уехать отсюда, когда придёт время.

— Куда?

— Туда, где тебя никто не найдёт. Где будешь свободна. Где ты сможешь стать счастливой.

Я не спорила.

— Но тебе ведь вовсе не обязательно работать на этой работе. Наш счёт Динарди

— Ни в коем случае! — Моника (то есть теперь Ника) резко села и пригвоздила меня взглядом. — Стоит тебе снять хотя бы цент с этого счёта, и Алехандро в ту же секунду узнает о твоём местонахождении!

И в очередной раз мама оказалась права. Скорее всего, дедушка именно этого и ждал: он знал, как я привыкла к роскоши и капризам, знал, что выдержать простую человеческую жизнь мне будет не по силам. Раньше так и было. Но теперь я приняла решение не подкармливать своих внутренних демонов, не идти у них на поводу, как учила мама. Я постараюсь стать другим человеком, скрыть свою тьму, которая привлекает таких мужчин, как Феликс.

Потому что подобное всегда притягивает подобное.

Я смотрела на мамины синяки под глазами, на её осунувшееся лицо, на руки, которые она прятала под стол, чтобы я не видела, как они дрожат.

И ненавидела себя за то, что не могу помочь.

Однажды вечером мама вернулась домой другой. Возбуждённой, напряжённой, с горящими глазами, которых я не видела с тех пор, как мы покинули Колумбию.

— Я случайно подслушала разговор, — сказала она, даже не переодевшись. — В кафе сегодня обедали какие-то важные люди из Нью-Йорка. Говорили о... об одном человеке. Очень богатом человеке.

Я насторожилась.

— И?

— Его зовут Джон Вандербильт. — Она произнесла это имя так, будто оно было ключом к чему-то огромному. — Он промышленный магнат. Нефть, сталь, железные дороги. Тебе о чём-нибудь говорит это имя?

Я напрягла все свои извилины, но никакого дельного от-

вета не придумала.

— Смутно? — Как-будто я где-то слышала это имя, но от меня ускользало откуда.

Мама, хлопая в ладоши, подбежала ко мне и устроилась рядом на диване.

Хлопая в ладоши!

— Мам, ты не заболела? Ведешь себя странно и

— Имя Джона достаточно часто фигурировало в делах Синдиката, — перебила меня она заговорщицким тоном. — Алехандро всегда считал меня недостаточно смышлёной и не пренебрегал важными разговорами со своими плебеями в моём присутствии. Боже! — И да, она треснула себя ладонью по лбу. — Как же я сама до этого сразу не додумалась?

— Да в чём дело, мам, говори уже!

Она села прямо, сделала пару вдохов и взяла меня за руки.

— Джон Вандербильт ненавидит Колумбийский Синдикат.

Я подобралась, но пока не понимала, куда она клонит.

— Что значит «ненавидит»?

— Он один из тех, кто не даёт им полностью захватить власть в Штатах. Джон финансирует кампании против их влияния, перекупает их людей, блокирует сделки, разворачивает товар на границах. — Мама говорила быстро, слова вылетали из неё, будто она боялась, что я не дам ей договорить. — Он ищет себе жену. Молодую. Красивую. Из хорошей семьи.

У меня внутри всё оборвалось.

— Мам, нет.

— Каталея, выслушай меня.

— Нет! — Я вскочила. — Я не хочу замуж! Не хочу быть трофеем для какого-то

— А быть игрушкой Феликса хочешь? — Она тоже встала. Мне ничего не оставалось, как заткнуться.

Мама достала из своей холщовой сумки газету и протянула мне.

— Почитай, что про него пишут. Джон — приятный мужчина и хороший человек. У него есть все ресурсы, чтобы защитить тебя. Алехандро не сможет до нас добраться, а Феликс не сможет на тебе жениться, если ты станешь женой Джона Вандербильта. У него есть деньги, власть и влияние. Он один из немногих, кто сможет держать Синдикат на расстоянии.

К сожалению, это всё звучало очень разумно. И крайне выгодно для меня.

— И с чего ты взяла, что он выберет именно меня? Уверена, вся Америка приедет к нему на смотрины.

Хитрая, расчётливая усмешка изогнула губы Ники-Моники, и в это мгновение она, как никто другой, была похожа на породу Динарди.

— Потому что ты — самое красивое создание в этой части света? Потому что юна и невинна? А ещё, быть может, потому что ты — внучка его заклятого врага? Разве есть способ

лучше сделать больно, чем забрать себе то, что Алехадндро дороже всего на этом свете?

Она подошла ко мне, взяла мои руки в свои.

— Это единственный способ, *mi vida*. Единственный шанс. Я не смогу защитить тебя. А они рано или поздно найдут нас. Джон Вандербильт — это стена. Стена, за которой ты будешь в безопасности.

Я смотрела на наши сцепленные руки и думала, что в рациональной части своего плана мама права. Но что насчёт морали?

— А как же любовь?

Мама подхватила мой подбородок пальцами, заставляя встретиться с ней глазами, и погладила по щеке.

— Я уже всё продумала, *mi vida*, — с любовью в голосе произнесла она. — У нас будет год до твоего совершеннолетия, чтобы к нему присмотреться. Год, чтобы договориться. И у вас будет год, чтобы вы полюбили друг друга.

Я смотрела в её серо-зелёные глаза и молчала. В голове крутились обрывки мыслей, собираясь в картины моего возможного будущего.

Я думала о Феликсе, о его губах, о том, как он сказал: «Ты моя». Я думала о дедушке, который будет в ярости и, возможно, запустит в меня ножом. Я думала о маме, которая спала по ночам на кухне, потому что после смены ей не хватало сил доползти до спальни.

А потом я представила жизнь, в которой меня никто не

ищет. В которой я выхожу на улицу и не оглядываюсь. В которой моя мама спит спокойно, потому что знает — её дочь за каменной стеной. Я представила себя не беглой наследницей криминальной империи, а любимой женой. В будущем и любящей матерью. Я представила, что стану частью большой и счастливой семьи. *Настоящей семьи.*

— Хорошо, — сказала я. — Я сделаю это.

Мама обняла меня так крепко, что я почувствовала, как дрожит её сердце.

— Я найду способ заработать нам на приличные платья, — она говорила быстро, будто боялась, что я передумаю. — И мы отправимся к Джону. Всё будет хорошо, Каталя. Всё будет хорошо.

Я кивнула. Потом посмотрела на озеро, которое искрилось под июньским солнцем.

Всё будет хорошо. Должно быть хорошо.

Потому что иначе... иначе зачем это всё?

Глава 26

**Искусство нам дано,
чтобы не умереть от истины.
— Фридрих Ницше**

Сейчас.

Шоссе на севере штата Нью-Йорк.

Свет фар скользил по лужам, заставляя их вспыхивать серебром и вырывая из темноты лишь кусок мокрого асфальта. За окном мелькали силуэты сосен, деревья застыли по обе стороны трассы, как часовые. Где-то в глубине леса ухала сова, и этот звук казался единственным, кроме шума мотора, что нарушал тишину.

И только когда за очередным поворотом трасса пошла вниз, на горизонте начала разгораться первая робкая полоса просыпающегося солнца.

Я сбросила скорость и чуть приоткрыла окно. Холодный, прозрачный воздух резанул по щекам, запахло хвоей и влажной листвой. Слева дорогу обрывал пологий склон, за которым открывался вид на бескрайнее море леса, расцвеченное первыми лучами. Солнце ещё не показалось из-за гребня, но я уже чувствовала его дыхание: розоватые сполохи скользи-

ли по капоту, заглядывали в салон, играли на приборной панели. Когда я выехала на шоссе, оно было пустым, как выдох.

А мне было слишком не по себе. Всё труднее становилось выносить бремя моих тайн и проблем. Всё сложнее становилось оставаться одной наедине со своими демонами прошлого и настоящего. Мысли и варианты больно сталкивались в голове, грозя взорваться в любую секунду.

Я съехала с шоссе и остановилась на обочине, включая аварийку.

Несмотря на то, что я давно считала себя напрочь отбитым интровертом — сегодня, сейчас я нуждалась в обществе. В обществе кого-то, кто смог бы остановить поток разрушающих мыслей, кто помог бы разрубить узлы тайн, кто помог бы мне заземлиться. Мне нужен был кто-то простой и понятный, кто не играл бы со мной ни в какие игры, кто не запятнал себя в моих глазах. Кому можно было бы открыться без страха получить удар в самый уязвимый момент. Кто-то, кто помог бы мне справиться со всем тем дерьмом, в которое превратилась моя жизнь.

Хотя кого я пытаюсь обмануть?

Моя жизнь всегда была сокрушительным падением в бездну. Жаль, что после того, что случилось, я больше не могу обратиться к маме.

И тут меня пронзила мысль.

Сильван мог бы стать таким человеком. В нём было столько же тепла и света, сколько я всегда ощущала от мамы. Но

проблема в том, что я всё ещё не знаю, где он, хоть и уверена, что его забрал Феликс. Процентом на девяносто девять. И это *слишком дохрена*, даже для моей паранойи.

Я застонала и врезалась лбом в руль. Машина издала громкий и протяжный биинииииип.

Как вдруг в сознание всплыло имя.

Аларик.

Я резко оторвала голову от руля, и машина затихла.

Аларик Хэнси.

Близкий друг Сильвана, с которым мы отлично ладили. Потрясающий, солнечный, добродушный парень. Как же я могла про него забыть?

Вот в чьей компании мне бы хотелось оказаться сейчас. И вот с кем я ещё могу поговорить насчёт братьев Ричардсон. Нет, я должна с ним поговорить.

Заселиться в новый дом я всегда успею, а с Алариком мне следовало встретиться уже давно.

Я отключила аварийку и вырулила на шоссе. Развернула машину на 180 градусов и взяла курс на Нью-Йорк, в один из самых богемных кварталов Бруклина.

Солнце поднималось над горизонтом, заливая дорогу золотом. Впервые за долгое время я знала, куда еду — не удирая от кого-то, а к кому-то. И это знание грело сильнее, чем лучи света за окном.

Я остановилась у кирпичного здания, которое Аларик называл и домом, и мастерской одновременно. Окна первого этажа были завешены плотной тканью, но сквозь щели всё равно пробивался тусклый свет.

Взяла с пассажирского сиденья два стаканчика с кофе и пакет с пончиками. Он обожал сладости. Я помнила, как на ужинах он всегда первым тянулся к десерту, смущённо оправдываясь: «Сладкое — это топливо для творчества».

Я знала, что разбужу его. И сомневалась, что такой творческой натуре, как Аларик, понравится ранний подъём. Поэтому пончики были своего рода взяткой. Сладкой взяткой.

Перед тем как выйти, я глянула в зеркало заднего вида и замерла. На лбу красовалась ярко-красная полоса — отпечаток руля. Я потёрла её одной рукой, пытаясь стереть, но она только покраснела ещё больше. Плюнула и вышла из машины.

Прохладный утренний воздух ударил в лицо. Я подошла к двери, нажала на звонок.

Тишина.

Нажала ещё раз.

Ничего.

Позвонила в третий раз, но дверь осталась заперта.

Я уже решила, что Аларика нет дома — может, уехал к родителям, может, ночевал у друзей, — и уже развернулась, чтобы уйти, когда услышала за спиной щелчок замка.

Я повернулась обратно.

Дверь открылась, и передо мной предстал Аларик.

Но я едва узнала его.

Он стоял на пороге, закутанный в старое одеяло, с растрёпанными тёмными волосами, которые торчали в разные стороны. Его некогда искрящиеся изумрудные глаза потускнели, словно кто-то выключил свет внутри. Смуглая кожа казалась пепельной, будто он несколько месяцев не видел солнца или не выходил на свежий воздух. Щёки впали, скулы заострились, и весь он выглядел так, словно его скрутили, выжали и забыли развернуть.

Аккуратные густые брови были насуплены. Хмурый, злой гений, готовый прогнать непрошеного гостя.

Но когда он узнал меня, его брови взлетели вверх.

— Кая? — голос хриплый, будто он не говорил несколько дней.

Одеяло упало с его плеч, когда Аларик раскинул руки в стороны и кинулся ко мне, заключая в объятия.

— Кая! — его голос сорвался, и в этом выкрике было столько боли, столько облегчения, столько надежды, что мое

сердце пропустило удар.

Я стояла как вкопанная. В одной руке — два стаканчика с кофе, в другой — пакет с пончиками.

Осторожно, словно боясь его раздавить, я обняла его в ответ. Я почувствовала одежду, которая висела на нём мешком, его торчащие ключицы и дрожащие руки.

— Сильве пропал, — прошептал он мне в плечо. — Ты исчезла, а Клара не отвечала на мои звонки. Я не знал, что делать. Я никого не мог найти...

— Тише, — сказала я, чувствуя, как его тело сотрясает беззвучная дрожь. — Я здесь. Я здесь.

Мы долго простояли на пороге его дома, среди утреннего зноя и запаха пончиков, которые уже остывали.

Наконец я отстранилась и заглянула в его потускневшие глаза.

— У меня есть кофе, — сказала я, поднимая стаканчики. — И пончики. Я знаю, ты любишь.

Он посмотрел на пакет, потом на меня и уголок его губ дрогнул.

— Ты всё помнишь.

— Кое-что, — ответила я, чувствуя, как внутри что-то оттаивает. — Пустишь?

Он кивнул и отошёл в сторону, пропуская меня внутрь.

Переступила порог, и дверь за мной закрылась.

Я не узнала лофт Аларика так же, как до этого не узнала его самого. Всё было настолько захламлено, что соринке

негде упасть. Пустые банки из-под краски, скомканные холсты, грязная посуда, одежда, разбросанная по полу. В воздухе пахло пылью, растворителем и чем-то затхлым, словно здесь никто не проветривал неделями.

Это было так похоже на то, что творилось в моей собственной голове, что мне стало страшно.

Но теперь я хотя бы была не одна.

Я прошла внутрь, лавируя между грудями вещей, которые теперь превратились просто в мусор. Аларик плёлся следом, накинув одеяло на плечи, словно щит. Я уселась на единственный чистый угол дивана, заваленного эскизами и обрывками ткани, и поставила кофе и пончики на журналы, разбросанные по столу.

Аларик сел в кресло напротив, предварительно скинув с него кучу вещей на пол. Взял стаканчик, согрел ладони, но не сделал ни глотка. Я оглядела бардак: холсты с незаконченными портретами, где лица таяли в тенях, как мои собственные воспоминания. Запах растворителя щипал нос, но

в этом хаосе было что-то живое, как и в нас обоих.

Аларик взял пончик, но ел механически, словно забыв о вкусе.

— Что случилось? — тихо спросила я, отпивая свой кофе.

Аларик проследил за моим взглядом и злобно фыркнул.

— Сильве похитили, а вместе с ним и моё вдохновение, вот что случилось, — сквозь зубы процедил он.

Я никогда не слышала такого тона от Аларика. Обычно мягкий, солнечный, он сейчас напоминал натянутую струну, готовую лопнуть.

Он уставился в стаканчик, пальцы сжались вокруг него так, что картон хрустнул.

— Когда ты видел его в последний раз?

— За пару дней до пропажи. Мы должны были встретиться снова, чтобы обсудить место для моей следующей выставки. Но он не пришёл. Ни через час, ни через три. Сильван никогда не опаздывал ни на одну встречу. — Он поставил кофе на стол, отряхнул крошки с пальцев, чтобы затем запустить их в волосы и попытаться вырвать клочок. — Когда я набрал Дареллу, он сообщил, что Сильвану пришлось срочно уехать по делам. Но я ему не поверил. Понимаешь, мы дружим с детства и Сильве никогда бы не поступил так со мной.

Я нахмурилась, производя в голове вычислительные действия.

Дружили с детства? Это получается, что

Аларик верно истолковал моё озадаченное выражение ли-

да и ответил на немой вопрос, повисший в комнате вместе с затхлым запахом.

— Мы были в одном приюте. — Его голос был глухим, будто он вытаскивал слова из глубокого колодца, но в нём проступала теплота воспоминаний. — Мне было шесть, ему — семь. Я попал туда после того, как моя мать... ну, ты понимаешь. А он... он сам не знал, откуда взялся. Просто однажды появился.

Я молчала, давая ему говорить.

— Мы спали на соседних койках. Он защищал меня от старших, когда те хотели отобрать мои рисунки. А я всегда отдавал ему свои яблоки с полдника, которые он обожал, и рисовал для него то, что он видел во сне. То, что запоминал. Сильван говорил, что у меня дар, что я вижу мир так, как никто другой. — Аларик усмехнулся, и в этой усмешке было столько горечи, что у меня сжалось сердце. — Он говорил: «Мы семья, даже если нас разлучат». А потом его усыновила какая-то богатая пара из Штатов. Мы потеряли друг друга на несколько лет. Я думал, это конец. Но Сильве не забыл.

Аларик сильнее закутался в одеяло, будто его морозило.

— Он меня нашёл. — Аларик поднял глаза, и в них на секунду мелькнул тот самый свет, за который я полюбила его раньше. — Сильван разыскал меня, когда ему исполнилось восемнадцать. Тогда он уже стал Сильваном Ричардсоном. Уверенным, собранным, с деньгами, которые достались ему от покойных приёмных родителей и очень одиноким. Он пе-

ревёз меня в Штаты, оформил все бумаги, спонсировал визу для художников, оплатил учёбу, помог с мастерской. Сказал: «Твори, Арик. Мир должен увидеть твой свет». Без него я бы до сих пор гнил в той конуре. Он дал мне этот лофт, мастерскую Всё.

Я смотрела на него, и в груди разливалось что-то тёплое и одновременно болезненное. Сильван. Спасающий, защищающий, дарящий надежду. Я кивнула, чувствуя ком в горле. Он так напоминает мне маму: тихий якорь в буре.

Получается, Сильван перевёз Аларика уже после трагедии с яхтой. А это значит, друг его детства не был знаком с его старшим братом.

Но означает ли это, что Аларик совсем ничего не знает о Натаниэле?

Я прочистила горло.

— Сильван когда-нибудь рассказывал тебе о своей семье? О приёмных родителях или может о старшем брате?

Аларик поджал губы и медленно покачал головой.

— Не особо. Я уже знал, что они погибли — все СМИ только об этом и говорили. Я не хотел его тревожить. На плечи Сильве и так упала огромная ноша: ему необходимо было вступить в права наследства и доказать всем вокруг, что он способен справиться с навалившейся ответственностью. На самом деле это его даже спасло — некогда было думать о потере, нужно было постоянно работать, чтобы удержать компании Ричардсонов на плаву. Это было нелёгкое время,

учитывая, что он приёмный сын и его жизнь постоянно была под угрозой. Но ему повезло нанять Дарелла. Каким бы засранцем он ни был, он много раз спасал Сильве жизнь.

Имя Дарелла ударило, как пощёчина. Я вспомнила его острую, как нож, ухмылку, искрящиеся обещанием греха глаза, его руки на моей талии и губы, обжигающие кожу

Я незаметно встряхнула головой, прогоняя непрошенные образы из категории «для взрослых».

Аларик провёл рукой по лицу.

— Сильве верил в меня, — его голос дрогнул. — Всегда верил. Даже когда я сам не верил. А теперь... теперь его нет, и я... я не знаю, как жить дальше.

— Я уже ищу его, — сказала я твёрдо. — Он жив, и я его найду. Обещаю.

Аларик посмотрел на меня с надеждой, которая едва теплилась в его глазах, боясь рассыпаться от любого неосторожного слова.

— Знаешь, — сказал он после паузы, — я ведь сразу понял, что ты необычная. Сильве говорил о тебе пусть и немного, но так, как он ни о ком не говорил.

Я отвела взгляд.

Вина пронзила меня насквозь.

Я допила кофе, поставила пустой стаканчик на стол.

— Сильван — хороший человек. Он заслуживает того, чтобы его нашли.

Я должна исправить то, что натворила.

— И ты его найдёшь, — Аларик кивнул, и в его голосе впервые за утро появилась уверенность. — Я верю тебе. А вот это зря. Даже я иногда не верю сама себе. Мы помолчали.

Я взяла со стола журнал и пролистала, не обращая внимания на содержание. Просто нужно было чем-то занять руки.

— Ты сказал, что Дарелл говорил, будто Сильван просто уехал по работе?

— Да. Я понимаю, что в его обязанности не входит докладывать мне, где его начальник, но всё равно он поступил как козёл. — Аларик скривился. — Мол, срочные дела, всё под контролем, не волнуйся. Как будто я мог не волноваться.

Я фыркнула.

Дарелл и дипломатия? Это нонсенс, как дрессированный скорпион.

— Как же ты тогда узнал, что Сильвана похитили?

Аларик тяжело вздохнул и протяжно выдохнул, проводя рукой по растрёпанным волосам.

— Это для меня единственное верное объяснение его исчезновения. После того, как позвонил тебе и узнал, что твой номер больше не обслуживается, я решил, что, может, вы уехали куда-то с Сильве вдвоём. Но тут же понял, что это бред, и отмёл эту идею.

Я посмотрела на него в удивлении, подняв бровь.

— Извини, дело не в тебе. Просто я с абсолютной уверенностью могу сказать, кто вцепился в сердце моего лучшего

друга своими ядовитыми коготками.

Сильван в кого-то влюблён?

Я не почувствовала ревности, но ощутила странное беспокойство. Мои звери внутри напомнили о себе и заскулили.

— Насколько мне известно, он ни с кем не встречался?

Аларик помрачнел. Его лицо, ещё минуту назад почти успокоившееся, снова стало жёстким.

— Моя больная тема. Эта девица — Хлоя — вскружила ему голову хуже всех мировых предметов искусства вместе взятых.

Я смотрела на его сжатые кулаки, на побелевшие костяшки, и в голове складывалась картина, которую я не хотела видеть.

— Хлоя? Мне казалось, между ними всё кончено.

— Они встречались тайно.

Что?

— И? — сказала я, собираясь с духом. — Есть какая-то особая причина, почему ты так не любишь её?

— Думаю, она слишком много скрывает. Ей совсем нельзя верить. Не удивлюсь, если она замешана в его похищении. Красота, ум и хитрость в женщине — сочетание страшнее любого ядерного оружия.

Тут я бы поспорила, но меня больше волновало другое.

— Ты разговаривал с ней после пропажи Сильвана?

— К сожалению, пришлось. Она сказала мне, что он не пришёл и на их встречу тоже. Ах да. Ещё я звонил Кларе.

На звонки она не отвечала, но написала смс. От неё я узнал, что ты тоже пропала.

Я кивнула, прокручивая в голове эту информацию.

— Со мной всё было в порядке, просто нужно было уехать на время. Не думала, что тебя это будет беспокоить.

— Да, Дарелл мне так и говорил, но у меня не было оснований ему верить.

Я постучала указательным пальцем по кончику носа, размышляя.

— А что ты думаешь насчёт него? Дарелл может быть как-то замешан?

Аларик надолго задумался, почесывая затылок, приводя свою шевелюру в ещё больший беспорядок.

— Он не предаст Сильве, — сказал он наконец. — Это я знаю точно. Но... — он посмотрел на меня, — он сложный. С ним нужно быть осторожной.

Я чуть не рассмеялась. Осторожной с Дареллом.

Слишком поздно.

Грубый, громкий стук в дверь заставил меня подпрыгнуть на диване. Аларик замер, его лицо на мгновение исказилось страхом, но тут же расслабилось, когда он узнал этот стук.

— Открыто! — крикнул он, даже не вставая с кресла.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Дарелл. *Помяни дьявола.*

В руках он держал два больших бумажных пакета, из которых торчали коробки с едой на вынос. Он перешагнул по-

рог, не спрашивая разрешения, и только тогда заметил меня.

Ни тени удивления не проскользнуло на его красивом лице. Будто знал, что я здесь.

— Кая, — кивнул он, ставя пакеты поверх беспорядка на столе.

— Дарелл, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Аларик смотрел на пакеты, потом на Дарелла. В его глазах боролись благодарность и злость.

— Ты приносишь еду уже четвёртый раз за неделю, — сказал он, и в голосе его прорезалась хрипотца.

— Пятый, — поправил Дарелл, выгружая на стол коробки с китайской лапшой. — Ты пропустил вторник.

Аларик отвернулся, но я заметила, как дрогнули его губы. Дарелл заботился о нём. В своей манере: молча, без лишних слов, без попыток утешить. Просто приносил еду, чтобы Аларик не забывал есть. Чтобы не исчез окончательно.

Почему мне показалось это милым?

— Почему ты мне ничего не рассказывал? — спросил Аларик, и в его голосе слышалась обида. — Ни о ней, ни о том, что она ищет Сильве?

Дарелл открыл одну из коробочек, подвинул её ближе к Аларику. Внутри была гречневая лапша с цукини и креветками. Горячий, густой пар поднимался над поверхностью.

— Я говорил тебе, что с ней всё в порядке, — ответил он спокойно.

— Назови мне хоть одну причину, почему я должен был тебе поверить, — Аларик не притронулся к еде, хотя его руки дрожали от голода. — Тебе, который врёт так же естественно, как дышит.

Дарелл замер. На секунду его лицо стало непроницаемой маской, за которой ничего не разглядеть. А потом он перевёл взгляд на меня, тяжело вздохнул и покачал головой.

— Ешь, — передал Аларику палочки. — А то когда Сильве вернётся, сделает из меня отбивную из-за твоего вида.

Аларик посмотрел на меня, потом на Дарелла, на протянутые им палочки. Взял вилку со стола, помешал лапшу, но так и не поднёс ко рту.

— Ты знал, что она придёт? — спросил он.

— Надеялся, — ответил Дарелл, усаживаясь на подлокотник кресла.

Мы сидели втроём в этом захламлённом лофте, и тишина между нами была странной, непривычно тёплой. Я смотрела на Аларика, который наконец начал есть, на Дарелла, который не сводил с меня глаз, и чувствовала, как внутри отпускает что-то, что сжимало грудь всю мою жизнь.

Я чувствовала себя частью чего-то большего. Частью чего-то правильного и желанного с детства.

Мы не говорили о главном. Не строили планов. Не клялись в верности.

Просто были рядом.

И этого было достаточно.

Когда Дарелл убедился, что Аларик больше не упадёт от дуновения ветра, он переключил своё внимание на меня.

— Принцесса, может, порадуешь нас новостями, что тебе удалось выяснить от «Кукол»?

Аларик выругался, выпутываясь из одеяла, его щеки покраснелись то ли от гнева, то ли от горячей еды.

— Так и знал, что это их рук дело!

Я поёжилась.

Знал бы он, что всё случилось по моей вине, то не пустил бы меня на порог своего дома.

Знал ли Аларик, что ещё месяц назад я была одной из них?

Не готовая озвучивать всю информацию, я прикусила нижнюю губу и сказала лишь:

— У меня есть предположение, кто мог заказать Сильвана, но это версия пока не идеально отработана. Я допускаю, что «куклы» сыграли важную роль, но не похищали его.

Дарелл дёрнул челюстью.

— Ты должна работать быстрее.

— Я бы работала быстрее, если бы кто-то перестал отвлекать меня по ночам гонками на мотоциклах и другими... экстремальными видами досуга, — парировала я, не удержавшись от улыбки.

Уголок губ Дарелла дёрнулся вверх, и в его глазах мелькнуло что-то опасное и родное одновременно.

— Обещаю не отвлекать. Если пообещаешь не убегать.

Брови Аларика взлетели к небесам, глаза бегали от моего лица к лицу Дарелла.

Туда-сюда. Вправо-влево.

Щёки залило краской и я встала, сбрасывая с себя невидимые крошки от пончика, которого не ела. Заправив волосы за уши, направилась к выходу, собираясь уйти, потому что мне и вправду нужно было быстрее со всем этим разобраться. Дарелл двинулся следом, словно моя тень, которая не покинет меня даже в самые тёмные часы.

Аларик проводил нас до двери. На пороге он остановил меня, коснувшись плеча.

— Кая, — сказал он тихо. — Будь осторожна.

— Не волнуйся, — ответила я, чувствуя, как внутри что-то щемит. — Меня не так-то просто убить.

Он слабо улыбнулся, и в этой улыбке промелькнуло что-то от прежнего Аларика.

Мы вышли на улицу. Утренний воздух уже прогрелся, солнце поднялось над крышами, и его лучи золотили мокрый асфальт после ночного дождя.

Дарелл шёл рядом, больше не задавая вопросов.

— Спасибо, — сказала я, когда мы дошли до машин. — Что заботишься о нём.

— Не за что, — ответил он, и в его голосе впервые прозвучало что-то уязвимое. — Он нужен Сильвану.

Я кивнула, не зная, что ещё сказать.

Мы разошлись по своим машинам, но я знала — это не

прощание.

Слишком много всего нас связывало.

Глава 27

**Мнение большинства — всегда ошибочно,
ибо большинство людей — идиоты.
— Эдгар Алан По**

Сейчас.

Нью-Йорк. Верхний Ист-Сайд. Бар «The Roof».

Кусочков льда в бокале было меньше, чем историй в моём мире.

Я крутила в пальцах стакан с виски, наблюдая, как янтарная жидкость облизывает стенки, и чувствовала, как звери внутри точат когти о мои рёбра. Бар находился на крыше небоскрёба, открывая вид на город, который сверкал огнями внизу, словно рассыпанные бриллианты. Мраморные столешницы, кожаные диваны глубокого синего цвета, приглушённый свет, падающий на полированные стойки бара, где десятки бутылок выстроились, как солдаты на параде. Здесь пахло дорогим парфюмом, деньгами и чужими секретами.

На кожаном диване слева от меня устроилась Клара, вцепившись губами в голубую трубочку и держа обеими ладонями бокал с коктейлем. Это была ужасная розовая жидкость с шапкой из взбитых сливок, посыпанной цветной

крошкой. От одного вида этой сладкой мерзости мне становилось дурно. Напротив, в глубоком кресле с высокой спинкой, восседала Хлоя, задумчиво водя пальцем по краю бокала с красным вином. Между нами на низком столике из белого мрамора стояли три пустых бокала и тарелка с остывшими закусками, к которым никто не притронулся.

Я сама написала им обеим с просьбой о встрече — наш предыдущий разговор остался незавершённым.

Когда я поверила в иллюзию, что примирилась с мыслью о смерти бабушки, я изучила папку, которую дала мне Изабель. Ту папку, о которой я совершенно забыла из-за захватывающих событий моей жизни. Из всех кандидатур, представленных там, моё внимание целиком и полностью захватила страница с именем, выделенным жирным шрифтом и обведённым красным, словно кто-то хотел быть уверенным, что я не пропущу.

Феликс Алькасар.

Фотографии не было, и я поймала себя на мысли, что мне интересно узнать, как он изменился почти за восемь лет. Но всё остальное в папке было. Точнее, почти всё.

«Новая временная глава Синдиката.»

Уже шесть лет временная, ага.

Я листала папку, и с каждой страницей внутри разрасталась липкая ненависть.

Его проекты, его влияние, его жертвы. Кто поставлен на счётчик, кто в долгу, а кого он посчитал бесполезной тратой

времени. Кому поставляет оружие — это еще ладно, дедушка тоже этим занимался. Оружие это грязный бизнес, но почти легальный.

Но Феликс пошёл намного дальше. Запрещённые вещества. Наркотики, которые калечат жизни, разрушают семьи, убивают медленно и мучительно. Дедушка никогда не опускался до этого. Он считал наркоторговлю уделом отбросов, у которых нет ни чести, ни достоинства. У Синдиката были принципы. Было слово.

Феликс плюнул на всё.

Я перевернула страницу, и пальцы задрожали. Работотрговля. Он взял под контроль целую сеть и возглавил её. Женщины, дети, люди, которых похищали, продавали, переправляли через границы. Страницы были заполнены сухими цифрами — сколько, куда, за сколько. Но за каждой цифрой стояла чья-то жизнь. Чья-то боль.

Мерзкий ублюдок.

Если бы дедушка был жив, он бы вышвырнул Феликса на хрен. За нарушение прописных истин, на которых держался Синдикат. За предательство всего, что строил Алехандро Динарди и его отец до него.

Раньше Колумбийский Синдикат был уважаемой криминальной империей. Это звучит как оксюморон, но в том мире это имело значение. Мы торговали оружием, контролировали поставки, влияли на политику. Но у нас были правила. Были границы, которые мы не переступали. Дети, женщины,

наркотики — это было табу.

Феликс растоптал всё. Превратил империю в огромную, бездушную преступную машину, которая перемалывает всё на своём пути. Ему было плевать на принципы. Плевать на наследие. Он хотел только власти. И денег. И ещё власти.

В общем, в папке было почти всё.

Всё, кроме малейшей, крохотной, призрачной связи *со мной*.

И я хотела, чтобы так и оставалось.

Я решила, что в таком случае могу рассказать Дареллу, что именно Алькасар был заказчиком на Сильвана и, по моему скромному мнению, именно он его и похитил. Возможно, Дарелл и сам догадывался — ведь это он передал мне эту папку через руки Изабель. Но у него не было доказательств. А у меня они были.

Я медлила. Мне никак не хотелось, чтобы Дарелл знал, что я связана с Феликсом.

Почему? Сама не могла ответить на этот вопрос. Может, потому что он видел меня такой, какой я хотела быть: сильной, независимой, способной переиграть любого. А может, потому что он, узнай, что я законная наследница трона Колумбийского Синдиката, решит, что это я отдала приказ расправиться с Сильваном.

Кто вообще поверит, что женщина добровольно отказалась от подобной власти и влияния? Не говоря уже об огромном денежном богатстве.

— Итак, — Хлоя откинулась на спинку кресла, поправляя ярко-красную помаду, — что дальше?

Я подняла глаза от своего напитка. Звери внутри заворачивались, принюхиваясь.

— А дальше радостное воссоединение с дядюшкой, — залпом выпила виски, чувствуя, как огонь разливается по горлу.

— Это плохая идея, — Клара отлепилась от трубочки, через которую посасывала свой коктейль.

— Я бы сказала, отвратительная, — поддакнула Хлоя, прекращая водить пальцем по бокалу, но тут же принимаясь накручивать локон на тот же палец.

Снова этот жест. Она нервничала.

Я пришла к умозаключению, что Феликс не просто так держит у себя Сильвана. Он ждёт, что я приду сама. Конечно. Зачем охотиться, если жертва в конце концов является на порог? Зачем тратить ресурсы на поиски, если можно просто ждать, зная, что кровь Динарди не позволит ей оставаться в тени вечно?

— Я встречу с Феликсом.

— Кая! — восклицает Хлоя. — Он чудовище! Ты понимаешь?

Я откидываюсь на спинку дивана и ленивым жестом указываю официанту принести ещё виски.

— Я выжила в браке с чудовищем. Я обчищала чудовищ. Я убила чудовище голыми руками. — Хлоя хлопает своими

длинными темными ресницами. — Меня воспитало чудовище. Пусть Феликс боится меня. Потому что я — та ещё сука.

И я больше не та шестнадцатилетняя девочка, которую можно напугать, прижав к стенке.

Как бы девушки меня не отговаривали от этой затеи, что бы не сказали — я не собираюсь считаться с их мнением. Всё равно сделаю по-своему. Как делала всегда. Оставалось только найти Феликса.

И я уже знаю, как это выясню.

Пока что он сохраняет Сильвану жизнь, чтобы выманить меня.

Ключевое слово — *пока что*.

В баре играла тихая музыка, кто-то смеялся за соседним столиком. Жизнь продолжалась, не замечая моей маленькой катастрофы.

— Так, — Клара прервала мои мысли, хлопнув в ладоши и оторвавшись от своего мракобесия в бокале. — Я буквально слышу, как много ты думаешь. Это вредно для психики. Моей психики, если быть точной. У тебя и так лицо, будто ты хоронишь кого-то на поминках, а не сидишь в баре с подругами.

— Подругами? — я подняла бровь.

— А кто ещё будет с тобой пить в такое время и слушать про твоего психованного дядю? — она усмехнулась. — Мы всё ещё подруги, Кая. Даже если ты меня ещё не простила. Милые бранятся — только тешатся.

Я не нашлась, что ответить. Может, потому что она была права.

— Это я её этой фразе научила, — встряла Хлоя. — И тебе не удастся встретиться с Алькасаром, — осторожно произнесла она, будто старательно подбирая слова. — Насколько Организация располагает информацией, его сейчас нет в Штатах. И почему ты вообще так уверена, что Сильван у него? Что, если Сильван спрятался сам? Что, если его никто не похищал?

А она странная.

Я уставилась на неё. Клара тоже.

— Ты в своём уме? — спросила она.

— Ну, просто... — Хлоя пожала плечами. — Может, он взял симпатичную подружку и уехал в продолжительный отпуск подальше от всех этих проблем?

Я расплылась в хищной усмешке.

— Но тогда бы он взял с собой тебя.

— Ч-что? — Хлоя изобразила удивление.

Оу. Ну вот ты и попалась, куколка.

— Разве не ты та самая подружка, с которой Сильван тайно встречался?

Хлоя застыла, превратившись в мрамор. Лишь её губы, которые произносили слова, выдавали в ней живого человека:

— Я не я не понимаю, о чём ты. Сильван давно со мной

— Ой, да перестань, — я махнула рукой. — Я училась

в той же школе Джексона Каллахана: «ври и выкручивайся, даже когда тебя прижали к стенке».

Официант принёс мой виски и тарелку ассорти с конфетами и пирожными.

— Мы не заказывали, — бросила я.

— Это от того столика. Мужчины желают вам прекрасного вечера.

Я посмотрела на столик, который указал официант, не поворачивая головы. Двое с виду респектабельных и обаятельных мужчин в дорогих костюмах лет тридцати с небольшим раздевали нас глазами.

Я подумала, что было бы очень приятно их избить и обокрасть.

Клара, вероятно, подумала так же, поэтому кокетливо улыбнулась им через плечо, ловя губами трубочку, и помахала пальчиками.

Меня всегда поражала ее жизнерадостность, граничащая с сумасшествием. И я восхищалась ею. Только сильная личность может собрать себя по кусочкам и продолжить жить после того, что она пережила.

Я вернула своё внимание к Хлое, которая не обращала внимания на мужчин, но уже опустошила половину тарелки с десертами.

— Хлоя, дорогая, я не твоя мама, чтобы запрещать тебе встречаться с мальчиками, — Хлоя застыла с набитым ртом и подняла на меня сердитый взгляд. — Но если ты

ещё раз попробуешь обмануть меня, я сделаю тебе больно. ¿Entiendes?

— Понятно, — ответила она, тяжело проглотив пирожные и запив щедрым глотком вина.

— Кстати, ты нашла что-нибудь про Натаниэля? — резко сменила тему Хлоя.

Я покачала головой.

Какая разница, где Натаниэль, если Сильван у Феликса?

— Никаких следов. Полагаю, он всё же утонул с родителями.

Хлоя недовольно поджала губы и так сильно сжала свой бокал, что тот заскрипел.

Мы снова замолчали. Я допила виски, поставила бокал на стол. Клара продолжала стрелять глазками. Те бедняги не знают, что из карабина она стреляет ещё лучше.

— Мне нужно ещё выпить, — заключила я.

— Мне тоже, — Клара подозвала официанта. — Ещё три.

Мы пили молча, каждая думая о своём. Я смотрела на кусочки раскрошенного льда, плавающие в янтарной жидкости, и считала их. Один. Два. Три

— Знаете что? — Клара отставила пустой бокал и встряхнула головой с каре, как мокрая болонка. — Мне надоело сидеть тут и киснуть. Мы что, собрались тут хоронить кого-то?

— Желательно Феликса? — предположила я.

— Его я бы похоронила с удовольствием, но не сегодня. Сегодня я хочу танцевать.

Я посмотрела на неё, потом на Хлою. Та пожала плечами.

— Я не против.

— А я? — я подняла бровь.

— Ты составишь нам компанию, — Клара уже вставала, поправляя платье. — Потому что ты нуждаешься в этом больше всех. Когда ты в последний раз танцевала не для того, чтобы кого-то соблазнить и обмануть?

Я открыла рот, чтобы возразить, но поняла, что не помню.

— Вот видишь, — Клара схватила меня за руку. — Пора это исправлять.

Сейчас.

Нью-Йорк. Андерграунд-клуб.

Час спустя.

Мы оказались в месте, о существовании которого я даже не подозревала. Тёмный вход в переулке, вывеска, которую можно было заметить только если знаешь, куда смотреть. Охранник с лицом, которое видело слишком много дерьма

за свою жизнь, пропустил нас без вопросов — только глянул на Клару, которая подмигнула ему, и кивнул.

Внутри было темно и душно, пахло сексом, потом и свободой. Музыка пульсировала в стенах, в полу, в грудной клетке, заставляя сердце биться в такт басы. Люди двигались в полумраке, сливаясь в единое тёмное море. Световые лучи прорезали темноту, выхватывая то чью-то улыбку, то блеск украшений, то сплетённые в танце тела.

Клара, чувствуя себя здесь как рыба в воде, уверенно повела нас к уютному столику в углу с низким диваном, покрытым бархатом, и маленькой лампой, которая отбрасывала тёплый, интимный свет. Она явно бывала здесь не раз.

— В этом месте всё честно, — прокричала она, перекрывая музыку. — Тут не нужно никем притворяться. Можно быть самим собой и открыто говорить о своих желаниях. Кого попало сюда не пускают, так что девушкам здесь ничего не грозит.

— Побольше бы таких мест, — откликнулась Хлоя, пытаясь перекричать басы.

Мы устроились на диване, и Клара жестом подозвала официантку — девушку в короткой майке и кожаных штанах, с ирокезом, выкрашенным в синий. Та быстро принесла нам три напитка: ярко-зелёный коктейль для Клары, красное вино для Хлои и виски для меня. Мы выпили по паре, и алкоголь разлился по телу приятным теплом, развязывая узлы, которые так старательно завязывались во мне годами.

Мы вышли на танцпол, слегка покачиваясь от выпитого, держась друг за друга, смеясь и двигаясь в такт музыке. Клара прижималась ко мне спиной, Хлоя кружилась вокруг нас, раскинув руки, и на секунду я почувствовала себя частью чего-то целого, чего-то правильного. Мы были просто девушками, которые танцевали. Без масок, без оружия, без тайн.

Но потом Клара нырнула в толпу, растворившись в ней, как рыба в воде. Через секунду какая-то пара увлекла Хлою за собой, и она исчезла в танце.

Я осталась одна недалеко от нашего столика и просто смотрела.

Это было странное чувство. Обычно я танцую, когда нужно что-то получить. Внимание, информацию, доступ. Каждое движение продумано, каждая улыбка — оружие. Но сейчас... сейчас я просто стояла и смотрела, как люди двигаются, не думая, не просчитывая, не выискивая добычу.

— Ты похожа на девушку, которая ищет неприятности, — раздался голос рядом.

Я повернула голову. Мне улыбался открытой улыбкой молодой симпатичный парень. В его глазах не было ничего, кроме желания веселиться. Светлые волосы, чуть растрёпанные, футболка, которая обтягивала плечи. Он был из тех, кто приходит в такие места, чтобы забыть о работе и просто быть.

— Я и есть неприятности, — ответила я.

Он улыбнулся еще шире.

— Позволишь тебя угостить коктейлем, а потом потанцуем?

— Лучше в обратном порядке.

Он протянул руку. Я посмотрела на его ладонь, потом на танцпол. Клара махала мне откуда-то из гущи, показывая большой палец. План в моей голове, с каждой минутой как мы покинули бар, обрстал новыми нюансами и деталями и теперь окончательно закрепился в сознании, скрепленный печатью одобрения от моих зверей. Так что я разрешила себе расслабиться на сегодняшний вечер.

И позволила незнакомцу увести себя в танец.

Я не знала этого парня, он не знал меня. Мы не спрашивали имён, не строили планов, не пытались друг друга использовать. Просто двигались под музыку, чувствуя ритм, чувствуя свободу. Его руки лежали на моей талии, мои — на его плечах, и это не значило ровно ничего. Просто танец. Просто мгновение.

Клара была права. Мне это было нужно.

Когда я стояла у барной стойки и допивала виски, которым меня угостили, появился другой парень — высокий, с тёмными волосами и ленивой улыбкой, от которой у девушек, наверняка, слетали трусики.

— Твой парень не будет против, если я украду тебя на один танец?

Я от души, громко рассмеялась.

— Это не мой парень. И да. Почему бы и нет, — сказала

я, оставляя бокал на стойке.

В толпе я заметила Клару в паре с рыжеволосым парнем. Он прижался к ней, и она смеялась, запрокинув голову, её смех был таким же ярким, как её маникюр. Хлоя кружилась с какой-то девушкой, и на её лице я впервые увидела искреннюю улыбку.

Я танцевала со вторым кавалером, и на секунду мне показалось, что забыла, кто я. Забыла про Синдикат, про бабушку и Феликса, про Сильвана, Дарелла и Джексона. Я была просто Каталя. Просто девушка в клубе.

Но это была всего секунда.

Потому что, когда я открыла глаза, то почувствовала, словно молния лизнула мою кожу, и заметила его.

В углу зала, в полумраке, у стены стоял Дарелл.

Он не танцевал. Не пил. Просто стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня. В его глазах плясали огни, и я не могла понять — это отсветы клубной подсветки или что-то другое.

Я замерла на секунду, но потом улыбнулась парню, с которым танцевала, обняла его за плечи и продолжила двигаться.

Если Дарелл хотел смотреть — пусть смотрит.

Я танцевала для себя.

Глава 28

Мы упускаем из виду, что наша жизнь — всего лишь миг

и этот краткий миг необходимо сделать как можно более прекрасным и совершенным.

— Андре Моруа

Сейчас.

Нью-Йорк. Глубокая ночь.

Эта ночь претендовала на лучшую в моей жизни за последние несколько лет.

Нет, не так.

Эта ночь стала лучшей за всю мою жизнь.

Я не помнила, когда в последний раз чувствовала себя настолько свободной, словно с души содрали старую, задубевшую кожу. Алкоголь тёплой волной разливался по телу, расслабляя мышцы, которые долгие годы были зажаты в тиски страха и контроля. Музыка пульсировала в такт сердцу, и я двигалась в этом ритме, не думая, не просчитывая, не боясь. Голова была лёгкой, мысли — вязкими и приятными, как карамель, а улыбка не сходила с лица.

Я была пьяна. Я была счастлива. Я была жива.

Впервые за долгое время мне не хотелось никого убивать. Даже мои звери мирно покачивались в такт ритмам треков, что миксовал диджей.

Я заметила, как раскрасневшаяся и счастливая Клара, держа под руку того рыжего парня, с которым танцевала весь вечер, собиралась покидать клуб. Её смех звенел даже сквозь гул музыки, а глаза блестели в свете софитов. Хлоя обменивалась номерами с девушкой, с которой кружилась в танце так легко, словно знала её тысячу лет.

А мне не хотелось отсюда уходить. Я решила, что останусь ещё на немного, и пошла в уборную. Поплескала на щёки холодной воды, уставилась в зеркало на свои разноцветные глаза, на растрепанные локоны и почувствовала, как с плеч упала тяжесть. Не вся, конечно. Но хоть немного. Влажные пряди прилипли к лицу, макияж слегка поплыл, а малахитовое платье-комбинация изрядно помялось, но мне было всё равно. Я выглядела живой. Настоящей.

Не Каталеей Динарди, не Каей Смит, не куклой, не пешкой, не оружием.

Просто девушкой, которая танцевала всю ночь и смыла с лица всю ложь вместе с тушью, вместе с маской.

— Кая! — Клара подбежала ко мне, обняла, когда я возвращалась на танцпол. — Спасибо за вечер.

— Я ничего не делала.

— Ты была здесь. Этого достаточно.

Клара убежала к своему парню, и я осталась одна.

Или почти одна.

Дарелл вышел из тени, когда мои подруги уже скрылись из виду. Он появился так же бесшумно, как всегда, словно материализовался из самой тьмы, из густого клубного полумрака, где смешивались свет и тени.

— Весело? — спросил он, останавливаясь рядом.

— Неплохо, — ответила я, не глядя на него. Смотрела куда-то в сторону, на танцующую толпу, на мелькающие огни.

— Парень в синей рубашке. Плохой выбор.

Я усмехнулась.

— А у тебя есть предложения получше?

Он шагнул ближе. Я почувствовала его запах — виски, океан, опасность. Этот запах вьелся в мою память так глубоко, что я могла бы узнать его среди тысячи других.

— Есть, — сказал он тихо.

— Оставь при себе, — я развернулась, направляясь к бару.

— Кая, — окликнул он, когда я нырнула в поток тел.

Я обернулась.

— Ты молодец, — сказал он. — Что не дала ему себя поцеловать.

Я уставилась на него. Синие глаза горели голодом. Тело было напряжённо, словно крупный хищник готовился к атаке. Дарелл источал флюиды немногословного короля с пристрастием к насилию.

И у меня потекли слюнки от всего этого великолепия.

Он появился здесь как вишенка на торте моего вечера свободы. И я уже достаточно пьяна, чтобы эту вишенку сорвать. Но просить его об этом?

Не-ет. Не дождётся.

— Точно. Спасибо, что напомнил. Пойду исправлю это вопиющее недоразумение, — махнув волосами, я утонула в толпе.

Над головой зажглась лампочка: мысль о том, чтобы от-
даться в руки бога греха по имени Дарелл Грейвс и извлечь из этого практическую пользу. Идея была плохой, опасной, самоубийственной — и от этого ещё более притягательной.

Да, прекрасная идея.

Но я решила, что не буду облегчать ему жизнь. Если он хочет меня — пусть докажет.

Сначала я кокетничала и заигрывала с высоким брюнетом с цепью на шее, который пытался прижать меня ближе, но я ловко уворачивалась, дразня его движениями. Потом флиртовала со светловолосым, с лёгкой небритостью и наглыми глазами. Я громко смеялась, запрокидывая голову, проводила руками по его плечам, но смотрела не на него. Я смотрела в угол, где застыл Дарелл.

Он стоял, скрестив руки на груди, наблюдал и, казалось, даже не дышал. Его взгляд был тяжёлым, прожигающим, и я чувствовала его кожей, затылком, каждой клеткой тела.

Третий парень — веснушчатый великан — уже тянул меня к себе, когда Дарелл наконец двинулся.

Он шёл медленно и вальяжно, как хищник, который знает, что добыча никуда не денется. Парни расступались перед ним сами, даже не понимая почему. Инстинкт самосохранения, наверное.

— Отойди, — услышала я его низкий голос, когда он положил руку на плечо великана, хоть и не уступал ему ростом ни на миллиметр. — Она со мной.

Веснушчатый хотел возразить, но, встретившись взглядом с Дареллом, передумал. Просто кивнул и растворился в толпе.

Я отвернулась от этой сцены, встала к парням спиной и продолжила танцевать под биты **She's Hot - Clams Casino**, запуская пальцы в волосы.

Горячее дыхание Дарелла коснулось шеи сзади, оголённых плеч на самой границе дозволенного. Его руки легли на мои бёдра, притягивая назад, к его телу.

— Что, по-твоему, ты делаешь, а? — прошептал он мне в ухо, и от этого шёпота по моему телу пробежал электрический разряд, заставивший замереть каждую клетку.

— Танцую, — ответила я, откидывая голову ему на плечо.

— А по-моему, ты дразнишь меня.

Я щёлкнула языком.

— Мир не вращается вокруг вас, мистер Грейвс. Но оставлю тебя пребывать в этой зыбкой иллюзии, — врала я, улыбаясь и даже не краснея.

Дарелл впился пальцами в мою кожу, обещая оставить

на завтра синяки, и резко развернул меня к себе лицом. Я уткнулась носом в его грудь, потеряв ориентацию от выпитого и его близости, и рассмеялась в алкогольном дурмане.

Немного успокоившись, я подняла на него глаза и поняла, что оказалась в ловушке его рук, в плену его глаз.

— Как тебе там стоялось в одиночестве? — спросила я, глядя снизу вверх.

— Ты стоишь каждой секунды моего одиночества.

Я замерла. Сердце пропустило удар. Звери внутри замерли в напряжении.

Чтобы не ляпнуть чего-нибудь нелепого в ответ, я снова развернулась к нему спиной, прижалась всем телом и закинула руки на его плечи. Между нашими телами не поместился бы и лист бумаги. Спиной я ощущала мышцы Дарелла, а задницей — его своеобразное «ты мне очень нравишься».

Он убрал прядь волос с моего лица, заправил за ухо и прорычал:

— Я знаю, что ты делаешь, Каталея. Но в первый раз я трахну тебя в более подходящей для этого обстановке. И без свидетелей.

Всё моё тело онемело от обещания в его голосе.

— Хм. Какой привередливый, — сказал мой рот, но по позвоночнику рассыпались мурашки, а в животе поселилось тепло и предвкушение.

Но раз мистер Грейвс не хочет давать мне то, что я хочу прямо сейчас, я найду это в другом месте. Он не единствен-

ное прямоходящее существо с членом между ног в этом помещении.

Я уже сделала шаг, чтобы сбежать от него, как вдруг молниеносно, будто бросок кобры, его рука впилась в загривок. Сильные пальцы сжали заднюю сторону моей шеи. Резкий рывок развернул меня на 180 градусов и впечатал в гранитную гору под именем Дарелл Грейвс. Я еле успела выставить руки, чтобы не сломать нос о его грудь.

— Куда это ты собралась? — рука сильнее сжала шею, запрокидывая мою голову к нему.

— Туда, где умеют веселиться.

— Я по-твоему скучный?

— Предсказуемый, — солгала я, слегка повела плечом и скорчила гримасу.

— Предсказуемый, значит.

Он убрал руку с моей шеи, и я опустилась на пятки, даже не понимая, что до этого все восемь секунд, пока он держал меня, я стояла на носочках. Дарелл начал отходить от меня, делая шаг назад.

Что ж, ну и пусть катится.

Я найду, чем себя развлечь. Вернее — кем.

Уже забыв о его существовании процентов на тринадцать, я сканировала толпу в поисках сексуального красавчика, как вдруг весь воздух выбили из лёгких, и всё, что я теперь видела, — это пол и задница Дарелла.

Не самый ужасный вид, не буду лукавить.

Но он взвалил меня на плечо, как мешок с картошкой!

Я, конечно, грешила фантазиями о его плечах, но совершенно в другом контексте.

Находясь вверх тормашками, я наблюдала, как Дарелл вальяжно вышагивает, а его ягодичные мышцы просто потрясюще обтянуты синими джинсами — в цвет его глаз. Но сейчас не об этом.

А что я хотела сказать? Ах, да

— Поставь меня на место!

— Или что?

— Или я буду кричать!

— А сейчас ты по-твоему шепчешь? — усмехнулся он, не сбавляя шага.

— Отпусти меня!

— Запрос отклонён.

Дарелл вынес меня на улицу, открыл дверь своего внедорожника и запихнул на заднее сиденье. Я приземлилась на кожаную обивку, раскинув руки и ноги, как морская звезда. В салоне пахло кожей и им. Везде был он.

— Я предупреждал, чтобы не убегала от меня, — сказал он, нависая надо мной.

Я попыталась сесть, но мир вокруг качнулся, и я передумала. Потом поднялась на локтях и попыталась что-то сказать, но Дарелл приложил палец к моим губам.

В немом шоке я смотрела, как он закрывает дверь, обходит машину, садится за руль и блокирует двери.

Дарелл. Заблокировал. Все. Двери.

Тревожный звоночек прозвенел на задворках сознания.

С третьей попытки мне удалось принять сидячее положение. Мир кружился, а Дарелл двоился в глазах.

— Какого хрена ты заблокировал двери? — икнув, но с подозрением спросила я.

— У меня есть для тебя подарок, Каталя, — проигнорировал он, и в его голосе послышались странные нотки.

— Ох, нихрена ж себе, у тебя корона небеса царапает, раз уж ты считаешь подарком доступ к своему члену.

Дарелл громко рассмеялся, запрокинув голову назад. В зеркале заднего вида я замороженно наблюдала за движением его кадыка.

— Заметила, что это всегда *ты* находишь в наших разговорах сексуальный подтекст?

Я прищурилась, пытаюсь сфокусироваться на его лице.

— Не я украла тебя из клуба и заблокировала двери чёртовой машины.

— Ты слишком пьяна, Каталя. А я предпочитаю секс с девушкой в сознании, — сказал он, заводя мотор. — И для того, чтобы вдоволь насладиться моим подарком, ты должна быть трезвой.

— Быть трезвой — скучно, — захныкала я, откидываясь на сиденье.

— Завтра утром ты будешь меня благодарить, — сказал он, вырuling на дорогу и разгоняя автомобиль.

— Ты отвезёшь меня домой? — спросила я, чувствуя, как веки тяжелеют.

— Да.

— О, какой джентльмен, — пробормотала я, проваливаясь в темноту.

— Я не джентльмен, — услышала я сквозь сон. — Но ради тебя, попробую.

Глава 29

Я вынес из алкоголя больше, чем алкоголь вынес из меня.

— Уинстон Черчилль

Сейчас.

Нью-Йорк ?

Утро.

Сознание возвращалось медленно, с неохотой, будто утопающий, который не хочет всплывать. Голова гудела тяжело и навязчиво, словно кто-то сверлил внутри моего черепа. Во рту было сухо, как-будто я всю ночь жевала вату, а язык распух до размеров небольшого дивана. И, что самое паршивое, я понятия не имела, где нахожусь.

В глаза бил наглый, настойчивый солнечный луч, как утренний будильник в понедельник. Он пробивался сквозь неплотно зашторенное окно и, казалось, питал ко мне личную неприязнь. Я зажмурилась, но свет всё равно просачивался сквозь веки, окрашивая мир в оранжево-красный — цвет предупреждения, цвет «ты совершила ошибку, девочка».

Память возвращалась обрывками, как плохо склеенная

плёнка.

Бар. Хлоя и Клара. Виски. Потом ещё виски. Мой план — я расскажу его наизусть, даже если меня разбудить посреди ночи. Потом клуб. Опять виски. Танцы. Парни. Много парней. Много танцев. Много виски.

А потом — Дарелл.

Я резко открыла глаза, и мир качнулся так сильно, будто я стояла на палубе, попавшей в шторм. Потолок был высоким, белым, с балками из тёмного дерева. Не мой потолок. Не потолок таунхауса в Катскиллах.

Верно. Я же оттуда уехала.

— Где я? — прошептала я хриплым голосом, который, казалось, принадлежал сорокалетней курящей барменше с двадцатилетним стажем.

Это потолок фермерского дома, который нашёл Винтер? Я только заехала туда и видела его пока только в темноте.

Так вот как он выглядит при свете дня?

Я огляделась.

Комната оказалась просторной, залитой утренним светом. Грубая штукатурка на стенах, местами обнажённый кирпич. Деревянная, массивная мебель с налётом старины. На стене висела картина: абстракция, в которой угадывалось что-то тревожное и красивое одновременно. Высокие панорамные окна, от пола до потолка, выходили на лес: сосны, берёзы, зелень, которая казалась неестественно яркой после ночного дождя.

Тёпло. Уютно. Почти по-домашнему.

И вдруг я почувствовала запах. Сладкий, маслянистый, божественный. Запах свежей выпечки. Запах круассанов и свежесваренного кофе.

Боже, я проснулась в раю?

Или умерла, и это награда за все мои редкие заслуги?

Так. Стоп.

В моём доме — воры?

Я нахмурилась, пытаюсь соединить логические цепочки, которые упорно распадались, как карточный домик под порывом ветра. Воры не готовят круассаны. Воры не пахнут ванилью и сливочным маслом. Воры не

Резко села в кровати. Мир снова качнулся, и меня повело в сторону. Похмелье было жестоким — казалось, что кто-то нанял отбойный молоток, решил отпраздновать на моём затылке и пригласил всех своих друзей.

Я оглядела комнату ещё раз — и заметила вещи.

Мужские вещи. Аккуратно сложенные синие джинсы на кресле у окна. На спинке — рубашка. Обоняние уловило знакомый аромат. Тот самый, который я могла бы узнать с закрытыми глазами, даже если бы меня засунули в герметичный контейнер.

Виски. Океан. Опасность.

Дарелл.

— Чёрт, — выдохнула я с чувством, будто только что подписала себе смертный приговор с отсрочкой на завтрак.

Я дома у Дарелла.

Чёрт! Я даже не знала, что у него есть дом! Я думала, он живёт в поместье Ричардсонов, как какой-нибудь вассал или приживал. А теперь просыпаюсь в его постели, с его запахом на подушке, и понятия не имею, как сюда попала.

А потом меня накрыла новая, паническая мысль.

О нет.

Мы же не?

Я рывком откинула одеяло. На мне футболка. Мужская футболка. Чёрная, мягкая, явно дорогая. *И явно не моя.*

Трусиков я не чувствовала, там была только прохладная свобода и растущая паника.

— Блять, — прошептала я, прижимая ладони к пылающим щекам.

Не то чтобы я не хотела с ним переспать. Хотела. Хотела так сильно, что иногда по ночам меня накрывали образы, от которых становилось жарко даже в кондиционированной комнате. Но я, *блять, хотела бы это запомнить*. Не просыпаться с ощущением, что меня переехал поезд, и с провалом в памяти вместо эротических воспоминаний.

Я спустила ноги с кровати. Пол был деревянным, тёплым. Его футболка доходила мне почти до колен, что делало вид одновременно смешным и интимным. Волосы спутались в воронье гнездо, в котором, кажется, поселилась целая семья. Лицо, наверное, такое, что даже зеркала отворачиваются в ужасе.

Но запах круассанов тянул неумолимо, как ниточка Ариадны, только вместо лабиринта — кухня, а вместо Минотавра — Дарелл Грейвс.

Шлёпая босыми ступнями, я поплелась на запах, чувствуя себя зомби, которого ведёт не голод по мозгам, а голод по выпечке и углеводам.

Кухня оказалась такой же просторной, как и спальня. Большие окна, деревянные столешницы, медная посуда, свисающая с потолка, как трофеи охотника за вкусной едой. И Дарелл с голым торсом.

Святые угодники.

Он ещё и готовит!

Дарелл стоял у плиты, повернувшись ко мне спиной. На его бёдрах низко сидели кремовые треники — настолько низко, что у меня возникли вопросы к его моральному облику и к моему самоконтролю. Его плечи были широкими, как у атлантов, что держат небо. Мышцы перекачивались под кожей, когда он наклонялся к духовке. Солнечный свет падал на его спину, подчёркивая каждый изгиб, каждую тень, каждую линию, которую я так хотела исследовать языком вчера — и которая так молила прикоснуться к ней сейчас. Но я решила, что позавтракаю всё-таки круассанами. А потом, может быть, подумаю о грехе.

Дарелл выпрямился, достал противень с румяными, золотистыми круассанами и поставил на столешницу. Запах стал почти невыносимым.

— Ты сказал, что отвезёшь меня домой, — сказала я, приклоняясь к дверному косяку, потому что ноги держали хуже, чем мои прошлые отношения. А те держались исключительно на лжи и манипуляциях.

Дарелл обернулся. Его глаза скользнули по мне — по футболке, по голым ногам, по моему растрёпанному виду — и в них мелькнуло что-то тёплое. Почти нежное. Это было так непривычно, что я на секунду забыла, как дышать.

— Ого, потрясён возможностями твоей памяти, — он облокотился на кухонный островок и невозмутимо отпил кофе из чашки. — Я и отвёз тебя домой. К себе. — поставил чашку и поднял бровь. — Ещё что-нибудь помнишь?

Я замялась. Опустила глаза в пол. Изучала рисунок деревянных досок так, будто от этого зависела моя жизнь. Древесина была красивой, дубовой, с тёплыми прожилками. Я готова была поклясться, что запомню каждую трещинку, лишь бы не смотреть на него.

— Я не мы же не?

— Переспали? — закончил он за меня с лёгкой усмешкой, от которой мне захотелось провалиться сквозь этот самый дубовый пол.

— Ну да.

Он сделал шаг ко мне. Потом ещё один. Я вжалась спиной в косяк, но он не остановился. Выставил руку над моей головой для опоры и навис надо мной, как грозовая туча, обещающая либо ливень, либо пожар. Мышцы его пресса напряг-

лись — и, чёрт возьми, зачем я это заметила?

— Ты больно ранишь меня, Каталея, — сказал он, и в его голосе послышалась наигранная обида. — Разве я похож на того, кто воспользовался бы пьяным телом?

— Ты похож на того, кто мог бы убить любое тело, — парировала я, старательно отводя взгляд от его груди, от ключиц, от линии челюсти, которую так хотелось укусить. — И на мне твоя футболка.

— В чём-то ты права. Я могу убить любого в полной темноте, — он наклонился ближе, и я почувствовала его тёплое, с нотками кофе дыхание на своей щеке. — И я могу переодеть тебя с закрытыми глазами, даже ни разу не взглянув.

Его взгляд медленно скользнул по моим голым ногам — от щиколоток до бёдер — с такой откровенностью, что у меня загорелась кожа, и встретился с моими глазами.

— Не могу сказать, что так и сделал

В его наглых синих омутах плескались веселье и похоть.

— Дарелл.

— Каталея.

Не знаю, что было написано на моём лице, но он усмехнулся и покачал головой.

— Между нами ничего не было, — он выпрямился, и я с облегчением выдохнула воздух, который, оказывается, задерживала. — Я спал на диване, — кивнул в сторону дивана напротив телевизора, которые я сначала и не заметила. Диван был кожаным, большим, явно неудобным для сна. Поче-

му-то это вызвало у меня лёгкий укол совести.

Я глубоко вздохнула и сама не поняла — с облегчением или сожалением. Обычно я лучше разбиралась в своих желаниях. Но не сегодня. Сегодня я вообще не разбиралась ни в чём, кроме того, что круассаны пахнут божественно, а голый торс Дарелла — это оружие массового поражения.

— Тогда почему я в твоей футболке?

— Потому что тебя укачало в машине, — он вернулся к круассанам, и его спина снова стала идеальной мишенью для моих нездоровых фантазий.

Боже.

Меня стошнило в его машину? Какой позор.

Больше никогда не буду пить.

— Чёрт. Прости. Я оплачу тебе автомойку. И дезинфекцию. И, возможно, сеанс психолога для бедной машины.

— Зачем? — он усмехнулся через плечо. — Всё в порядке. Я остановил машину, ты вышла и сделала своё коварное дело в урну. Но всё же испачкала платье.

А, ну раз так, забираю свои слова назад насчёт того, что больше не буду пить. В урну — это же вполне цивилизованно, да?

Но тогда другая проблемка

— А мои трусики?

Дарелл не оборачивался, но я готова была поклясться, что его плечи слегка трясутся от беззвучного смеха.

— Трусики ты сняла сама. Сказала, что они тебя душат.

Я прикрыла глаза. Глубоко вдохнула. И мысленно попрощалась с остатками своего достоинства.

— Боже, — выдохнула я в потолок. — Значит, я не только осквернила урну, но и публично разделась?

— Ты была очень убедительна, — Дарелл наконец обернулся, и в его глазах плясали черти. — Я решил не спорить с пьяной женщиной, которая угрожала оторвать мне кое-что важное, если не отдам футболку. Ты сказала, что это вопрос жизни и смерти. Мне пришлось подчиниться.

— Я угрожала тебе кастрацией?

— Красочно и с подробностями, — он пододвинул ко мне тарелку с круассаном и чашку кофе. — У тебя богатый словарный запас, когда ты пьяна. Я впечатлён.

Я схватила круассан и откусила огромный кусок. Маслянистое тесто таяло на языке, и я поняла, что, возможно, рай существует. И в этом раю подают свежую выпечку, а дьявол ходит с голым торсом и умеет шутить.

— Дарелл?

— Мм?

— Спасибо, — сказала я тихо, не глядя на него. — Что не воспользовался. И что подобрал мои трусы. Кстати, где они?

— Виснут на люстре в ванной. Ты потребовала, чтобы они летали. Я решил не спорить.

Я подавилась кофе. Но почему-то улыбнулась. Впервые за долгое время — искренне.

Мы позавтракали в почти дружеском молчании. Я умяла

три круассана, выпила две чашки кофе и украдкой рассматривала его красивые руки, когда он резал хлеб.

Я размышляла о том, как странно устроена жизнь. Ещё недавно я думала, что Дарелл опасен. А сегодня сижу на его кухне, в его футболке, без трусов и чувствую себя спокойно. Почти в безопасности. И это пугало больше, чем любой враг за спиной с занесённым ножом.

Потому что такой мужчина, как Дарелл Грейвс, не должен был быть безопасным. А он был. И это ломало все мои внутренние настройки.

Я доела круассан, и, когда облизывала пальцы, Дарелл следил за каждым моим движением. Я сделала вид, что не заметила, — а потом вспомнила.

— Ты говорил, у тебя подарок для меня? — спросила, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. Получилось так себе. Внутри проснулся зверь, который любил опасность и новые игрушки.

Дарелл посмотрел на наручные, дорогие часы с тёмным циферблатом. Потом перевёл изучающий взгляд на меня, как будто читал мысли по моему лицу.

— Сейчас мне нужно поработать, — сказал он спокойно. — Пара часов. А потом я покажу тебе подарок и отвезу в город.

— Пара часов? — я приподняла бровь. — Ты оставишь меня одну в своём доме? Доверяешь? Я могу украсть что-нибудь ценное. Или подложить жучок. Или просто перестать

вить твои кружки, чтобы ты сходил с ума.

— Я знаю, — он улыбнулся той улыбкой, которая рисовала ямочки на его щеках. Выглядело *очаровательно*. Эти ямочки всегда там были? — Поэтому я запер оружейную комнату. И кружки тоже.

— Ах ты...

— Можешь пока воспользоваться моей ванной и постирать платье, — перебил он, даже не взглянув в мою сторону. — Полотенца в шкафу. Шампунь и гель для душа — тоже. Не стесняйся. Твои трусики могут продолжать там летать — я не против.

Вставая из-за стола, я подавила улыбку и унесла чашку в раковину. Уходя с кухни, чувствовала его взгляд на своей спине до тех пор, пока не свернула за угол.

Просторная ванная комната Дарелла была выполнена в скандинавском стиле: белый кафель, матовое стекло, огромное зеркало во всю стену. Я посмотрела в него и не узнала себя. Замученная, но счастливая. Помятая, но живая.

А ещё — без трусиков. Которые, если верить Дареллу, живописно висели на люстре. Я подняла голову, и точно: мои кружевные трусики сиротливо покачивались под потолком, как странный трофей после ночи безумия. Боже. Я даже не знала, краснеть мне или аплодировать собственной изобретательности.

Я сняла его футболку и аккуратно повесила на крючок, почему-то не хотелось бросать её на пол. Она пахла им: океа-

ном, виски и чем-то неуловимо опасным. Забралась в душевую кабину, включила горячую воду и зажмурилась от удовольствия.

Вода стекала по лицу, по плечам, смывала вчерашнюю ночь, остатки алкоголя, остатки страха. Я стояла под струями, чувствуя, как уходит напряжение, как тают последние комки где-то в груди. Пар наполнил ванную, и на запотевшем стекле можно было бы пальцем написать «я в порядке». Но я не была уверена, что это правда.

Я думала о том, что Дарелл Грейвс — это катастрофа. Что он знает подозрительно много. Что совершенно точно что-то скрывает и смотрит на меня так, будто знает меня лучше, чем я сама. И при этом он готовит круассаны, спит на неудобном диване и не использует моё нетрезвое состояние. Какой кошмарный, невыносимый, бесячий джентльмен.

Я усмехнулась своим мыслям. Джентльмен. Слово, которое никогда не вязалось с Дареллом, но сегодня утром примерка прошла идеально.

И что, чёрт возьми, за подарок он мне приготовил?

Звери внутри согласно завывали. Им не терпелось узнать.

А мне — тем более.

Я выключила воду, вытерлась мягким полотенцем, которое пахло тем же океанским бризом неукротимых бурь, что и его подушка. Обернулась в него, посмотрела на свои трусики на люстре и решила, что они переживут ещё полчаса разлуки со мной. В конце концов, у них выдалась тяжёлая

ночь.

И тут меня накрыло тихое, почти запретное осознание: за сегодняшнее утро я влюбилась в его дом. В его кухню. В то, как солнечный свет падает на его спину. В то, как он смотрел на меня, когда думал, что я не вижу.

В него самого влюбляться было нельзя. Это я знала точно.

Но, кажется, мой организм с этим знанием был категорически не согласен — и уже строил планы, как саботировать все мои рациональные решения.

Я встряхнула головой, чтобы прогнать наваждение, что было зря, потому что похмелье ещё не полностью отпустило мою дурную голову. Мир слегка качнулся, и мне пришлось опереться о раковину. Однако один важный нюанс всё же встал на место, словно потерянный пазл.

Мой план.

Дарелл, сам того не ведая, упростил мне задачу с его выполнением. Мистер Грейвс знает куда больше, чем говорит и показывает.

Я думала, мне придётся потрудиться, чтобы найти место, где он прячет все свои секреты. Оказывается, достаточно было напиться и устроить показательные выступления, чтобы вызвать его ревность. То, что я оказалась здесь, не было чистой случайностью — это был просчитанный ход с учётом возможных рисков. Это первый пункт моего плана: оказаться на его территории, чтобы узнать всё, что он сам знает о Синдикате и Феликсе Алькасаре. Уверена, в папке, которую

они с Изабель передали мне, было далеко не всё.

Ну что ж:

Раз, два, три, четыре, пять — Каталея Динарди идёт искать.

Глава 30

Ничто так не нуждается в свежем воздухе, как тайна.

Она плесневеет за закрытой дверью.

— Марк Твен

Сейчас.

Где-то в доме Дарелла.

С улицы донёсся звук захлопывающихся ворот и скрип колёс по гравию. Дарелл уехал по своим делам и оставил меня одну.

Я выждала минуту, прислушиваясь к удаляющемуся гулу мотора, а потом бесшумно ступила босыми ногами на холодный деревянный пол коридора. Уют, который ещё минуту назад обволакивал меня в ванной, испарился, сменившись липкой, настороженной тишиной. Дом, казалось, притих — даже половицы перестали поскрипывать, будто затаили дыхание. Где-то глубоко в стенах едва уловимо гулял сквозняк — низкий, протяжный звук, похожий на сдавленный стон. Или на предупреждение.

Я двинулась вперёд, плотнее закутавшись в полотенце, и старалась ступать беззвучно, хотя каждый шаг отдавался в

висках вместе с остатками похмелья.

Для начала я решила осмотреть то, что лежало на поверхности. Спальня Дарелла. Аккуратно, стараясь не нарушить порядок, я прошлась по ящикам комода, заглянула под матрас, проверила карманы пиджаков в шкафу. Ничего. Обычные мужские вещи, пара запонок, старые часы. Ни документов, ни секретных записок, ни намёка на тайны.

Кабинет оказался интереснее. Кожаное кресло, тяжёлый дубовый стол, ноутбук, защищённый паролем, который я даже не пыталась взломать — для этого не хватило бы ни времени, ни моих скромных хакерских навыков.

Я открыла ящики стола. Папки с какими-то досье, счета, договоры, финансовые отчёты. Скука смертная.

Но в нижнем ящике, под стопкой бумаг, я нашла досье со знакомой старой фотографией. Пожелтевшей, с замятыми краями, будто её пересматривали сотни раз. На ней был мужчина с жёстким, волевым лицом и пронзительными глазами — такими же, как у меня в детстве.

Мои глаза смотрели на меня с чужого лица через десятилетия.

Алехандро Динарди.

Дедушка.

Сердце кольнуло остро и неожиданно, будто кто-то воткнул иглу прямо в грудную клетку. Я провела пальцами по фотографии, по родным, до боли знакомым чертам. По тому, как он держал голову с той же гордой осанкой, что и я. По

морщинам, которые время вырезало на его лице. По глазам, которые видели слишком много крови.

А рядом с фотографией, на листе бумаги, чья-то рука — твёрдая, уверенная — написала два слова.

«*Безумие?*» — и ниже: «*Убийство?*»

Я нахмурилась.

Что бы это могло значить?

Дедушка был безумен — это общеизвестный факт. С годами всё становилось только запущеннее. Безумие — да, это про него.

Но убийство?

Он умер от сердечного приступа — так сказали Клара с Хлоей. *От моего предательства.*

А значит, эти вопросы — какой-то бред. Чья-то паранойя, запечатлённая на бумаге.

Я помассировала виски пальцами, пытаюсь унять нарастающую пульсирующую боль. Вчерашний алкоголь напоминал о себе с каждой минутой всё настойчивее.

Сжала досье в пальцах, чувствуя, как старый картон хрустит под нажимом. Потом заставила себя положить его на место. Сейчас не время раскапывать семейные тайны. Сначала нужно закончить то, зачем я сюда пришла.

Я закрыла ящик, встала и оглядела кабинет ещё раз, уже без надежды найти что-то ещё.

Дарелл мог вернуться в любую минуту. Да, он сказал «пара часов», но люди, которые убивают так же легко, как ды-

шат, редко бывают предсказуемыми.

Моя собственная персона — яркий тому пример.

Я вышла из кабинета и двинулась дальше по коридору. Гостиная, столовая, какая-то кладовка — ничего полезного. Ничего такого, чего бы я ещё не знала. Дарелл умел прятать секреты. Но один секрет он спрятал слишком хорошо.

И как же я горда собой, что мне удалось его найти.

Светлые стены дома Дарелла казались гостеприимными, но что-то в их геометрии было не так. Слишком правильные углы. Слишком глухие проёмы. В одном месте я заметила, что ширина коридора сужалась на добрых полметра безо всякой архитектурной необходимости — за фальш-панелью из грубой штукатурки явно скрывалось пустое пространство.

Я провела пальцами по стыку. Холодный. Никакой вибрации. Воздух из щели тянул подвальной сыростью и ещё чем-то металлическим, солоноватым — запахом, который я слишком хорошо знала по катакомбам Организации. Запахом старой крови и страха, въевшегося в бетон.

Сердце пропустило удар, но не от испуга, а от узнавания.

Оглянулась через плечо. Коридор позади пустовал, но тени от высоких окон ложились на пол длинными пальцами, что тянулись ко мне, словно хотели схватить за лодыжки. Солнце за окном вдруг показалось обманчивым — слишком ярким для дома, где под половицами, возможно, лежали цепи.

Я подавила желание обернуться на шаги, которых не было слышно.

Паранойя? Или инстинкт, который не раз спасал мне жизнь?

Тишина сгущалась. Где-то в глубине дома глухо ухнула старая труба отопления, будто кто-то ударил чем-то мягким, но тяжёлым. Я замерла, прислушиваясь к биению собственного пульса, который вдруг стал слишком громким в этой неестественной тишине.

Я приложила ладонь к стене и, скользя по ней, пошла вдоль коридора. Шершавая поверхность царапала кожу — точно так же, как мои звери скребли когтями грудную клетку изнутри, требуя ответов, требуя действий.

Каждый сантиметр стены отдавался под пальцами то штукатуркой, то холодным камнем, то внезапной пустотой, которая заставляла сердце на мгновение замирать.

Коридор вилял, сужался, расширялся, как блуждающая артерия больного организма. Я уже сбилась со счёта, сколько шагов сделала. Пять? Пятнадцать? Сорок? Дом Дарелла был больше, чем мне казалось вначале. Намного больше.

И вдруг ладонь упёрлась в тупик.

Прямо передо мной, в полуметре, вздымалась глухая стена из грубого камня. Коридор просто обрывался, как недостроенный мост над пропастью.

Я повернулась лицом к той стене, на которой всё ещё покоилась моя рука, осмотрела её, опустила глаза вниз — и за-

метила едва заметную щель в полу.

Клянусь всеми грехами человечества — это была дверь.

Выкрашена в тот же белый цвет, что и стены, почти незаметная, если не знать, куда смотреть. Слабый, едва уловимый сквозняк, тянущий из-под неё холодом, шептал мне, приглашая внутрь. Я присела на корточки. Пол возле двери был чище, чем в остальном коридоре, будто его недавно мыли. Слишком старательно. Слишком тщательно. Тот, кто это делал, хотел стереть не грязь. Он хотел стереть следы.

Пальцы ощупали псевдостену один раз, другой и бинго!

Я почувствовала едва заметную выемку — крошечную замочную скважину.

Приложила ухо к отверстию и замерла, слушая. Ни звука. Только моё дыхание и далёкое гудение вентиляции где-то за стеной.

Приложила глаз — с той стороны меня встретила глухая чернота. Я отстранилась и внимательно осмотрела скважину.

Чёрт. Замок требовал ключа или специальной отмычки. У меня не было ни того, ни другого. Только голые ноги, полотенце и похмельная голова.

Я пошла на кухню в надежде найти что-нибудь подходящее для этой задачи. Скользила по коридору обратно, стараясь не бежать, хотя каждая секунда промедления казалась вечностью.

Кухня встретила меня всё тем же солнечным светом и запахом свежей выпечки, который теперь казался почти изде-

вательским. Я начала рыться в ящиках. Ножи. Лопатки. Венчики. Всё, что нужно для готовки, и ничего — для взлома.

Тогда прошла в спальню и поискала там. Но опять ничего не нашла. Прошла в ванную, уже теряя последние крупницы надежды, но когда открыла ящик под раковиной — я улыбнулась.

Там лежал старый, покрытый царапинами набор отмычек. Профессиональный. С десятком разных насадок, изогнутых и прямых, с регулируемым нажимом. Такой набор не покупают в хозяйственном магазине. Такой набор передают по наследству или забирают с тел тех, кто уже не возражает.

— Ну, Дарелл, — прошептала я, — какие же у тебя тёмные тайны в этом светлом доме.

Я выбрала две отмычки: тонкую, с крючком на конце, и плоскую, для натяжения. Нащупала в себе давно не практиковавшийся, но не забытый навык. Пальцы вспомнили старые уроки.

Вернулась к потайной двери, присела на корточки и вставила отмычки в скважину. Холодное, сосредоточенное сердце билось ровно. Я слушала не ушами, а кончиками пальцев. Щелчок. Ещё один. Чуть больше натяжения. Ещё один щелчок — мягче, глубже.

И тихий, почти невесомый клац.

Замок поддался.

Хищная усмешка изогнула мои губы.

— Так-так-так, — прошептала я едва слышно. — По-

смотрим, какие скелеты ты прячешь в своём шкафу, Дарелл Грейвс. Вернее, в своей стене.

Дверь бесшумно открылась внутрь, открывая тёмный зев прохода и лестницу вниз. Изнутри пахнуло ледяным, спертým воздухом и запахом лекарств — резким, химическим, перебивающим даже металлический привкус крови.

Там, внизу, кто-то был.

И я без тени сомнения шагнула в темноту.

Ступени были бетонными, холодными, кое-где залитыми чем-то, что засохло тёмными потеками. Я спускалась медленно, стараясь не оступиться, полотенце то и норовило сползти, но я придерживала его одной рукой. Внизу горела тусклая лампочка без абажура — жёлтый, больной свет, вырывающий из темноты лишь пятна бетонного пола и ржавые трубы под потолком.

И он.

В центре подвала, примотанный скотчем и стяжками к старому деревянному стулу, сидел мужчина. Смуглая кожа,

чёрные жёсткие волосы, тяжёлая челюсть. Даже избитый и связанный, он сохранял что-то звериное в позе — сгорбленная спина, напряжённые плечи, готовность броситься, даже когда броситься нечем. Его руки были заведены за спину и стянуты пластиковыми стяжками, лодыжки — примотаны скотчем к ножкам стула. Лицо представляло собой месиво из синяков, запёкшейся крови и ссадин. Один глаз полностью заплыл, второй — тёмный, блестящий — следил за странством с настороженностью загнанного зверя.

Одежда на нём была дорогая, но разорванная: кожаная куртка, рубашка с пятнами крови, золотая цепочка на шее. Наёмник и не из дешёвых.

Когда он услышал мою лёгкую поступь и заметил меня, то поднял здоровый глаз — и на его разбитых губах расцвела медленная, масляная улыбка.

— Ау, *mamacita* — голос у него был хриплым, но уверенным. — *Qué rica estás. ¿Vienes a hacerme compañía o a bailar para mí?* — Ай, мамасита Какая вкусная. Ты пришла составить мне компанию или потанцевать для меня?

Он говорил с очевидным колумбийским акцентом.

Так вот где Дарелл прячет пленника, которого поймал в «Ла Сьенеге»?

Пленник скользнул взглядом по моим голым ногам, по полотенцу, по внушительной груди под ним, даже не поднимая глаз на моё лицо. Я мысленно щёлкнула языком. Как непрофессионально. Он не понял, кто перед ним. Принял за дешё-

вую сучку, которую хозяин дома спустил в подвал развлечь пленника.

Ошибка.

Я улыбнулась. Медленно, сладко, с той опасной нежностью, которую вкладываешь в улыбку перед тем, как вырвать человеку язык.

В углу комнаты стоял ещё один стул. Я схватила его за спинку и медленно, с визгом металла по бетонному полу, протащила в середину комнаты — так, что даже пленник поморщился от неприятного звука. Но для меня это было прелюдией к началу прекрасной симфонии.

Я поставила стул прямо напротив пленника и уселась на него, будто хозяйка жизни, закинув ногу на ногу, откинулась на спинку. Полотенце чуть сползло по груди и задралось на бедре, но я не поправила. Пусть отвлекается на свои низменные желания и не видит во мне угрозу. Пусть запоминает каждую деталь — это будет последнее, что он увидит.

Мужчина попытался облизать потрескавшиеся губы, впиваясь в моё тело единственным уцелевшим глазом.

— Ау, *mamacita*...

Я не дала ему закончить свою грязную пошлость и заговорила на испанском. Чистом, правильном, с колумбийским акцентом, который впитала с молоком матери — или, скорее, с кровью деда.

— *Mira, pedazo de mierda.* — Слушай сюда, кусок дерьма. Назовёшь меня мамаситой ещё раз, и я вырву твой язык

собственными руками. А потом засуну его тебе в жопу. Ты понял или мне лучше продемонстрировать?

Улыбка сползла с его лица моментально, как полоска пены с остывшего кофе.

Он замер.

Теперь его глаз неотрывно смотрел только на моё лицо. На левый глаз цвета мха. На ещё влажные светлые волосы. На линию челюсти. На то, как я сижу — с лёгкостью человека, который привык приказывать, а не умолять.

— Ва — прошептал он. В его голосе впервые прозвучало узнавание. — No puede ser — Не может быть

Я подалась вперёд, оперлась локтями на колени, сложила руки перед собой. Полотенце угрожающе сползло, но мне было плевать.

— Может, — сказала я тихо, почти ласково.

— Señorita Dinardi

Его единственный здоровый глаз расширился. Он дёрнулся в стяжках, но те только глубже впились в запястья. Он наконец узнал меня.

Я улыбнулась шире.

— Вот и славненько. — продолжила на испанском. — Теперь мы с тобой побеседуем. И обещаю — тебе не понравится.

— Шеф прикончит тебя! — выплёвывал слова с кровью мой новый друг.

Его звали Пабло, и он любезно поведал мне, что Феликс правит в Синдикате железной рукой, не зная пощады, вполне соответствуя своему предшественнику. Он временно занял пост главы сразу после того, как Алехандро скончался, будучи его названным сыном, в то время как мои поиски не прекращались ни на секунду. Но примерно три года назад Феликс Алькасар со скорбью в глазах и тяжестью в сердце сообщил всему своему королевству, что сеньорита Динарди погибла в автокатастрофе в Соединённых Штатах. И теперь он, как бы грустно ему ни было, становится полноправным главой Колумбийского Синдиката.

Паблито уверен, что Феликсу очень нравится его позиция шефа и он никогда не уступит мне трон — *как будто я мечтаю его занять*. Мой изрядно помятый друг сказал мне, что как только Феликс узнает, что я жива, он не позволит мне таковой и остаться — чтобы я, как единственная кровная наследница, не оспорила его власть в Синдикате. Паблито си-

дит здесь почти месяц и не в курсе последних новостей.

Феликс *уже знает*, что я жива.

А ещё Паблито утверждает, что Сильвана у них нет.

Врунишка.

Я взяла его мизинец на правой руке и резко вывернула вбок. Хруст был влажным, как перелом сухой ветки после дождя.

Он громко заорал, позоря армию и память моего дедушки, столь девичьим визгом.

Когда он затих, я положила ладони на его плечи — неведомо, почти нежно — и прошептала на ухо:

— Спрошу ещё раз. Светловолосый высокий мужчина, которого вы похитили из номера в «Ла Сьенеге». Где он?

Пабло задышал чаще, по его лицу потекли слёзы теперь не только от боли, но и от отчаяния. Я убрала руки и отошла на шаг, обошла его кругом, наблюдая, как он раскачивается на стуле, пытаюсь справиться с агонией.

— ¡No sé! — Я не знаю!

Это уже начинало меня раздражать.

Я кружила вокруг него, как стервятник над будущим обедом, а когда мимолетно остановилась у него за спиной, провела кончиками пальцев по его шее, ощущая, как бьётся под кожей сонная артерия. А потом резко, со всего размаху, ударила его кулаком в челюсть. Стул покачнулся от удара, но не упал.

Я бы кромсала его кусок за кусочком, отрезая плоть и ло-

мая каждую косточку, но не могла оставлять улики, чтобы Дарелл не узнал, что я была здесь и допрашивала его пленника. Поэтому я старалась действовать осторожно и бить по тем местам, которые уже были изувечены — так следы новых повреждений легче списать на старые.

Я медленно, почти лениво, ощупала его рёбра, нашла слабое и вмазала по больному месту ногой что было силы. Паблито закричал так, что стены задрожали. А я, поднимая руки, сделала вид, что дирижирую его воплями, как итальянской оперой. Мои звери довольно подвывали.

— ¿Ves? — прошептала я ему на ухо. — Видишь? Каждый раз, когда ты врёшь, я делаю тебе больно. Как думаешь, сколько целых костей у тебя останется, прежде чем ты начнёшь молить о смерти?

Он замотал головой, задышавшись от слёз.

— Я правда не знаю, где этот парень! Но но у Синдиката есть склады на территории штата наверно, он в одном из них но я не знаю, в каком!

— ¿Qué almacenes? — Какие склады?

— Tenemos dos — У нас два — выдохнул он. — Один недалеко от границы с Канадой, на севере штата Нью-Йорк. Там товар, оружие, вещества

— ¿Y el segundo? — А второй?

— Южнее в Пенсильвании. Старый склад, рядом со Скрантоном. Там держат девочек на продажу и заложников обычно отвозят туда.

Моё сердце пропустило удар. Пенсильвания. Второй склад. Если Сильван жив, он там.

— ¿Dirección? — Адрес?

— Я не знаю точного адреса — я замахнулась для очередного удара, — но могу описать дорогу!! Старая дорога на юг, каменный мост, потом два километра по грунтовке до чёрных ворот

Я слушала, запоминая каждую деталь. Нажимала на точки, где нужно было уточнить. Сколько охраны? Смены по двенадцать человек, три смены, пулемётные гнёзда по периметру. Система видеонаблюдения — старенькая, с мёртвыми зонами с западной стороны. Сам Феликс редко выходит из своего офиса. Слабое место? Вентиляционная шахта с южной стороны — решётка держится на честном слове.

Я вытянула из него всё, до последней крупички. Где логово. Где должен быть сам Феликс. Где его слабые места. Где он хранит оружие, деньги, документы. Где его любовница, которая точно знает, кого она греет в постели, и гордится этим. Я выжала его, как лимон, и даже кожуру прожевала.

Когда он начал повторяться, я поняла — всё. Информация кончилась.

— Gracias, corazón, — сказала я ласково. — Has sido muy útil. — Ты был очень полезен.

Он посмотрел на меня с надеждой. Дурак.

— ¿Me me vas a dejar ir? — Ты отпустишь меня?

— Claro que sí, — улыбнувшись, солгала я. — Конечно.

Как вдруг я услышала сквозь незапертую дверь подвала знакомый звук: скрип открывающихся ворот снаружи.

— Чёрт, — прошептала я.

Дарелл вернулся.

Времени оставалось считанные минуты.

В глазах Паблито вспыхнула паника, но он даже не успел закричать.

Один резкий, точный удар. Глубоко. С поворотом.

Тонкая отмычка с острым крючком на конце вошла в нужную точку на шее — под ухом, чуть выше сонной артерии. Туда, где удар оставляет минимум следов, и смерть выглядит как естественная остановка сердца.

Паблито дёрнулся раз, потом второй и замер. Кровь выступила тонкой струйкой, но я промокнула её краем своего полотенца. Следов почти не осталось. Если не знать, что искать — решат, что сердце не выдержало. Попытки, испуг, истощение — обычное дело в таких подвалах.

Звук подъезжающей машины. Шины по гравию где-то совсем близко.

Я метнулась к лестнице, на ходу вытирая отмычки о полотенце.

А теперь, Каталя:

Раз, два, три — быстрее огня беги!

Глава 31

**Тело, прижатое к другому телу, не сопротивляется.
(Это мог бы быть 4й Закон Ньютона.)**

— Каталея Динарди

Сейчас.

Дом Дарелла.

— Ты чего тут делаешь? — спросил Дарелл, оглядывая меня с головы до ног. — И почему до сих пор не одета?

Тяжёлое сердце гулко колотилось где-то в горле. Я старалась дышать ровно, опустив руки в раковину и смывая с них чужую кровь. Делала вид, что отстирываю своё платье, под которым прятала испачканное красным полотенце.

— Не смогла включить стиральную машинку, — соврала я с максимально невинным лицом.

После того как я вылетела в коридор, нашарила рукой дверь в подвал и закрыла её с едва слышным щелчком, я преодолела путь до ванной Дарелла за рекордное время. Ноги скользили по холодному полу, полотенце норовило сползти, а в голове пульсировала одна-единственная мысль: *быстрее, быстрее, быстрее.*

Я едва успела кинуть отмычки в ящик под раковиной, ски-

нуть испачканное полотенце и нацепить на себя чистое. Оно сидело криво и грозило вот-вот сползти вниз, демонстрируя больше, чем следовало бы.

В зеркале я заметила, как капля крови Паблито предательски украшала мой висок — маленькое тёмное пятно на бледной коже, которое выдало бы меня с потрохами. Я со вздохом великомученицы плеснула мокрым платьем о раковину, нарочно разбрызгивая воду вокруг, чтобы затем незаметно вытереть каплю тыльной стороной ладони. Кровь размазалась по коже розоватым следом, но это уже можно было списать на аллергию на стиральный порошок. Или на то, что я неудачно поцарапала себя ногтем. Вариантов масса.

Я поправила полотенце за секунду до того, как повернулась лицом к Дареллу.

Он стоял на пороге ванной с пакетами еды на вынос в руке и с лёгким недоумением на лице. Его потемневшие глаза скользнули по моим влажным волосам, по открытым плечам, по полотенцу, которое жило своей жизнью и, кажется, собиралось подать заявление на развод с моим телом.

— Никак не могу отстирать, — сокрушительно пожаловалась я. — Наконец-то ты вернулся. — *Нет, но ему мы об этом не скажем.* — Помоги мне включить эту чертову штуку. — Я указала мокрой рукой на стиральную машинку. Рука была красной от трения о ткань, но чистой от крови. Я проверила.

Дарелл прищурился. Всего на секунду.

— Ладно, — сказал он медленно. — Только отнесу на кухню наш обед.

Он развернулся и скрылся из моего поля зрения. Я выдохнула, но не расслабилась. Время сжималось, как пружина.

Я быстро завернула испачканное полотенце в платье поплотнее, засунула всё в машинку, кинула в барабан капсулу для стирки и закрыла дверцу. Затем облокотилась на стиралку задницей, ногами загоразивая прозрачную часть двери, и с напускной скукой принялась изучать свои ногти.

Сердце всё ещё бешено колотилось. В ванной пахло хлоркой, стиральным порошком и моим микроинсультом. Я взглянула в зеркало над раковиной и вытерла висок о плечо, окончательно уничтожая все улики. А потом опустила взгляд чуть ниже и заметила, что неплотно закрыла ящик под раковиной. Из ящика торчал край чёрной отмычки, которую я бросила в спешке.

И тут же на пороге нарисовался Дарелл.

Чёрт.

Чёрт, чёрт, чёрт.

Он подошёл ближе, и я беззаботно ему улыбнулась, скрывая малейшие проявления паники. Моя улыбка была такой безмятежной, что хоть на рекламу зубной пасты.

Если Дарелл чуть повернёт голову и посмотрит в ту сторону, то непременно заметит. А когда заметит, начнутся такие вопросы, что мне не хватит всех моих легенд, чтобы выкрутиться.

Надо его отвлечь.

И тут моя интуиция, которая никогда не подводила меня в вопросах выживания, подсказала самый идиотский, самый рискованный и самый эффективный способ отвлечь мужчину.

Я закусила губу, наблюдая, как он приближается к стиральной машинке. *Ко мне.*

— Может, отойдёшь?

Моё тело не загоразживало сенсорную панель, и я не собиралась рисковать и отходить от прозрачной поверхности дверцы. Так что пошёл он к чёрту.

Я откинула руки назад и ещё больше облокотилась на стиралку.

— Хочу посмотреть, как ты её включишь. Вдруг пригодится на будущее. Куплю себе такую же, если она справится с пятнами лучше, чем я.

Дарелл подошёл ко мне и поставил руки по обе стороны от моего тела. Его взгляд упал на мои губы всего на миллисекунду, но я заметила. *О, я прекрасно заметила.* Он нажал пару кнопок на панели стиральной машины, и она тихо загудела, наполняясь водой. Барабан медленно пришёл в движение, заталкивая улики в пучину стирального порошка.

Прощай, моё маленькое криминальное преступление. Здравствуй, стирка при 40 градусах.

— Готово, — сказал он, поднимая на меня взгляд.

В этот момент я, не отводя от него глаз, медленно при-

близилась и впиалась зубами в его нижнюю губу так, будто он кислород, а я задыхалась целую вечность. Прикусила сильнее, чувствуя, как проступила капелька его крови, затем отпустила и облизала ранку языком. *Умри, благоразумие, я занята.*

Дарелл замер на долю секунды, и этого было достаточно, чтобы я испугалась, что просчиталась. Но в следующее мгновение случилось сразу несколько вещей: его губы украсила усмешка, нарисовавшая ямочку на левой щеке, его рука вцепилась в мою челюсть, запрокидывая голову наверх и заставляя разомкнуть губы. Пальцы другой руки впились в волосы на затылке, а его губы наконец-то накрыли мои.

Поцелуй был грубым, голодным, без капли нежности. Его язык кружил у меня во рту, а внизу живота начинала тикать бомба замедленного действия. У меня закружилась голова — то ли от его вкуса на языке, то ли от недостатка кислорода. И я тонула в этих ощущениях, не желая быть спасённой. Теперь уже Дарелл прикусил мою нижнюю губу до крови, и тогда внутри меня взорвался тикающий механизм.

Дарелл подхватил меня за бёдра — сильные, горячие ладони сжали кожу сквозь тонкое полотенце — и одним движением усадил на стиральную машину. Та загудела громче, забилась подо мной, вибрируя, и эта вибрация прошла сквозь мои бёдра, заставив выгнуться ему навстречу.

Спасибо, производитель, за многофункциональность. Пожалуй, реально куплю себе такую же.

Мы целовались так, будто хотели сожрать друг друга заживо. Я запустила пальцы в его волосы, потянула, заставив запрокинуть голову, и впилась зубами в его шею, прямо над пульсирующей жилкой. Он низко, гортанно зарычал, и его руки сжали мои бёдра так сильно, что на коже наверняка останутся синяки в форме его пальцев.

И в этот момент полотенце предательски сползло.

Или не предательски.

Я сама чуть дёрнула плечом, помогая ему упасть. Махровая ткань соскользнула вниз, открывая мою грудь и царапая затвердевшие соски.

Дарелл отстранился на секунду. Его потемневшие, расширившиеся глаза, ставшие почти чёрными, скользнули по моему телу. По ключицам, где белел тонкий след от ножа. По рёбрам, где сломанное дерево оставило неровный розовый рубец. По животу, где осколок вазы едва не проткнул меня насквозь.

Дарелл провёл пальцами по моим увечьям с такой нежностью, что я почувствовала себя любимой скульптурой в руках своего мастера.

Лепи меня заново. Я не против.

Он наклонился и втянул в горячий, влажный рот мой правый сосок, поигрывая пальцами с левым, потом спустился ниже и провёл языком по самому длинному шраму — от подреберья до тазовой кости. Медленно, благоговейно, как будто читал молитву по моей коже. Я вцепилась ему в плечи,

впиваясь ногтями в ткань футболки, и зажмурилась от ощущения его влажного, горячего языка на этом безжизненном рубце, который никто никогда не трогал, потому что считал уродливым.

Дарелл обводил каждый шрам по очереди, ни одного не пропуская. Слизывал с моей кожи воспоминания о боли, превращая их в дрожь и жар. Я выгнулась дугой, когда его язык коснулся чувствительной точки между ног, и закусила губу, чтобы не застонать слишком громко.

Оказывается, я очень громкая, когда мне хорошо.

Я схватила его волосы и потянула вверх, снова сливаясь с ним в поцелуе, обхватила его бёдра ногами, притягивая ближе. Так близко, что почувствовала его возбуждение даже через джинсы. И одновременно, как бы невзначай, вытянула правую ногу и толкнула пальчиками проклятый ящик под раковиной.

Щелчок — и ящик встал на место.

Дарелл даже не заметил. Звук потерялся в моих столах, когда его губы уже были на моей шее, на груди и везде, куда только могли дотянуться.

Всегда отвлекай внимание зрителя от места, где поворачиваешь фокус.

— Твоя порочная красота сводит меня с ума, — прорычал он, отрываясь от меня ровно настолько, чтобы стянуть через голову свою футболку. Под ней оказалось тело, которому я уже втайне поклонялась: широкие плечи, твёрдая, рельеф-

ная грудь, идеальные кубики пресса, уходящие дорожкой за пояс джинсов и гладкая, горячая кожа, по которой хотелось провести языком от шеи до самого низа.

Я не собиралась поддерживать этот бессмысленный диалог, потому что знала куда лучшее применение его губам.

Стиральная машина гудела и вибрировала подо мной, отбивая такт нашему безумию. Дарелл сорвал с меня помятое полотенце, рывком сдёрнул с себя джинсы вместе с боксерами, и я увидела его — большого, твёрдого, нетерпеливого. Член встал стволom, готовым к выстрелу, и у меня перехватило дыхание. Калибр впечатлял несмотря на то, что я видела его уже не в первый раз.

— Смотри на меня, — приказал Дарелл, и я послушалась.

Он схватил меня за бёдра и рывком придвинул на край машинки. А я, теряя равновесие, упала спиной на поверхность стиралки со вскриком и смехом. Это было чертовски властно. Запишите это в мой список фетишей.

Дарелл подошёл вплотную. Я чувствовала, как головка члена упирается в мой вход. Он раздвинул мои ноги ещё шире и резко вошёл — одним толчком, растягивая меня до предела. Я вскрикнула, из глаз брызнули слёзы — от боли, от удовольствия, от того, как идеально он заполнил меня собой. Стиральная машина подо мной загудела громче, и этот звук смешался с моим стоном и его хриплым дыханием.

Он двигался жёстко, глубоко, почти жестоко. Каждый толчок отдавался в позвоночнике, в голове, в каждой клетке те-

ла, которое сейчас было в его абсолютнейшей власти. Я вцепилась ему в плечи, оставляя ногтями красные полосы, и шептала что-то бессвязное — не то проклятия, не то молитвы. Кажется, я благодарила всех богов, которые придумали этого мужчину.

— Ещё, — выдохнула я. — Жёстче.

Дарелл бесспорно подчинился и это напугало меня.

И возбудило до чёртиков.

В какой-то момент мир сузился до двух точек: его глаза напротив и точка нашего соприкосновения, где всё горело. Внезапно, как удар под дых, оргазм сокрушил меня с криком, который разодрал мне горло. Тело свело судорогой, и я чувствовала, как пульсирую вокруг него, сжимая, не отпуская.

Дарелл кончил следом — с глухим рыком, уткнувшись лицом в мою шею, и я ощутила, как он пульсирует внутри меня.

Мы замерли на несколько секунд, тяжело дыша. Стиральная машина всё ещё гудела подо мной, но теперь этот звук казался почти убаюкивающим.

Нежный поцелуй в плечо, затем в ключицу, в шею, потом в чувствительную кожу под ухом — и вот губы Дарелла снова терзают мои. Этот поцелуй был мягче и бережнее, словно изучающий и медленно вербующий меня в поклонницы этого мужчины.

Я согласна. Где поставить подпись?

А потом Дарелл подхватил меня под бёдра — не выходя,

всё ещё внутри — и поднял на руки. Я обхватила его ногами за талию, обняла за шею, чувствуя, как его член скользит глубже от каждого шага.

— Ты куда? — прошептала я, уткнувшись носом в его шею.

— В спальню, — ответил он хрипло. — Я с тобой ещё не закончил.

В спальне было полутемно. Шторы задёрнуты, солнечный свет пробивался сквозь щели, рисуя на полу золотые полосы. Он опустил меня на кровать, где я проснулась сегодня утром, и навис сверху, не давая опомниться.

— Теперь ты никуда не денешься, — сказал он, скользя губами по шраму, пересекающему мой правый глаз, вниз по шее, к груди, к животу, к тому месту, где мы всё ещё были соединены.

— А я и не собиралась, — солгала я.

Но он, кажется, не поверил.

Впрочем, через секунду мне было уже всё равно.

Глава 32

**Хитростью поймашь даже льва,
силой не поймашь и сверчка.
— русская пословица**

Сейчас.

Дом Дарелла.

Я говорила, что ночь в клубе была лучшей в моей жизни?
Забудьте.

Дамы и господа, вот она — лучшая ночь в моей жизни.

И ночь. И следующий день. И ещё раз ночь. И нельзя,
нельзя забивать на нужды своего тела так долго. Потому что
потом оно мстит с особой жестокостью.

Кто бы мог подумать, что всё моё тело будет болеть не
после драки с мерзавцем, а после ночи с красавцем?

Я пережила нападения, аварию, допросы и одно эпичное
падение с лестницы, но сейчас, когда попыталась встать с
кровати, мои мышцы издали звук, похожий на скрип несма-
занной двери в заброшенном доме.

Боже, как же больно двигаться.

Не двигаться — тоже больно. В сидячем положении, на-
пример, просто невозможно. Я пробовала. Просидела ровно

три секунды, после чего с тихим, но очень выразительным «сука» рухнула обратно на подушки.

Мы прерывались только на пару часов сна и один раз всё же поели боулы с креветками, которые Дарелл принёс в качестве нашего обеда. А потом снова набрасывались друг на друга, словно два человека, которые сидели на пожизненной диете и наконец-то дорвались до запретного торта. И этот торт был слоёным. Божественно вкусным. И с кремом.

Каждая мышца ныла. Кожа горела в местах его укусов — их было столько, что я чувствовала себя дегустационной тарелкой в ресторане каннибала. И я была уверена: на моей заднице уже красовался черно-фиолетовый синяк в форме зубов Дарелла. Вероятно, даже с оттиском его челюсти, будто он решил оставить автограф на самом ценном экспонате своей коллекции.

Но это была приятная боль. Такая истома, такая сладкая тяжесть во всём теле, что я никогда бы не призналась в этом Дареллу, лишь бы он не переставал меня касаться.

Даже несмотря на то, что, вставая с постели, я обнаружила на простынях немного крови.

С моей последней интрижки прошло сколько? Месяцев десять? Неудивительно, что моё тело почти вернулось к базовым настройкам, как новый телефон после сброса к заводским. А внушительные размеры Дарелла, *надо отдать ему должное*, не были изобретены для нежных ласк. Его создавали для того, чтобы ломать и покорять.

И мне, чёрт возьми, только этого и хотелось.

Новое утро встретило меня солнечным светом, который нагло пробивался сквозь шторы, и пониманием, что я хочу есть. Не просто хочу — жажду. Нормальной, человеческой еды. С большим количеством жиров и углеводов. С маслом, сыром, хрустящей корочкой и кучей калорий.

Я аккуратно, без резких движений — потому что резкие движения теперь были моими заклятыми врагами — выскользнула из кровати, натянула всё ту же чёрную футболку Дарелла, которая за последние дни стала моей второй кожей. И на цыпочках — *больно, очень больно!* — я отправилась на кухню.

Из своей сумочки, которую нашла в гостиной на журнальном столике, достала телефон и эйрподсы. На экране светились несколько непрочитанных сообщений от Клары и одно от Хлои с вопросами: как я, где я и что нужно обязательно повторить такой вечер ещё раз. Ничего важного. Я смахнула уведомления, разберусь потом, когда подниму уровень сахара в крови и не буду ходить как солдат, переживший артобстрел.

Пританцовывая с грацией раненого фламинго под трек **I LUV IT - Camila Cabello**, играющий в наушниках, я рылась в холодильнике Дарелла в поисках ингредиентов.

У нашего повара в асьенде был рецепт «Nuevos pericos» — яичница с помидорами, луком и свежими травами, которая пахнет детством, солнцем и чем-то таким родным, от чего у

меня всегда щипало в носу. Долгое время это был мой любимый завтрак. Но сегодня мне хотелось чего-то большего — наверное, организм требовал компенсации за последние бессонные сутки.

Я нашла всё, что нужно: сладкий картофель, кукурузную муку, сыр, немного сливочного масла. Arepas de queso — сырные лепёшки, которые тают во рту и напоминают о том времени, когда моя жизнь ещё не была замешана на крови и предательстве. Тогда я ела их за завтраком, болтая ногами на кухне, пока дедушка гладил меня по голове и говорил, что я стану великой женщиной. В то время он еще не уточнял, что великой в сфере насилия и лжи.

Я замесила тесто, раскатала, бросила на разогретую сковороду. Тёплый, уютный аромат поплыл по кухне, по дому, где пахло опасностью и океаном. Смесь греха и ностальгии. Интересный парфюм.

Сильные руки обвили талию сзади, и горячие губы прижались к моей шее. Туда, где бился пульс, где кожа была тоньше всего.

— На кухне так вкусно пахнет, — пробормотал Дарелл сонным, хриплым голосом прямо мне в ухо, перекрывая басы музыки. — Но ты пахнешь вкуснее.

Я закатила глаза. И улыбнулась, сама от себя не ожидая.

— Ты спишь как младенец, — сказала я, снимая наушники, чтобы не поджарить их вместе с завтраком. — При том что сам утверждал, что никогда долго не спишь.

— Ты меня вымотала, — ответил он без капли стыда и уткнулся носом в мои волосы.

— Я тебя вымотала? — фыркнула я, переворачивая лепёшку. — Дарелл, я еле хожу. У меня синяк на заднице в форме твоих зубов. Я чувствую себя боксёрской грушей, которую оттрахал поезд.

— Звучит сексуально, — он прикусил мочку моего уха, и я чуть не уронила лопатку.

— Отвали, — беззлобно огрызнулась я. — Я готовлю завтрак. Настоящий. Калорийный. И если ты его испортишь своими неумелыми домогательствами, я зарежу тебя этой же лопаткой.

Он низко, гортанно засмеялся, и его смех вибрацией прошёл по моей спине, заставляя внутренности сжиматься в тугой узел.

— Тебе идёт моя футболка, — отметил он, чуть отстраняясь и окидывая меня взглядом. Футболка доходила мне до середины бедра, сползала с одного плеча и была такой тонкой, что я догадывалась, сколько он мог видеть на просвет.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — пригрозила ему лопаткой. — И если ты сейчас начнёшь, мы никогда не позавтракаем.

— Звучит как план.

Дарелл снова прижался ко мне сзади, его руки скользнули под футболку. Собственнические, уверенные, горячие ладони легли на мой живот. Я замерла, чувствуя, как его дыхание

участилось, как его пальцы поползли выше, к груди.

— Дарелл, — предупреждающе сказала я.

— Каталея, — ответил он так же, и в его голосе не было ни капли раскаяния.

Я вывернулась из его рук с ловкостью кошки, которой очень больно, и ткнула в него лопаткой.

— Завтрак. Сначала завтрак. Потом — посмотрим.

Он вздохнул с такой трагической обречённостью, будто я только что отменила Рождество, но послушно отошёл к кухонному островку и сел на высокий табурет.

Я поставила перед ним тарелку с румяными аперас, тающими во рту, с хрустящей корочкой и мягкой, тягучей сердцевинкой, где сыр растягивался длинными белыми нитями. Сверху украсила ложкой свежего гуакамоле и долькой лайма.

— Что это? — спросил он, втягивая носом аромат.

— Aperas de queso, — ответила я, осторожно усаживаясь напротив него с собственной тарелкой. *Очень осторожно.* — Недооценённое колумбийское блюдо. Ешь, пока я не передумала и не скормила это собаке. У тебя, кстати, есть собака?

— Нет, — он откусил кусок, и его глаза удивлённо расширились. — Чёрт, это вкусно.

— Знаю, — я улыбнулась в свою тарелку. — Я вообще много чего умею, кроме как лгать и соблазнять опасных мужчин.

Он хмыкнул, но ничего не сказал.

Мы ели в странно домашней тишине. Слитки солнца падали на деревянную столешницу, где-то за окном пели птицы, и на секунду мне показалось, что я не в доме человека, который держит пленников в подвале, а в нормальной, обычной жизни.

А потом Дарелл отодвинул пустую тарелку, откинулся на спинку стула и посмотрел на меня так, от чего у меня внутри всё перевернулось.

— Позавтракали, — сказал он. — А теперь — пора.

Моё тело запротестовало, хотя безрассудная голова и похоть, сговорившись, уже хлопали в ладоши.

— Может, хотя бы фильм для разнообразия посмотрим? — спросила я.

Дарелл хохотнул в кулак.

— Ненасытная принцесса, — сказал едва слышно. А потом громче: — Я о твоём подарке.

Я напрочь забыла об этом.

— Пойдём, покажу.

Он встал из-за стола и протянул мне руку. Я взяла и, — *о как же больно*, — мы пошли.

Мимо спальни.

По коридору.

В ту сторону.

Я сразу поняла, куда он меня ведёт, когда мы миновали большинство комнат и свернули туда, где стены сужались, где тени ложились длинными пальцами, а пол был холоднее,

чем в остальном доме.

В тот самый коридор.

Где была спрятана дверь.

Моё сердце пропустило удар. Потом от холодного, липкого ужаса забилося быстрее. Ужаса, что он всё знает.

Дарелл шёл чуть впереди, его спина была расслабленной, шаги — уверенными. Он тянул меня за руку, и мне не оставалось ничего, кроме как следовать за ним.

Мы остановились ровно там, где я нащупала пальцами едва заметную щель.

Где отмычки открыли замок, ведущий в подвал с пленником.

Дарелл повернулся ко мне. Тёмные, глубокие глаза, как океан перед штормом, смотрели прямо в мои.

— Твои знания испанского очень пригодятся, — сказал он спокойно.

Я не дышала.

Он вытащил из кармана тренировочных штанов крохотный ключ и вставил в замочную скважину. Повернул три раза, нажал на едва заметный выступ. И стена бесшумно ушла внутрь, открывая проход.

— После тебя, — сказал он, сделал шаг в сторону и жестом пригласил меня войти.

Набатом, сиреной и всеми возможными сигналами тревоги в глубине сознания прозвонили предупреждающие звончки. Что-то здесь не так. Что-то здесь очень, очень не так.

Я смотрела на тёмный зев прохода, где по-прежнему пахло кровью и лекарствами. Но свежий запах смерти исчез.

Или мне просто казалось?

— Заходи, — повторил Дарелл. — Там ты найдёшь ответы.

Мог ли Дарелл запереть меня в этом гребаном подвале?

А почему бы, собственно, и нет?

Ощущая лёгкую нервозность, я помотала головой.

— Ты же понимаешь, как странно это выглядит со стороны?

Дарелл цокнул языком.

— Всё ещё не доверяешь мне?

Мой красноречивый взгляд сказал ему больше, чем любые слова.

Дарелл закатил глаза, притянул мою руку — ту, за которую держал, — к своим губам и поцеловал огромный шрам на ладони. Поцелуй был долгим, почти нежным, как будто он целовал не уродливый рубец, а самую уязвимую часть моей

души.

Потом отпустил меня и шагнул внутрь.

Я стояла на пороге ещё секунду, переваривая увиденное. Он поцеловал мой шрам. Самый уродливый. Самый важный. Тот, который я раньше прятала даже от себя, постоянно надевая перчатки или длинные рукава.

Чёрт. Это было почти трогательно. Почти.

Я шагнула следом.

Фигура Дарелла маячила в полумраке впереди, и я вдруг подумала, что если бы мы встретились в другом мире, в параллельной вселенной, где я была бы обычной, не сломленной девушкой, я бы, наверное, влюбилась в него с первого взгляда.

Но мы встретились так, как встретились.

Он дёрнул выключатель вниз, и подвал залился тусклым, болезненным светом.

И я увидела Пабло.

Он всё так же сидел на стуле. Скрюченный, бледный и совершенно мёртвый. Его единственный здоровый глаз смотрел в стену с застывшим удивлением. Кровь на губах засохла чёрной коркой.

Дарелл замер.

Потом медленно обошёл стул, наклонился, проверил пульс, зачем-то посмотрел на зрачки, будто это могло что-то изменить.

— Чёрт, — выдохнул он.

Я скрестила руки на груди, стараясь, чтобы голос звучал максимально беззаботно.

— Дарелл, дорогой, ты даришь мне мёртвого человека? Это так романтично.

— Ничего не понимаю, — он провёл рукой по лицу. — Он должен был быть жив.

— Как жаль, что живых людей запрещено дарить с 1865 года, — я попыталась отвлечь его от исследований тела и шагнула ближе.

Дарелл поднял на меня растерянный, сбитый с толку взгляд.

— Ты о чём?

— Тринадцатая поправка к Конституции США об отмене рабства на территории страны, — я улыбнулась самой невинной улыбкой, на которую была способна. — Элементарно, Ватсон.

Дарелл хмыкнул, скорее по инерции, чем потому, что ему было смешно. Он уже наклонился к телу, протянул руку, чтобы повернуть голову Пабло и осмотреть шею.

Нет!

Нет, нет, нет.

Я метнулась вперёд, схватила Дарелла за предплечье и дёрнула, что было сил. Развернула его к себе лицом и прижалась к нему всем телом. Игриво заглянула в глаза снизу вверх.

— Знаешь, — прошептала я, проводя пальцами по его

груди, — мне никто и никогда не дарил подарков, от которых у меня перехватывало дыхание. А тут — целый труп. Ты меня балуешь, Грейвс.

— Каталея, — он попытался отстраниться, но я не пустила.

— У него был сердечный приступ, — сказала я уверенно, поглаживая его напряжённые мышцы. — Часто случается в пыточных. Нервы, страх, обезвоживание. Ты же не думаешь, что это кто-то из твоих людей ошибся с дозировкой?

Он замер.

Я чувствовала, как его дыхание сбивается от всего сразу: от гнева, от непонимания, *от меня*. От того, как моя рука скользнула вниз по его животу.

— Или, может, — я встала на цыпочки и прикусила его нижнюю губу, — может, он просто испугался того, что ты собирался с ним сделать. Сердце не выдержало. Такое бывает.

— Такое бывает, — повторил он механически, глядя на меня.

— Хочу тебя отблагодарить, — прошептала я, целуя уголок его губ, — за такой прелестный подарок.

Я скользнула рукой в его треники, нашла его уже твёрдым и сжала. Дарелл хрипло выдохнул мне в губы.

— Каталея...

— Тсс, — я провела большим пальцем по головке, чувствуя, как он пульсирует у меня в ладони, как его дыхание становится тяжелее.

Я опустилась коленями на холодный бетонный пол и обхватила головку губами. Потом медленно провела языком от основания до солоноватой капельки, блестящей на конце. Медленно, ритмично начала заглатывать всю длину, чувствуя, как его пальцы впиваются в мои волосы, как мир вокруг сужается до его вкуса во рту и его хриплых стонов.

Никого из нас совершенно не беспокоило, что мы предаёмся сексуальным утехам напротив изуродованного трупа.

Напротив, мне кажется, это добавляло огонька в наши отношения.

Дарелл зарычал — низко, гортанно, почти зверино, — когда его член упёрся в заднюю стенку моего горла. Из глаз брызнули слёзы, но мне удалось подавить рвотный рефлекс. В следующую секунду Дарелл потянул меня за волосы вверх и подхватил под задницу, отрывая от пола. Я обхватила его ногами за талию, руками за шею и прижалась теснее, виляя попкой и покачивая бёдрами, продолжая то, что начала.

— Продолжение банкета наверху, — прорычал он, уже неся меня к лестнице.

— Я только за, — прошептала я ему в шею, кусая, и оставила на ней след от зубов.

Когда он нёс меня мимо стула с мёртвым Пабло, я бросила последний взгляд на тело.

Спи спокойно, Паблито. Спасибо за сотрудничество.

Дарелл шагал вверх по ступеням, не выпуская меня из рук. Его дыхание было прерывистым, руки горели на моей

коже. А я, прижимаясь к нему, чувствовала, как он пульсирует у меня между ног.

Кто бы мог подумать, что мёртвый наёмник станет лучшим афродизиаксом?

Когда мы влетели в спальню, я уже не думала ни о чём. Только о Дарелле. Только о том, как он снова сделает мне больно и хорошо — одновременно.

Глава 33

**Опасно оставлять наедине с тобой человека,
который тебя понял.**

— Эльчин Сафарли

Сейчас.

Дом Дарелла.

Горячие, шершавые пальцы рисуют узоры на моей коже. Ленивые, бесконечные круги, от которых я покрываюсь мурашками, словно у меня под кожей поселился электрический ток. Грудь Дарелла медленно поднимается и опускается под моей щекой — ровно, спокойно, как прибор после бури.

Я оглядываю наши спутанные ноги, простыни, которые за время наших безумств превратились в подобие абстрактной картины, спальню, что накрыли вечерние сумерки. За окном мир поглотила мягкая синева, и тени на стенах стали длиннее, словно дом вытягивается, готовится к ночи.

Я слышу мерное дыхание Дарелла.

А ещё слышу, как его люди — после звонка, который он сделал, пока я нежилась в его объятиях, — «утилизируют» мой подарок. Глухие шаги по гравию, приглушённые голоса,

звук чего-то тяжёлого, загружаемого в машину. Слышу, как тело Паблито тащат на улицу.

Вот и хорошо.

Прощай, мой информатор. Ты умер как герой. Ну, или нет. Какая разница?

Дарелл так глубоко вздыхает, что его грудная клетка приподнимает мою голову.

— Раз уж мой подарок не удался, — говорит он низко, с ленцой, — мне следует предоставить тебе утешительный приз.

Я поворачиваю голову на другую щёку и смотрю на него с неммым вопросом в глазах. Утешительный приз? Это что-то вроде «спасибо за участие, вот вам дешёвый сувенир»?

Он запускает руку в мои волосы и медленно пропускает их между пальцами, с какой-то почти гипнотической нежностью.

— Твоё имя, — говорит он. — Откуда я его знаю.

Я внутренне подобралась, но внешне осталась безмятежна. Каменная маска на лице, ровное дыхание, а сердце ну, сердце, как назло, решило сыграть джаз в моей грудной клетке.

— И откуда же? — голос звучит почти скучающе. Почти. Дарелл не смотрит на меня. Он смотрит на мои волосы, скользящие между его пальцами, на то, как они переливаются в сумеречном свете.

— От твоего бывшего мужа.

Я нахмурилась.

Джон. Чёрт. Даже мёртвый он умудряется лезть в мою жизнь, как таракан, которого никак не вытравить.

Мне хотелось спросить: откуда Дарелл знал Джона? Откуда он вообще знает, что у меня был муж? Но я решила не давать ему никаких подсказок или подтверждений, что он прав, и просто молча уставилась на него.

— Джон Вандербильт, — произносит Дарелл, и этот парень начинает меня пугать своей осведомленностью, — хотел заключить контракт с Richardson's Holdings, и Сильван поручил мне проверить его. Нужно было узнать, не занимается ли он незаконной деятельностью, не водит ли знакомств с сомнительными личностями, не замечен ли в скандалах и вообще насколько он будет надёжен как деловой партнёр. Стандартная проверка.

Я затаила дыхание, не смея его перебивать.

— Нам пришлось взломать некоторые его сервера, а так же личные переписки.

Наконец Дарелл посмотрел на меня и провёл большим пальцем по моему шраму, пересекающему правый глаз.

— Джон был настолько чист, что это казалось подозрительным. Но копнув глубже, я обнаружил незаконные махинации. Все деньги заработанные нечестным путем он клал на счет своей жены. Обычно мы не лезем в личную жизнь, но здесь нужно было разобраться: это жена манипулирует мужем, используя его как подставное лицо? Или муж проводит

теневые сделки, пряча доходы на имя ничего не подозревающей супруги? Так что мы стали изучать его отношения с женой.

Сердце забилося о грудную клетку, мои звери заскребли когтями, заставляя внутренности сжаться в тугую, болезненный узел.

— В переписке с друзьями он называл тебя Кая. К тебе всегда обращался «цветочек». Но когда был особо зол, использовал, очевидно, твоё полное имя — Каталея. Даже когда ты умоляла не называть тебя так.

Он опять начал играть с моими волосами, а я слушала, хотя тело хотело спрятаться, провалиться сквозь землю, только бы не слышать этого имени, только бы не вспоминать тот голос с его идеальной улыбкой и стальными кулаками.

— Расследование показало, что жена совершенно ни при чём, — продолжает Дарелл. — Но я запомнил это красивое, необычное имя. И был поражен, что его хозяйка не хотела, чтобы её так называли.

Я опустила глаза на его грудь и начала обводить пальцем его мышцы, просто чтобы занять руки.

— Вскоре мы поняли, что он еще и психопат, который истязает свою жену. Его предложение о сотрудничестве было отклонено.

Дарелл заправил прядь светлых волос мне за ухо, коснувшись моей щеки, и меня пронзил неожиданный разряд тока. Он приложил ладонь к моему лицу. Когда я не отреагирова-

ла, подцепил пальцами подбородок, заставляя взглянуть ему в глаза.

— Я каждый день виню себя, — говорит он так тихо, что я почти не слышу, — что не вмешался тогда и не спас тебя от этого ублюдка.

От искренности в его словах, от нежности в синих глазах у меня защемило где-то в груди, словно какая-то давно оборванная ниточка вдруг потянулась и попыталась склеиться обратно.

Я сглотнула, прогоняя это глупое, опасное чувство.

— Это не твоя вина, — говорю я ровно. — Ты не знал меня тогда. А сейчас Джона больше нет.

Дарелл гладил меня большим пальцем по щеке, снова и снова, и этот жест был таким нежным, что у меня перехватывало дыхание.

Как вдруг — щелчок в моей голове, и ещё один недостающий пазл наконец встал на место.

— Так это был ты? — я отлепилась от его груди и приподнялась на руках. — Ты посылал мне все те орхидеи?

Дарелл запустил руку теперь уже в свои волосы и растрепал их. Впервые видела у него этот растерянный, почти смущённый жест.

— Не самый удачный способ проявить раскаяние и симпатию? — его губы изогнулись в кривой усмешке.

— О, зато отличный способ подпитывать мою паранойю, — съехидничала я. — Я думала, у меня крыша едет. Или что

появилась новая служба доставки цветов с того света.

— В свою защиту скажу, что это было отличным способом вывести тебя из равновесия и проверить: побежишь ты к своим «куклам» или нет.

— Изверг, — говорю я без капли злобы.

Лёгкий и открытый смех Дарелла прокатился по комнате, разбивая сумерки на осколки.

— Зато со мной ты улыбаешься, — говорит он. — По-настоящему.

— Я сегодня в хорошем настроении, поэтому не буду рушить твои иллюзии, — отвечаю я, но уголки губ всё равно предательски ползут вверх.

И тут он набрасывается на меня и начинает щекотать.

Щекотать!

Я кричу и смеюсь одновременно — отчаянно, взхлёб, так, как не смеялась, наверное, с детства.

— Так что, по-прежнему считаешь меня предсказуемым? — его голос звучит где-то надо мной, а я извиваюсь в его руках и пытаюсь вырваться. Но ни физических, ни моральных сил на это у меня нет.

Я лишь смеюсь.

Смеюсь и уверяю себя, что всё в порядке.

Смеюсь и надеюсь, что этот смех сотрёт прошлую боль и разбитые мечты. Исцелит раны и травмы, после которых я не могу иметь детей. Не могу обзавестись настоящей семьёй. Сраный Вандербильт не только забрал моё прошлое, он ли-

шил меня будущего.

Но Джон был не первым мужчиной, кто обманул моё доверие.

И он не был последним.

Все мужчины в моей жизни — от отца, который никогда не искал со мной встречи, до Джексона, который порой заменял мне родителя, — все они подводили меня.

Но я почему-то продолжаю давать им шанс.

Глава 34

**Мы принимаем такую любовь, какой,
с нашей точки зрения, заслуживаем.
— Стивен Чбоски**

Тогда.

Долина Гудзон, поместье Вандербильтов.

Осень.

Наше молчание в салоне старого седана, взятого напрокат, разбавляла песня **Numb - Linkin Park**, играющая по радио. Подходящий саундтрек для поездки в неизвестность.

«I've become so numb, I can't feel you there»

Я слушала эти слова и беззвучно подпевала, двигая одними губами.

«Become so tired, so much more aware»

Подпевала и ещё не знала, какими пророческими они станут.

Мама сосредоточенно вела машину, погружённая в свои мысли. Я сидела на пассажирском сиденье, вжавшись спиной в кожаную обивку, и глядела в окно. За стеклом проплывали бесконечные поля, сменяющиеся лесами. Леса сменялись аккуратными городками с церквями и ратушами, а по-

том снова поля, жёлто-красные, как пожар.

Америка была другой. Не такой, как Колумбия. Здесь не пахло кровью и страхом. Здесь пахло свободой, прелыми листьями, влажной землёй и бензином. И от этого у меня внутри порхали бабочки. Целая стая. Наверное, они были ядовитыми и убили всех моих зверей по дороге.

— Ты готова? — спросила мама, не поворачивая головы.

— Нет, — ответила я честно.

— Я тоже.

Мы замолчали. Я смотрела на её руки, сжимающие руль. Костяшки побелели так сильно, что кожа натянулась до прозрачности. Мы обе притворяемся, что это просто знакомство. Мы обе знаем, что это не так.

Поместье Вандербильтов находилось в двух часах езды от Нью-Йорка, в самом сердце долины Гудзон. Мы свернули с основной трассы на частную дорогу, обсаженную старыми дубами, чьи кроны смыкались над головой, образуя зелёный туннель. Дорога петляла между холмами, и наконец, за очередным поворотом, открылась картина, от которой у меня перехватило дыхание.

Перед нами возвышался огромный, внушительный особняк. Каменные стены, увитые плющом, высокие окна, отражающие осеннее небо, и башни, устремлённые вверх. Перед входом был аккуратный подъездной круг, в центре которого бил фонтан. Вода сверкала на солнце, разбрасывая тысячи крошечных радуг.

— Боже, — выдохнула я.

— Это только один из его домов, — тихо сказала мама, паркуясь рядом с чёрным лимузином. — У него их несколько.

Выходя из машины, я поправила тёмно-зелёное платье — длиной чуть ниже колена, со скромным вырезом и рукавами в три четверти. Никакой вызывающей роскоши, только элегантность и сдержанность. На мне не было украшений, единственная моя драгоценность лежала в сумочке: маленький пистолет с бриллиантами, который я по привычке везде таскала с собой. Напоминание о прошлой жизни.

На маме было серое платье-футляр, минимум макияжа, волосы убраны в строгий пучок. Она казалась старше своих лет, и я знала — это сделано намеренно. Мы должны были выглядеть как респектабельные, но скромные леди. Никакой вычурности. Только лёгкая грусть в глазах и тихое достоинство.

Высокий, седовласый дворецкий в безупречном костюме открыл нам дверь и провёл в гостиную через холл с мраморным полом и огромной люстрой, сверкающей тысячами хрустальных подвесок. Там, у камина, нас ждал Джон Вандербилт.

Он был таким же, как на снимках в журналах: высокий, подтянутый, лет тридцати, с тёплыми карими глазами и блестящими светлыми волосами. Лёгкая улыбка украшала его обаятельное лицо.

Я ожидала увидеть надменного богача с тяжёлым взглядом, а вместо этого передо мной стоял приятный, интеллигентный мужчина. В нём было что-то от старых голливудских актёров — элегантность, которая не кричит о себе, но ее невозможно не заметить.

— Миссис Беннет, — он шагнул навстречу и взял мамину руку. — Рад познакомиться.

— Взаимно, мистер Вандербильт, — мама улыбнулась редкой, почти забытой мной улыбкой.

— А это, должно быть, София, — он перевёл взгляд на меня, протягивая руку. — Очень рад.

— Здравствуйте, — я пожала его ладонь и почувствовала, что она тёплая и сухая. Твёрдое рукопожатие, но без излишней силы. Воспитанный человек.

— Присаживайтесь, — он указал на диваны у камина. — Чай? Кофе? Что-нибудь покрепче?

— Кофе, пожалуйста, — сказала мама.

— Мне тоже, — добавила я.

Джон кивнул, и дворецкий бесшумно исчез.

Когда мы сели, я начала изучать комнату: старинная мебель, картины на стенах, книжные шкафы до потолка. Ничего кричащего, ничего, что указывало бы на богатство. Только хороший вкус и уверенность в себе. Джон Вандербильт не нуждался в том, чтобы демонстрировать своё состояние. Оно и так говорило само за себя.

Джон расспрашивал маму о нашей жизни, о том, как мы

добрались, о погоде. Ни одного вопроса о прошлом. Ни одного намёка на то, что он знает больше, чем показывает. Он был вежлив, обходителен, внимателен. И я поймала себя на мысли, что он мне нравится.

Таким и должен быть мужчина. Спокойным, уверенным, с тёплыми глазами и лёгкой улыбкой. Не таким, как Феликс. Не таким, как дедушка. Просто... хорошим.

Просто *слишком хорошим*, чтобы быть правдой. Но тогда я ещё не научилась распознавать фальшь.

— София, — он обратился ко мне, и я вздрогнула, — вы любите лошадей?

— Да, — ответила я. — В детстве много каталась.

— У меня есть конюшня. Небольшая, но лошади отличные. Может быть, в следующий раз я вам их покажу.

— С удовольствием, — улыбнулась я.

Мама посмотрела на меня, и в её глазах я увидела надежду. Хрупкую, как осенняя паутинка на ветру.

Я не знала тогда, что надежда — худшее, что можно привезти с собой в дом Вандербильтов.

На протяжении двух с половиной месяцев мы часто приезжали в особняк, примерно пару раз каждую неделю. За это время Джон Вандербильт стал для меня просто Джоном, а я для него — просто Софи. Мы пили кофе, гуляли по его саду, он показывал мне свой дом, своих лошадей и дарил очень много подарков. Очень много *дорогих* подарков. Это были огромные букеты роз — по триста-пятьсот штук в каждом, целые корзины пионов и — моё любимое — неподъёмные коробки с орхидеями. Ещё дарил много брендовой одежды, сумок, обуви и даже украшения.

Я никогда не получала столько восхищённого мужского внимания. При этом Джон никогда не позволял себе лишнего. Даже когда мама оставляла нас наедине, он целовал только мои руки и иногда бережно клал ладонь на поясницу. Всегда вежлив, обходителен — и со мной, и с мамой. Держал двери, подавал руку, помогал надеть пальто.

Настоящий джентльмен из прошлого века. Идеальный. Слишком идеальный. Но я тогда ещё не знала, что у идеала всегда есть обратная сторона.

Я была очарована Джоном Вандербильтом. Воспитание, манеры, ум и обаяние — всё сложилось в этом мужчине. И помимо всего прочего, он был неприлично богат и влиятелен.

Как же мне могло так повезти?

Когда я поняла, что бесповоротно влюблена, то сообщила

маме, что с радостью выйду за Джона, если он сделает мне предложение.

И в один из наших визитов, когда кофе был допит, а светские разговоры исчерпаны, мама попросила разрешения поговорить с мистером Вандербильтом наедине. Он кивнул и пригласил её в кабинет.

Я осталась у камина, разглядывая огонь, и пыталась не подслушивать.

Но стены были тонкими, а тишина — обманчивой.

— Ваша дочь прекрасна, миссис Беннет, — услышала я голос Джона. — По правде говоря, я совершенно ею очарован. Но вы должны понимать, что для человека моего положения важны не только внешние данные.

— Я понимаю, — мамин голос был тихим, почти умоляющим. — Поэтому я должна сказать вам правду.

Пауза. Такая долгая, что я успела сосчитать удары собственного сердца.

— София — это не её настоящее имя.

— Я догадывался, — спокойно ответил он. — Продолжайте.

— Её зовут Каталея Динарди. Я — Моника Динарди. А Алехандро Динарди — мой отец и её дед.

Тишина. Такая плотная, что я услышала, как ветер шевелит листья за окном.

— Вы привели в мой дом внуку человека, которого я считаю своим врагом? — голос Джона не повысился, но в

нём появились стальные нотки. Опасные и острые, как лезвие.

— Я привела в ваш дом девушку, которая бежит от него, — твёрдо ответила мама. — Мы отказались от своих имён, от своей семьи, от всего, что с ними связано. Мы хотим начать новую жизнь. И мы просим вас о защите.

— Зачем мне это?

— Потому что вы ненавидите Синдикат. Потому что вы знаете, что Алехандро Динарди — чудовище. И потому что вы — человек чести. — Голос мамы дрогнул, но не сломался. — Каталея не виновата в том, что родилась в этой семье. Она не в ответе за дела своего деда. Она — жертва. Как и многие другие.

Повисло долгое молчание.

— Вы просите меня жениться на девушке, чья семья десятилетиями пыталась меня уничтожить? — он усмехнулся, но в этой усмешке не было злости. Только удивление. И, кажется, уважение. — Вы смелы, Моника. Или безумны, что, впрочем, подобает вашей крови.

— И то, и другое, — ответила она. — Но я также отчаянна. Моя дочь — это всё, что у меня есть. И я готова на всё, чтобы защитить её.

Ещё одна пауза.

Звук открывающейся дверцы, стук стекла о дерево, звон льда о стекло. Звук откупоривания бутылки и бульканье жидкости.

Джон налил себе что-то покрепче кофе.

— Я слышал о буйном нраве наследницы Динарди, — сказал Джон задумчиво. — И, как бы мне ни нравилась ваша дочь, для серьёзного человека такая жена нежелательна. Мне не нужны дополнительные проблемы. Моя жена должна быть покладистой и послушной.

Мама не ответила сразу. Я представила, как она стоит перед ним и ищет нужные слова. Бледная, с горящими глазами, крепко сжав руки в замок.

— Катаlea на самом деле очень спокойная и покладистая, — наконец солгала она. — То, что вы слышали, лишь слухи. И то был просто переходный возраст. Знаете, как это бывает у подростков с бушующими гормонами. А так, Катаlea очень нежный и хрупкий цветочек.

Снова тишина.

Тяжёлый вздох.

— Позовите её к нам, — сказал Джон. — Невежливо обсуждать её судьбу без её участия.

Я услышала шаги. Мама вышла из кабинета, взяла меня за руку и привела к Джону. Её пальцы сжали мою ладонь так, что кости хрустнули.

— Скажи ему, Катаlea, — прошептала она, глядя мне в глаза.

Я посмотрела на Джона. На его тёплые карие глаза, в которых не было ни капли жестокости. На его светлые шелковистые волосы. На его ухоженные руки и дорогие часы на

запастье.

— Значит, Каталя, — он впервые назвал меня по-настоящему имени, и оно в его устах звучало непривычно, но не чуждо. — Очень красивое имя.

— Спасибо.

— Мне не понравилось, что вы меня обманули

— Но тогда ваша охрана никогда не разрешила бы нам встретиться с вами, — перебила его мама.

Джон сжал челюсти. Стакан с алкоголем в его руке жалобно заскрипел, и я испугалась, что он треснет. Но Джон ничего не сказал.

— К тому же, — продолжила мама, — Каталя помнит наизусть схемы запланированных поставок Синдиката. Это же поможет вам перехватить товар и избежать проблем?

Мама сжала мои пальцы так, что косточки, кажется, треснули.

— Всё именно так, — сказала я, чувствуя, как слова царапают горло.

— И мы обещаем, что с Каталеей не будет проблем. Правда, *mi vida*? — спросила мама, и в её голосе звучала мольба.

— Конечно, — я выдавила улыбку. — Обещаю.

Джон посмотрел на меня долгим взглядом. Повращал стакан в руке, наблюдая, как жидкость лижет стенки бокала. Сделал глоток. Потом перевёл глаза на маму.

— Замечательно, — сказал он. — В таком случае мы подпишем договор. Не поймите меня неправильно, я бизнесмен.

Всё должно быть отражено на бумаге.

— Брачный договор? — спросила мама.

Джон странно улыбнулся.

— И брачный тоже. Я передам всю информацию своим юристам, и они начнут подготавливать документы.

Я выдохнула. Мама тоже. Мы сделали это.

— А пока, — он подошёл к столу и взял ключи из ящика, — я выделю вам свою квартиру в Гринвиче. Это недалеко отсюда, часа полтора езды. Там круглосуточная охрана. Вы будете в безопасности.

— Спасибо, — прошептала мама.

— Ну что вы, мама, — он усмехнулся. — Мы же скоро станем семьёй.

Он перевёл взгляд на меня.

— Катаlea, — Джон выдвинул другой ящик стола и достал оттуда бирюзовую коробочку. — Подойди ближе, цветочек.

Я вырвалась из маминой хватки и подошла к нему.

Джон открыл коробку, и из неё на меня смотрело кольцо с бриллиантом размером с крупную клубнику. Камень переливался в золотистом свете, что проникал в кабинет сквозь арочные окна. И по стенам, будто осколки волшебного сна, трепетали крошечные радуги. От этой красоты у меня перехватило дыхание.

— Ты выйдешь за меня замуж, Катаlea?

Я закусила губу, обернулась, чтобы посмотреть на маму.

В её глазах стояли слёзы — счастья, облегчения, отчаяния — всего сразу. И снова повернулась к Джону.

— С одним условием.

Джон поднял бровь и склонил голову набок, как хищное животное, озадаченное нехарактерным поведением добычи. Его глаза блеснули незнакомым блеском.

— Слушаю, — сказал он через зубы, но всё же улыбнулся.

— Я бы хотела, чтобы впредь никто не называл меня Катариней. Хочу, чтобы моё имя теперь было Кая.

Джон коротко кивнул.

— И да, — добавила я, глядя ему прямо в глаза, — я буду рада выйти за тебя, Джон.

И это не было ложью.

Тогда — не было.

Шесть месяцев спустя.

Полгода промелькнули как один долгий, сладкий сон.

Я летала. Буквально. На белых и пушистых крыльях, ко-

торых у меня никогда не было, но которые вдруг, абсолютно нереалистично, выросли за плечами. Джон осыпал меня подарками, как рождественскую ёлку. Бриллиантовые серьги, норковая шуба, новая машина — зелёный Mercedes, который стоял у подъезда нашей гринвичской квартиры и сверкал на солнце так, что слепил глаза. Я ничего не просила. Он просто дарил. И я принимала, чувствуя себя Золушкой, которая наконец-то попала на бал.

— Ты счастлива, *mi vida*? — спрашивала мама, глядя на меня с той надеждой, которая когда-то была хрупкой паутинкой, а теперь превратилась в крепкий канат.

— Счастлива, — отвечала я, и это была правда.

Джон познакомил меня со своими друзьями и партнёрами. Банкиры, политики, владельцы заводов и газет — все они были солидными, влиятельными мужчинами в идеальных костюмах, и их жёнами — такими же идеальными, как дорогие куклы на витрине. Они улыбались мне, пожимали руку, целовали в щёку.

— Какая прелестная, — говорили они. — Джон, ты везунчик.

— Это Кая Беннет, — представлял меня он, и никто не задавал лишних вопросов.

Кто такая Кая Беннет, откуда она взялась, почему мистер Вандербильт женится именно на ней — никого не волновало. Слова Джона не подлежали критике.

— Как вам повезло, дорогая, — шептала мне одна из жён,

похлопывая по руке. — Такой мужчина, такая партия. Вы — счастливица.

— Знаю, — улыбалась я, и в моей улыбке не было фальши.

Я и правда была счастливицей. Джон был идеальным: вежливым, заботливым, внимательным. Он никогда не повышал голос, не опаздывал, не забывал о наших встречах. Каждое утро в квартире появлялся букет свежих цветов — орхидеи, розы, пионы, гортензии. Каждую неделю — новое платье, новая пара туфель, новая сумочка. Он знал мои размеры лучше, чем я сама.

Мама светилась от гордости. Она перестала работать, Джон оплачивал все наши расходы, и впервые за долгое время она не выглядела уставшей. Спала по ночам, нормально питалась и улыбалась. По-настоящему, а не той дежурной улыбкой, которую я привыкла видеть.

— Он тебя любит, — сказала она однажды, когда мы сидели на веранде его поместья и пили чай. — По-настоящему. Я вижу.

— Я знаю, — ответила я, и в этот момент Джон вышел из дома, подошёл ко мне, поцеловал в макушку и спросил, не холодно ли мне.

Мне не было холодно. Мне было тепло. Впервые в жизни по-настоящему тепло.

Я любила его. Или думала, что любила. Тогда я ещё не знала разницы.

— Я хочу, чтобы наша свадьба была камерной, — сказал

он за месяц до торжества. — Только самые близкие. Никакой прессы. Никаких фотографов. Я не хочу, чтобы твоё лицо попало в газеты.

— Почему? — спросила я, хотя догадывалась.

— Чтобы тебя никто не узнал, — он взял мою руку, поцеловал пальцы. — Ради твоей безопасности, цветочек. Ради нашего будущего. Ради нашей семьи.

Нашей семьи.

Я кивнула, чувствуя, как в груди разливается благодарность. Он заботился обо мне. Всегда. Во всём. Даже когда я не просила.

И у меня наконец-то будет настоящая семья. Такая, как я всегда мечтала.

— Ты уверена, что хочешь этого? — спросила мама, когда я примеряла платье. — Выйти за него? Я имею в виду я почти заставила тебя это сделать

— Нет, мам. Джон — лучший человек из всех, что я встречала, — ответила я, глядя на своё отражение в зеркале. — После тебя, конечно. — сказала с улыбкой, замечая мамины дрожащие губы в отражении. — Так что уверена. Я никогда и ни в чём не была так уверена.

Из зеркала на меня смотрела девушка с искрящимися малахитовыми глазами в белоснежном пышном платье — настоящем облаке из кружева, шёлка и тысячи крошечных жемчужин, расшитых вручную. Лиф с открытыми плечами, корсет, который утягивал талию до неприличных размеров,

и юбка, которая струилась по полу, как водопад. Длинная, прозрачная, с кружевной каймой фата закрывала лицо, делая меня похожей на куклу. Живую куклу, которую выставили на витрину.

— Ты прекрасна, — прошептала мама, вытирая слёзы. — Как ангел.

Я и была ангелом. Белым, невинным, чистым. Никто не знал, что под этим платьем скрываются руки, приносившие смерть. Никто не знал, что под фатой — не Кая Беннет, а Каталея Динарди, наследница самой страшной преступной империи двух континентов. Никто ничего не знал. И я хотела, чтобы так и оставалось.

Свадьбу сыграли в мае, через полтора месяца после моего совершеннолетия, в небольшой старинной церкви, увитой плющом. Внутри пахло ладаном и воском, торжественно, но негромко играл орган. Гостей было человек двадцать. Девяносто девять процентов из них — со стороны Джона: партнёры, друзья и их жёны. С моей стороны — только мама, которая сидела в первом ряду и плакала.

Я шла к алтарю под руку с чужим мужчиной — старым другом Джона, который вызвался меня проводить. Я не знала отца. Я отказалась от деда. Кроме мамы у меня никого не было.

И Джона. Теперь ещё и Джона.

В безупречном чёрном костюме он ждал меня у алтаря с цветком орхидеи в петлице. Светлые волосы зачесаны назад,

карие глаза блестят. Будущий муж смотрел на меня так, будто я была единственным, что имело значение в этом мире.

— Ты прекрасна, — прошептал он, когда я встала рядом.

— Спасибо, — ответила я, и мои губы дрогнули в улыбке.

Священник говорил что-то о любви, о верности, о том, что брак — это священный союз. Я не слушала. Я смотрела на Джона, на его идеальный профиль, на его руки, которые держали мои. На кольцо с бриллиантом, которое сверкало на моём пальце.

— Согласна ли ты, Кая, взять в мужья Джона...

— Согласна, — сказала я, не дожидаясь конца фразы.

Гости засмеялись. Джон улыбнулся.

— Тогда объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Поцелуй был коротким, но властным.

Потом был банкет в его поместье. Длинный стол, белая скатерть, хрусталь, серебро. Шампанское лилось рекой. Гости говорили тосты, желали счастья, здоровья, детей. Мама сидела рядом, сжимала мою руку и улыбалась.

— Я так за тебя рада, *mi vida*, — прошептала она. — Так рада.

Я улыбалась в ответ. Всё было хорошо. Всё было замечательно.

Идиллия.

Сказка.

Хэппи-энд.

Но сказки заканчиваются. Всегда.

Банкет был в разгаре, когда Джон отозвал меня в сторону. Мы вышли в пустой коридор, подальше от гостей, от музыки и от смеха. Я думала, он хочет сказать что-то романтическое, может быть, пригласить на танец, может быть, сделать сюрприз.

Вместо этого он развернул меня к себе и со всего маху влепил мне пощёчину.

Сильную. Жестокую. Такую, что голова мотнулась в сторону, а щека загорелась огнём.

Я замерла. Мир замер вместе со мной. Где-то в зале играла музыка, кто-то смеялся, звенели бокалы, а я стояла, уставившись в пол, в пустом коридоре, в своём белоснежном платье, прерывисто дышала, держала рукой пульсирующую щёку и не понимала, что произошло.

Что?

Что я сделала? Что случилось?

— Что... — начала я, но Джон перебил.

— Ты что, не видела, как он на тебя смотрел? — его голос был низким, шипящим, полным такой злобы, какой я никогда в нём не слышала. — Ты позволила ему до себя дотронуться? Позволила?

— Джон, я не понимаю...

— Молчи! — он схватил меня за подбородок, сжал так, что кости хрустнули. — Ты моя жена. Моя. Ты поняла? Не смей заигрывать с моими друзьями!

— Но я не... — он закрыл мне рот рукой, не дав договорить, и поцокал, как непослушному ребёнку.

Я смотрела на него, чувствуя, как щека горит, как внутри всё сжимается в тугий комок страха и непонимания. Я не знала этого человека. Этот человек не был Джоном, который дарил мне цветы и целовал руки. Это был кто-то другой. Кто-то, кого я никогда не видела.

Я была в таком ступоре, что даже не могла заплакать.

Как вдруг что-то в груди зашевелилось.

Мои звери подняли головы и зарычали.

Оцепенение разбилось внутри, просочился гнев и породил горячую, слепую, животную ярость.

Да как он смеет?

Я замахнулась на него кулаком, который все ещё помнил, как ломать челюсти, сворачивать носы и отправлять людей в нокаут. Но Джон перехватил меня свободной рукой, пока другая сжимала мой рот. Его хватка была железной и уверенной.

Он сильнее. Чёрт, он намного сильнее.

Джон снова поцокал и покачал головой.

— В договоре, — прошипел он, усиливая захват на моей руке и сжимая лицо, — ты дала мне обещание быть хорошей женой. Ты помнишь?

Я заскрежетала зубами. Звери внутри рвались наружу, требовали крови, требовали сопротивления. Моё тело кричало: ударь его, укуси, пни, сделай хоть что-то!

Но я кивнула. Настолько, насколько позволяла его хватка.

— Так будь ею, — в его глазах сейчас не было той теплоты. В них горела опасная злоба. — Или я отправлю тебя с мамашей обратно, откуда вы вылезли.

Он может. Он действительно может.

И в этот момент я была уверена, что он обязательно так и сделает.

Внутри меня разверзлась пропасть. Два голоса спорили на равных. Один рычал: убей его, зарежь, разорви глотку, ты — Каталея Динарди, тебе не позволено подчиняться. Второй шептал холодно и рассудительно: он сильнее. У него власть. У него деньги. Если ты ударишь сейчас, он сделает больно маме. Он отправит вас обратно в Колумбию. К Феликсу. К деду. К смерти и насилию.

И я дала обещание маме, больше никогда не слушать своих демонов.

Мама она не заслужила она столько всего вытерпела ради меня

Я сжала кулак так, что ногти впились в ладонь до крови. Боль помогала, притупляла ярость, возвращала контроль.

Успокойся. Успокой их.

Ты справишься.

Я сделала глубокий вдох через нос, чувствуя, как его пальцы давят на щёки и сжимают челюсть. Потом ещё один. Звери неохотно затихали. Рычали, скреблись, но отступали вглубь, в темноту, откуда пришли.

Я не могла дать отпор. Не тогда, когда подписала договор о подчинении и послушании. Не в свадебном платье, окружённая его гостями, его людьми, его миром.

Подчинись. Выживи. Потом разберёшься.

— Прости, — выдавила я сквозь его пальцы. Голос прозвучал глухо и сдавленно, но он должен был разобрать.

Джон ослабил хватку, но руку не убрал.

— Прости, — повторила я уже чётче. — Я не хотела. Просто не заметила. Я не буду больше позволять им касаться меня. Обещаю.

Джон смотрел на меня несколько секунд, сканировал лицо, искал ложь. Потом кивнул, отпустил меня и отряхнул руки, будто запачкался. Поправил галстук, одёрнул пиджак и снова стал идеальным. Спокойным. Уверенным. Таким, каким я его знала.

Я уверяла себя, что он просто очень сильно меня любит. Что просто всё неправильно понял. Что мой муж очень чувствительный, а значит мне следует быть не такой приветли-

вой с его друзьями. Не позволять им касаться меня — и всё. Всё будет хорошо.

Я почти поверила в это. Мне нужно было поверить.

В тот момент я ещё не поняла, что заключила сделку с дьяволом и оказалась в клетке из роз.

— Иди, цветочек, — сказал Джон, не глядя на меня. — Твои гости ждут.

Я пошла. Ноги не слушались, платье путалось под подолом, фата съехала набок. Я вошла в зал, улыбнулась гостям, села на своё место.

— Всё в порядке, дорогая? — спросила одна из жён.

— Всё замечательно, — ответила я. — Я просто счастлива.

Мама посмотрела на меня, и в её глазах мелькнула тень. Тень вопроса, тень страха, тень того, до чего она уже догадывалась, но не хотела признавать. Я открыла рот, что бы сказать ей, но она меня перебила:

— Не зли мужа, дочка. Усмири свой характер и посмотри как тебе повезло. Джон дает тебе всё, о чём мечтает любая женщина.

Я проглотила не высказанную обиду и закопала своих зверей ношей ответственности, которую я теперь несла и за себя, и за свою мать.

— Всё хорошо, мам, — сказала я, беря её за руку. — Правда.

Она кивнула, но не улыбнулась.

Это был первый удар.

Удар, после которого мир треснул, но не развалился.

Пока.

Глава 35

**Сделай то, чего ты больше всего боишься,
и обрешь свободу.**

— Роберт Тью

Сейчас.

Дом Дарелла.

Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы залить спальню золотистым светом, но я всё ещё чувствовала сладкую, тягучую тяжесть во всём теле, похожую на похмелье, только без головной боли и с приятными воспоминаниями.

Определённо, лучшее похмелье в моей жизни.

Дарелл спал на животе, раскинув руки и ноги, как морская звезда, которая наконец-то дорвалась до тёплого песка. Его лицо было расслабленным, почти беззащитным: без обычной маски опасности, без прищуренных глаз, без насмешливой улыбки.

Кто бы мог подумать, что человек, который держит пленников в подвале и убивает без свидетелей, спит как безобидное дитя?

Я смотрела на него несколько минут, запоминая каждую линию, каждую тень, каждую родинку на его широкой спине.

А потом осторожно, стараясь не скрипеть половицами, встала с кровати.

Стянула с себя пахнущую им футболку и надела своё платье, которое уже высохло. От пятен на нём не осталось и следа, так же, как и на испачканном кровью полотенце. Это лучшая реклама стиральной машинки, что мне довелось видеть. Продано.

Я нашла кроссовки, спёрла в гардеробной Дарелла лёгкую чёрную куртку, пахнущую тем же океаном, что и всё в этом доме. Обулась уже в коридоре, чтобы не разбудить.

В гостиной на столике лежал листок бумаги. Я взяла его и прочитала:

«Кофе в термосе на кухне. Круассаны в духовке.

Можешь взять мою машину, ключи в подставке у двери.

Не убегай далеко.

— Д.»

Я усмехнулась, свернула записку и сунула в карман куртки. Взяла кофе, засунула круассан в рот, прихватила ключи и вышла.

Когда я оказалась на улице, то наконец увидела дом Дарелла снаружи — не фрагментами через окна, не мельком в сумерках, а полностью, при свете утра.

И замерла.

Это было нечто невероятное. Современная архитектура,

которая не спорила с лесом, а растворялась в нём. Стёкла и зеркала — целые панорамные плоскости, отражающие сосны, берёзы, небо, облака. Дом словно прятался, маскировался, сливался с окружающим пейзажем. В каком-то ракурсе его почти не было видно, только блики солнца на стеклянных стенах и смутные очертания крыши среди ветвей.

Хай-тек, эклектика и безумие архитектора гармонично смешались в этом великолепии. Чёткие линии, острые углы, бетон и стекло, но при этом дерево и камень, вписанные в ландшафт так органично, будто дом вырос здесь сам. Зеркальные поверхности отражали лес, делая строение почти невидимым. Идеальное жилище для человека, который не хочет, чтобы его нашли. Для человека, который умеет исчезать и внезапно появляться из тени.

Как он сам, так и его секреты.

Я бросила последний взгляд на спальню сквозь стекло огромного окна, которое отражало деревья, и едва могла разглядеть его фигуру на кровати. Дарелл всё ещё спал. Или притворялся. С ним никогда нельзя было быть уверенной.

Я села в его чёрный внедорожник с тонированными стеклами, пахнувший кожей и тем же океанским ароматом, завела мотор и выехала за ворота.

В зеркале заднего вида, Дарелл стоял на пороге дома и смотрел мне вслед. Он казался маленькой чёрной точкой.

Но я знала, что он не исчезнет.

Дарелл всегда будет рядом.

Вопрос только — зачем.

Сейчас.

Парковка у шоссе в штате Нью-Йорк.

Я остановилась на пустынной парковке, где не было ни камер, ни свидетелей. Только молчаливый, настороженный лес, и бетонные плиты, оставшиеся от недостроенного торгового центра. Остовы стен, затянутые граффити, торчащая из земли арматура, битое стекло. Место, где время застыло и превратилось в руины.

Я вышла из машины, опёрлась на капот и подпевала песне **Give Me - KiNG MALA**, играющей в эйрподсах.

Everything I want

Don't care what it cost

I've been good for so long.

Сунула руки в карманы его куртки. Нашла там пачку сигарет и зажигалку. Закурила — несмотря на то, что обычно никогда этого не делаю. Дым обжёг горло, заставил глаза

слезиться, но мне было плевать. Боль была знакомой. Боль была понятной. В отличие от чувств, которые разрывали меня на части.

Сигарета дрожала в пальцах, но не от холода, а от таких чувств, которые сейчас было невозможно отличить друг от друга.

Я уже орала в голос, срывая связки, выкрикивая слова туда, где никто меня не слышал:

Something I can feel

Something fucking real

I've been waiting for so long.

Всё, что я узнала от пленника в подвале, прокручивалось в голове, складываясь в чёткую картину. Склад, куда привозили живой «товар» для Синдиката и от Синдиката. Место, где, по словам Пабло, держали заложников.

Я сделала глубокую затяжку и выдохнула дым в серое небо. Погода изменилась. Солнце, ещё такое щедрое утром, теперь бессильно билось о серебряные тучи, не в силах пробить их тяжёлые животы. Небо наливалось свинцом, воздух стал плотным и липким. Пахло грозой, что вторила той, которая назревала у меня в груди уже несколько недель. Сама природа готовилась к буре. Или просто отражала то, что творилось у меня внутри.

План был прост. Слишком прост для того, чтобы сработать, но других вариантов у меня не было.

Я помнила расписание смен — Паблито оказался на удив-

ление болтлив, когда речь заходила о спасении собственной шкуры. По четвергам на складе оставалось всего два охранника. Остальные сопровождали грузы до заказчиков или до границ. Два охранника — это не армия. Два охранника — это проблема, которую можно решить.

Я ни словом не обмолвилась с Дареллом, что, кажется, вычислила, где держат Сильвана. Во-первых, была уверена, что сама справлюсь с поставленной задачей. Вряд ли его будет интересовать, *как именно* нашла Сильвана, когда верну его обратно.

Главное, что *я его верну*.

Во-вторых, как бы я ему объяснила, где раздобыла адрес склада?

«Случайно нашла, пока ты спал»?

«О, и кстати, дорогой, тот труп в подвале — моя работа, и он был очень разговорчив»?

В-третьих, я не могла до конца довериться ему. Каждый раз, когда я верила очередному мужчине, жизнь показывала мне, почему этого делать не стоило. Феликс с дедом были первыми. Потом Джон и ему подобные. Каждый оставлял шрам — если не на теле, то на сердце. И я поклялась себе, что больше никогда не позволю мужчине решать мою судьбу.

Я потушила сигарету о подошву кроссовка, села в только что подъехавшее такси, которое заранее вызвала сюда, и отправила Дареллу короткое сообщение с адресом, где оставила его машину. Хотя, он наверняка уже и так это вычислил

по GPS.

Назвала таксисту адрес, где оставила свою машину перед встречей с девочками в баре. Он кивнул и нажал на газ.

Я откинулась на сиденье, закрыла глаза и попыталась успокоить зверей, которые проснулись и требовали крови.

Скоро. Совсем скоро.

Сейчас.

Фермерский дом.

Хлопнув дверью Maserati, я шлёпала кроссовками по влажной земле у калитки старого фермерского дома, который Винтер нашёл для меня несколько дней назад. При свете дня, наконец, смогла оценить моё жилище, стоявшее на отшибе, окружённое полями и лесом, и плотнее закутавшись в куртку с ароматом океана, направилась к крыльцу.

Место было глухим, забытым Богом и людьми. Дорога сюда петляла через лес так долго, что я успела дважды потерять сигнал и один раз надежду, что вообще куда-то доеду.

Ближайший городок — если можно назвать городком пять домов и магазин с бензоколонкой — находился в двадцати минутах езды. Зато вокруг простирались поля, поросшие бурьяном и дикими травами, а за ними вставала тёмная, плотная и почти непроходимая стена леса. Осень уже раскрасила листву в жёлто-красные тона, но под серым небом эти краски казались не праздничными, а скорее болезненными, как синяки на старой коже.

Сам дом выглядел именно так, как и должен выглядеть заброшенный фермерский дом: облупившаяся краска на ставнях, покосившееся крыльцо, замшелая черепица на крыше. Он был старым, но крепким, такие строили ещё в прошлом веке для фермеров, которые верили, что земля прокормит их детей. Стены из грубого, кое-где потрескавшегося камня, маленькие окна, с мутными стёклами, в которых отражалось хмурое небо. Дом врос в землю, как старый гриб, и казался частью этого пейзажа — такой же серый, замшелый и безнадёжный. Но при этом он всё ещё стоял крепко, не жаловался на сквозняки и не грозился рухнуть мне на голову при первом же порыве ветра.

Ключ всё ещё был под половиком — я не успела придумать более надёжное место.

Воздух внутри оказался коктейлем из сырости, пыли и запустения. Каменный пол, низкие потолки с балками и маленькие окна, выходящие на бескрайние поля. Минимум мебели, только самое необходимое: кровать, стол, пара стульев,

старый платяной шкаф, который скрипел, когда я открывала его. Никаких лишних вещей, никакого декора. Отличное место для того, чтобы затаиться. Но не для того, чтобы чувствовать себя как дома. Идеальное место, чтобы спрятаться от своего прошлого. Или подготовиться к встрече с ним.

Чемодан валялся раскрытым посреди комнаты, я так и не разобрала его после переезда. Времени не было, да и желания тоже. Сверху лежала чёрная тактическая куртка, купленная в армейском магазине, под ней — несколько футболок, джинсы, бельё. На дне чемодана покоился пиджак Дарелла, из-за которого вся моя одежда теперь отдавала ноткой его аромата. Я разделась и добавила к своей коллекции ещё и куртку Дарелла сверху чемодана. Теперь все мои шмотки были заключены в своеобразный сэндвич из его вещей: пиджак снизу, куртка сверху, а между ними — моя жизнь, пропитанная чужим запахом.

Я переоделась в чёрные леггинсы, плотную футболку, надела тактическую куртку с множеством карманов. В них сушила запасные обоймы, фонарик, аптечку и пару гранат, которые никогда не использовала, но брала для уверенности. Всё сидело идеально, не стесняя движений.

Волосы завязала в тугий пучок на затылке, чтобы не мешали, чтобы никто не мог схватить за них в драке. Пучок был таким тугим, что кожа на лбу натянулась, глаза слегка сузились, и теперь я смотрела на мир как хищник перед прыжком.

В боковом кармане чемодана поблёскивали холодной сталью мои верные спутники.

Я достала их по очереди, раскладывая на кровати, как хирург перед сложной операцией.

Кинжалы.

Один с тонким лезвием — для быстрых, точных ударов. Второй — потяжелее, с зубцами на обухе, для тех случаев, когда нужно не просто убить, а вложить в удар всю накопившуюся злость. Я провела пальцем по лезвию, проверяя остроту. Почти сразу тонкой, едва заметной полоской выступила кровь. Больно, но приятно. Лезвие острое. Я — тоже.

Нож.

Разного размера, разного назначения. Один я сунула в голенище берца, другой — в поясную кобуру на спине. Третий спрятала в сапоге. Никогда не знаешь, где пригодится. И когда рука не дотянется до основного арсенала.

Дерринджер.

Маленький, изящный, с перламутровой рукояткой. Подарок Феликса, который когда-то был проклятием, а теперь стал талисманом. Месяц назад я выкрала его обратно из поместья Вандербильтов — после того как несколько лет назад Джон отобрал его у меня и спрятал. Взвесила на ладони, чувствуя знакомую тяжесть. Он не спасёт меня в перестрелке, но может выиграть секунду. А секунда иногда дороже жизни.

Я положила его во внутренний карман куртки — поближе к сердцу.

И взяла две пушки покрупнее.

Glock 19 — надёжный, проверенный, не подводил ни разу. И SIG Sauer P320 — новый, купленный у знакомого оружейника через Винтера. Компактный, точный, с хорошей ёмкостью для патронов.

Я проверила магазины, добавила патроны в патронники, передёрнула затворы. Сухой металлический лязг разнёсся по пустой комнате, как выстрел в тишине.

Одна пушка — в кобуру под мышку. Вторая — в наплечную кобуру на спину, под куртку.

Подошла к шкафу, на дверце которого висело зеркало.

Из отражения на меня смотрела не Кая Беннет, не Кая Смит и даже не Каталея Динарди. Это был кто-то другой. Настоящий, опасный и готовый.

Солдат. Воин. Та, кого боятся даже мои собственные звери.

Взяла с кровати последний кинжал с зубцами и сунула его в ножны на бедре.

Всё.

Я выпрямилась, посмотрела на своё отражение в мутном оконном стекле. Чужое выражение лица, чужой блеск глаз. Но звери — свои. Они уже рычали, точили когти и требовали крови. И я собиралась её дать.

— Пора, — сказала я себе.

Я вышла из дома, села в машину, завела мотор, включила свой плейлист и под трек **Highway to Hell - AC/DC** поехала

на склад в Пенсильвании.

Кто-то едет в церковь. Кто-то — на работу. А я еду по дороге в ад.

И мне там самое место.

Глава 36

**Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он строго заключен;
Все безмолвный, все печальный,
Как безумец умер он.
— Александр Пушкин**

Сейчас.

Склад Синдиката.

Склад находился в промзоне, где когда-то кипела жизнь, а теперь остались только ржавые ангары, битое стекло и запах чужого страха. Я припарковалась за полкилометра, дальше пошла пешком, прячась за контейнерами и грудami металлолома.

Подошла к зданию с тыльной стороны, где, по словам Пабло, была старая вентиляционная шахта. Решётка поддавалась после третьего удара локтем, и я пролезла внутрь, царапая плечи и колени.

Здесь пахло сыростью, ржавчиной и чем-то горьковатым — химией или наркотиками. Я решила не думать об этом слишком долго.

Склад был огромным лабиринтом из комнат, коридоров и

ангаров, где хранилось всё, что только можно представить. Я нашла оружие. Нашла взрывчатку, аккуратно упакованную в ящики с маркировкой «Стройматериалы». Нашла запрещённые вещества — тонны порошка, расфасованного в прозрачные пакеты. Нашла даже клетки с животными: редкими птицами и обезьянами, которых, наверное, переправляли в частные зоопарки богатых коллекционеров.

В одном помещении, похожем на спальню, я обнаружила девушек. Некоторые из них были прикованы к кроватям наручниками. Мои звери внутри завывали, требуя их освободить, но у меня не было плана, как вывести столько людей и остаться незамеченной.

В следующий раз. Я вернусь за ними в следующий раз.

Я обыскала уже добрую половину склада, заглянула в каждый угол, даже проверила то, что должно было быть кабинетом Феликса.

Но Сильвана нигде не было.

— Где же ты? — прошептала я, чувствуя, как внутри нарастает отчаяние.

Но тут за спиной раздались шаги.

Я застыла. Сердце пропустило удар, потом забилося с такой силой, что я думала, сломает мне рёбра. Звери внутри зашипели, предупреждая об опасности. Я оглядела коридор, в котором оказалась. Впереди тупик, а сзади приближались тяжёлые, неторопливые шаги. Путь к отступлению нет.

Развернулась лицом к неминуемому столкновению, взяла

пистолет в одну руку, нож — в другую, спрятала их за спиной и замерла в ожидании.

Из-за угла появился здоровенный охранник с лицом, которое даже мать не смогла бы полюбить — грубым, асимметричным, с мясистым носом и глубокими шрамами, пересекавшими щеку. Он был вооружён автоматом, но держал его небрежно, почти лениво. Видимо, не ожидал гостей.

— Заблудилась, красавица? — сказал он по-испански.

Кажется, он принял меня за одну из пленниц. Отлично. Пусть думает так и дальше.

Шум выстрела привлечёт ненужное внимание второго охранника, и я решила разделаться с ним по-тихому.

Я стояла, улыбалась и невинно хлопала глазками, дожидаясь, когда он поравняется со мной, и резко выбросила руку вперёд. Нож вошёл в бок между рёбер почти бесшумно. Дитина захрипел, выронил оружие, повалился на колени. Я добила его одним ударом в шею.

Кровь брызнула на мою куртку, на лицо, на стены. Я нагнулась, чтобы вытереть лезвие о его рубашку, и в этот момент из-за угла вывернул второй охранник.

Он оказался умнее и, не мешкая, встретил меня выстрелом. Пуля просвистела в сантиметре от уха, врезавшись в стену за моей спиной. Я выставила руку с пистолетом и ответила: сначала выбила оружие из его пальцев, потом пуля в грудь, последняя — в голову.

Что ж, *это было громко.*

Но раз уж я прикончила последнего охранника, то наплевать.

Я спрятала оружие, перешагнула через трупы и продолжила поиски.

Завернула в помещение, всё заставленное ящиками с патронами — штабелями, до самого потолка, так что между ними оставались только узкие проходы. Металлические ящики поблёскивали в тусклом свете, пахло порохом и маслом.

Выстрел просвистел в миллиметре от моего плеча и разнёс деревянный ящик рядом со мной. Я, не оборачиваясь, быстро нырнула за другой ящик, вытащила пистолет и высунулась на секунду, чтобы оценить обстановку.

Ещё один охранник?

Чёртов Паблито обманул меня?

Огромных размеров колумбиец стоял у дальней стены, прикрываясь бетонной колонной. Стрелял метко, но медленно, видимо, не привык к живым целям. Его автомат строчил короткими очередями, но он явно целился не на поражение, а на то, чтобы загнать меня в ловушку.

— ¡Sal, perra! — Выходи, сука! — крикнул он.

Я перекатилась к другому ящику, потом к третьему, сокращая расстояние. Когда до него оставалось метров пять, выскочила из укрытия, выстрелила два раза — в плечо и в ногу. Он упал, закричал, потянулся за автоматом, но я уже была рядом, готовая добить.

Но тут из-за соседнего контейнера выскочил ещё один — здоровенный, с бычьей шеей и тупым, злым лицом. Он с размаху ударил меня по руке, выбивая пистолет. Тот со звоном покатился по бетонному полу, исчезая в темноте.

— Я поймал тебя, дрянь! — прорычал он.

Со скоростью быстрее бега гепарда я вытащила нож из-за спины и ударила его, но он схватил мою руку, сжал запястье так, что кости хрустнули. Другой рукой он вынул нож из своего тела и уронил на пол со звуком моего проигрыша. Он замахнулся — я уклонилась, ударила его головой в переносицу, но он даже не покачнулся.

Чёрт, какой же он огромный.

Он навалился на меня, прижимая к стене, его ручища сжала моё горло. Я задыхалась, перед глазами поплыли тёмные пятна, но в голове билась одна мысль: не сейчас, не здесь.

Я подтянула ногу наверх и вытащила второй нож из голенища берца, проткнула руку, что держала меня за горло, и приземлилась на пол, откашливаясь, пока этот мудака вынимал мой нож из своей руки. Не теряя времени, я ударила его коленом в пах, он охнул, сокрушаясь о своём достоинстве, и я откатилась в сторону, нашаривая кинжалы в ножнах на бёдрах. Достала их и встала в стойку, сжимая в каждой руке по лезвию.

Колумбиец, в которого я стреляла, прихрамывая, поднялся. В его плече торчала пуля, нога волочилась, но он всё ещё держал автомат.

Теперь они шли на меня вдвоём, один за другим, точно выстраиваясь в очередь на смерть.

Я не позволила себе сомневаться и бросилась вперёд, уходя вниз, под удар здоровяка. Кинжал вонзился ему в бедро, второй — в живот. Он заревел, как раненый бык, схватил меня за куртку, но я вывернулась, оставив ему в руке только ткань. Ударила его локтем в лицо, разбивая нос в кровь, и добила кинжалом в основание черепа.

Он рухнул как подкошенный.

Раненый уже навёл на меня дрожащий автомат, но я метнулась к нему быстрее, чем он успел нажать на курок. Выбила оружие, повалила на пол и наступила ему на горло, прижимая остриё ножа к его щеке.

— ¿Dónde está Silván? — Где Сильван? — спросила я по-испански, давя на горло.

— No sé de quién hablas — Не знаю, о ком ты, — прохрипел он.

Я наступила на раненое плечо и надавила сильнее. Он дико заорал, и его крик эхом разнёсся по складу.

Ах, улада для моих ушей.

Звери внутри замурлыкали в ответ.

— Спрашиваю в последний раз. Где Сильван Ричардсон?

Он посмотрел на меня. В его глазах промелькнуло что-то странное. Он дёрнул челюстью, хрустнул зубами, и его лицо начало меняться. Глаза закатились, изо рта пошла пена, тело забилося в конвульсиях.

Я отшатнулась, но слишком поздно поняла, что произошло. Через несколько секунд он замер — мёртвый, с открытым ртом и остекленевшими глазами.

Капсула с ядом.

Чёрт. Он предпочёл смерть моим вопросам.

Я стояла над двумя телами, тяжело дыша, чувствуя, как кровь стекает по пальцам. Где-то в груди пульсировала глухая, тянущая боль. Та боль, которая остаётся после каждого убийства, даже когда оно оправдано. Звери внутри довольно облизывались, но где-то глубоко, в самом тёмном уголке души, шевелилось что-то похожее на усталость.

Я вытерла лезвия о свою футболку, убрала один кинжал в ножны на левой ноге и...

Равномерные, громкие, с отдающимся эхом от стен аплодисменты сбили моё тяжелое дыхание.

— Каталея, детка, дедушка бы гордился тобой.

Я окаменела.

Голос был знакомым до боли, до тошноты, до ледяного ужаса, который сковал позвоночник. Такой же низкий, бархатный и опасный, как тогда, в асьенде, у стены.

Я с трудом сглотнула, чувствуя, как в горле пересохло, а язык прилип к нёбу.

Его не должно было быть здесь. Только не сейчас. Я не могла повернуться. Не могла заставить себя посмотреть на него.

— Дядя Феликс, — сказала я, и мой голос прозвучал ров-

но. Не знаю, как мне это удалось. Наверное, звери взяли управление на себя.

Я слышала его шаги. Один. Второй. Третий. Тёплый воздух шевельнул волосы на затылке, а по спине поползли неприятные мурашки от шеи до самого копчика, заставляя мышцы сжаться в ожидании удара. Я почувствовала его дыхание на коже.

— Я тебе не дядя, Марипоса, — прошептал он мне в ухо. Его голос был таким же, как тогда. Интимным. Почти любовным. Мой желудок сжался, а по коже пробежала волна липкого, холодного пота.

Рука с кинжалом показалась тяжёлой. Я сжала его крепче, и ногти впились в ладонь. Не дышала. Боялась, что если сделаю вдох, он коснётся меня.

— Алехандро был бы в восторге, — продолжил он, обходя меня сбоку, чтобы видеть лицо. — Ты так похожа на него в этом состоянии. Вся в крови, с горящими глазами, с кинжалом в руке. Настоящая Динарди.

Я посмотрела на него. На его чёрные лоснящиеся волосы, зачёсанные назад. На его чёрные глаза, в которых плескалось что-то тёмное и голодное, как у акулы перед атакой. На его улыбку, от которой у меня всегда бежали мурашки. Феликс выглядел безупречно. Но было бы лучше, если бы наша внешность отражала наши души. Тогда он был бы гниющей развалиной.

Сейчас, в свои тридцать пять, он выглядел таким же кра-

сивым, каким я его запомнила. Только теперь в его чертах читались свирепость, изворотливость, способная воткнуть тебе нож в спину, и открытая угроза.

Или это всегда было написано на его лице, а я только теперь научилась это распознавать?

Я бросилась на него, но в ту же секунду Феликс щёлкнул пальцами, и меня схватили четыре сильные руки. Меня повалили на колени, кинжал выпал из пальцев, звякнув о бетон, и чей-то кулак вмазал мне по лицу.

Челюсть взорвалась болью, в глазах потемнело, во рту растёкся вкус железа. Я сплюнула на пол тёмно-красную, густую кровь и подняла глаза на ухмыляющегося Феликса.

— Ай-яй-яй, — покачал он головой с притворным сожалением. — Разве так встречают любимую наследницу? — Он перевёл взгляд на того, кто меня ударил. В его голосе появились стальные нотки, от которых у охранника вытянулось лицо.

— Но я но вы...

— Но-но-но, — Феликс шагнул к нему, сокращая расстояние. Его движения были плавными, почти танцующими, как у хищника, который не спешит убивать, потому что наслаждается страхом жертвы. — Дай-ка мне свой пистолет. — Он протянул ладонь.

Тот замешкался, переглянулся со своими товарищами. Потом пожал плечами, вытащил из-за пояса пистолет и протянул Феликсу.

Устрашающая улыбка изогнула губы Феликса, когда он сжал рукоять в руке и повернулся ко мне. В звёле курок, и металлический щелчок прозвучал как приговор.

Я не сводила с него взгляда. Пусть увидит, что в моих глазах нет страха. Есть только презрение. И обещание мести.

— Если ещё хоть кто-нибудь, — начал Феликс, и голос его был тихим, почти ласковым, — дотронется до неё... — громыхнул выстрел. Он, не глядя, всадил пулю в лоб тому, кто меня ударил. Тело рухнуло на бетон с глухим стуком, кровь растеклась по полу лужицей, и запах пороха смешался с запахом смерти. — Его постигнет такая же участь. — Он опустил пистолет и оглядел своих людей. Никто не проронил ни звука. Даже дыхания затаили.

— Видишь, детка? — Феликс снова посмотрел на меня, и в его глазах загорелся тот самый голодный огонь. — Я защищаю тебя. Даже когда ты отказалась от меня. Отказалась от своей семьи. И от своего наследия.

— Ты не моя семья, — я сжала руки в кулаки, ногти впились в ладони, и это помогло удержать ярость. — Ты превратил уважаемый клан в преступную организацию. Торгуешь людьми и различной дрянью. Ты чудовище.

— Мы все чудовища, Марипоса, — он шагнул ближе, присел на корточки и рукоятью пистолета поднял моё лицо за подбородок. Холодный металл вдавился в кожу. — Просто некоторые из нас это признают.

Феликс поднял свободную руку, и я замерла, ожидая уда-

ра. Но он только коснулся моего лица — кончиками пальцев провёл по щеке, стирая чужую кровь. Его прикосновение было таким же, как тогда: собственническим, почти нежным, и меня тошнило от этого.

— Ты так выросла, — прошептал он. — Так похорошела. И этот шрам добавляет тебе изящества. — он прочертил указательным пальцем мой правый глаз. — Такая свирепая красавица. Джон, должно быть, был счастлив.

Я отшатнулась насколько позволяли руки, державшие меня.

— Что?

Его глаза блеснули тёмным, маслянистым блеском.

— Ты думала, я не знал? — он усмехнулся, и в этой усмешке было столько превосходства, что захотелось плюнуть ему в лицо. — Неужели ты думаешь, мы не знали, где твоя мать прячет тебя? Мы следили за тобой. Но решили позволить тебе немного погулять перед нашей свадьбой. А потом Моника показала рекордную глупость, — он сплюнул на пол. С опасной плавностью встал и заходил взад-вперед, словно змея, запертая в тесный террариум.

— Я бы никогда не вёл себя так с тобой, — остановился, снова присел около меня и заглянул в глаза. — Я бы любил и лелеял тебя, как нежный цветочек. Я собирался прикончить Джона голыми руками. — зло выплюнул он, и его глаза блеснули гневом. Но через секунду уже расплылся в блаженной улыбке. — Но ты и тут преуспела. Умница. Алехандро бы

гордился тобой, увидев, кем ты стала. Какой кровожадной и жестокой. Всё-таки зов крови не обманешь.

— Джон погиб в автомобильной аварии.

— Детка, мы с тобой оба знаем, что его убила не случайная авария.

Я замолчала, потому что Феликс прав. Я устроила ту аварию, а перед этим сильно ранила Джона.

— Я ждал. Ждал, когда тебе надоест этот выродок. Когда ты ответишь ему так, как умеют отвечать только Динарди. Ждал, когда ты сама придёшь ко мне.

— Ты не имеешь права произносить эту фамилию, — сказала я, и в моём голосе прозвучала сталь. Холодная, острая, готовая резать.

— О, имею, — он наклонил голову, и его глаза впились в мои. — Я носил её дольше, чем ты. И любил сильнее.

— Плевать. Тебя никогда не будут уважать, как Динарди.

Он встал, сунул пистолет за пояс и жестом, полным надменности и самолюбования, стряхнул с себя невидимые пылинки.

— Я действительно потерял тебя после аварии. — ему удавалось потрясающе игнорировать мои выпады. — Я был уверен, что ты погибла. Но ты оказалась умнее своей матери. Фальсифицировала свою смерть, не использовала счёт в банке, чьи транзакции мы могли отследить. Оставила пистолет, что я тебе подарил, в поместье Вандербильтов. Когда ты поняла, что я установил в нём маячок?

Что?

Маячок?

Мышцы дрожали, зубы стучали, а в голове пульсировала одна мысль:

Он всегда был рядом.

Я думала, что пряталась от него. Но всё это время он прятался рядом со мной.

— Я восхищён твоим умом и изобретательностью. Но пора вернуться к семье. Трон ждёт.

— Ты изворотил Синдикат! Я не хочу быть главой преступной организации! Так что забирай эту конторку себе и оставь меня в покое!

Феликс махнул рукой, и меня рывком подняли на ноги, но руки держали крепко.

— Видишь ли, детка, — он усмехнулся, — кое в чём ты права. Мне никогда не добиться такого уважения как Динарди. Когда захватываешь власть, потом всю жизнь приходится бороться, чтобы её удержать. — пауза. — И совсем другое дело, если бы я стал править законно.

Я рассмеялась с привкусом крови на губах.

— Для того чтобы править законно, ты должен был родиться Динарди. Других вариантов нет.

— Неужели? — он прищурился, и его улыбка стала шире. — А что, если бы я женился на свирепой, прекрасной и единственной наследнице Колумбийского Синдиката?

Я сжала челюсти так, что зубы заскрипели.

— Ты знала, что это было последнее желание твоего деда?

— Я тебе не верю.

Он не ответил и лишь хищно улыбнулся.

Только теперь я огляделась вокруг. На тех, кто держал меня мёртвой хваткой. На тех, кто стоял у стен и ящиков, держа меня на прицеле. Их было человек тридцать — не меньше.

— Ты так боишься меня, что решил натравить целый легион? — я усмехнулась, стараясь не показывать, как сильно колотится сердце. — Я польщена.

Феликс низко, довольно рассмеялся.

— О, я скучал по тебе. Рад, что ты наконец пришла, — он поправил и без того идеально уложенные пряди. — И теперь мы можем поговорить. По-настоящему. Как семья.

— Мы не семья, — повторила я, но в голосе уже не было прежней стали. Только усталость.

— Будем, — сказал он, и в его голосе прозвучала такая уверенность, что у меня внутри всё оборвалось. — Ты станешь моей женой, Марипоса. Так или иначе.

— Ты бредишь.

— Ты просто ещё не привыкла к этой мысли, — он снова шагнул ко мне, и мне некуда было отступать. — Но привыкнешь. У нас будет время. Только представь, я освобожу тебя ото всех обязанностей главы Синдиката. Тебе больше не нужно будет прятаться. Я исполню любой твой каприз. И буду любить тебя. Я всегда любил тебя, Катаlea.

Мне было смешно. Феликс всегда любил во мне только то,

что я внучка своего деда. Он любил власть, которую получит вместе со мной. Как когда-то Джон клялся мне в своей любви, искажая это понятие донельзя.

Никто из них никогда не любил меня по-настоящему.

Я поняла это мгновенно, холодным, расчётливым умом убийцы: мне не уйти. Во всяком случае, живой. Сейчас — нет. Но, может быть, позже.

Надо сделать вид, что согласна на его условия.

Я была бы не я, если бы не солгала. И не поторговалась.

— Хорошо, — сказала я, поднимая глаза.

Он замер. На его лице на долю секунды мелькнуло удивление, прежде чем маска вернулась на место.

— Хорошо?

— Но у меня есть условие.

— Конечно, у тебя есть, — он усмехнулся, но в его глазах загорелась настороженность.

— Отпусти Сильвана, и я выйду за тебя.

Брови Феликса взлетели вверх на мгновение, но я уловила его неподдельное удивление. Он быстро взял себя в руки. Прочистил горло.

— Приёмыша Ричардсонов здесь нет, — сказал он ровно.

Я, блять, догадалась.

— Мне не интересно, где его нет. Я хочу знать, где он есть.

— Детка, я отпущу его сразу же, как только сыграем свадьбу.

— И почему я должна тебе верить? — я смотрела ему пря-

мо в глаза, не моргая. — Мне нужны гарантии. Отпусти его сейчас, и я выйду за тебя.

Феликс покачал головой, и в его глазах мелькнуло что-то опасное. Терпение заканчивалось.

— Мне тоже нужны гарантии, что ты не сбежишь при первой удачной возможности. Ты должна доказать свою верность мне и Синдикату, — сказал он медленно, чеканя каждое слово. — Приведи ко мне Натаниэля Ричардсона.

Я громко прыснула со смеху. Искренне и почти истерично.

— Я, конечно, крутая, — вытерла плечом выступившие от смеха слёзы, — но воскрешать из мёртвых ещё не научилась. Может, у тебя есть секретная лаборатория, о которой я не знаю?

— О, уверяю тебя, Марипоса, — он подошёл ближе, его глаза горели торжеством, — Натаниэль жив и здоров. Приведи его ко мне, и я отпущу приёмыша Ричардсона. Это будет мой свадебный подарок тебе.

Я замерла.

Жив? Но как?

— Ты лжёшь, — сказала я, но в голосе уже не было уверенности.

— Ничуть, — он начал расхаживать передо мной, как лектор перед аудиторией. — Натаниэль ненавидел своих родителей. Ты знала? Он презирал их. Презирал то, что они взяли приёмного сына на воспитание. Он презирал Сильвана.

Только по счастливой случайности Сильвана не было на той яхте, он сильно заболел, остался дома. — Феликс усмехнулся. — А Натаниэль сам вывел яхту из строя. Сел на спасательную шлюпку и уплыл, оставляя своих родителей погибать.

Повисла гулкая, тяжёлая тишина, как свинцовое одеяло.

— Ты лжёшь, — повторила я, но голос дрогнул.

— У тебя будет возможность убедиться, — Феликс остановился напротив меня, глядя сверху вниз. — Приведи его. Живым или мёртвым — мне неважно. Докажи, что ты достойна быть моей женой. Докажи, что кровь Динарди не высохла в твоих жилах.

Я молчала. Внутри всё кипело — ярость, страх, неверие, надежда — всё перемешалось в один тугой, болезненный комок.

Натаниэль жив. И Феликс готов обменять его жизнь на жизнь Сильвана.

Алькасар развернулся и пошёл к выходу, не оглядываясь.

— Проводите сеньориту Динарди до её машины.

Меня вывели со склада на подкашивающихся ногах. Солнце слепило глаза, воздух казался слишком чистым после той вони, что осталась внутри. Меня подвели к машине, открыли дверь и с силой затолкнули на водительское сиденье. Я хотела возразить, что меня не нужно пристёгивать, но один из охранников уже защёлкнул ремень, даже не глядя мне в лицо. На пассажирское сиденье положили несколько

папок, перевязанных резинкой. Я не стала спрашивать, что это.

— Трогай, — сказал один из них по-английски с сильным акцентом и захлопнул дверь.

Мотор завёлся с пол-оборота. Я выжала газ и поехала прочь, не оглядываясь.

Я не знала, что в этих папках. Не знала, где искать Ната-ниэля. Не знала, жив ли Сильван на самом деле.

Но одно я знала точно: я не сдамся. Даже если для этого придётся продать душу.

Всё, что я узнала сегодня, переворачивало мою жизнь с ног на голову. Но я не была бы Каталеей Динарди, если бы не умела подниматься даже после самых сильных ударов.

Я ехала вперёд, в неизвестность, чувствуя, как звери внутри затихают, готовясь к новой охоте.

Глава 37

Мыслящая женщина спит с чудовищами.

— Адриенна Рич

Тогда.

Остров Сент-Бартс.

Свадебное путешествие было похоже на мечту. На солнечную, сладкую мечту с прозрачной водой и белым песком, из которой не хочется возвращаться в реальность. Джон арендовал виллу на Сент-Бартс с бесконечным бассейном, видом на океан и прислужгой, которая появлялась незаметно и исчезала так же бесшумно.

— Ты довольна? — спросил он в первый вечер, когда мы сидели на террасе и пили вино.

— Да, — ответила я, и это была правда.

Джон снова стал идеальным. Внимательным, заботливым, нежным. Не повышал голос, не смотрел на других женщин, не забывал о моих предпочтениях. Море, солнце, его руки на моей талии складывались в картинку, которую я не решалась проверить на прочность.

Мой муж больше не поднимал на меня руку. И мне начало казаться, что та пощёчина мне приснилась, что её никогда

не было.

«Будь хорошей женой», — звучало в голове и это было несложно, ведь Джон не требовал от меня ничего, по крайней мере, вслух. Не говорил: «Ты должна». Не ставил условий. Он просто любил, дарил подарки, улыбался. И я попала в эту ловушку, сама того не сознавая, как бабочка, которая летит на свет, не подозревая, что это пламя, а не солнце.

Месяц на Сент-Бартс пролетел как один день.

Потом мы вернулись в поместье.

Первые недели были спокойными. Но, с высоты моей тогдашней неопытности, я не замечала тихие, но настойчивые тревожные звоночки. Я перестала красить губы яркой помадой, потому что «она забирает всё внимание на себя и мне так не идёт». Перестала рисовать стрелки, потому что «моим миндалевидным глазам такой макияж не подходит». А потом: «Зачем ты вообще красишься? Ты и так красивая».

А я слушала его и улыбалась, но в груди ощущала непонятную тяжесть. Это комплимент? Или контроль? Я не стала разбираться. Он ведь старше, мудрее и опытнее. Он «любит меня и хочет как лучше».

Вскоре наша жизнь превратилась в рутину: Джон много работал, а я пыталась найти себе занятие. Ходила в спортзал, записалась на курсы французского, иногда обедала с жёнами его партнёров. У меня появились подруги — Лорен, Мишель, Анна. Смешливые, лёгкие, они не задавали вопросов о моём прошлом. Им было достаточно, что я «Кая, жена

Джона».

— Тебе так с ним повезло, — говорили они. — Он тебя обожает.

— Знаю, — улыбалась я.

Я и правда знала. Джон осыпал меня подарками, устраивал сюрпризы, возил в рестораны. Каждое утро в спальне пахло свежими цветами, каждую неделю я получала новую дорогую безделушку.

Мой муж не был безупречным, но был близок к этому.

Но спустя месяц после медового месяца над нашими отношениями навис красный флаг. Он ещё не развеялся, но уже трепетал где-то на периферии моего сознания, готовый в любую секунду расправить свои алые крылья.

Я вернулась домой позже обычного: задержалась на французском, потом зашла в магазин. Джон сидел в гостиной, листая телефон.

— Где ты была? — спросил он, не поднимая головы.

— На курсах. Потом в магазине.

Он отложил телефон, посмотрел на меня. В его глазах блеснула подозрительность, но она быстро замаскировалась лёгким беспокойством.

— Ты могла написать. Я волновался.

— Извини, — сказала я, и это было искренне. — Аккумулятор сел.

Он кивнул, улыбнулся, поцеловал меня в лоб. Всё было хорошо.

Но через неделю история повторилась. Я задержалась в спортзале, разговорила с Лорен, мы выпили кофе. Вернулась домой на час позже.

— Опять? — спросил Джон. В его голосе появились стальные нотки.

— Прости, мы просто болтали...

— Дай телефон, — сказал он.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, с кем ты болтала.

Я отдала. Он пролистал сообщения, проверяя входящие, исходящие, даже время звонков. Потом вернул, улыбнулся.

— Всё в порядке, дорогая. Просто забочусь о тебе.

Я кивнула. Забота это же хорошо?

Это нормально, когда муж ревнует. Это доказательство его чувств.

В дальнейшем я уже привыкла к его вечным неодобрительным комментариям. Платье, которое я надела на ужин с его партнёрами, оказалось «слишком коротким». Я переоделась в длинное. Спортивный костюм, в котором ходила в спортзал, оказался «слишком облегающим». Я купила новый.

— Ты слишком много улыбаешься официантам, — сказал он однажды.

— Я вежлива.

— Будь вежлива со мной, — он улыбнулся, но улыбка была натянутой.

Я перестала улыбаться официантам.

Всё это было мелочами. Каплями, которые точили камень. Я не замечала, как меняюсь. Как сжимаюсь. Как перестаю быть собой.

«Он просто заботится. Он ревнует. Он любит».

Я повторяла это каждый день, словно молитву.

Тогда.

Поместье Вандербильтов.

И вот прошло полгода с нашей свадьбы. Мы ужинали дома. Джон был в хорошем настроении: сделка закрылась, деньги поступили, партнёры довольны. Он пил вино, шутил и смеялся. Я смеялась вместе с ним.

Потом зазвонил мой телефон. Это была Лорен.

— Алло? — я взяла трубку.

— Кая, привет! Ты забыла у меня свои наушники. Я завтра привезу?

— Ой, правда, спасибо...

Я не договорила. Джон выхватил телефон у меня из рук и бросил на пол.

Экран разбился вдребезги.

Я смотрела на осколки, не понимая.

— Что...

— Ты с ней постоянно болтаешь, — его голос был низким, шипящим. — Думаешь, я не замечаю?

— Джон, она просто...

— Заткнись! — он ударил кулаком по столу. Бокалы подпрыгнули, вино разлилось по белой скатерти. Джон в два шага подлетел ко мне, сильно схватил за руку и рывком притянул к себе. Мои пальцы онемели от боли. — Ты моя жена. Ты должна посвящать всё время мне. Мне надоели твои многочасовые разговоры с твоей матерью и с этой... с этой...

— Лорен моя подруга, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Подруга? — он зло рассмеялся. — У тебя нет подруг. Есть только я. Теперь я твоя семья и твой лучший друг.

Я застыла.

Свободной рукой он взял меня за подбородок, заставил смотреть в глаза.

— Ты поняла меня, цветочек?

— Поняла, — прошептала я.

Он поцеловал меня в лоб, как тогда. Почти ласково.

— Умница, — сказал он, отпуская мою руку, на которой остались белые следы от его пальцев. — Я люблю тебя. Ты

же знаешь, это всё для твоего же блага.

Я кивнула.

Джон очень много для меня делал. Даже полностью обеспечивал мою маму. Я должна была быть благодарна. Он ведь не просил ничего криминального. Муж имеет право требовать внимание жены.

Я смотрела на своё пульсирующее запястье, на разбитый телефон, на осколки, на растерянную улыбку, застывшую в отражении тёмного экрана, и думала что это нормально. Что все так живут.

«Он просто заботится. Он ревнует. Он любит».

Я не знала тогда, что настоящая любовь не требует уничтожения.

Но я узнаю это позже.

Когда будет слишком поздно.

Тогда.

В золотой клетке.

Прошёл ещё месяц. Или два. Я перестала считать дни. Они слились в один бесконечный, серый, липкий ком, который душил меня каждое утро, когда я открывала глаза.

Я больше не была собой.

Я стала тенью. Отражением. Кем-то, кто постоянно оглядывается, кто боится собственного дыхания. Каждое моё решение — даже самое маленькое — я прокручивала в голове по десять раз.

Что надеть? Не слишком ли это платье открытое? Не слишком ли яркая помада? А может, лучше вообще не краситься? Джону не нравится, когда я крашусь. Он говорит, что я и так красивая. Но если я не крашусь, он спрашивает, не больна ли я. И тогда я снова крашусь. И снова слышу: «Зачем тебе это?»

Я запуталась.

Я боялась улыбнуться постороннему человеку. Боялась слишком долго задержать взгляд на ком-то из гостей. Боялась ответить не так — не так тепло, не так холодно, не так, как он ожидает. Я боялась, что кто-то изего друзей спросит моё мнение. Потому что если я отвечу, он потом будет молчать всю дорогу домой. А если не отвечу, то покажется, что у меня нет своего голоса. Но у меня его и не было. Уже давно.

Джон забрал его. По кусочкам. По слову. По взгляду.

Я сжалась и стала маленькой. Спряталась в себе, как улитка, которую задели за рога. И теперь я не знала, как вылезти обратно.

Это случилось в среду. Я уже не помню, из-за чего начался спор. Кажется, я сказала что-то не то при его партнёрах. Или не так посмотрела. Или слишком громко засмеялась. Уже и не важно. Я вообще перестала доверять своей памяти; Джон постоянно убеждал меня, что я всё выдумываю, что я слишком чувствительная, что мне всё кажется.

В тот вечер, когда мы остались одни, он подошёл ко мне и схватил за плечо.

— Ты сегодня опозорила меня, — сказал он спокойно. Слишком спокойно.

— Я не хотела, я...

Его ладонь врезалась в мою щёку с такой силой, что я отлетела к стене.

В голове зазвенело. В глазах потемнело. Я сползла по стене на пол, чувствуя, как во рту растекается металлический вкус крови.

— Встань, — сказал он.

Я не двигалась.

— Я сказал, встань.

Кое-как мне удалось подняться. Ноги дрожали, руки тряслись, но я заставила себя посмотреть на него. В его глазах горел огонь, которого я не видела раньше. Это были не только гнев и ярость, а еще что-то другое. Что-то, от чего мне стало сто крат страшнее.

Он замахнулся кулаком и ударил меня снова. Я врезалась в комод, и с него попадали фарфоровые тарелки, разбившись

в дребезги. Звери в моей груди зашевелились и зашипели.

От следующего удара я попыталась закрыться, попыталась ударить в ответ, но Джон схватил меня за волосы, оттянул голову назад, заставил смотреть в потолок.

— Не смей, — прошипел он. — Поняла?

Слёзы застилали глаза, голова гудела, челюсть пульсировала болью. Его нависшее надо мной лицо — когда-то казавшееся мне красивым и добрым — расплывалось, но я успела увидеть довольный блеск в его расширенных зрачках. И с ужасом осознала, что он наслаждается этим.

Ему нравилось, когда я давала отпор.

Звери внутри завывали и заметались, не зная, что делать дальше.

— Да, — прошептала я. — Поняла.

Джон отпустил меня, и я упала на колени. Слёзы текли по лицу, смешиваясь с кровью, капая на белый ковёр, который мы выбирали вместе. Я думала, что это наш дом. *Наш.* Оказалось, что только его. Всё его.

А я здесь даже не украшение. За украшением ухаживают и берегут. А меня медленно и методично разрушали и уничтожали. Как личность, как девушку, как человека.

Джон вышел из комнаты, не оглядываясь. Я слышала, как он налил себе виски в гостиную. Как включил телевизор. Как смеялся над какой-то комедией.

А я сидела на полу в ванной, прижимая к лицу мокрое полотенце, и смотрела на своё отражение в зеркале. Разби-

тая губа. Синяк на скуле. Глаза, в которых больше не было ничего, кроме страха.

Понимание моей беспомощности сдавило грудь — мне с ним не справиться. Он сильнее. Он знает меня лучше, чем я сама. Он контролирует каждый мой шаг, каждое слово, каждую мысль.

Мне нужно было уйти от Джона Вандербильта. Но я не знала как.

Я дождалась, когда мой муж уснёт. Это было около двух ночи. Он выпил почти целую бутылку виски и отключился в гостинной, прямо на диване. Я слышала его тяжёлое, прерывистое дыхание.

Надела джинсы, тёмную толстовку, кеды. Взяла ключи от своей машины и вышла через чёрный ход. Села в машину, завела мотор и поехала без точного места назначения. Я просто хотела ехать. Мне было необходимо подумать подальше от своей золотой клетки.

Я остановилась где-то на окраине города у круглосуточного магазина. Руки дрожали, дышать было нечем. Я смотрела на себя в зеркало заднего вида и не узнавала девушку в отражении.

Так продолжаться не может.

Джон ошибался. Я не одна. У меня есть мама.

Я знала, что он прослушивает мой телефон. Проверяет мои сообщения, мои звонки, мою историю браузера. У него был доступ ко всему — к моим соцсетям, к моей почте, к

моим фотографиям. Он знал всё. Даже то, о чём я не говорила вслух.

Я не могла позвонить маме с мобильного.

Он бы узнал. Он бы отследил. Он бы приехал.

Зашла в магазин, купила бутылку воды и попросила у кассира мелочь для телефона-автомата.

— Там, на углу, — сказал он, кивая в сторону выхода. — Старый, но работает.

Вышла на улицу. Облезлая телефонная будка стояла у дороги. Я набрала мамин номер, который знала наизусть.

— Алло? — голос мамы звучал сонно, встревоженно.

— Мам, — сказала я, и голос мой сорвался. — Мам, это я.

— Каталея? *Mi vida*, что случилось? Который час?

Я не могла говорить. Слезы душили меня, слова застредали в горле. Я стояла в телефонной будке, прижимая трубку к уху, и рыдала. Рыдала так, как не плакала с детства. С тех пор, как мы бежали из асьенды.

— Каталея, — мамин голос стал твёрже. — Расскажи мне, что случилось.

— Джон ударил меня, мам, — выдохнула я. — Очень сильно. И не в первый раз. Но сегодня... сегодня я поняла, что больше не могу.

— Этого не может быть. Джон не такой, он всегда так мил и добр

— По-твоему, я выдумываю? — взорвалась я.

На том конце провода воцарилась такая тишина, что я по-

думала, связь оборвалась.

— Я приеду, — сказала мама. — Где ты?

— Не знаю. Я просто уехала. Боюсь, он найдёт меня. Он всё контролирует, мам. Он взломал мой телефон, мою почту, всё. Я не могу ему доверять. Я никому не могу доверять.

— Ты можешь доверять мне, — сказала она. — Всегда. Я приеду, *mi vida*. Заберу тебя. Только скажи, где ты.

Я рассказала по памяти, как примерно доехала сюда. Назвала магазин. Сказала, что буду ждать.

— Не уходи никуда, — сказала мама. — Я выезжаю.

Я повесила трубку, прислонилась лбом к холодному стеклу телефонной будки и закрыла глаза.

Я была опустошена и побита. В чужом городе и в чужой жизни.

Но мама ехала ко мне.

И это было единственное, что держало меня на плаву.

Но, к сожалению, это не был счастливый конец истории.

Мы же не в Дисней.

Глава 38

**Вчерашняя боль — источник силы.
— Пауло Коэльо**

Сейчас.

Трасса I-80, Пенсильвания.

Играющая из колонок авто песня **Hot Gum - SOFIA ISELLA** перебрасывала меня в то время, когда я потеряла себя. В то время, когда Джон несколько часов подряд избивал меня, а потом стоял на коленях и слёзно просил прощения. Когда я боялась его резких движений, а он клялся мне в вечной любви. Обещал убить меня, а потом самого себя, если я вдруг попытаюсь уйти от него.

Я оперлась локтями на руль, запуская пальцы в волосы, до боли натягивая их у корней. Машины со скоростью света проносились мимо меня по трассе, пока я стояла на обочине дороги на аварийке и пыталась не сойти с ума от водоворота событий в моей жизни. Красные и белые огни мелькали в темноте, оставляя за собой лишь ветер и гул мотора, который постепенно затихал вдали.

Ночь была тёмной и безлунной. Только редкие звёзды мерцали где-то высоко, равнодушные к моей маленькой ка-

тастрофе. Асфальт под колёсами ещё хранил дневное тепло, но воздух уже остыл, обещая скорый рассвет. Где-то вдалеке были сирены — чужая боль, чужая трагедия, не имеющая ко мне никакого отношения. Я смотрела на огни далёкого города, который остался за горизонтом, и чувствовала, как внутри всё сжимается в тугой, болезненный комок.

Скосила взгляд вправо и уставилась на маленький изящный пистолет, лежащий рядом с папкой на пассажирском сиденье. Перламутровая рукоятка, инкрустированная бриллиантами поблёскивала в тусклом свете магистральных фонарей. Подарок Феликса. Талисман, который теперь превратился в проклятие.

Маячок.

Он сказал это так обыденно, будто речь шла о погоде.

«Когда ты поняла, что я установил в нём маячок?»

А я не поняла.

Все эти годы он знал, где я?

Так вот как ему всегда удавалось так легко отыскать меня.

Я буквально везде и всюду таскала с собой этот пистолет.

«Я никогда тебя не терял».

Меня затошнило. Желудок сжался, к горлу подступила горечь. Я сглотнула, стараясь не думать о том, сколько раз он мог следить за мной. Сколько раз стоял где-то рядом, наблюдал, ждал.

Это было чистое везение, что Джон отобрал у меня пистолет и спрятал в одном из своих особняков. Я долгое время

не решалась вернуться в дом, хранивший мои слёзы и боль. Но получается, благодаря этому Феликс не знал, что я жива последние три года.

Получается, спасибо Джону?

Какая гротескная ситуация.

Никогда не думала, что буду благодарить бывшего мужа.

Я взяла пистолет в руки. Провела пальцем по дулу, которым когда-то восхищалась. Теперь оно казалось мне не оружием, а цепью. Цепью, которую я сама на себя надела.

— Что с тобой делать? — прошептала я.

Выбросить? Он поймёт, что я это нарочно, и решит, что я его боюсь. А я не хотела, чтобы он знал, что мне страшно. Не хотела давать ему эту власть.

Оставить? Будет следить за каждым моим шагом.

Я до боли закусила зубами указательный палец, судорожно перебирая идеи в голове. Правая нога выбивала ритм чётки по коврику, а глаза сканировали местность вокруг, но ничего не видели, потому что истинный взгляд был направлен внутрь меня. Я думала, думала, думала, что мне делать с этим маячком.

И, о бинго!

Придумала.

Я перестала тянуть себя за волосы и, пока ещё не ампутировала свой палец, вынула его изо рта и посмотрела в зеркало заднего вида, надеясь, что меня не настигла первая стадия облысения. В зеркале мелькнули мои уставшие, но жи-

вые глаза. В них ещё теплилась искра той, кто умела выживать. Кто умела бороться. Кто не сдавалась.

Я кивнула своему отражению, взяла телефон и набрала сообщение:

*«Встретимся завтра в кафе.
В 10 утра».*

Ответ пришёл через минуту:

«Хорошо».

Ни «почему», ни «зачем». Просто «хорошо».
Я вырулила на трассу и знала, куда ехать.
Знала, что делать.

*Сейчас.
Кофейня в Гринвич-Виллидж.*

Хлоя сидела в углу, прижимая к груди сумку, как щит. Её пальцы нервно теребили край бумажной салфетки, превращая её в клочья.

Перед встречей с ней я заехала в банковское хранилище, где хранился основной счёт Динарди, и положила пистолет в ячейку, надёжно замуравывая его в стальном сейфе под землёй. Теперь Феликс будет видеть, что сигнал маячка идёт из банка, и не заподозрит ничего странного — мало ли зачем я там? Деньги снять, документы проверить. Пусть думает, что я просто занимаюсь делами. Пока он будет следить за неподвижной точкой на карте, я успею сделать то, что нужно.

Лучшее место для маячка там, где твоё присутствие выглядит естественно. Пусть транслирует спокойствие и уверенность. Это притупит его бдительность. Позже, когда хоть немного разгребу дерьмо вокруг себя, я планировала попросить Винтера убрать маячок из дерринджера. Или дать того, кто сможет с этим справиться.

Я села напротив, не здороваясь.

— Я встретила с Феликсом, — сказала я без предисловий.

Хлоя замерла. Её лицо стало пепельно-серым.

— Что?

— Вчера. — Я смотрела на неё в упор. — Он ждал меня. Знал, что я приду.

Вероятно, отследил по пистолету-маячку, но опустим подробности.

— Боже, — прошептала она. — Он... он тебя не тронул?
Я облизала языком разбитую губу, даже не поморщившись.

— Будем считать это фирменным приветствием Динар-ди, — я откинулась на спинку стула. — Но он сделал мне предложение, — горько усмехнулась комичности ситуации. — Вообще-то даже два. И от одного из них я не могу отказаться.

Хлоя сглотнула. Её глаза расширились, в них плескался ужас.

— Какого?

— Найти Натаниэля Ричардсона и привести его в обмен на жизнь Сильвана.

Салфетка в руках Хлои разорвалась пополам. Она посмотрела на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— И что ты ответила?

— Сказала, что не умею воскрешать мёртвых.

Хлоя нервно рассмеялась; этот смех был похож на всхлип. Я наблюдала, как она неосознанно начинает наматывать рубиновый локон на палец. Как её улыбка не достигает глаз. Как она отводит взгляд от моего.

— Что тебе известно о Натаниэле? — спросила я с подозрением. — Ты с самого начала была уверена, что он жив, не так ли?

Хлоя опустила глаза. Её руки дрожали, когда она взяла чашку с кофе, но так и не сделала глотка.

Когда она ничего не ответила, я высказала свои предположения:

— Ты искала его сама, но неудачно, поэтому решила на-
травить меня на него, сказав, что это он виновен в исчезно-
вании Сильвана. Что ж, неплохая схема.

— Алькасар пообещал, что отстанет от Сильвана, если у
него будет Натаниэль, — выкрикнула Хлоя так громко, что
все соседние столики повернули головы в нашу сторону.

— То есть ты работаешь на Феликса?

— Я работаю на того, кто платит, — тихо сказала она,
но не пыталась оправдаться. В её голосе звучала лишь уста-
лость. — Но Сильван... он не должен пострадать. Я не поз-
волю.

— И что ты узнала?

Хлоя подняла глаза, вздёрнула подбородок и даже пере-
стала мучить свои прекрасные густые волосы. Если она не
избавится от этой дурацкой привычки, от их густоты не оста-
нется и следа.

— Натаниэль — настоящий наследник. То, что Сильван
— родной сын Магнуса, Феликс не знает. И так и должно
остаться. Чтобы легитимизировать свою власть, Феликсу ну-
жен именно Натаниэль. Джон уже ликвидирован, Магнус и
Элиана Ричардсон мертвы, и если Феликс женится на тебе,
Каталея, и найдёт Натаниэля... никто не посмеет ему пере-
читать. Алькасар станет законным главой Синдиката, и боль-
ше никто не сможет сдерживать его влияние в Штатах.

Мои пальцы медленно стучали по столу, пока новая информация раскладывалась в голове по нужным полочкам. Мои звери притаились, не мешая умственному процессу. Аналитика никогда не была их сильной стороной; они больше по ярости и мести.

— Почему ты сразу не рассказала мне всё как есть?

— Потому что я не знала, кому можно верить, — она снова взяла локон между пальцев, но теперь закусил его зубами. — Я до сих пор не знаю. Но Феликс сказал, что если я найду Натаниэля, то Сильван будет в безопасности. А если нет... — она не закончила.

Я больше не могла наблюдать, как она истязает свои волосы. Привстала из-за стола и вытащила прядь у неё изо рта, словно родитель, отнимающий у ребёнка погрызенный карандаш.

— Ты веришь ему?

— Нет. — Хлоя покачала головой, не обратив внимания на моё вмешательство в жизнь её волос. — Но у меня нет выбора.

Я откинулась на спинку стула. В голове крутились обрывки мыслей, но всё никак не складывались в картину, будто художник забыл нанести основополагающий мазок.

— Нам надо объединить силы, — сказала я наконец. — Ты поможешь мне найти Натаниэля.

Хлоя выдохнула, и её плечи опустились, словно она не дышала полной грудью уже несколько месяцев, а я только что

вытащила её из ледяной воды на поверхность.

Она кивнула.

— Как мы это сделаем? — спросила она, и в её голосе впервые за весь разговор появилась надежда.

— Я пока не знаю, — призналась я. — Но вместе у нас больше шансов, чем порознь. Ты знаешь то, чего не знаю я. А я умею то, чего не умеешь ты.

— И что ты умеешь?

— Выживать, — сказала я. — И побеждать.

Хлоя посмотрела на меня долгим взглядом. Потом кивнула.

— Хорошо. Но я ничего не обещаю.

— Я тоже.

Глава 39

Как же мы любим то, что нас убивает.
— Ирвин Уэлш

Сейчас.

Заброшенная парковка на окраине Нью-Йорка.

На пустынной парковке было так темно, что свет единственного фонаря не столько помогал что-либо увидеть, сколько создавал иллюзию безопасности. От ночного ветра на асфальте дрожало жёлтое пятно, за которым клубилась такая густая тьма, что хоть ножом режь. Фонарь освещал лишь небольшой клочок земли: асфальт, покрытый трещинами и маслянистыми разводами, забытый кем-то окурок, смятую банку из-под энергетика. А за этим хрупким кругом света простиралось безмолвие заброшенной промзоны: ржавые ангары, штабеля спрессованного картона, силуэты вышек, похожие на скелеты допотопных динозавров.

Но мне и не нужно было видеть. Я чувствовала его приближение каждой клеточкой тела. Это было что-то первобытное, зашитое глубоко в инстинкты. То самое чувство, которое заставляло зверей в моей груди поднимать головы и принюхиваться к ветру. Чувство, словно волны океана ли-

жут мою кожу, предупреждая о приближении шторма. Или о приближении него. Что, впрочем, одно и то же.

Чёрный внедорожник бесшумно вынырнул из темноты, как призрак, только фары на секунду разрезали тьму, выхватив из неё клочок асфальта и мои кроссовки. Резина мягко прошуршала по гравию на обочине, и машина замерла в метре от меня, глуша двигатель.

Я не стала ждать приглашения. Обогнула капот, открыла дверь и запрыгнула внутрь.

На водительское сиденье.

Вернее, на человека на водительском сиденье.

— Интересный способ приветствия, — ухмыльнулся Дарелл мне в губы, когда я налетела на него с поцелуем.

Его язык был горячим, со вкусом крепкого кофе. И чем-то ещё, неуловимым, его собственным, от чего у меня всегда кружилась голова. И я уже давно подсела на вкус этого коктейля.

Тело всё ещё ныло от наших ночных randevu. Где-то в глубине мышц тянуло, на бёдрах синели следы от его пальцев, на попе красовался след от его зубов, да и вылазка на склад не была похожа на расслабляющие спа-процедуры. Скорее на марафон с препятствиями и стрельбой по движущимся мишеням. Но мне до чёртиков хотелось снова ощутить его во мне. Прямо здесь. Прямо сейчас. На этом неудобном кожаном сиденье, под мерцание тусклого фонаря, рискующего перегореть в любой момент.

Я боялась себе признаться, но, кажется, Дарелл — это было лучшее, что произошло со мной за последние несколько лет. Или даже за всю жизнь? Об этом я старалась не думать слишком долго. Самокопание — удел слабаков, а я, как известно, боевая единица.

Сейчас я вообще не хотела думать.

Я хотела чувствовать.

Его обжигающие поцелуи на моей шее, оставляющие влажную дорожку от ключицы до мочки уха. Пальцы, впи- вающиеся в талию, сминающие ткань футболки, словно она единственное, что мешает ему добраться до моего тела. Зубы, царапающие сосок сквозь тонкое кружево бюстгальтера — достаточно больно, чтобы выбить из головы остатки мыслей, и достаточно нежно, чтобы внутри всё сжалось в тугую, ноющий узел. Руки, сжимающие задницу, притягивающие меня ближе, ещё ближе, до хруста в костях и мурашек по позвоночнику. Горячий язык, прочерчивающий шрам между грудями, который он целовал так, будто это было что-то священное.

И губы, крадущие мой стон, когда он резко и жадно вошёл в меня.

В машине было тесно. Руль врезался в спину, локоть упирался в дверцу, второй — в подголовник пассажирского сиденья. Мои колени царапали пластик торпеды, а голова то и дело стучалась о потолок, когда я прогибалась в особенно сильном толчке. Но это только добавляло остроты, как будто

мы крали эти мгновения у кого-то, кто хотел их у нас отнять.

Каждое движение отдавалось эхом в пустом салоне: влажный звук поцелуев, сбитое дыхание, приглушённый стон, сдавленный рык. Моё дыхание смешивалось с его дыханием, пот смешивался с потом, и я не знала, где заканчиваюсь я и начинается он. Мы стали одним существом. С двумя сердцами, которые бились в унисон. И двумя наборами секретов, которые, наверное, так и останутся нерассказанными.

Мы двигались в такт, быстро и исступлённо, словно за нами гнались. И, может быть, так оно и было. Время, судьба, Феликс, прошлое, которое никак не желало отпускать — неважно. В этом мгновении был только он. Только его руки на моих бёдрах, сжимающие их так сильно, что мои кости трещали. Только его грубые и голодные поцелуи без капли нежности, но от этого ещё более желанные. Только его хриплый шёпот, когда он рычал моё имя.

— Каталея...

Я зажмурилась, чувствуя, как внутри нарастает волна. Такая же тёмная и солёная, как океан, который я слышала где-то за пределами этой парковки. И когда волна накрыла меня с головой, я позволила себе утонуть. Вместе с ним. Со вкусом соли на губах. Со звоном в ушах. И с полным, абсолютным отсутствием страха.

Хотя бы на несколько секунд.

Переплетённые, как корни одного дерева — или как две змеи, которые сплелись в брачном танце и не могут понять,

кто из них кого съест первым, — мы так и остались на слишком тесном для двоих водительском сидении, пока восстанавливалось наше дыхание.

Я сидела сверху него, чувствуя, как его член медленно покидает моё тело, оставляя после себя пульсирующую пустоту. Рука Дарелла лениво гладила мою спину, выписывая на коже круги и загогулины, которые, наверное, что-то значили, но у меня не было сил расшифровывать. Моя голова покоилась у него на плече, щекой я чувствовала тепло его шеи и ровный, спокойный пульс под кожей. Наши сердца постепенно успокаивались, но даже в медленном темпе бились в унисон.

— Ты хотела поговорить, — сказал он, застёгивая ширинку. Его голос был низким, чуть хриплым.

— Я решила работать с Хлоей, — ответила я, перелезая на пассажирское сиденье и поправляя юбку и трусики. Кружево противно царапало разгорячённую кожу, но это была та цена, которую я готова была платить за красоту. — Вместе мы сможем найти Натаниэля быстрее.

Дарелл повернулся ко мне и выгнул чёрную бровь. Эту бровь хотелось поцеловать. Или укусить. А вообще-то и то, и другое. Но я сдержалась, разговор был серьёзным, и он заслуживал хотя бы видимость моего внимания.

— Натаниэля, который погиб около восьми лет назад? — медленно, почти по слогам произнес Дарелл.

Я рассказала ему всё, что узнала, но без подробностей.

Что мне удалось выяснить, что Сильвана похитил некто Феликс Алькасар. Как и предполагал сам Дарелл, судя по тому, что было указано в той папке, которую они с Изабель мне вручили. Я умолчала о встрече с Феликсом, о том, как его люди держали меня на коленях, как он касался моего лица, как предлагал стать его женой. Некоторые раны не нужно беречь при свидетелях. Некоторые раны не нужно беречь вообще. Но я пояснила, какое условие Алькасар поставил Хлое: Натаниэль в обмен на свободу Сильвана. И что Хлоя — единственная, у кого, возможно, есть зацепки. Рассказала, что по словам Феликса старший наследник Ричардсонов очень даже жив.

В глазах Дарелла горел холодный, тяжёлый огонь. Челюсти сжались до скрипа, я почти слышала, как скрежещет эмаль. Его пальцы, лежавшие на руле, побелели от напряжения.

— Хлое нельзя доверять.

— А кому можно? — я усмехнулась, чувствуя, как внутри поднимается знакомая волна раздражения. — Тебе?

Он не ответил. Просто смотрел на меня своими потрясающими синими глазами, и в этом взгляде было столько всего, что я не решалась расшифровывать. Словно я смотрела в океан ночью — темно, глубоко, и никогда не знаешь, что выплывет из глубины на поверхность.

— Не замечаешь никакого изъяна в своих утверждениях? — спросил он наконец.

Теперь бровь выгибала я. Изъян? Их тут целый вагон.

— Она работает на Феликса, — сказал он, и его голос был жёстким, как сталь. — Ты сама это сказала. Она его пешка. Его... — он запнулся, подбирая слово, — инструмент.

— Да, — я пожала плечами. — Но она также единственная, кто может помочь найти наследника Ричардсонов.

— Или делает вид, что может, — Дарелл покачал головой, и этот жест был таким усталым, что мне на секунду стало его жаль. — Ты слишком доверчива, Катаlea. Это тебя погубит.

— А может, это меня спасёт, — я наконец застегнула лифчик: крючки никак не хотели попадать в петли, пальцы дрожали от недавней близости. И поправила футболку. — Я не прошу тебя верить ей. Я прошу тебя не мешать. Можешь стоять в сторонке и злорадствовать, если я облажаюсь.

— И что ты будешь делать, когда найдёшь Натаниэля?

Вопрос повис в салоне машины, как густой туман над болотом, который можно резать ножом и развешивать на верёвках сушиться. Я посмотрела на Дарелла, на его нечитаемое, словно вырезанное из камня лицо, и вдруг поняла, что не знаю ответа.

Отдам его Феликсу? Нет.

Спрячу? Но куда?

Убью? За что?

— Ещё не решила, — ответила я, отводя взгляд. — Но я дам тебе знать.

Дарелл горько и устало усмехнулся, с каким-то надрывом,

который я слышала в его голосе впервые.

— Ты даёшь мне знать только когда хочешь. А когда не хочешь — молчишь. Или врёшь.

— Я даю тебе, — решила шуткой отвлечь внимание, пока он не раскопал все мои скелеты. — Пусть это утешает тебя в минуты печали. Минуты, которые ты проводишь в одиночестве, думая обо мне.

Дарелл рассмеялся низким, гортанным смехом, который вибрацией прошёл по моему позвоночнику. Я непроизвольно залюбовалась им, когда мои глаза — *предатели, которым давно пора отсохнуть* — решили, что им очень нравится эта его настоящая улыбка. Та, которая рисует ямочки на его щеках и заставляет его глаза светиться чем-то тёплым, почти человеческим.

Красивый. Чёртовски красивый.

Тряхнула головой, чтобы разум вернулся на свой пост и продолжал нести главенство над глупым сердцем.

— И вообще, я учусь у тебя, — парировала я, возвращаясь к реальности. — Ты тоже не очень разговорчив.

Он перестал улыбаться, и я расстроилась, когда ямочки исчезли. Лицо Дарелла снова стало каменным и холодным, как маска. Он приблизился ко мне всем телом, и я почувствовала жар его кожи даже через разделяющие нас сантиметры.

— Будь осторожна с Хлоей, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Она умнее, чем кажется. И у неё есть свои мотивы

и свои секреты.

— У всех есть свои мотивы и секреты, — ответила я, стараясь не отводить взгляд. — В том числе и у тебя.

Дарелл не ответил. Просто смотрел на меня, и в его глазах плескались мириады эмоций, которые я не могла отделить друг от друга и дать им имена.

— Я справлюсь, — сказала я, нарушая тишину.

— Не сомневаюсь, — выдохнул он. — Но это не значит, что я перестану волноваться.

— За меня или за Сильвана? — тихо спросила я, отворачиваясь к двери и не ожидая ответа.

Открыла дверь и спрыгнула на асфальт. Прохладный и влажный ночной воздух ударил в лицо. Волосы взметнулись и щеки обдало холодом, прогоняя остатки тепла. Прежде чем захлопнуть дверцу, я обернулась.

— Дарелл?

— М? — он поднял на меня глаза.

— Спасибо, — сказала я.

Его губы изогнулись в греховной усмешке, и мне тут же захотелось ударить его, а потом поцеловать. Или наоборот.

— В любое время дня и ночи, когда принцессе захочется потрахаться — я к её услугам. — Его голос был низким, почти мурлыкающим. — Или поговорить. Или просто посидеть в тишине. Я возьму всё, что ты захочешь мне дать.

Я звонко, искренне рассмеялась, выдыхая в ночь облачко пара.

Придурочный.

Красивый придурочный, который знает, как заставить меня забыть о всех проблемах хотя бы на несколько часов.

— Спасибо за честность, — всё ещё смеясь, сказала я. — Это редкое качество в наше время.

Дарелл отвёл от меня взгляд и сел прямо, лицом к лобовому стеклу. Его профиль на секунду стал похож на античную статую. Он провёл пятернёй по угольно-чёрным волосам.

— Я никогда тебе не врал, Каталея, — сказал он, глядя куда-то в темноту за лобовым стеклом. — Просто не всегда всё говорил.

Я нахмурилась, изучая его профиль, линию челюсти, тень от ресниц на щеке, то, как тусклый свет фонаря подсвечивал край его скулы.

— А теперь? — спросила я тихо.

Он повернул голову и посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— И теперь, — сказал он.

Что ж. Он хотя бы не врал, в отличие от всех остальных.

Я незаметно пожала плечами, захлопнула дверь и пошла к своей машине. Внедорожник Дарелла стоял с погашенными фарами, чёрный, как сама ночь, и почти невидимый в темноте. Только силуэт, только отблеск на стекле, только тихое урчание мотора, которое постепенно затихало, удаляясь в противоположную сторону.

Осенняя ночь, пахнущая бензином и прелыми листьями,

обнимала город. Звёзды мерцали равнодушно, как глаза миллиона незнакомцев, которым нет до тебя никакого дела. А в голове крутились обрывки мыслей, словно битые стёкла в банке, которую трясут, надеясь услышать мелодию, но слышат только звон и хруст.

Натаниэль жив.

Хлоя что-то скрывает.

Дарелл знает больше, чем говорит.

А Феликс ждёт.

Ждёт, когда я приведу ему Натаниэля — живого или мёртвого. Ждёт, когда я надену свадебное платье и скажу «да» у алтаря, который станет моей клеткой. Он ждёт, когда я подпишу себе приговор — своей подписью, своими губами, своей кровью, которая течёт в моих жилах и которую он так хочет сделать своей.

Вопрос только, когда он устанет ждать.

И что я сделаю, когда это случится.

Глава 40

**Но там, где все горды развратом,
Понятия перемешав,
Там правый будет виноватым,
А виноватый будет прав.
— Иоганн Гёте**

Тогда.

Где-то на окраине у круглосуточного магазина.

Глубокая ночь.

Я стояла у телефонной будки, вцепившись в холодный пластик трубки, и смотрела в темноту. Мама сказала, что выезжает. Сказала, что будет здесь через час. Я считала минуты, вглядываясь в пустую дорогу, которая уходила в никуда, — чёрную ленту асфальта, обрывающуюся на горизонте, где небо сходилось с землёй в похоронном рукопожатии.

Ночь была чернее души моего мужа. Звёзды спрятались за тяжёлыми тучами, будто даже им было стыдно смотреть на то, что происходило внизу. Только редкие фонари отбрасывали жёлтые, больные пятна на мокрый асфальт, а в лужах отражалось мое дрожащее, искажённое лицо. Я прижимала к груди свою куртку, дрожа от холода и от страха, который

въялся в кости, в позвоночник, в каждый миллиметр кожи.

Сейчас. Сейчас она приедет, и мы уедем. Всё будет хорошо.

Ведь у мамы всегда есть план.

Я повторяла это как мантру, как заклинание, которое должно было защитить нас обеих. Как ребёнок, который верит, что если зажмуриться достаточно сильно, то монстр исчезнет.

И наконец я увидела мамину машину.

Новенькая BMW, которую ей подарил Джон, вырулила из-за поворота. Серебристый силуэт на фоне чёрной ночи, как последний луч света перед вечной тьмой. Её фары разрезали темноту ярким, живым светом, и я почувствовала, как внутри разливается тепло, почти забытое, почти невозможное.

Мама приехала. Мама здесь. Мама меня спасёт.

Я сделала шаг вперёд, готовая бежать к ней, обнять, заплакать, рассказать всё: про пощёчину в день свадьбы, про синяки, которые прятала под длинными рукавами, про его слова, которые были острее ножа...

Но потом я увидела их.

С другой стороны дороги, из темноты, вынырнули три чёрных Porsche Cayenne. Они двигались быстро, как тени, как хищники, почуявшие добычу. Как акулы, которые чувствуют кровь за милю. Я замерла, не понимая, что происходит. Сердце пропустило удар, потом забилося с такой силой, что я слышала пульс в ушах.

Всё случилось за секунду.

Первый внедорожник, словно по приказу, рванул вперёд, вильнул и врезался в мамину машину с такой силой, что седан отбросило на обочину. Металл заскрежетал, и этот противный, визгливый звук навсегда вёлся в мою память, как сверло в зуб. Стекло разлетелось вдребезги, разлетелось тысячами осколков, которые засверкали в свете уцелевшей фары, как злые, насмешливые звёзды.

И я слышала крик.

Мой крик.

— МАМА!!! — орала я, срываясь с места.

Я бежала так быстро, как никогда в жизни. Ноги скользили по мокрому асфальту, сердце колотилось в горле, мешая вдохнуть, воздух резал лёгкие, как битое стекло. А перед глазами стояла только одна картина: искорёженная машина, дымящийся капот, разбитые фары и там, внутри, моя мама.

Я подбежала к ней, наступая прямо в лужи, и холодная вода мгновенно промочила кроссовки, но я не чувствовала ничего, кроме ужаса. Пыталась открыть дверь, но та не поддавалась. Её заклинило, металл вмялся внутрь, образовав нелепую, чудовищную гармошку. Я дёргала, била по ручке, царапала ногтями металл, сдирая кожу до крови, но не чувствуя боли.

— Мама! Мам, слышишь меня?!

Она не отвечала.

Я заглянула внутрь через оскаленные зубы разбитого стекла, которые впивались в подушку сиденья, в обшивку двери, в её светлые волосы. И всё поняла. Поняла мгновенно, хотя не хотела верить. Мозг отказывался принимать реальность, но глаза уже собрали улики и вынесли приговор.

Её тело было искорежено. Руки безжизненно свисали, голова была откинута назад, шея вывернута под неестественным углом. Из рассечённого лба, из носа, из уголка губ по красивому лицу текла кровь. Текла по рукам, по светлой блузке, которая когда-то была такой красивой, такой праздничной, а теперь превратилась в грязную, пропитанную красным тряпку. Её серо-зеленые глаза были широко открыты и смотрели на меня, но не видели. Её губы еле шевелились, словно она пыталась вздохнуть, но не могла — лёгкие, наверное, были залиты кровью, или сломаны рёбра, или ещё что-то, чего я не хотела знать.

— Мама... — прошептала я, чувствуя, как мир рушится. С грохотом, с пылью, с тысячами осколков, которые впиваются в моё сердце и не дают дышать. — Мамочка, не уходи... Пожалуйста... Пожалуйста, только не уходи...

Я просунула руку в разбитое окно, стекло впилося в запястье, порезало кожу, но я не убрала. Дотянулась до её лица, положила ладонь на влажную от крови и слёз щёку. Её кожа была ледяной. Мама всегда была тёплой. Даже в самые страшные ночи в Колумбии — когда она прятала меня от выстрелов, от суда, что вершил дедушка над врагами — ма-

ма обнимала меня, и мне было тепло. А теперь она холодная. Как мрамор. Как смерть.

Мои собственные горячие и бесполезные слёзы щипали щёки.

Мамины губы дрогнули. Я наклонилась ближе, почти касаясь её лица, пытаюсь расслышать сквозь звон в ушах и треск огня, который уже начинал лизать капот.

— Прости... — прошептала она. Её голос был слабым, как последний взмах бабочки, на крыльях которой не осталось пыльцы. — Прости меня, *mi vida*... Люблю...

И её глаза остекленели.

Тёплый, живой свет, который всегда был в них — даже когда она улыбалась сквозь боль, даже когда шептала «всё будет хорошо», сама в это не веря, — этот свет погас. Будто задули свечу. Словно выключили лампу. Как будто кто-то щёлкнул выключателем, и всё — темнота.

Мама смотрела сквозь меня. В никуда. В вечность. В ту самую тьму, из которой никто не возвращается.

А я закричала.

Закричала так, что стёкла должны были разбиться, если бы они уже не были разбиты. Закричала от боли, от отчаяния, от того, что не могла ничего изменить. Закричала, потому что внутри меня что-то умерло вместе с ней.

И в этот момент чьи-то сильные руки схватили меня подмышки, отрывая от машины, от её тела, от всего, что осталось от моей мамы.

— Нет! Пустите меня! Мама! МАМА! — я билась в этих руках, как птица в клетке, как зверь в капкане.

— Кая, уходим! — голос Джона был резким, приказным, не терпящим возражений. — Машина сейчас взорвётся!

— Нет! Я не оставлю её! Не оставлю её здесь!

Он не слушал. Тащил меня волоком, не обращая внимания на то, что мои кроссовки чертят полосы на асфальте, что я царапаю его руки, что я кричу так, что сами звёзды должны были меня услышать. Джон сжимал меня так сильно, что на коже останутся синяки. И что-то мне подсказывало, что синяки — это еще далеко не самое страшное.

Я вырывалась. Била его по рукам, по груди, по лицу — ногтями, кулаками, даже головой один раз попала в подбородок. Но он не отпускал. Он был сильнее. Он всегда был сильнее.

— Пусти! Мерзавец! Это ты! Ты сделал это!

— Тише, тише, моя девочка, — его голос вдруг стал ласковым, почти нежным. Он крепко прижал меня к себе, стиснул в объятиях до хруста в рёбрах и гладил по голове, утыкая моё лицо в свою грудь, пахнущую дорогим одеколоном и табаком. — Всё хорошо. Я здесь. Я с тобой.

Я рыдала взхлёб, с приступами удушья, с солёными дорожками на щеках. Захлёбываясь слезами, не в силах говорить, не в силах дышать, не в силах даже думать. Только чувствовать: боль, пустоту и ужас.

А за моей спиной в небо взметнулся огненный шар на-

столько яркий, что на секунду стало светло, как днём. Жар ударил в спину, обжигая кожу даже через куртку. Машина взорвалась, и огонь поглотил то единственное, что у меня было в этой жизни. Всё сгорело в одну секунду.

— Видишь, что ты наделала? — прошептал Джон мне на ухо, и его голос стал другим. Холодным, вкрадчивым, как шипение ядовитой змеи перед броском. — Это ты виновата, Каталя. Если бы ты не сбежала, её бы здесь не было. Если бы ты не позвонила, она бы не поехала.

Мое тело онемело. Я перестала дышать. Перестала плакать.

Он прав.

Мысль пришла неожиданно, острая, как осколок того стекла, что впилося мне в руку.

Джон прав. Это я. Я позвонила. Я попросила её приехать. Я привела её сюда.

— Если ты ещё раз попробуешь уйти от меня, — продолжил он, всё так же глядя меня по волосам, — я убью всех, кто тебе дорог. Всех твоих глупых подружек. Твоего дядю. И даже твоего дедушку. Поверь, цветочек, мне хватит ресурсов добраться до него, особенно учитывая, что он сошёл с ума. И тебе больше некуда будет идти. Ты останешься со мной. Навсегда.

Я подняла на него заплаканный взгляд. В его карих глазах отражалась какая-то страшная, извращённая нежность, как у маньяка, который целует свою жертву перед тем, как пере-

резать горло.

— Ты чудовище, — прошептала я. Губы дрожали, голос ломался, но слова вышли. Тихие, но твёрдые.

— Нет, дорогая, — он улыбнулся и поцеловал меня в лоб сухими, холодными губами. — Я тот, кто тебя любит. А чудовище — это ты. Ты убила свою мать. Своими действиями.

Я не могла говорить, не могла дышать, не могла думать.

Моя расшатанная психика и шок от случившейся аварии на моих глазах сделали мой мозг очень восприимчивым и легко внушаемым. Поэтому все, что говорил мой муж, мне казалось совершенно верным.

Всё, что он сказал, было правдой. Это я позвонила. Я попросила её приехать. Я привела её сюда, в эту ночь, в эту тьму, к этим убийцам. Если бы я просто смирилась, если бы не пыталась сбежать, если бы не была такой эгоистичной, такой слабой, такой глупой — мама была бы жива. Она сидела бы сейчас дома, пила чай, смотрела свой дурацкий сериал и улыбалась. А вместо этого она лежит в искорёженной машине, которая догорает за моей спиной, и её глаза смотрят в пустоту.

Звери внутри громко и отчаянно завывали, заметались в тесноте моей грудной клетки, требуя выхода, требуя мести, требуя крови. Но у меня не было сил их слушать. Я сама была загнанным, обессиленным и сломленным зверем. С перебитыми лапами и сломанным хребтом. С сердцем, которое разбилось вдребезги.

Я больше не хотела ничего чувствовать. Не хотела ощущать. Потому что в этом мире чувствовать было больно.

Джон подхватил меня на руки, будто я ничего не весила, и понёс к своему черному Porsche. У меня уже не было сил бороться. Мои руки безвольно свисали, голова лежала у него на плече, и я смотрела на догорающие останки BMW, которые превращались в чёрный, обугленный скелет.

— Всё будет хорошо, — шептал он, укладывая меня на заднее сиденье. — Я позабочусь о тебе. Ты никуда не денешься. И мы всегда будем вместе. До самой смерти.

Я не сопротивлялась.

Куда мне было идти?

Мой мир рухнул. Моя мама погибла. А я осталась с монстром, который улыбался и гладил меня по голове.

В тот момент, когда дверца машины захлопнулась, отрезая меня от внешнего мира, от ночи, от звёзд, от всего, что когда-то имело значение, я поняла, что не могу его одолеть. Джон сильнее. У него власть, деньги, связи. И теперь у него есть то, что навсегда привяжет меня к нему — моя вина.

Я была в ловушке.

И выхода не было.

Я лежала на кожаном сиденье, свернувшись в позу эмбриона, как когда-то в утробе матери, ещё ничего не зная об этом мире. О его жестокости и о его боли. О том, что любовь бывает такой неправильной. Такой чёрной и липкой, как смола, и она не спасает, а душит.

Машина тронулась. Джон что-то говорил водителю, его голос был спокойным, деловым. Он уже строил планы. Уже думал о том, как привяжет меня к себе ещё крепче, как вырежет из моей жизни всё, что осталось, и заполнит пустоту собой.

А я смотрела в окно на удаляющиеся огни пожарища. Там, в чёрном дыму, поднимающемся к небу, сгорало моё прошлое. Моя мама. Моя надежда. Моя вера в то, что добро побеждает зло.

Оно не побеждает.

Зло просто берёт тебя за руку, когда ты сломлен и не можешь идти. Оно ведёт тебя туда, где никто не услышит твоих криков. Оно запирает дверь, улыбается и называет это домом. А потом шепчет, что это любовь.

А по радио, насмехаясь надо мной и замыкая порочный круг, играла песня **Numb - LINKIN PARK:**

*«I'm becoming this, all I want to do
Is be more like me and be less like you.»*

Мне понадобилось несколько лет, чтобы понять: никто меня не спасёт.

Кроме меня самой.

Глава 41

**Нет прекрасной поверхности без ужасной глубины.
— Фридрих Ницше**

Сейчас.

Фермерский дом.

Иступлённый вопль рвал горло и терзал уши, разбивая вдребезги тишину фермерского дома. Стёкла жалобно задрожали в ответ, будто им было больно слушать этот звук — мой собственный крик, который я узнала с трудом. Он принадлежал не мне. Или мне, но той, которой я не хотела быть.

Я проснулась в холодном поту, тяжело дыша, только что пережив один из самых худших своих кошмаров. Простыни прилипли к телу, насквозь мокрые, волосы слиплись на лбу и затылке, сердце больно колотилось в груди.

Я медленно села на кровати, подтянув ноги к груди, и опустила голову на колени. Лоб коснулся ледяной кожи, но при этом я вся горела.

Вдох — *успокойся, это был сон.*

Выдох — *уже ничего не исправить.*

Вдох — *просто дыши, всё в прошлом.*

Выдох — **это не твоя вина.**

Слова работали как заклинания или как пластыри на глубокую рану. Они не лечили. Они просто скрывали боль от чужих глаз. А иногда даже от своих.

Когда сердце перестало отбивать бешеную чечётку о рёбра, я подняла голову и посмотрела в крохотное окно.

Было пасмурно, словно на небе кто-то безнадежно плакал. Серо-зелёный — *как её глаза* — туман стелился поверх крон деревьев, обволакивая стволы липкими щупальцами. Алая — *как её кровь* — заря будила небо от ночного кошмара, разрывая облака в клочья.

Из моего серого глаза, пересечённого шрамом, скатилась безмолвная, холодная слеза. Я не вытерла её. Пусть течёт. Её никто не увидит.

Возвращаться в мир снов мне больше не хотелось, там было слишком громко и слишком больно. Я встала, стягивая с кровати мокрые простыни, и отправилась в душ.

Вода была ледяной. Я сделала её такой нарочно, чтобы замёрзнуть, чтобы проснуться окончательно, чтобы не чувствовать ничего, кроме холода. Кожу обжигало ледяным пламенем, дыхание перехватывало, но это было лучше, чем снова провалиться в тот сон.

Я стояла под струями, пока не покрылась мурашками, а губы не посинели. Потом выключила воду, вытерлась насухо, натянула чистое бельё, джинсы, толстовку, и побрела на кухню за кофе.

Запах свежемолотых зёрен всегда был моим якорем.

Единственным, что оставалось неизменным, когда всё остальное рушилось. Насыпала в турку, залила водой, поставила на медленный огонь, и в этот момент зазвонил телефон.

Номер был незнакомым, но я всё равно взяла трубку. Чутьё редко меня подводило. А сегодня оно просто кричало: *возьми, возьми, это важно.*

— Сеньорита Динарди? — голос на том конце провода звучал так, будто человек готов был провалиться сквозь землю от одной только мысли, что беспокоит меня. — Это управляющий отделением «Валют Траст», мистер Харрис. Приношу свои глубочайшие извинения за беспокойство, но...

— Говорите прямо, — оборвала я. У меня не было ни времени, ни желания слушать его оправдания.

— Понимаете... — он замялся, подбирая слова, будто шёл по минному полю. — Произошло досадное недоразумение. Наши новые сотрудники допустили ошибку, что вызвало технические неполадки Кхм... Они, скажем так, проявили излишнее усердие в отношении вашей ячейки до востребования. Мы не имели права этого делать, сеньорита. Это противоречит всем нашим инструкциям. Мне очень жаль, поверьте, мы ценим каждого клиента и...

— Мистер Харрис, — перебила я снова, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Что именно произошло?

— На ваше имя была открыта ячейка, — затараторил сотрудник банка, словно боялся, что если остановится, то уже

не сможет продолжить. — О которой вам не сообщили в ваши прошлые визиты, потому что она не отображалась в нашей системе. — Он сделал судорожный вдох. — Ячейка до востребования. — добавил он, как будто это всё объясняло.

Я молчала, переваривая информацию. В голове крутились шестерёнки, складывая пазл, который никак не хотел собираться.

— Кто её открыл? — спросила я наконец. Голос прозвучал ровно и спокойно, как у оператора службы спасения. Или как у убийцы перед выстрелом.

— По документам операция была проведена от имени... э... — он замялся, и я услышала, как он нервно перелистывает бумаги. Они шуршали, как крылья ночной бабочки. — От имени Моники Луизы Динарди. Вашей матери, полагаю? Сердце пропустило удар.

Второй.

Потом ещё один.

А потом забилося с такой силой, что я пошатнулась на ногах и схватилась за столешницу, чтобы удержать равновесие.

— Моя мать умерла, — выдохнула я.

— Мне очень жаль, сеньорита. — В его голосе действительно слышалось сочувствие. Или то была хорошая актёрская игра. — Но ячейка была оформлена давно. Система просто... зафиксировала её только сейчас. По техническим причинам.

По техническим причинам. Три слова, которые ничего не

объясняли. Три слова, которые переворачивали всё с ног на голову.

Я закрыла глаза.

Мама.

Что она могла оставить в банковской ячейке, о чём я не знала?

Деньги? Документы? Письма? Её последнее послание из прошлого, которое она спрятала так глубоко, что даже система забыла о нём на годы?

— Я буду через час, — сказала я, открывая глаза. — Приготовьте всё для доступа.

— Разумеется, сеньорита. Ждём вас.

Я бросила трубку и посмотрела на свой сбежавший кофе. На чёрную остывшую гладь на плите, словно покрытой тонкой плёнкой, как лёд на луже, как корка на старой ране.

Мама.

Сейчас.

Престижный пригород Нью-Йорка.

Дверь особняка позапрошлого века, в котором находился банк «Валют Траст», открылась до того, как я успела позвонить. В нос ударил запах денег, что здесь лелеяли, приумножали и прятали от чужих глаз.

Седовласый мистер Харрис в безупречном белом костюме встретил меня на пороге, рассыпаясь в извинениях. Его бабочка была идеально завязана, усы аккуратно подкручены, а ладони были влажными от волнения.

— Сеньорита Динарди, ещё раз прошу прощения за эту неприятную ситуацию. Наши сотрудники будут наказаны, я лично прослежу...

— Проводите меня к ячейке, — перебила я.

Он кивнул и засеменил вперёд, открывая передо мной тяжёлые дубовые двери. Смазанные, ухоженные петельки, как и всё в этом храме богатства, даже не скрипнули.

Хранилище находилось в подвале, но подвал этот был отделан не хуже королевских покоев: мраморные полы, лепнина на потолках, картины старых мастеров на стенах. Если бы я не знала, что нахожусь в банке, решила бы, что попала в частную коллекцию какого-нибудь европейского герцога.

— Ваш сейф под номером 12-07, — Харрис остановился у стальной двери с золотой табличкой и протянул мне маленький золотой ключик.

Холодный металл лёг на ладонь, и я кивнула.

— Откройте.

Он приложил палец к сканеру, ввёл код, приложил карту-ключ. Дверь открылась с тихим шипением, будто вздох, будто признание, как вход в чужую тайну.

— Я буду ждать вас наверху, — сказал он и бесшумно исчез.

Я вошла внутрь.

Три стены от потолка до пола представляли собой соты блестящих, бронзовых сейфов с табличками, на которых выбиты номера. Комната была небольшой, но за ней ухаживали так же тщательно, как и за всем в этом банке. Уверена, на содержимое этих ячеек можно было купить пару небольших государств. Или развязать войну. Или, наоборот, остановить.

Я подошла к ячейке 12-07, ввела свой код и повернула ключ. Механизм мягко, покорно щёлкнул. Я открыла дверцу сейфа, и через неё в комнату вошёл призрак Моники Луизы Динарди.

Мне показалось, что ноздри защищал пудровый, с горьковатой ноткой лаванды аромат. Аромат маминых духов. Я потрянула головой, чтобы сбросить наваждение.

Внутри ячейки одиноко стояла деревянная коробочка. Тёмное дерево, инкрустация, потемневшая от времени бронза на уголках. Я открыла её. Сверху лежали фотографии, а ниже виднелся старый, выцветший конверт, с моим именем, написанным маминым почерком.

Каталей.

Буквы выведены аккуратно, с нажимом, словно она знала, что это письмо прочитают не только её глаза.

Я разорвала конверт дрожащими пальцами.

«Каталей, mi vida, надеюсь, настанет день, когда мы обе будем в полной безопасности и я смогу без страха поведать тебе свою историю. Надеюсь, ты сможешь понять и меня, и почему я так поступила. Надеюсь, не осудишь. Но если судьба не была ко мне добра и ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет в этом мире»

Я прервала чтение, пытаясь сдержать неконтролируемые всхлипы. Горло сдавило, в груди разрастался горячий, колющий ком, который всегда появлялся перед тем, как я разрешала себе развалиться на части.

Не сейчас. Не здесь.

Соберись.

Глубокий вдох. Выдох.

И еще раз.

Я перевела взгляд внутрь коробочки и взяла стопку Polaroid-фотографий.

На первой была изображена мама в юности на фоне большого красивого дома. Белоснежные колонны, ухоженный газон, подстриженные кусты. От дома веяло старыми деньгами и древней породой, которую не купишь и не подделаешь.

Думаю, здесь ей около восемнадцати. Светлые волосы ле-

жат на плечах лёгкими волнами. Белое платье струилось по фигуре, подчёркивая тонкую талию и хрупкие плечи. На ногах — босоножки на небольшом каблуке, в руках — соломенная шляпа с широкими полями. Она улыбалась.

На следующем фото — мама с чуть округлившимся животом. Одна рука лежит на животе, вторая придерживает край лёгкого сарафана на бретелях. Лицо умиротворённое, почти светящееся.

Всегда было интересно посмотреть, как она выглядела, когда была мной беременна.

Теперь я знала. Она была прекрасна.

На третьем фото был изображён мужчина, которого я уже знала. Густые русые волосы, волевой подбородок, тяжёлая челюсть, и взгляд куда-то в сторону, словно высматривает угрозу.

Магнус Ричардсон.

Странно.

Мама знала его?

Следующая фотография, на которой они позировали вместе, ответила на мой вопрос.

Они были... друзьями? Больше?

Я не знала. Я ничего не знала. В моей голове только что образовалась огромная чёрная дыра, и в неё проваливалось всё, что я считала правдой.

Я перевернула фотографию. На обороте было написано: «Лето в Хэмптонсе, 1999».

Перелистнула дальше.

Мама и Магнус на яхте. Мама и Магнус на каком-то приёме. Мама в чёрном вечернем платье с открытой спиной, он в смокинге, с бокалом шампанского в руке.

На одном из фото Магнус смотрел прямо в камеру с покровительственной улыбкой. В уголках его васильковых глаз собрались мелкие морщинки, и мне показалось, что я уже где-то видела эти смеющиеся глаза.

Где? Где я видела этот взгляд?

Ответ пришёл не сразу. А когда пришёл — по коже побежали мурашки.

И последнее фото.

Мама, держащая на коленях маленького мальчика около полутора лет. Русые волосы, умные не по возрасту глаза — и впервые я видела этого ребенка искренне улыбающимся.

Я узнала бы это лицо из тысячи. *Я узнала его.*

Сердце перестало биться, пока сознание отказывалось принимать истину. А потом забило о ребра с утроенной силой, норовя покинуть мое брренное и преданное тело.

Словно ушат ледяной воды окатил меня с головы до ног, и я приросла к полу, потрясенная.

Мама знала Ричардсонов. Мама знала Магнуса. Мама знала *его*.

Я уставилась на фотографию, чувствуя, как внутри рушится что-то, что я считала незыблемым. Опоры, которые держали мою картину мира, лопались одна за другой, как

гнилые канаты.

Ошеломляющая версия ударила в темечко, словно футбольная бита по мячу. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли тёмные пятна.

Нет.

Не может быть.

Не может же быть, что...?

Я облокотилась одной рукой о сейфы, холодный металл подарил необходимую прохладу ладони и помог не упасть. Вытерла о плечо каплю выступившего пота на виске. В груди теснилось что-то липкое, тяжёлое и удушающее.

Так.

Так-так-так.

Это какой-то пиздец.

Голова разболелась от старательной попытки уложить эту информацию в черепной коробке и свыкнуться с мыслью, что меня опять обвели вокруг пальца.

В конце концов, мне удалось кивнуть своим мыслям, как хладнокровный убийца, будто только что открывшаяся тайна не сбила меня нахрен, словно фура, несущаяся на полной скорости. Я кинула фотографии в коробочку, и звук, с которым они приземлились внутрь, привлёк моё внимание. Это был не стук пластика о дерево и не шорох картона. Это был приглушённый, почти ласковый звук, словно фотографии упали на ткань.

Я наклонила коробочку и заглянула внутрь при свете лам-

пы на потолке.

На самом дне лежала какая-то книжка в тёмной обложке. Я не заметила её сразу, она сливалась с внутренней обивкой коробки по цвету, как хамелеон. Секрет, который не хотел, чтобы его нашли. Тайна, которая пролежала здесь годы, терпеливо дожидаясь своего часа.

Я подцепила её пальцами, вытащила на свет и открыла.

И охренела.

Это была не книжка.

Это паспорт.

Со знакомым лицом, глазами и лёгкой полуулыбкой, но с чужим именем. С неверной датой рождения и другой фамилией.

Я снова и снова перечитывала незнакомое имя и ...

Погодите-ка...

С задворок памяти начали всплывать воспоминания и фрагменты.

Другие документы вдруг соединились вместе с только что полученными сведениями и сложились в картину.

В картину, от которой у меня перехватило дыхание и подкосились колени.

Да ну нахрен.

Мне не нужно дочитывать мамино письмо.

Я уже знала, что там.

Захлопнув паспорт, положила его внутрь коробки и закрыла крышку. Бросила коробку в сумку вместе с недочи-

танном письмом и пулей вылетела из хранилища, унося с собой тайны и призрак Моники Динарди.

Женщины, которая всю жизнь врала всем вокруг.

— Сеньорита, — Харрис ждал меня наверху, рассыпаясь в улыбках. — Всё в порядке?

— Всё отлично, — ответила я, не глядя на него. — Благодарю.

Я вышла из банка, села в машину и долго смотрела на фасад. На кедры перед зданием. На идеально подстриженный газон.

Всё было слишком правильным. Слишком зелёным. Слишком живым.

В отличие от правды, которую я только что нашла.

Мама, во что же ты меня втянула?

И почему не сказала мне правду?

Внутри всё кипело и одновременно застывало. Гнев. Боль. Предательство. Жалость. Любовь. Ненависть. Всё перемешалось в один густой, чёрный коктейль, который жёг пищевод.

Я завела мотор и взяла курс на Бруклин.

В зеркале заднего вида особняк исчезал, растворялся в сером небе так же, как и всё то, что я знала о маме до этой минуты.

А впереди была только дорога. И вопросы, на которые я не хотела знать ответы. И которые, я чувствовала, будут преследовать меня до конца жизни.

Глава 42

**Ад пуст, все черти здесь.
— Уильям Шекспир**

Сейчас.

Бруклин, Уильямсбург.

На экране телефона отражаются зелёный и серый глаза. Два цвета, два взгляда, две жизни, которые когда-то пересеклись, а теперь пытаются ужиться в одной женщине. Я провожу пальцем по стеклу, приближая своё лицо. Вглядываюсь в каждую линию, в каждую тень, в каждую родинку, пытаюсь отыскать черты Магнуса Ричардсона в собственных чертах.

Мог ли он быть моим отцом?

Тот ли у меня разлёт бровей? Его ли разрез глаз? Его ли скулы?

Я верчу головой так и этак, под разными углами, при разном освещении.

Мне кажется, нет. Но моё мнение может быть необъективным.

У него васильковые глаза и тёмные волосы. Я — блондинка с малахитовыми глазами Динарди.

Ничего общего.

Но гены — штука хитрая. Иногда они спят поколениями, а потом просыпаются в самых неожиданных местах. В очертании верхней губы, в форме ушей, в том, как ты смеёшься или как хмуришься перед сном.

Или не просыпаются. И я просто ищу иголку в стоге сена, которой там никогда не было.

Я блокирую телефон и смотрю на время.

11:27.

Ну и где она, чёрт возьми?

Боковым зрением замечаю всплеск рубинового цвета. Хлоя выворачивает из-за угла и быстрым, пружинистым шагом человека, который торопится, но не хочет этого показывать, направляется к дому. Косые лучи воскресного солнца падают на её волосы цвета махагони, превращая их в цвет пожара, который вот-вот разгорится. Или в цвет крови, смотря что у тебя на уме.

Когда я приехала к ней двадцать минут назад, дверь никто не открыл.

Где она была в воскресенье в одиннадцать утра?

Когда все нормальные люди завтракают в семейном кругу в свой долгожданный выходной, а не совсем нормальные из Организации отсыпаются до обеда после выматывающего задания.

Я решила подождать в машине, надеясь, что Хлоя просто вышла за кофе в одну из соседних кофеен.

Заметив мою машину, она на секунду останавливается. Её

лицо на мгновение задевает живая, неподдельная, почти испуганная волна недоумения. Но она тут же надевает маску уверенности, которую я видела сотни раз, и делает шаг в сторону припаркованного внедорожника.

Подходит к моему окну и ритмично, даже требовательно стучит костяшками по стеклу.

— Ты чего не заходишь? — голос слегка раздражённый, но любопытство перевешивает. В нём слышится что-то ещё, очень похожее на тревогу.

— Тебя жду, — отвечаю я, вылезая из машины и захлопывая дверцу. — Ты где была?

— Гуляла, — она пожимает плечами, уже поднимаясь к крыльцу, даже не взглянув, подарила ли я хоть одну каплю доверия её словам. — Думала. Дышала воздухом. У тебя с этим проблемы?

Я не отвечаю. Иду следом, наблюдая, как она возится с ключами: роняет связку, подбирает, снова вставляет в замочную скважину не с той стороны.

Нервы? Или просто спешка?

Внутри квартира Хлои пахнет по-другому.

Не так, как в прошлый раз.

Раньше здесь пахло лишь страхом и её духами. Сладкой розой с пряной нотой перца — приторно, почти удушающе.

Сейчас же к этому коктейлю добавился новый аромат. Что-то свежее. Что-то зелёное. Что-то очень знакомое, но мне пока не удавалось понять что.

— Присаживайся, — она кивает на диван, который, кстати, уже не выглядит таким продавленным, каким я запомнила его в прошлый раз. — Кофе будешь?

— Буду.

— Итак — Хлоя оборачивается, видимо, чтобы задать один вопрос, но поправляет себя на ходу и выдаёт другой. — Если ты ко мне приехала, значит, нашла новую информацию о Натаниэле?

Я игнорирую её вопрос.

— Ты уверена, что дала мне всю информацию, которая у тебя есть на Ричардсонов?

Хлоя замирает. Это длится всего секунду, может, две. Но я вижу: спина напрягается, плечи поднимаются к ушам, пальцы, держащие чайник, белеют на костяшках. Чайник в её руке застывает на полпути к плите.

— Я рассказала тебе даже больше, чем другим, — наконец говорит она.

Опять полуответ. Опять ускользание. Опять она прячется за словами, как за щитом.

— Мне нужно ещё раз взглянуть на те документы. Досье, что ты собрала на Натаниэля.

Хлоя ставит чайник на плиту с глухим стуком, который звучит почти как удар. Медленно поворачивается ко мне. Её лицо бледнее обычного, той бледностью, которая бывает, когда человеку страшно, но он не хочет этого показывать.

— Ладно, — говорит она и идёт к шкафу.

Из закровов, из глубины полки, заставленной папками и коробками, достаёт уже знакомую мне папку. На секунду я замечаю, как её пальцы сжимают край картона так, будто она не хочет ее отдавать. Но потом хватка ослабевает, и она протягивает папку мне.

Я не беру её сразу. Сначала задаю вопрос, глядя в глаза, чтобы видеть каждую эмоцию, каждую микросудорогу на её лице.

— А ты знала, что Натаниэль подстроил крушение яхты? Что это он убил родителей? — пауза. — Феликс рассказал мне.

Хлоя не отводит взгляд. Не краснеет. Не заикается.

— Он прав, — тихо говорит она. — Я знаю.

— Откуда? И почему не сказала мне раньше?

Она тяжело вздыхает. Снова протягивает мне папку, и когда я наконец беру её, Хлоя садится напротив, на шаткий табурет, который жалобно скрипит под её весом. Обхватывает себя руками, будто замёрзла, хотя в квартире тепло.

— Ты и так не верила, что старший сын Ричардсонов жив, — говорит она, глядя в пол. — И если бы я рассказала, что он безумен и опасен вряд ли это вызвало бы в тебе интерес к его поискам.

Я выгибаю бровь в немом комментарии, который не требует слов:

Ты плохо меня знаешь, куколка. Это моя красная тряпка. Чем опаснее цель, тем быстрее я на неё иду.

— Феликс снабдил меня информацией, которую собирал Синдикат, — продолжает Хлоя, будто оправдываясь. — Я долго изучала всё это. Натаниэль был болен. Ещё с детства.

Она замолкает, подбирая слова. Я не тороплю. Пусть сама выкладывает.

Я тоже изучила те файлы, которые мне подсунули в машину после встречи с Феликсом — от корки до корки, до последней строчки, до запаха бумаги, которая, как мне показалось, пахла ложью. И что-то в этих сведениях было не так. Что-то заставляло моих зверей внутри шипеть и рычать в неверии. Они чуяли подвох раньше, чем мой разум успевал его сформулировать.

— Все одарённые люди, мягко говоря, не в себе, — продолжила Хлоя. — А Натаниэль — гений, — она поднимает глаза. — Чокнутый, но гений. Я говорю это не как оскорбление, а как медицинский факт. Он с детства проявлял жестокость. Магнус скрывал это. Элиана плакала по ночам. Они боялись собственного сына. — Хлоя сглатывает. — Натаниэль ненавидел Сильвана. Ненавидел родителей за то, что они взяли приёмного сына, которого предпочли ему. И он ждал своего часа.

— Ты говоришь так, будто знала его, — замечаю я.

— Я знаю его досе, — Хлоя пожимает плечами, но этот жест выходит нервным и дёрганным. — Там хватило бы на триллер. Магнус и Элиана погибли не случайно. И я уверена, что Натаниэль жив. Феликс не стал бы врать о таком.

Каждое слово Хлои звучало убедительно.

Именно это меня и насторожило.

В груди свербил инстинкт, который я научилась слушать. Она была слишком уверена. Слишком спокойна. Слишком гладко всё это звучало. Будто она не просто рассказывала факты, а убеждала меня в том, во что сама хотела верить.

Или в то, во что ей верить выгодно.

Я прикусила язык — в прямом смысле, до металлического привкуса, чтобы не ляпнуть что-нибудь лишнее — и опустила глаза к папке на коленях.

Чайник на плите пронзительно засвистел, словно вызов. Хлоя подскочила к нему, а я принялась листать папку, делая вид, что просто освежаю память. Пальцы скользили по бумагам, глаза бегали по строчкам — дата, подпись, печать, свидетельство о рождении...

Вот оно.

Пока Хлоя возилась с кофе, звякала чашками и что-то невнятно бормотала про молоко и сахар, я незаметно вытащила телефон и сфотографировала нужный лист. Вспышку отключила заранее. Звук затвора — тем более.

Раз уж Хлоя не желает быть со мной до конца откровенной, то и мне ни к чему быть с ней честной.

Я захлопнула папку, сложила губы в незаинтересованную линию — мне это всегда удавалось, я же внучка своего деда, в конце концов — и протянула ей, когда та уже шла ко мне с двумя чашками дымящегося кофе.

— Мы должны найти его, — сказала Хлоя, меняясь со мной кофе на папку. Поставила чашку на стол, забрала документы и прижала их к груди, как ребёнок плюшевую игрушку. — Пока это не сделал Феликс. Если он первым до него доберётся, Сильвану конец.

— Знаю, — я наигранно разочарованно провела рукой по лицу, пряча глаза. — Я ищу. Правда.

Хлоя взяла свой кофе и тяжело осела на стул. Покачала головой — медленно, устало, почти обречённо.

— Это занимает больше времени, чем я думала, — тихо произнесла она в кружку, но я слышала.

Каждое слово. Каждую интонацию. Каждый вздох между ними.

Я прочистила горло и поставила нетронутый кофе на журнальный столик. Пить не хотелось. Хотелось уйти, пока она не начала задавать вопросы, на которые я не хотела отвечать.

Хлоя поднялась вместе со мной.

— Скажи, чем я ещё могу помочь? — спросила она, буравя меня обеспокоенным взглядом.

Действительно обеспокоенным. Не наигранным, а настоящим.

— Ты узнаешь первой, — солгала я.

И её плечи с судорожным вздохом опустились вниз. Будто её хрупкое тельце уже едва выдерживало груз тех секретов, что она хранила. Будто каждая секунда моего присутствия добавляла ей ещё одну гирю на спину.

Может быть, я ошибаюсь. Может быть, Хлоя и вправду на моей стороне.

Но мои звери внутри не верили ей. Не до конца.

На пути к своей машине мысли в голове бились и сталкивались друг с другом, словно в кровавом бою без правил, врукопашную, насмерть, без секундантов и рефери.

Натаниэль — чудовище.

Он убил своих родителей.

Он жив, и Феликс хочет его найти.

И, кажется, я единственная, кто знает, где он прячется. Вернее, кем притворяется.

И сердце ухнуло куда-то вниз, в ледяную пропасть, где не было дна.

Глаза Магнуса, которые я уже видела у другого человека, соединились с фотографией улыбающегося мальчика на коленях моей матери. Улыбающегося искренней улыбкой — как и у Элианы, которая рисовала на его щеках прелестные ямочки. До дрожи, до стука сердца в горле, до боли знакомые ямочки.

Слова Хлои врезались в память, как гвозди. Но где-то глубоко, на самом дне сознания, шевелилось что-то, что отказывалось в это верить.

Не верило, не хотело верить, не могло.

Я вспомнила, как Дарелл сжимал челюсть, когда говорил о семье. Как уходил от ответов. Как его голос становился тише, почти беззвучным, когда речь заходила о прошлом.

Но что, если Хлоя врёт?

Что, если она пытается натравить меня на него, чтобы спасти Сильвана?

Или чтобы спасти себя?

Что, если это план Феликса — натравить одно безумие на другое, чтобы мы сами ликвидировали друг друга, открывая ему путь к правлению?

Я не знала. Я ничего не знала. И это было хуже всего.

Но если он действительно так безумен, как говорит Хлоя, мне нужен рычаг. Что-то, что позволит мне справиться с ним, когда припрёт. Тайное оружие, которое могли знать только те, кто знал Натаниэля с самого детства.

Те, кто видел его слабости до того, как он научился их прятать.

И я знала, где искать.

И теперь, из-за найденного мною паспорта в хранилище, вся эта ситуация принимала максимально личный характер.

Я ехала по дороге под трек **Silver - Hunter/Game**, оставляя позади квартиру Хлои, её запахи, её ложь и её правду, которая почему-то пахла мужским парфюмом.

Когда я вспомнила, кого сопровождал такой аромат, мои пальцы сжали руль так сильно, что костяшки побелели.

— Чёрт бы тебя побрал, Хлоя, — прошептала я в пустоту.

Глава 43

— Моя дама бьёт туз.
(с)

Сейчас.

Нью-Йорк, Верхний Ист-Сайд.

Частный джентльменский клуб «The Warwick».

Винтер оказался, как всегда, на высоте. Через час после моего запроса у меня уже был адрес, время и даже имена людей, которые организовывали эту игру. «The Warwick» оказался не просто казино, а чем-то куда более изысканным — частным джентльменским клубом, где собирались люди, которым было скучно играть на публике. Только по приглашениям, только свои, только те, кто понимал, что фишки здесь значат не меньше, чем деньги за их спинами.

Клуб располагался в старом особняке на тихой улице, вдали от шума и суеты. Фасад утопал в зелени вековых деревьев, охранявших вход от посторонних глаз. Никакой вывески, только номер на двери и едва заметная табличка «Private». Внутри пахло дорогим табаком, полированным деревом и старой кожей — коктейль из декаданса и мужского самолюбия.

Я вошла в вестибюль, где меня встретил безупречный швейцар, проводивший меня в главный зал. Люстры из муранского стекла отбрасывали золотистый свет на стены, обитые тёмно-зелёным шёлком. Вдоль стен стояли мягкие кожаные диваны, на которых расположились гости. В центре — длинный стол из тёмного дуба, вокруг которого уже собрались игроки.

Чёрное платье в пол, с разрезом до бедра, струилось по моей фигуре, как вода. Шёлк обтекал бедра, открывая ровно столько, сколько нужно, чтобы привлекать взгляды, но не вызывать лишних вопросов. На правом бедре, под тканью, удобно устроился тонкий кинжал — старый друг, который никогда не подводил. В новой сумочке из чёрной матовой кожи лежал пистолет — изящная игрушка, купленная на чёрном рынке через Винтера взамен проклятого дерринджера, который теперь отдыхал в банковской ячейке. Лёгкий, удобный, смертоносный.

Красота спасёт мир?

Меня пока спасало только оружие.

Не собираясь пить, я взяла бокал шампанского с подноса официанта и скользнула в сторону покерного зала. В конце коридора, за массивной дверью, раздавались приглушённые голоса и звон фишек.

Логан и Мелисса сидели в углу, за отдельным столом. Играли в покер с парой пожилых джентльменов, которые, судя по виду, уже успели проиграть приличную сумму. Я подошла

к их столу, не спрашивая разрешения, и села напротив.

— Кая, — Логан поднял бровь, не скрывая удивления. — Какими судьбами?

— Очень хочется поиграть со старыми друзьями, — сказала я, улыбаясь и обращаясь к незнакомым пожилым мужчинам. — Вы же не против?

Те устали на моё глубокое декольте и закивали в него, даже не пытаясь взглянуть мне в лицо. Мужчины. Такие предсказуемые. И такие скучные.

Когда джентльмены отошли от стола, всё ещё буравя взглядом мой вырез, я повернулась к Мелиссе.

— Нужно поговорить. Что-то мне подсказывает, что вы скрыли очень важную деталь в прошлый раз.

Мелисса напряглась. Её пальцы, державшие карты, побелели.

— Мы сказали всё, что знаем, — тихо произнесла она.

— Нет, не всё, — я подалась вперёд, понижая голос. — Я знаю про Натаниэля. Про то, что он жив.

Логан и Мелисса переглянулись. Этот взгляд длился долю секунды, но я уловил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.